

ЛОГОС_

СОДЕРЖИТ
НЕПОПУЛЯРНЫЕ
МНЕНИЯ

Издается с 1991 года, выходит 6 раз в год
Учредитель — Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Главный редактор

Валерий Анашвили

Редактор-составитель

Олег Никифоров (Казус «Европа»)

Редакционная коллегия

Вячеслав Данилов

Дмитрий Кралечкин

Виталий Куренной (научный редактор)

Инна Кушнарева

Артем Морозов

Яков Охонько (ответственный секретарь)

Александр Павлов (шеф-редактор)

Александр Писарев

Артем Смирнов

Полина Ханова

Игорь Чубаров

Редакционный совет

Феликс Ажимов (председатель совета, Москва)

Петар Боянич (Белград)

Вадим Волков (Санкт-Петербург)

Борис Гройс (Нью-Йорк)

Борис Капустин (Москва)

Драган Куюнджич (Гейнсвилл)

Джон Ло (Милтон-Кинс)

Дейдра Макклоски (Чикаго)

Кристиан Меккель (Берлин)

Фритьоф Роди (Бохум)

Елена Рождественская (Москва)

Блэр Рубл (Вашингтон)

Грэм Харман (Лос-Анджелес)

Клаус Хельд (Вупперталь)

Юк Хуэй (Токио)

E-mail редакции: logosjournal@gmx.com

Сайт: <http://www.logosjournal.ru/>

Телеграм: <https://t.me/logosbook>

© Высшая школа экономики, 2024

<https://www.hse.ru/>

ТОМ 34

#2

2024

Выпускающий редактор *Елена Попова*

Дизайн *Сергей Зиновьев*

Верстка *Анастасия Меерсон*

Обложка *Владимир Вертинский*

Корректор *Мария Чернова*

Редактор сайта *Анна Лаврик*

ISSN 0869-5377

eISSN 2499-9628

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС 77-87043 от 26.03.2024

Публикуемые материалы прошли процедуру
рецензирования и экспертного отбора.

Журнал входит в перечень рецензируемых
научных изданий ВАК по специальностям
5.2.1, 5.7.1, 5.7.2, 5.7.4, 5.7.6, 5.7.7, 5.7.8

Подписной индекс 44761

в Объединенном каталоге «Пресса России»

Адрес редакции: 105066, Москва,
ул. Старая Басманная, 21/4

Адрес издателя и распространителя:
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Издательский дом Высшей школы экономики,
(495) 772-95-90 доб. 15298, e-mail: id@hse.ru

Тираж 600 экз.

LOGOS

PHILOSOPHICAL AND
LITERARY JOURNAL

Volume 34 · #2 · 2024

Published since 1991, frequency—six issues per year

Establisher — HSE University

EDITOR-IN-CHIEF *Valery Anashvili*

GUEST EDITOR *Oleg Nikiforov* (Casus “Europe”)

EDITORIAL BOARD: *Igor Chubarov, Vyacheslav Danilov, Polina Khanova, Dmitriy Kralechkin, Vitaly Kurennoy* (science editor), *Inna Kushnaryova, Artem Morozov, Yakov Okhonko* (executive secretary), *Alexander Pavlov* (managing editor), *Alexander Pisarev, Artem Smirnov*

EDITORIAL COUNCIL: *Felix Azhimov* (Council Chair, Moscow), *Petar Bojanić* (Belgrade), *Boris Groys* (New York), *Graham Harman* (Los Angeles), *Klaus Held* (Wuppertal), *Yuk Hui* (Tokyo), *Boris Kapustin* (Moscow), *Dragan Kujundzic* (Gainesville), *John Law* (Milton Keynes), *Deirdre McCloskey* (Chicago), *Christian Möckel* (Berlin), *Frithjof Rodi* (Bochum), *Elena Rozhdestvenskaya* (Moscow), *Blair Ruble* (Washington, DC), *Vadim Volkov* (St. Petersburg)

Executive editor *Elena Popova*; Design *Sergey Zinoviev*; Layout *Anastasia Meyerson*; Cover *Vladimir Vertinskiy*; Proofreader *Maria Chernova*; Website editor *Anna Lavrik*

E-mail: logosjournal@gmx.com

Website: <http://www.logosjournal.ru>

Telegram: <https://t.me/logosbook>

ISSN 0869-5377

eISSN 2499-9628

Registration certificate ПИ № ФС 77-87043 dated March 26, 2024

All published materials passed review and expert selection procedure

© HSE University, 2024 (<https://www.hse.ru/en/>)

Print run 600 copies

Содержание

КАЗУС «ЕВРОПА»

- 1 Эмманюэль Тодд. Десять сюрпризов войны
- 21 Джон Миршаймер. «Американцы — вот реальная проблема». Беседа с Лексом Фридманом
- 61 Хауке Ритц. «Европейская комиссия сейчас подобна ЦК КПСС». Беседа с журналом «Логос»
- 81 Хайке Эгнер, Анке Уленвинкель. Нападение на свободу науки
- 99 Роберто де Лапуэнте. Дело Ульрике Геро: попытки публичной казни

ИЛЬЕНКОВ

- 135 От редакции. Зачем Ильенков?
- 139 Анна Очкина. Философия и жизнь Эвальда Ильенкова
- 171 Рустем Вахитов. Идеальное в эпоху торжествующего мещанства. Историко-культурный контекст и актуальность философии Эвальда Ильенкова
- 195 Степан Межуев. По ту сторону утопии. Два взгляда на постиндустриальный труд

БУДУЩЕЕ

- 219 Дина Шулятьева. Время — вперед: необратимость события, аффект и нарративы будущего

ПРОШЛОЕ

- 235 Андрей Белых. Пушкин. Семья. Деньги
- 271 Олег Матвейчев. Третий Ренессанс или Новое Средневековье? Русский Серебряный век о Возрождении

КРИТИКА КРИТИКИ

- 287 Оксана Целищева. Синкретизм Ричарда Рорти: есть ли вообще «чистые» прагматисты
- 305 Игорь Джохадзе. Еще раз о философском синкретизме. Ответ Оксане Целищевой

Contents

CASUS “EUROPE”

- 1** EMMANUEL TODD. 10 Surprises of the War
- 21** JOHN MEARSHEIMER. “The Americans are a real problem”.
A conversation with Lex Fridman
- 61** HAUKE RITZ. “The European Commission is now like the Central
Committee of the Communist Party of the Soviet Union”.
A conversation with Logos Journal
- 81** HEIKE EGNER, ANKE UHLENWINKEL. An Attack on the
Freedom of Science
- 99** ROBERTO DE LAPUENTE. Ulrike Guérot’s Case: Public
Execution Attempts

ILYENKOV

- 135** Why Ilyenkov?
- 139** ANNA OCHKINA. Philosophy and Life of Evald Ilyenkov
- 171** RUSTEM VAKHITOV. Ideal in the Age of Triumphant Philistinism.
Historical and Cultural Context and the Relevance of the Evald
Ilyenkov’s Philosophy
- 195** STEPAN MEZHUYEV. Beyond the Utopia. Two Viewpoints
on Post-Industrial Labor

FUTURE

- 219** DINA SHULYATYEVA. Time, Forward: Irreversible Events, Affect,
and Future Narratives

PAST

- 235** ANDREY BELYKH. Pushkin. Family. Money
- 271** OLEG MATVEYCHEV. Third Renaissance or The New Middle
Ages? Russian Silver Age on the Renaissance

CRITIQUE OF CRITIQUE

- 287** OKSANA TSELISHCHEVA. Richard Rorty’s Syncretism: Are There
Any “Pure” Pragmatists at All
- 305** IGOR DZHOKHADZE. Once Again on Philosophical Syncretism.
The response to Oksana Tselishcheva

Десять сюрпризов войны

Эмманюэль Тодд

Национальный институт демографических исследований (INED),
Обервилье, Франция.

Ключевые слова: Россия; Украина; Запад; конфликт; национальное государство; кризис национального суверенитета; постимперия.

Статья посвящена неожиданностям, которые принесла с собой специальная военная операция России на Украине. Автор насчитывает десять таких обстоятельств: начало полномасштабной войны в Европе; фактическое столкновение России и США, несмотря на то что уже многие годы США считали своим противником Китай; ожесточенное военное сопротивление Украины, несмотря на ее состояние провалившегося государства; экономическая устойчивость России; полное подчинение стран Европейского Союза политической воле США; неожиданно активное участие Великобритании и скандинавских стран как самых главных оппонентов России в Европе; слабость американского военно-промышленного комплекса, неспособного обеспечить военные потребности Украины; идеологическое одиночество Запада, оставшегося без поддержки не только Китая, но и стран глобального Юга

и мусульманского мира. Последней неожиданностью, по мнению автора, станет грядущее поражение Запада. Оно станет следствием глубокого кризиса, в котором Запад находится. Этот кризис связан прежде всего с упадком идеи национального государства в его классическом виде. В случае США оно приняло форму постимперского государственного образования.

Таким образом, в рассматриваемом конфликте сталкиваются два менталитета. С одной стороны, стратегический реализм национальных государств, а с другой — постимперский менталитет. Ни один из менталитетов до конца не понимает другой. Россия не понимает, что Запад больше не состоит из национальных государств, а Запад стал невосприимчив к идее национального суверенитета. Однако эта асимметрия работает в пользу России, так как ее ставки в данном конфликте носят экзистенциальный характер.

24 **Ф**ЕВРАЛЯ 2022 года Владимир Путин появился на телевизионных экранах всего мира. Он объявил о вводе российских войск на территорию Украины. Его речь не была посвящена Украине или праву народа Донбасса на самоопределение. Это был вызов, брошенный НАТО. Путин объяснил, почему он не хочет, чтобы Россию, слишком долго прождавшую неизбежного нападения, застали врасплох, как в 1941 году:

Дальнейшее расширение инфраструктуры Североатлантического альянса, начавшееся военное освоение территорий Украины для нас неприемлемы¹.

Красная черта была перейдена; не могло быть и речи о том, чтобы позволить создать на Украине «анти-Россию»; Путин настаивал на том, что это вопрос самообороны.

Утверждая историческую и, так сказать, юридическую обоснованность такого решения, эта речь с жестоким реализмом раскрывала технический баланс сил, благоприятный для России. Если для России настало время действовать, то потому только, что обладание гиперзвуковыми ракетами давало ей стратегическое превосходство. Речь Путина, очень хорошо выстроенная, очень спокойная, хотя и выдававшая некоторую эмоциональность, была предельно ясной и заслуживала если не немедленных уступок, то хотя бы обсуждения. Тем не менее моментально сложилось мнение, что Путина невозможно понять, россияне же в целом либо слишком загадочны, либо слишком покорны, либо просто не в себе. После этого — что стало позором для западной демократии — любые дебаты прекратились: в двух странах, Франции и Великобритании, они прекратились полностью, в Германии и США — относительно.

Перевод с французского *Инны Кушнаревой*.

1. Путин В. В. Обращение Президента Российской Федерации // Президент России. 24.02.2022. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67843>.

Как и большинство войн, особенно мировых, эта война² пошла не по плану и уже преподнесла нам немало сюрпризов. Я насчитал десять основных.

Первый — это начало войны в Европе, настоящей войны между двумя государствами, беспрецедентное событие для континента, уверенного, что на нем установился вечный мир.

Второй заключался в том, какие противники столкнулись в этой войне: ими оказались США и Россия. Более десятка лет Америка считала Китай своим главным врагом. В Вашингтоне отношение к Китаю было враждебным независимо от партийной принадлежности и было, пожалуй, единственным пунктом, по которому республиканцы и демократы смогли договориться в последние годы. Но теперь при посредстве украинцев мы участвуем в конфронтации между Соединенными Штатами и Россией.

Третий сюрприз — военное сопротивление Украины. Все ожидали, что оно будет быстро подавлено, поскольку многие на Западе, опираясь на инфантильно-карикатурный образ демонического Путина, отказывались видеть, что Россия направила в Украину, страну с территорией 603,5 тыс. км², всего около 100–120 тыс. военнослужащих. Для сравнения: в 1968 году для вторжения в Чехословакию, страну, чья территория составляла 128 тыс. км², СССР и его союзники по Варшавскому договору направили 500 тыс. человек.

Причем больше всех этому удивились сами россияне. В их понимании, как и в понимании большинства осведомленных западных граждан (и как, что греха таить, оно и было на самом деле), Украина была тем, что технически называется *failed state*, несостоявшимся государством. С момента получения независимости в 1991 году она потеряла около 11 млн жителей из-за эмиграции и снижения рождаемости. Страной управляли олигархи, коррупция достигла запредельных масштабов, казалось, что страна и ее жители были выставлены на продажу. Накануне войны Украина стала землей обетованной для дешевого суррогатного материнства.

Конечно, Североатлантический альянс оснастил Украину противотанковыми ракетными комплексами *Javelin*, и в ее рас-

2. Имеется в виду специальная военная операция России на Украине. Здесь и далее сохранено используемое автором привычное для западного медиаполя обозначение военных действий на территории Украины, происходящих с февраля 2022 года. — Прим. ред.

поражении с самого начала войны были американские системы наблюдения и наведения, но ожесточенное сопротивление страны, находящейся в состоянии распада, стало историческим сюрпризом. Никто не мог предвидеть, что в войне она найдет смысл жизни, оправдание собственного существования.

Четвертым сюрпризом стала экономическая устойчивость России. Нам заявляли, что санкции, в частности отключение российских банков от системы межбанковского обмена *SWIFT*, поставят страну на колени. Но если бы некоторые пытливые умы из числа наших политиков и журналистов нашли время прочесть книгу Давида Тёртри «Россия. Возвращение могущества», вышедшую за несколько месяцев до войны, они бы избавились от этой нелепой веры в наше финансовое всемогущество³. Тёртри показывает, что русские адаптировались к санкциям 2014 года и были готовы к автономности в сфере информационных технологий и банковского дела. В этой книге перед нами предстает современная Россия, которая, будучи далека от той косной неосталинистской автократии, которую нам изо дня в день рисует пресса, способна на большую техническую, экономическую и социальную гибкость, — одним словом, противник, которого следует воспринимать всерьез.

Пятый сюрприз — крах какой бы то ни было воли у Европы. Изначально Европа представляла собой пару Франции и Германии, которая после кризиса 2007–2008 годов, по общему признанию, стала походить на патриархальную семью, в которой Германия в роли деспотического мужа больше не прислушивается к мнению своего партнера. Однако считалось, что даже в условиях немецкой гегемонии Европа сохраняет определенную независимость. Несмотря на некоторые первоначальные сомнения немецкой стороны, включая колебания канцлера Шольца, Европейский союз очень быстро отказался от желания защищать свои собственные интересы; он порвал отношения со своим энергетическим и (в более широком смысле) торговым партнером, которым была Россия, все более жестко наказывая себя.

Германия безропотно смирилась с диверсией на газопроводе «Северный поток», от которого в значительной мере зависело ее энергоснабжение, — смирилась с террористическим актом, направленным против нее в той же мере, что и против России,

3. *Teurtrie D. Russie: Le retour de la puissance. P.: Dunod, 2021.*

и совершенным ее американским «защитником» при посредстве Норвегии, страны, не являющейся членом Европейского союза. Германия даже умудрилась проигнорировать превосходное исследование этого невероятного события, проведенное Сеймуром Хёршем⁴, в котором виновником признается государство, выдающее себя за незаменимого гаранта международного порядка. Но мы также стали свидетелями того, как Франция Эммануэля Макрона исчезла с международной арены, а Польша стала главным агентом Вашингтона в Европейском союзе, сменив в этой роли Великобританию, которая из-за Брексита перестала быть его членом.

В целом на континенте ось Париж-Берлин сменилась осью Лондон-Варшава-Киев, управляемой из Вашингтона. Это исчезновение Европы как самостоятельного геополитического игрока вызывает недоумение, если вспомнить, что всего двадцать лет назад общее противодействие Германии и Франции войне в Ираке приводило к совместным пресс-конференциям канцлера Шрёдера, президента Ширака и президента Путина.

Шестой неожиданностью войны стало то, что от имени НАТО Россию активнее всего принялась обличать Великобритания. Расстиражированные западной прессой заявления Министерства обороны страны сделали его одним из самых возбужденных комментаторов конфликта — в такой степени, что американские неоконны на его фоне стали выглядеть умеренными милитаристами. Великобритания первой вызвалась отправить на Украину ракеты дальнего радиуса действия и тяжелые танки.

Странным образом эта воинственность затронула Скандинавию, которая долгое время отличалась пацифистским темпераментом и была склонна скорее к нейтралитету, чем к войне. Таким образом, мы обнаруживаем *седьмой сюрприз* в Северной Европе — как и британская лихорадка, он протестантского происхождения. Норвегия и Дания — основные военные посредники США, как и Финляндия и Швеция, примкнувшие к НАТО, — проявляют новый интерес к войне, который, как мы увидим, возник еще до российского вторжения на Украину.

Восьмой сюрприз самый удивительный. Он исходит от Соединенных Штатов — ведущей военной державы. Постепенно нарастая, обеспокоенность определенного рода нашла наконец в июне

4. Hersh S. How America Took Out The Nord Stream Pipeline // Seymour Hersh. 08.02.2023. URL: <https://seymourhersh.substack.com/p/how-america-took-out-the-nord-stream>.

2023 года официальное отражение в многочисленных докладах и статьях, источником которых был Пентагон: военная промышленность США испытывает дефицит; мировая сверхдержава не в состоянии обеспечить своего украинского протектора — да и много чем еще. Это совершенно удивительное явление, если учесть, что накануне войны совокупный валовой внутренний продукт (ВВП) России и Беларуси составлял 3,3% от ВВП Запада (США, Канада, Европа, Япония, Южная Корея). Эти 3,3%, позволяющие произвести больше оружия, чем весь западный мир, ставят двойную проблему: во-первых, для украинской армии, которая проигрывает войну из-за нехватки материальных ресурсов, а во-вторых, для западной «царицы наук», политэкономии, чья, мягко говоря, фиктивная природа таким образом открылась всему миру. Концепция валового внутреннего продукта устарела, и теперь нам нужно задуматься о том, какое отношение неолиберальная политэкономия имеет к реальности.

Девятым сюрпризом стало идеологическое одиночество Запада и то, что он не подозревал о своей изоляции. Привыкнув диктовать то, каким ценностям должен следовать весь мир, Запад искренне и простодушно ожидал, что вся планета разделит их негодование по поводу России. Однако его ожидания не оправдались. Как только первоначальный шок от войны прошел, повсюду стала проявляться все более активная поддержка России. Можно было предположить, что Китай, которого американцы назначили следующим противником в своем списке, не поддержит НАТО. Отметим тем не менее, что по обе стороны Атлантики комментаторы, ослепленные своим идеологическим нарциссизмом, более года умудрялись всерьез думать о том, что Китай может не поддержать Россию. Отказ Индии от вмешательства в конфликт был еще более разочаровывающим, по-видимому, потому, что Индия — самая большая демократия в мире, и потому получается, что в лагере либеральных демократий наблюдается некоторый разброд. Запад успокаивал себя тем, что индийское вооружение в основном советского производства.

В случае Ирана, очень быстро поставившего России беспилотники, комментаторы, обычно занимающиеся сиюминутными новостями, не смогли оценить важность такого сближения. Привыкшие помещать эти две страны на одну доску — сил зла, геополитики-любители из числа журналистов и не только забыли о том, насколько этот союз неочевиден. Исторически у Ирана было два врага: Британия, которую после падения Британской империи сменили Соединенные Штаты, и... Россия. Такой поворот должен

был стать тревожным сигналом о масштабах происходящих геополитических потрясений.

Турция, член НАТО, со своей стороны, похоже, вовлекается во все более тесные отношения с Россией, в которых подлинное взаимопонимание сочетается с соперничеством в акватории Черного моря. С точки зрения Запада это можно истолковать только через общие устремления, которые должны объединять двух братьев-диктаторов. Но с тех пор как в мае 2023 года Эрдоган был переизбран демократическим путем, придерживаться этой линии стало трудно.

Фактически после полутора лет войны весь мусульманский мир, похоже, рассматривает Россию как партнера, а не как соперника. Становится все более очевидно, что Саудовская Аравия и Россия видят друг в друге экономических партнеров, а не идеологических противников, когда заходит речь о регулировании добычи нефти и цен на нее. В целом экономическая динамика войны день ото дня усиливает в развивающихся странах враждебность к Западу, поскольку они страдают от санкций.

Десятый и последний сюрприз готов вот-вот воплотиться в жизнь. Это поражение Запада. Такое заявление может показаться неожиданностью, ведь война еще не закончилась. Но это поражение неминуемо, потому что это не Россия атакует Запад, а Запад разрушает сам себя.

Посмотрим из более широкой перспективы и на мгновение отвлечемся от эмоций, которые закономерно вызывает насилие, связанное с войной. Мы живем в эпоху свершившейся глобализации — в обоих смыслах этого слова: максимальной и завершенной. Попробуем взглянуть на ситуацию с геополитической точки зрения: в действительности Россия не является главной проблемой. Слишком большая для сокращающегося населения она не способна взять под свой контроль планету, да и не стремится к этому; это обычная страна, в чьей эволюции нет ничего загадочного. Никакой российский кризис не дестабилизирует глобальное равновесие. Это кризис Запада, а точнее, терминальный американский кризис, ставит под угрозу равновесие на планете. Самые периферийные его волны захлестывают российское классическое, консервативное национальное государство.

* * *

3 марта 2022 года, спустя всего неделю после начала войны, Джон Миршаймер, профессор геополитики Чикагского университета,

представил анализ событий в видеоролике, обошедшем весь мир⁵. Его любопытным отличием было то, что он вполне соответствовал видению Владимира Путина и принимал за аксиому то, что Россия мыслит умно и понятно. Миршаймер известен в геополитике как реалист, представитель школы мысли, которая рассматривает международные отношения как сочетание эгоистических силовых отношений между национальными государствами. Его анализ можно резюмировать следующим образом: Россия много лет говорила нам, что не потерпит вступления Украины в НАТО. Но Украина, чья армия была взята под контроль военными советниками из Североатлантического альянса — американскими, британскими и польскими, — де-факто превращалась в члена НАТО. То есть русские сделали то, что обещали — вступили в войну. В конце концов, удивительнее всего само наше удивление.

Миршаймер добавил, что Россия выиграет войну, потому что для нее Украина — экзистенциальная проблема, а для США нет; Вашингтон лишь играет ради выгоды на периферии, на удалении 8 тыс. км. Он делает вывод, что нам не следует радоваться, если русские столкнутся с военными трудностями, поскольку это неизбежно заставит их еще больше вкладываться в войну. Поскольку у одних ставки экзистенциальные, а у других нет, Россия победит.

Мы можем только восхищаться интеллектуальной и публичной смелостью Миршаймера (он американец). Однако его интерпретация, ясная и продолжающая линию размышлений, которую он высказывал в своих книгах и в связи с аннексией Крыма в 2014 году, имеет один существенный недостаток: она позволяет нам понять только поведение русских. Подобно нашим экзегетам в телевизионных студиях, которые не увидели в поведении Путина ничего, кроме убийственного безумия, Миршаймер не видит в действиях НАТО — американцев, британцев и украинцев — ничего, кроме иррациональности и безответственности. Я с ним согласен, но это еще не все. Нам еще предстоит объяснить эту западную иррациональность. Более того, Миршаймер не понял, что военные успехи Украины, как ни парадоксально, заманили Соединенные Штаты в ловушку. Перед ними теперь тоже стоит проблема выживания, выходящая далеко за рамки возможного косвенного выигрыша: это опасная ситуация, которая заставляет их все больше и больше вкладываться в войну. Мне приходит в голову аналогия с игроком в покер, которого приятель уговаривает по-

5. *Mearsheimer J., McGovern R. Putin's Invasion of Ukraine* Salon // YouTube: Committee for the Republic. 04.03.2022. URL: https://youtu.be/ppD_bhWODDc.

стоянно поднимать ставки: в итоге тот открывает карты, имея на руках пару двоек. Перед ним же сидит озадаченный собственной победой соперник.

Ниже я, собственно, буду описывать и попытаюсь понять то, что происходит на Украине, и выдвину гипотезы о том, что может произойти не только в Европе, но и во всем мире. Моя цель также состоит в том, чтобы разгадать фундаментальную загадку взаимного непонимания двух протагонистов: с одной стороны, западного лагеря, который считает Путина, а вместе с ним и Россию, сумасшедшими; с другой стороны, России или Миршаймера, которые в глубине души считают, что это Запад сошел с ума.

Путин и Миршаймер не принадлежат к одному лагерю, и им, несомненно, было бы очень трудно договориться об общих ценностях. Если же их взгляды все-таки совместимы, то потому, что они разделяют одно и то же базовое представление о том, что мир состоит из национальных государств. Эти национальные государства, обладающие монополией на легитимное насилие, обеспечивают гражданский мир в пределах своих границ. Поэтому мы можем говорить о веберовских государствах. Но вовне, поскольку они живут в среде, где имеет значение только баланс сил, эти государства ведут себя как гоббсовские субъекты⁶.

Лучше всего российскую концепцию национального государства определяет понятие суверенитета,

... рассматриваемого, — пишет Татьяна Кастуева-Жан, — как способность государства самостоятельно определять свою внутреннюю и внешнюю политику, без какого-либо внешнего вмешательства или влияния⁷.

Это понятие

... приобрело особую значимость в период нескольких президентских сроков Владимира Путина... [и] упоминается в многочисленных официальных документах и выступлениях как самое ценное достояние, которым обладает страна, независимо от ее режима и политической ориентации. <...> [Это] редкое достояние, которым располагают немногие государства, прежде всего Соединенные Штаты, Китай и, собственно, Россия.

6. Макс Вебер определяет государство через его монополию на легитимное насилие; Томас Гоббс представляет естественное состояние как войну всех против всех.

7. *Kastoueva-Jean T. La souveraineté nationale dans la vision russe // Revue Défense Nationale. 2022. № 848. P. 26–31.*

При этом в сугубо официальных документах и речах с презрением говорится о «вассальной зависимости» стран Европейского союза от Вашингтона, а Украина описывается как «американский „протекторат“».

В книге «Великая делюзия», опубликованной в 2018 году, Миршаймер также размышляет в категориях национальных государств и суверенитета. Для него национальное государство — это не просто абстрактные государство или нация⁸. Да, это государство и нация, но укорененные в культуре и обладающие общими ценностями. Такое видение, по сути дела, традиционное и учитывающее антропологическую и историческую глубину мира, вброшено в этой книге, если так можно выразиться, в аксиоматическом режиме.

Аксиома, или постулат, характеризуется тем, что из нее можно вывести теоремы, но сама она не может быть доказана. Однако она настолько правдоподобна, что ее можно принять как данность. Возьмем пятый постулат Евклида: через данную точку может проходить только одна прямая, параллельная данной прямой. Это недоказуемо, и постевклидова математика, вместе с Риманом и Лобачевским, исходила из другой аксиомы. Но в любом случае с точки зрения здравого смысла пятый постулат Евклида выглядит очень убедительно. Точно так же утверждение о том, что существуют национальные государства, основанные на различных культурах, — это аксиома, которая, даже если она повторяется в несколько догматической манере, как у Миршаймера, обладает высокой степенью правдоподобия. В конце концов, мир, возникший во второй половине XX века после великих волн деколонизации, состоял из государств, которые прежде всего хотели стать национальными государствами. Достаточно взглянуть на состав ООН, чтобы убедиться в этом.

Эта аксиома создает проблему: она ослепляет Миршаймера так же, как и русских; она ставит их по отношению к западным правительствам в позицию непонимания, симметричную той, в которой Запад находится по отношению к России. В своем выступлении 24 февраля 2022 года Путин назвал Америку и ее союзников империей лжи — наименование, далекое от стратегического реализма и ассоциирующееся с противником, впадшим в непонятное психическое состояние. Что касается Миршаймера, то слово «делюзия» в названии его книги более сильное, чем «иллюзия»,

8. *Mearsheimer J.J. Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities.* New Haven, CT: Yale University Press, 2018.

и отсылает к психозу или неврозу. Подзаголовок книги — «Либеральные мечты и международная реальность». Американский проект «либеральной» экспансии представлен как мечта, а перед лицом этой мечты существует реальность, голосом которой выступает Миршаймер. Он обращается с неоконсерваторами, которые в конце концов возобладали в американском геополитическом истеблишменте, так же, как мы обращаемся с Путиным: он их «психиатризирует».

То, что Путин, будучи практиком международных отношений, описывает как империю лжи, но чему не дает полного определения, и то, что Миршаймер как теоретик международных отношений категорически отказывается видеть, — очень простая истина: на Западе больше не существует национального государства.

Здесь я предлагаю постевклидову интерпретацию мировой геополитики. Она не принимает как данность аксиому о существовании мира национальных государств. Напротив, используя гипотезу об их исчезновении на Западе, она позволяет объяснить поведение Запада.

* * *

Концепция национального государства предполагает, что различные слои населения на данной территории принадлежат к одной культуре независимо от того, в какой политической системе они находятся: демократической, олигархической, авторитарной или тоталитарной. Применение этой концепции также требует, чтобы данная территория обладала минимальной степенью экономической автономии; эта автономия, конечно же, не исключает торговых обменов, но эти обмены в среднесрочной или долгосрочной перспективе должны быть более или менее сбалансированными. Систематический дефицит торгового баланса делает концепцию национального государства устаревшей, поскольку данное территориальное образование может выжить, только собирая дань или получая подачки извне, не отдавая ничего взамен. Уже один этот критерий позволяет нам утверждать, что Франция, Великобритания и Соединенные Штаты, чья внешняя торговля никогда не бывает сбалансированной, а всегда имеет дефицит торгового баланса, больше не являются полноценными национальными государствами.

Нормально функционирующее национальное государство также предполагает наличие определенной классовой структуры, в центре которой находится средний класс, что означает нечто большее, чем просто хорошее взаимопонимание между правя-

щей элитой и массами. Конкретизируем и поместим социальные группы в географическое пространство. В истории человеческих обществ средний класс наряду с другими группами образует городскую сеть. Именно благодаря конкретной городской иерархии, населенной образованным и дифференцированным средним классом, может возникнуть государство, нервная система нации. Запоздалое, неравномерное и трагическое развитие городского среднего класса в Восточной Европе является главным объясняющим фактором ее истории вплоть до войны на Украине. Мы также увидим, как уничтожение среднего класса способствовало дезинтеграции американского национального государства.

Идея национального государства, которое может функционировать только благодаря сильному среднему классу, орошающему и питающему это государство, очень напоминает устойчивую политику Аристотеля. Вот как Аристотель говорит о среднем классе в своей «Политике»:

Законодатель должен при создании того или иного государственного устройства постоянно привлекать к себе средних граждан: если он будет издавать законы олигархического характера, он должен иметь в виду средних; если законы в демократическом духе, он должен приучать к ним средних. Только там, где в составе населения средние имеют перевес либо над обеими крайностями, либо над одной из них, государственный строй может рассчитывать на устойчивость; не может быть опасения, что богатые, войдя в соглашение с бедными, ополчатся на средних: никогда ни те ни другие не согласятся быть рабами друг друга; если же они будут стремиться создать такое положение, какое удовлетворяло бы и тех и других, то им не найти никакого иного государственного устройства, помимо среднего. Править по очереди они не согласились бы из-за недоверия друг к другу. Между тем посредники пользуются повсюду наибольшим доверием, а посредниками и являются в данном случае люди средние⁹.

Продолжим, не претендуя на оригинальность, наш перечень понятий, артикуляция которых обеспечивает само существование национального государства. Без национального сознания по определению не может быть национального государства, но здесь мы рискуем впасть в тавтологию.

В случае с Европейским союзом преодоление нации довольно легко допустить, поскольку оно лежит в основе его замысла, даже

9. Аристотель. Политика // Собр. соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С. 511.

если он принял иную форму, чем предполагалось. Любопытно притязание европейских элит на то, чтобы одновременно и преодолеть нацию, и сохранить ее. В случае США никакого официального преодоления нации не планировалось. Однако, как мы увидим, американская система, хотя ей удалось подчинить себе Европу, самопроизвольно заболела той же болезнью, что и Европа: исчезновением национальной культуры, которая бы объединяла массы и правящий класс. Постепенное разрушение культуры белых англосаксонских протестантов (*White Anglo-Saxon Protestants, WASP*) начиная с 1960-х годов привело к образованию империи, лишенной центра и проекта, по сути дела, военного организма, возглавляемого группой, не имеющей культуры (в антропологическом смысле), единственными фундаментальными ценностями которой являются власть и насилие. Эту группу принято называть неоконами. Это довольно узкая группа, но она действует в рамках атомизированного, аномичного высшего класса и обладает огромным потенциалом для нанесения геополитического и исторического ущерба.

Социальная эволюция в западных странах привела к сложным отношениям элиты с реальностью. Но мы не можем довольствоваться тем, чтобы просто классифицировать постнациональные действия как безумные или непонятные; у этих явлений есть своя логика. Это другой мир, новое ментальное пространство, которое мы должны определить, изучить и понять.

Давайте вернемся к Миршаймеру и его знаменательному видео от 3 марта 2022 года. В нем, как я уже сказал, он предсказал неизбежную победу русских, потому что для них украинский вопрос является экзистенциальным, тогда как для Соединенных Штатов нет. Но если отказаться от идеи, что Соединенные Штаты — это национальное государство, и признать, что американская система стала чем-то совсем другим, что американский уровень жизни зависит от импорта, который больше не покрывается экспортом; что в Америке больше нет национального правящего класса в традиционном понимании; что у нее больше нет даже четко очерченной основной культуры, но все еще есть гигантская государственная и военная машина — можно помыслить и другие проблемы, помимо отступления национального государства, которое после ухода из Вьетнама, Ирака и Афганистана смирится и с очередным поражением на Украине.

Не следует ли рассматривать Соединенные Штаты как имперское, а не как национальное государство? Многие так делают. Сами русские охотно этим занимались. То, что они называют

коллективным Западом, где европейцы — лишь вассалы, похоже на плюралистическую имперскую систему. Но использование понятия *империи* требует соблюдения определенных критериев: должны быть господствующий центр и подчиненная ему периферия. Предполагается, что центр обладает общей элитарной культурой и разумной интеллектуальной жизнью. Как мы увидим, в Соединенных Штатах этого уже нет.

Может быть, *поздняя империя*? Провести параллель между Соединенными Штатами и античным Римом очень соблазнительно. В книге «После империи» я отметил, что Рим, установив контроль над всем Средиземноморским бассейном и устроив своего рода первую *глобализацию*, также уничтожил свой средний класс¹⁰. Крупные поставки пшеницы, ремесленных товаров и рабов в Италию привели к уничтожению крестьянства и ремесленников примерно так же, как наплыв дешевых китайских товаров нанес удар по американскому рабочему классу. В обоих случаях, если немного сгустить краски, можно говорить о том, что возникло общество, поляризованное между экономически бесполезным плебсом и хищнической плутократией. Путь к долговому декадансу был проложен и, несмотря на несколько поворотов, неизбежен.

Термин «поздняя империя» тем не менее неудовлетворителен из-за того, что есть множество новых факторов: существование интернета, (беспрецедентная) скорость перемен и наличие вокруг США гигантских национальных государств — России и Китая (у Римской империи не было соседей, сопоставимых с ней по силе, кроме далекой Персии, Римская империя была практически одинока в своем мире). И, наконец, фундаментальное отличие: в поздней Римской империи было учреждено христианство. Тогда как к важнейшим характеристикам нашей эпохи относится полное исчезновение христианского субстрата — важнейший исторический феномен, который как раз и объясняет распад американского правящего класса. Мы еще вернемся к этому: протестантизм, во многом обеспечивший экономическую мощь Запада, мертв. Явление это столь же масштабное, сколь и невидимое, даже головокружительное; если вдуматься, мы поймем, что оно является одним из ключей, если не решающим объяснительным ключом, к нынешней глобальной турбулентности.

10. Todd E. *Après l'empire. Essai sur la décomposition du système américain*. P.: Gallimard, 2002; см. переиздание 2004 года в серии *Folio actuel* с ранее не опубликованным послесловием автора.

Возвращаясь к нашей попытке классификации, я склонен говорить о Соединенных Штатах и зависимых от них территориях как о *постимперском* государстве: хотя Америка сохранила военную машину империи, в ее сердце больше нет интеллектуальной культуры, поэтому на практике она потворствует непродуманным и противоречивым действиям, таким как дипломатическая и военная экспансия в период массового сокращения ее промышленной базы, если учесть, что современная война без промышленности — это оксюморон.

Я наблюдаю за развитием событий в Соединенных Штатах с 2002 года, когда вышла книга «После империи». В то время я надеялся, что они вернуться к форме гигантского национального государства, каким были в своей позитивной имперской фазе 1945–1990 годов в период противостояния СССР. Сегодня, утверждая, что протестантизм мертв, я вынужден признать, что это возрождение невозможно, что, по сути, лишь подтверждает достаточно общий исторический феномен: необратимость большинства фундаментальных процессов. Этот принцип применим к нескольким важнейшим областям: к последовательности «национальный — имперский — постимперский этап»; к отмиранию религии, которое в конечном итоге привело к исчезновению общественной морали и коллективных чувств; к процессу центробежной географической экспансии в сочетании с распадом первоначального ядра системы. Рост смертности в Америке, особенно во внутренних республиканских, или «трампиистских», штатах, в тот момент, когда сотни миллиардов долларов утекают в Киев, — характерный признак этого процесса.

В книгах «Окончательное падение» (1976) и «После империи», в которых я рассуждал о грядущих системных коллапсах, я использовал рационализирующие репрезентации человеческой истории и деятельности государств¹¹. Например, в «После империи» я толковал дипломатическую и военную ажитацию Соединенных Штатов как «театральный микромилитаризм», позицию, призванную разумной ценой создать впечатление, что Америка остается незаменимой для мира после распада Советского Союза. В сущности, я приписывал США цели рациональной державы в терминах классической геополитики: уровень жизни, сила доллара, механизмы эксплуатации, объективное соотношение военных сил, то есть предполагаю внешне более или менее рациональный уни-

11. *Idem*. La Chute finale. Essai sur la décomposition de la sphère soviétique. P.: Robert Laffont, 1990 (1976).

версум. Подробно рассматривая вопрос об американском уровне жизни и риске, которому он подвергнется в случае системного коллапса, я отказываюсь от исключительной гипотезы о разумной рациональности и предлагаю более широкое видение геополитики и истории, в которое лучше встраиваются сугубо иррациональные моменты, имеющиеся в человеке, в частности его духовные потребности.

Внимания заслуживает также религиозная матрица обществ; ответы, при помощи которых человек пытался разгадать свою судьбу и свою природу, с которой ему так трудно смириться; страдания, которые может вызвать окончательный распад христианской религиозной матрицы на Западе, в особенности ее протестантского варианта. Не все последствия этих процессов носят негативный характер, мы далеки от радикального пессимизма. Но мы видим рождение нигилизма, который нас чрезвычайно занимает. То, что я называю нулевым религиозным состоянием, в некоторых, самых худших, случаях приводит к обожествлению пустоты.

Слово «нигилизм» я употребляю не в самом распространенном значении, которое (и это неслучайно) больше напоминает о русском нигилизме XIX века. Именно на почве нигилизма сошлись Америка и Украина, даже если динамика, породившая эти виды нигилизма, была разной. Нигилизм, как я его понимаю, имеет два фундаментальных измерения. Прежде всего бросается в глаза его физическое измерение: призыв к уничтожению вещей и людей, порой очень полезное понятие при изучении войны. Второе измерение — концептуальное, но не менее существенное, особенно когда мы задумываемся о судьбе обществ, об обратимом или необратимом характере их упадка: в этом случае нигилизм означает непреодолимую тягу к уничтожению самого понятия истины, исключению любого разумного описания мира. В каком-то смысле это второе измерение согласуется с наиболее распространенным пониманием этого слова, определяющим нигилизм как аморализм, проистекающий из отсутствия ценностей. Будучи по темпераменту ученым, я испытываю затруднения с различением двух пар, которые составляют добро и зло, истину и ложь; на мой взгляд, эти концептуальные пары смешиваются.

* * *

Таким образом, наблюдается столкновение двух ментальностей: с одной стороны, стратегический реализм национальных государств, а с другой — постимперство, эманация распадающейся

империи. Ни та ни другая не отражает реальность в полной мере, поскольку первая не смогла понять, что Запад больше не состоит из национальных государств, что он стал чем-то другим; а вторая перестала воспринимать идею национального суверенитета. Но их понимание реальности не равнозначно, и эта асимметрия играет в пользу России.

Как показал Адам Фергюсон, представитель шотландского Просвещения, в своих «Опытах по истории гражданского общества» (1767), группы людей существуют не сами по себе, а всегда в связи с другими равноценными человеческими группами. На самом крошечном и отдаленном острове, пишет Фергюсон, если он хотя бы чуть-чуть обитаем, всегда найдутся две группы людей, противостоящие друг другу. Плюрализм социальных систем является частью самой человеческой природы, и эти системы организуются в противостоянии друг с другом. Фергюсон писал:

Понятия «сограждане», «земляки», не будучи противопоставлены понятиям «чужаки», «иноземцы»... вышли бы из употребления и утратили всякий смысл. Отдельных людей мы любим за их личные качества; страну же нашу мы любим, так как она составляющая часть человечества¹².

Возникновение Франции и Англии — прекрасная иллюстрация к этому тезису. В Средние века эти два государственных образования должны были самоопределяться друг относительно друга. Затем для нас, французов, замещающим противником стала Германия, которая также, хотя об этом забывают, оказалась главным соперником Англии накануне войны 1914 года.

Один из ключевых тезисов Фергюсона заключается в том, что мораль внутри общества связана с его аморальностью вовне. Именно враждебность к другой группе порождает солидарность с собственной.

Без соперничества наций и военных упражнений гражданское общество едва ли оформилось бы, обрело цель существования. <...> тщетно было бы надеяться, что мы сможем внести в народные массы чувство единения, не подтвердив враждебности к оппонентам. Если бы мы могли взять и истребить в какой-либо нации чувство неприязни к иностранцам, тем самым мы, вероятно,

12. Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества. М.: РОССПЭН, 2000. С. 57–58.

разорвали или ослабили бы сплывающие ее внутренние узы и вычеркнули бы из национальной истории самые бурные массовые сцены и излияния чувств¹³.

Нынешняя западная система стремится репрезентировать всю полноту мира и больше не признает существования другого. Но урок Фергюсона заключается в том, что, если мы больше не признаем существование легитимного другого, мы перестанем существовать сами. Сила России же заключается в ее способности мыслить в категориях суверенитета и равноценности наций: принимая во внимание существование враждебных сил, она может обеспечивать свою социальную сплоченность.

Библиография

- Аристотель. Политика // Собр. соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4.
- Путин В. В. Обращение Президента Российской Федерации // Президент России. 24.02.2022. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67843>.
- Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества. М.: РОССПЭН, 2000.
- Hersh S. How America Took Out The Nord Stream Pipeline // Seymour Hersh. 08.02.2023. URL: <https://seymourhersh.substack.com/p/how-america-took-out-the-nord-stream>.
- Kastoueva-Jean T. La souveraineté nationale dans la vision russe // Revue Défense Nationale. 2022. № 848. P. 26–31.
- Mearsheimer J. J. Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities. New Haven, CT: Yale University Press, 2018.
- Mearsheimer J., McGovern R. Putin's Invasion of Ukraine Salon // YouTube: Committee for the Republic. 04.03.2022. URL: https://youtu.be/ppD_bhWODDc.
- Teurtrie D. Russie: Le retour de la puissance. P.: Dunod, 2021.
- Todd E. Après l'empire. Essai sur la décomposition du système américain. P.: Gallimard, 2002.
- Todd E. La Chute finale. Essai sur la décomposition de la sphère soviétique. P.: Robert Laffont, 1990 (1976).
- Todd E., Touverey B. La défaite de l'occident. P.: Gallimard, 2024.

13. Там же. С. 61–62.

10 SURPRISES OF THE WAR

EMMANUEL TODD. French Institute for Demographic Studies (INED), Aubervilliers, France.

Keywords: Russia; Ukraine; the West; conflict; nation-state; crisis of national sovereignty; post-empire.

This article is dedicated to the surprises that Russia's Special Military Operation in Ukraine brought with it. The author counts ten such circumstances: the beginning of a full-scale war in Europe; the actual clash between Russia and the United States, despite the fact that for many years the United States considered China its enemy; fierce military resistance of Ukraine, despite its state of a failed state; Russia's economic stability; the complete submission of the European Union countries to the political will of the United States; the unexpectedly active involvement of Great Britain and the Scandinavian countries as Russia's major opponents in Europe; the weakness of the American military-industrial complex, unable to meet the military needs of Ukraine; the ideological loneliness of the West, whom not only China, but also the countries of the global South and the Muslim world refused to unconditionally support. The last surprise, according to the author, will be the impending defeat of the West. It will be a consequence of the its deep ongoing crisis. This crisis is primarily caused by the decline of the idea of the nation state in its classical form. In the case of the United States, it took the form of a post-imperial state formation.

Thus, two mentalities collide in this conflict. On the one hand, the strategic realism of nation state, and on the other, the post-imperial mentality. Neither mentality fully understands the other. Russia does not understand that the West no longer consists of nation states, and the West has become immune to the idea of national sovereignty. However, this asymmetry works in Russia's favor, since its stakes in this conflict are existential.

DOI: 10.17323/0869-5377-2024-2-1-18

References

- Aristotle *Politika* [Politics]. *Sobranie sochinenii: V 4 tomakh* [Collected works: In 4 volumes], Moscow, Mysl', 1984, vol. 4.
- Ferguson A. *Opyt istorii grazhdanskogo obshchestva* [An Essay on the History of Civil Society], Moscow, ROSSPEN, 2000.
- Hersh S. How America Took Out The Nord Stream Pipeline. *Seymour Hersh*, February 08, 2023. 08.02.2023. Available at: <https://seymourhersh.substack.com/p/how-america-took-out-the-nord-stream>.
- Kastoueva-Jean T. La souveraineté nationale dans la vision russe. *Revue Défense Nationale*, 2022, no. 848, pp. 26–31.
- Mearsheimer J. J. *Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities*, New Haven, CT, Yale University Press, 2018.
- Mearsheimer J., McGovern R. Putin's Invasion of Ukraine Salon. *YouTube: Committee for the Republic*, March 04, 2022. Available at: https://youtu.be/ppD_bhWODDc.
- Putin V. V. Obrashchenie Prezidenta Rossiiskoi Federatsii [Address by the President of the Russian Federation]. *Prezident Rossii* [President of Russia], February 24, 2022. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/67843>.

- Teurtrie D. *Russie: Le retour de la puissance*, Paris, Dunod, 2021.
- Todd E. *Après l'empire. Essai sur la décomposition du système américain*, Paris, Gallimard, 2002.
- Todd E. *La Chute finale. Essai sur la décomposition de la sphère soviétique*, Paris, Robert Laffont, 1990 (1976).
- Todd E., Touverey B. *La défaite de l'occident*, Paris, Gallimard, 2024.

«Американцы — вот реальная проблема»

Беседа Лекса Фридмана с Джоном Миршаймером

ДЖОН МИРШАЙМЕР

Чикагский университет, США.

Ключевые слова: анархическая система; наступательный реализм; структурный аргумент; катастрофа; манипулирование рисками.

В беседе с Лексом Фридманом американский политолог, профессор Чикагского университета Джон Миршаймер комментирует ситуацию актуального миросистемного кризиса исходя из разрабатываемых им с начала 2000-х годов идей наступательного реализма, согласно которому даже великие державы, заинтересованные лишь в поддержании безопасности, оказываются принуждены конкурировать и конфликтовать друг с другом, стремясь к гегемонии (наибольшему влиянию) и погружая мир в системное состояние анархии. Согласно Миршаймеру, эта историческая тенденция диктуется не волей к власти, присущей политическим лидерам, таким как Наполеон или Гитлер, но сопрягается со структурным аргументом, каковым применительно к актуальному кризису выступает волна расшире-

ний НАТО (фактическое — в 1999 и 2004 годах, декларируемое — в 2008 году), встретившее активное неприятие со стороны России. Роль личности (лидера) остается значимой и сегодня, однако ситуация доверия, необходимая для ведения прямого миротворческого диалога, ныне также выступает как структурно обусловленная, прежде всего негативно — вследствие многочисленных случаев обманутого доверия в прошлом. Вместе с тем такой структурный момент, как существование в актуальных условиях MAD-мира (мира гарантированного взаимного уничтожения), по-прежнему, как и в ситуации Карибского кризиса 1961 года, не только предоставляет возможности манипулирования рисками, но и выступает осязаемым последним пределом для самовразумления к миру.

Сила и власть

Можете ли вы подробнее рассказать о вашем понимании силы в международной политике, изложенном в книге «Трагедия политики великих держав» и в последующих работах?»¹

Да, у меня здесь два набора утверждений. Прежде всего, я считаю, что сила — это валюта международных отношений, и под этим я подразумеваю, что государства глубоко заинтересованы в балансе сил и в максимизации того, какими силами они обладают. И вопрос в том, почему государства так об этом заботятся. Дело в том, что в международных отношениях нет высшего арбитра, поэтому если у вас возникнут проблемы и вы наберете 911, на другом конце провода никого не будет. В такой системе у вас нет другого выбора, кроме как самому решать, как лучше себя защищать. А лучший способ самозащиты — быть могущественным, иметь максимальное превосходство в силе над всеми остальными государствами этой системы. Таким образом, государства заботятся о силе, потому что она увеличивает или максимизирует их шансы на выживание.

Второе утверждение, которое я хотел бы сделать, заключается в том, что в реалистическом взгляде на историю, или, по крайней мере, в моем взгляде на историю, сила во многом является функцией материальных факторов. Двумя ее ключевыми осно-

Перевод с английского Алексея Снигирова по публикации: John Mearsheimer: Israel-Palestine, Russia-Ukraine, China, NATO, and WW3// Lex Fridman Podcast. 17.11.2023. № 401. URL: <https://lexfridman.com/john-mearsheimer-transcript>.

1. Mearsheimer J. J. The Tragedy of Great Power Politics. N.Y.; L.: W. W. Norton & Company, 2001. Позднейшие книжные публикации Миршаймера: *Idem*. The Israel Lobby and U.S. Foreign Policy. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2007; *Idem*. Why Leaders Lie: The Truth About Lying in International Politics. N.Y.: Oxford University Press, 2011; *Idem*. The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities. New Haven, CT: Yale University Press, 2018; *Idem*. How States Think — The Rationality of Foreign Policy. New Haven, CT: Yale University Press. 2023.

ваниями выступают *численность населения и богатство*. Страна должна иметь большое население и быть по-настоящему богатой. И именно поэтому Соединенные Штаты так сильны. Здесь много людей и страна чрезвычайно богата. До недавнего времени Китай не считался великой державой, поскольку был беден. Там, конечно, большая численность населения, но не было богатства. А небогатую страну с небольшим населением обычно не считают великой державой. Поэтому я думаю, что сила имеет значение, но когда мы говорим о силе, важно понимать, что в ее основе лежат численность населения и богатство.

Это интересно. В первом утверждении вы заявляете, что нации по отношению друг к другу, по сути, находятся в состоянии анархии.

Анархия, по сути, означает противоположность иерархии. Иногда люди думают, что когда вы говорите об анархии, вы имеете в виду убийства и хаос, но в реалистическом контексте анархия просто означает, что у вас нет иерархии. Не существует высшей власти, стоящей над государствами. Государства подобны шарам на бильярдном столе. И в анархическом мире нет высшего авторитета, к которому вы могли бы обратиться, если попадете в беду.

Политическим философом, который это сформулировал, был Томас Гоббс. Гоббс говорил о жизни в естественном состоянии, а в естественном состоянии есть индивидуумы, и эти индивидуумы конкурируют друг с другом за власть. И причина, по которой они это делают, заключается в том, что в естественном состоянии у вас по определению нет высшей власти. Точка зрения Гоббса состоит в том, что способ выбраться из этой ужасной ситуации, когда люди конкурируют друг с другом и даже убивают друг друга, — это создать государство. Это то, что он называет *Левиафаном*, и это, конечно, название его знаменитой книги².

Идея в том, что чтобы избежать анархии, вы создаете государство, а это значит, что вы идете от анархии к иерархии. Проблема международной политики в том, что здесь нет мирового государства, нет иерархии. А если у вас нет иерархии и вы находитесь в анархической системе, у вас нет другого выбора, кроме как попытаться максимизировать свою относительную силу, чтобы убедиться, что вы являетесь, как мы говорили на детских площадках

2. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского (1651) // Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1991. Т. 2.

Нью-Йорка, когда я был ребенком, самым здоровым и крутым чуваком в квартале. Не потому, что вы обязательно собираетесь избивать других детей или другие государства, а потому что, опять же, это лучшая стратегия выживания.

И, в качестве моей любимой иллюстрации того, что происходит, когда вы слабы в международной политике, — это период, который китайцы называют *веком национального унижения*. С конца 1840-х до конца 1940-х годов Китай был чрезвычайно слаб, и великие державы систематически грабили его. И это посылает очень важный сигнал не только китайцам, но и другим государствам в системе. Не будьте слабыми, будьте настолько сильными, насколько можете.

И подобное унижение может привести к ресентименту или ресентимент приводит к тому, что вы тоже исследовали, а именно к нацистской Германии 1930-х годов. Если придерживаться психолого-философской картины, какова связь между волей к власти у личности, как Вы отметили, и желанием быть сильной у нации?

Воля к власти у человека во многом связана с индивидуальной психологией. Концепция, которую я излагаю, объясняя стремление к власти, базируется на аргументе, что, когда вы находитесь в определенной структуре, в системе, имеющей специфическую архитектуру, то есть анархической, у государств нет другого выбора, кроме как конкурировать за власть. Так что структура здесь действительно движет историей. У Ницше, который ввел это понятие, *воля к власти* во многом связана с личностью человека. Поэтому очень важно понимать: я не утверждаю, что государства по своей природе агрессивны. Я хочу сказать, что пока государства находятся в состоянии анархии, у них нет другого выбора, кроме как вести себя агрессивно. Но если перейти к иерархической системе, у этих государств не будет причин беспокоиться о балансе сил, потому что, если у них возникнут проблемы, сложится власть более высокого уровня, к которой они смогут обратиться. По сути, это Левиафан.

Так какова же роль военной мощи в этой воле к власти на национальном уровне?

Военная мощь — это то, что в конечном итоге имеет значение. Как я уже говорил, двумя основаниями силы служат численность населения и богатство.

Вы не упомянули военную мощь.

Верно. Хорошо, что вы это уловили, потому что, если у вас большое население и вы богатая страна, вы строите большую армию, и в конечном итоге значение имеет размер вашей армии, потому что войны ведут военные. И если государства обеспокоены выживанием, что, как я утверждаю, является основной целью каждого государства в международной системе по очевидным, как мне кажется, причинам, тогда они будут заботиться о наличии мощной армии, которая сможет защитить их, если на них нападет другое государство.

Хорошо, хотя не очевидно, что большая нация с большим населением и большим количеством денег обязательно должна строить гигантскую армию и стремиться достичь статуса доминирующей сверхдержавы с помощью военной мощи. Но, по вашим словам, мир, каким мы видим его сегодня, должен быть именно таким.

Да, и я утверждаю, что это очевидно. Если вы являетесь государством в международной системе, разве вы хотите быть слабым? Если вы живете по соседству с нацистской Германией или имперской Германией, или наполеоновской Францией, или даже Соединенными Штатами... Ведь Соединенные Штаты — безжалостная великая держава, вы наверняка это понимаете. И если вы имеете дело с Соединенными Штатами Америки и вы Владимир Путин, то вы захотите быть уверены, что вы настолько сильны, насколько это возможно, чтобы Соединенные Штаты не пожелали напасть на вас и, держа вас на прицеле, не диктовали вам, что делать. То же самое и с Китаем. Вы хотите быть влиятельным в международной системе.

Государства это понимают и идут на многое, чтобы стать могущественными. Возьмите Соединенные Штаты Америки. Когда все начиналось в 1783 году, это были 13 жалких колоний, разбросанных по побережью Атлантического океана. На протяжении последующих лет лидеры страны прикладывали все усилия, чтобы превратить ее в доминирующую державу в Западном полушарии. И затем, как только это положение было достигнуто в 1900 году, мы приложили все усилия, чтобы убедиться, что в этой системе нам нет равных конкурентов. Мы просто хотим быть уверены, что мы номер один.

И мой аргумент в том, что это не какое-то особое свойство Соединенных Штатов. Если бы я, например, сегодня был Китаем,

я бы хотел доминировать в Азии так же, как Соединенные Штаты доминируют в Западном полушарии. Они были бы идиотами, если бы не стремились к этому. Если бы я был имперской Германией, я бы хотел доминировать над всей Европой так же, как Соединенные Штаты доминируют в Западном полушарии. Почему? Потому что если мы предположим, что вы — имперская Германия или наполеоновская Франция и вы доминируете над всей Европой, никакое другое государство в этой части света или регионе не сможет вам угрожать, просто потому что вы настолько сильны.

И опять же, я говорю о том, что на самом деле имеет значение структура международной системы. Дело в том, что вы находитесь в анархической системе, где выживание является вашей главной целью и где я не могу знать ваших намерений. Вы — другое государство. Я не могу быть уверен, что в какой-то момент вы не нападете на меня. Ведь вы можете. И если вы действительно можете, а я нет, у меня большие проблемы.

Да. Итак, некоторые идеи, лежащие в основе того, что вы сказали: наступательный реализм (offensive realism)³, о котором я хотел бы поговорить с вами, своего рода история борьбы реализма и либерализма. Можете ли вы дать краткий обзор истории дебатов между реализмом и либерализмом как мировоззрениями?

Я думаю, что уже много столетий в теории международных отношений существует глобальное разделение между реализмом и либерализмом. Это проверенные временем теоретические концепции. И прежде чем я скажу вам, в чем, по моему мнению, заключаются различия между этими двумя концепциями, важно подчеркнуть, что существуют внутренние различия и среди реалистов, и среди либералов. И поэтому, когда вы говорите обо мне как о наступательном реалисте, вы должны понимать, что существуют также оборонительные реалисты, а также существует целый арсенал либеральных теорий.

Но в основном реалисты верят, что сила имеет значение, что государства конкурируют за власть и что война — это политический инструмент. А у либералов, с другой стороны, более идеалистический взгляд на мир. Это не значит, что они наивны или глу-

3. См. изложение этой концепции в: *Idem*. The Future of the American Pacific//Foreign Affairs. 2001. Vol. 80. № 5. P. 46–61; *Idem*. The Tragedy of Great Power Politics.

пы, но они верят, что существуют аспекты международной политики, которые ведут к менее конкурентному и более гармоничному миропорядку, чем полагает большинство реалистов. И я очень коротко изложу вам, каковы сегодня три основные либеральные теории, которые, я думаю, дадут вам представление о более оптимистической перспективе, присущей либеральному мировоззрению.

Первая и самая важная из либеральных теорий — это *теория демократического мира*, та теория, которая утверждает, что демократии не воюют с демократиями. Таким образом, чем больше в мире демократий, тем меньше вероятность войны. И это основной аргумент книги Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории». Он утверждает, что демократия сначала одержала победу над фашизмом в XX веке, затем она одержала победу над коммунизмом, а это означает, что в будущем на планете будет все больше и больше либеральных демократий. И если будет все больше либеральных демократий и эти демократии не воюют друг с другом, тогда планета станет более мирной. Такова была его аргументация. И это очень либеральная аргументация.

Реалист вроде меня сказал бы, что не имеет значения, является ли государство демократическим или нет, что все государства ведут себя одинаково, потому что структура системы — возвращаясь к нашему предыдущему обсуждению международной анархии — не оставляет этим государствам выбора, будь то демократии или автократии. И опять же, либеральная точка зрения, эта первая либеральная теория, заключается в том, что демократии не воюют с демократиями, и, следовательно, чем больше демократий, тем прочнее мир.

Могу я попытаться немного раскрыть эту аргументацию? Итак, теория демократического мира, как я полагаю, гласит, что поскольку в демократических странах лидеры избираются, и поскольку подразумевается, что большинство людей хотят мира, они будут выбирать миротворцев. Таким образом, чем больше у вас демократий, тем больше вероятность того, что у вас будет мир. И тогда реалистическая точка зрения говорит, что не имеет значения, хочет ли большинство людей мира. Структура международной политики такова, что супердержавы хотят стать еще более супер и еще могущественнее, и они делают это посредством войны.

Вы не можете приводить тот аргумент, который вы приводите в отношении демократий, потому что если вы говорите, что

демократии склонны к миру и что электорат выбирает лидеров, склонных к миру, то вам придется доказывать, что демократические страны в целом более миролюбивы, чем недемократические, а вы не сможете это доказать. Но вы можете найти множество доказательств в поддержку аргумента о том, что демократии не воюют с другими демократиями.

Поэтому если вы собираетесь поддержать теорию демократического мира, то главный аргумент, который вы должны привести, заключается в том, что либеральные демократии питают здоровое уважение друг к другу и могут оценить намерения друг друга. Если вы либеральная демократия и я либеральная демократия, то мы знаем, что у нас есть системы ценностей, которые отвергают агрессию и приветствуют мирное разрешение кризисов. И поэтому, учитывая эти нормы, мы можем доверять друг другу, можем понимать намерения друг друга. Не забывайте: для таких реалистов, как я, локомотивом этого поезда служит неуверенность в намерениях. Но если вы говорите о двух демократиях, аргумент заключается в том, что они знают намерения друг друга.

А для вас, конечно, наличие демократии немного уменьшает неопределенность, но не настолько, чтобы остановить этот поезд.

Это верно. Итак, это теория демократического мира. Вторая теория — это *теория экономической взаимозависимости*, и она утверждает, что в глобализованном мире, подобном тому, в котором мы живем, и живем уже долгое время, существует значительная экономическая взаимозависимость. И если мы с вами — две страны, и мы экономически взаимозависимы, причем обе процветаем в результате этого экономического взаимодействия, последнее, что мы станем делать, это затевать войну между собой. Никто из нас не станет начинать войну, потому что это убьет курицу, несущую золотые яйца. Таков аргумент, что экономическая взаимозависимость ведет к миру.

И третий либеральный аргумент, который иногда называют *либеральным институционализмом*, связан с институтами. Это аргумент в пользу того, что если вы сможете превратить государства в институты, которые станут законопослушными акторами, то они будут следовать правилам, диктующим неприемлемость войны. Поэтому если вы заставите их принять правила ООН о том, когда можно и когда нельзя начинать войну, тогда международное сообщество станет более мирным. Итак, это либераль-

ные теории, и, как вы можете заметить, они сильно отличаются от реализма, сформулированного кем-то вроде меня.

Можете ли вы возразить против экономической взаимозависимости и того, что институты в некоторой степени следуют правилам? Итак, это курица, несущая золотые яйца, и вы говорите, что нации готовы убить эту курицу, потому что, опять же, они жаждут господства.

Если они посчитают необходимым убить эту курицу из соображений безопасности, они это сделают. Дело в том, что экономическая взаимозависимость в качестве основной ценности имеет процветание, тогда как в реализме основной ценностью является выживание, а выживание всегда важнее процветания. Если вернуться в период перед Первой мировой войной в Европе, то есть в 1913 — начало 1914 года, то мы увидим острую конкуренцию в области безопасности между всеми великими державами. С одной стороны у вас Тройственный союз, а с другой — тройственная Антанта. Два альянса, между которыми существует острая конкуренция в сфере безопасности. И в то же время большая экономическая взаимозависимость.

Удивительно, насколько активно в Европе происходило экономическое взаимодействие между всеми действующими лицами. Благодаря этому люди и страны процветали. И тем не менее во время знаменитого июльского кризиса 1914 года это экономическое процветание не смогло предотвратить Первую мировую войну, поскольку вопросы безопасности или выживания были более важными. Так что процветание и выживание часто вступают в конфликт, и в таких случаях интересы выживания восторжествуют.

Давайте теперь обратимся к разным лагерям реалистов. Вы сказали «наступательные» и «оборонительные». Можете ли вы продемонстрировать различие между ними?

Да. Позвольте мне вернуться немного назад, когда вы говорили о воле к власти. Первая большая разница между реалистами — существуют *структурные реалисты* и *реалисты человеческой природы*. Ганс Моргентау, который находился под влиянием [европейской интеллектуальной традиции] и поэтому в своих размышлениях об устройстве мира основывался на концепции воли к власти, был реалистом человеческой природы. Я же структур-

ный реалист и считаю, что это не человеческая природа, не стремление отдельных людей к власти движет конкуренцией и войной, но конкуренция и война движимы самой структурой системы. И это анархия.

Значит вы не такой романтик, как реалисты человеческой природы.

Да. Между нами просто колоссальная разница. Важно это понимать.

Далее, внутри структурного реализма есть еще подразделение на наступательный и оборонительный.

Да. Внутри мира структурного реализма имеется горстка реалистов, которые верят, что структура системы поощряет конкуренцию, конкуренцию в сфере безопасности. Но на самом деле это почти всегда исключает войну между великими державами. Поэтому имеет смысл заботиться о балансе сил, но сосредоточиться следует на сохранении того уровня силы, который у вас уже есть. Это оборонительный реализм, позволяющий сохранять ту позицию, которую вы занимаете. Не пытаюсь получить больше, потому что аргумент оборонительных реалистов заключается в том, что, если вы попытаетесь обрести больше силы, больше власти, система вас накажет, структура вас накажет.

Я не оборонительный реалист, я наступательный реалист. И мой аргумент заключается в том, что государства ищут возможности получить больше влияния, и каждый раз, или почти каждый раз, когда они видят возможность получить больше влияния, больше власти и полагают, что вероятность успеха высока, а цена не будет неподъемной, они ухватываются за эту возможность.

Гитлер

Если мы немного задержимся на концепции человеческой природы, то каково ваше объяснение одной из последних попыток агрессивной экспансии посредством военной силы — Гитлера и нацистской Германии? Как вы объясните это в рамках наступательного реализма?

Я думаю, что нацистская Германия во многом руководствовалась структурными соображениями. Полагаю, если рассматривать им-

перскую Германию, которая была в значительной степени ответственна за начало Первой мировой войны, и, конечно же, нацистскую Германию, которая в значительной степени ответственна за начало Второй мировой войны, мы увидим, что для начала Первой мировой войны Адольф Гитлер не понадобился. И я считаю, что есть большая вероятность того, что Вторая мировая война произошла бы и без Гитлера. Я считаю, что Германия была очень сильна и ее глубоко беспокоил баланс сил в Европе, поэтому у нее были сильные стимулы вести себя агрессивно в конце 1930-х — начале 1940-х годов. Так что я считаю, что структура имеет значение.

Однако в случае с Гитлером я хочу сделать уточнение, потому что я считаю, что у него действительно было то, что вы называете *волей к власти*. Я никогда раньше не использовал этот термин, описывая его, но он согласуется с моей точкой зрения, которую я часто высказываю, что в современной истории было два лидера, которых можно охарактеризовать как прирожденных агрессоров: один из них — Наполеон, а другой — Гитлер. Так что если хотите, можете называть это волей к власти. Мне удобнее называть Гитлера и Наполеона *прирожденными агрессорами*, хотя между ними были существенные различия, поскольку Гитлер был, вероятно, самым кровавым лидером в истории, тогда как Наполеон совершенно не попадает в эту категорию. Но ими обоими двигало то, что вы бы назвали волей к власти, и в обоих случаях это следует сопрягать со структурным аргументом.

Есть ли какая-то доля влияния человеческой психологии в том, что ресентимент в ситуации, сложившейся после Первой мировой войны, привел к тому, что Гитлер так стремился к абсолютной власти, а затем начал Вторую мировую войну? То есть человеческая сторона. Возможно, я задаю этот вопрос еще и потому, что вы упомянули «столетие унижения» Китая. Так в какой же степени унижение приводит к Гитлеру и ко Второй мировой войне?

Вопрос о том, что привело к Гитлеру, и вопрос о том, что привело ко Второй мировой войне, когда Гитлер оказался у власти, — это совершенно разные вопросы. Я имею в виду, что после 30 января 1933 года он получает власть. И тогда на первый план выходит вопрос, что им движет? Есть ли ресентимент по поводу Версальского договора и того, что случилось после с Германией? Да. Имеет ли это значение? Да. Но мой аргумент заключается в том, что в случае Гитлера локомотивом этого поезда выступала структура. Но я по-

вторяю, что имелись и другие факторы, и ресентимент был одним из них. Воля к власти или тот факт, что сам он был, как я это называю, прирожденным агрессором, безусловно, также имели значение, поэтому я не собираюсь спорить с вашим утверждением о факторе ресентимента.

Таким образом, то, как Гитлер, в частности, захватил... получил столько власти, могло быть следствием общего ресентимента немецкого населения.

Я думаю, что поражение в Первой мировой войне и все испытания и невзгоды, связанные с Веймарской Германией, а затем усугубленные Великой депрессией, все эти факторы определенно стали причиной его прихода к власти. Полагаю, что одна из причин того, что ему удалось завоевать расположение немецкого народа после того, как он пришел к власти, заключалась в том, что в немецком политическом организме было много ресентимента. И он сыграл на этом ресентименте, что, несомненно, помогло ему избраться. Но, исследуя этот пример, я обнаружил, что более существенным все это оказалось уже после того, как он получил власть.

Я также полагаю, что одна из основных причин его бешеной популярности в нацистской Германии состояла в том, что он был единственным лидером промышленно развитой страны, который вытащил свою страну из депрессии. И это действительно имело значение и сделало его очень эффективным лидером. Стоит также отметить, что он был удивительно харизматичной личностью. Мне трудно в это поверить, поскольку, когда я смотрю на него или слушаю его речи, он не кажется мне харизматичным. Но я беседовал со многими экспертами в этом вопросе, и они уверяли меня, что он действительно был очень харизматичен. И хочу заметить: если посмотреть опросы общественного мнения в Западной Германии в конце 1940-х годов, после поражения Третьего рейха, то и тогда Гитлер по-прежнему пользовался большой популярностью.

Сталин до сих пор популярен во многих частях Восточной Европы.

Да, и Сталин популярен внутри России, хотя убил больше народа внутри страны, чем за пределами Советского Союза.

И все же для вас волны истории создаются не отдельными личностями, а структурными факторами. И Гитлер, та-

ким образом, может быть лишь внешним проявлением процесса, в результате которого Германия развязала войну, но не ее настоящей причиной.

Ну, история — многомерное явление...

Да, я слышал.

...и мы говорим о межгосударственных отношениях, а реализм — это теория о том, как государства взаимодействуют друг с другом, хотя есть и много других измерений международной политики. И если вы говорите о ком-то вроде Гитлера, то вопрос, почему он начал Вторую мировую войну — это вопрос совершенно иного характера, чем вопрос, почему он инициировал и осуществлял Холокост. Я имею в виду, что на этот другой вопрос теория реализма не дает ответа. Поэтому хочу очень четко заявить: я не утверждаю, что реализм отвечает на все вопросы в международной политике, однако он может ответить на один из самых (если не самый) важных вопросов, которые волнуют ученых-международников, а именно — что провоцирует конкуренцию в сфере безопасности и что вызывает войны между великими державами.

Отвечает ли наступательный реализм на вопрос, почему Гитлер напал на Советский Союз?

Да.

Потому что с точки зрения военной стратегии у этого решения есть плюсы и минусы.

Плюсы и минусы есть у каждого решения. Вопрос в том, считал ли он, что сможет одержать быструю и решительную победу. Да, считал, как и его генералы. Это очень интересно, я потратил много времени на изучение процесса принятия решений немцами во время Второй мировой войны. Если вы посмотрите на решение Германии вторгнуться в Польшу 1 сентября 1939 года, на решение Германии вторгнуться во Францию 10 мая 1940 года, а затем в Советский Союз 22 июня 1941 года, то вы увидите, что на самом деле было существенное сопротивление [этому решению] Гитлера в 1938 году во время Чехословакии, Мюнхена, а также определенное сопротивление было в сентябре 1939 года.

Внутреннее? Или вы имеете в виду...

Внутреннее, конечно. У многих были сомнения. Они полагали, что вермахт к этому не готов, а учитывая тот факт, что Первая мировая война закончилась всего 20 лет назад, мысль о начале новой европейской войны не была особенно привлекательной для многих немецких политиков, включая военных лидеров. Но потом случилась Франция. В преддверии 10 мая 1940 года немецкое командование сопротивлялось идее вторжения во Францию. Но в конечном итоге сопротивление преодолели, потому что разработали умный план — план Манштейна. И если взять решение о вторжении в Советский Союз 22 июня 1941 года, то это единственный раз, когда они потерпели неудачу... Они добились успеха во Франции, они добились успеха в Польше, они добились успеха в Мюнхене в 1938 году. И только в Советском Союзе они проиграли. Хотя сопротивления [тому решению] почти не было, верно?

Да. Ну и если говорить, почему они проиграли, решив напасть на Советский Союз... Мой дед воевал за Советский Союз, в начале войны немцам сопутствовал успех... Да, это было плохое военное, я бы сказал, стратегическое решение, но они застали Сталина врасплох. Может быть, вы меня поправите, но, как ни ужасно это звучит, они вполне могли бы добиться успеха, если бы с военной точки зрения были приняты некоторые другие решения.

Да. У меня всегда было ощущение, что они были пугающе близки к победе. Вы можете привести противоположный аргумент, что они были обречены. Но мне ужасно не нравится приводить этот аргумент. Я думаю, что вермахт к лету 1941 года представлял собой хорошо отлаженную машину войны, а Красная армия находилась в довольно плачевной форме. Сталин только что провел чистку офицерского корпуса, Советы плохо показали себя в войне с Финляндией, и были все причины полагать, что они не представляют серьезной угрозы вермахту. И если посмотреть, что происходило на начальных стадиях конфликта, то так оно и было. Немцы на первых порах одержали немало значимых тактических побед.

А если бы они сосредоточились и двинулись на Москву с максимально возможной скоростью, опять же, страшно себе представить, что так могло бы быть, и свергли Сталина. И одно это...

К счастью, нам не требуется повторять этот эксперимент, но можно утверждать, что если бы они сосредоточили усилия, как настаивали генералы, и двинулись прямо на Москву, то победили бы. Я имею в виду, что Гитлер хотел идти на Украину. Было три ударных группировки. Северная направлялась к Ленинграду, центральная, конечно же, на Москву, а южная, группа армий «Юг», двигалась в сторону Украины и вглубь Кавказа. И Гитлер считал, что это главное направление удара. И действительно, в 1942 году немцы снова переходят в наступление. Это Операция «Блау»⁴, и главное направление удара в 1942 году — восточная Украина и Кавказ, и этот план терпит неудачу.

Можно спорить, что если бы они сделали это в 1941 году, если бы они не двинулись на Москву, если бы они сосредоточились на ударе вглубь Украины и на Кавказ, они могли бы выбить отсюда Советов. Но я не уверен, что готов принять такую аргументацию. Я думаю, что в конце концов Советов победили бы несмотря ни на что, но я не уверен в этом на 100%.

Может быть, вы меня просветите, но иногда говорят, что Гитлера, как и Наполеона, победила русская зима. Я думаю, что на самом деле люди плохо знают историю, им не рассказывают о том, как упорно сражались [советские] солдаты, про их мотивацию. Поэтому украинцев и русских завоевать непросто. Это тот тип людей, которые не поднимают руки вверх, а бьются до последнего.

По-видимому, между разными народами есть разница в том, как они воспринимают войну, как они подходят к войне, насколько они гордятся тем, что сражаются за свою страну, умирают за свою страну и т. п. Поэтому Сталинградская битва — это, по крайней мере для меня, история чрезвычайной храбрости советской стороны, и это тоже компонент победы. Это не только структурная проблема, не только военная стратегия, здесь также задействованы люди. Но, возможно, это романтическое представление о войне.

4. *Fall Blau, Unternehmen Blau* — часть стратегического плана войск нацистской Германии во время летне-осеннего наступления немецких войск на южном направлении Восточного фронта в ходе Второй мировой войны. Основной целью операции был захват нефтяных месторождений Северного Кавказа и Баку.

Нет, я полагаю, что в этом большая доля правды, но давайте немного раскроем эту тему на примере Советского Союза во Второй мировой войне. Контраргументом этому является то, что во время Первой мировой войны российская армия распалась. И если вы посмотрите на то, что произошло, когда Наполеон вторгся в 1812 году, и на то, что произошло в 1917 году, а затем на то, что произошло между 1941 и 1945 годами, случай Наполеона во многом похож на случай Гитлера, соответствуя вашей аргументации.

Но Первая мировая война в нее не вписывается: русские проиграли и сдались, и был позорный Брест-Литовский договор, по которому Россия, приняв унижительное поражение, уступила значительную часть своей территории.

Мой аргумент в пользу того, почему русские, нет, позвольте мне взять свои слова обратно, почему *советские* люди бились во Второй мировой войне как звери, заключается в том, что они столкнулись с противником, осуществлявшим геноцид. Необходимо понимать, что немцы убили огромное количество советских военнопленных. Всего они убили 3,7 млн из них. Война началась в июне 1941 года, а к декабрю 1941 немцы убили 2 млн советских военнопленных. На тот момент они убили гораздо больше советских пленных, чем евреев.

Это не отменяет того, что они яростно уничтожали евреев, но они столь же яростно убивали советских граждан и солдат. Поэтому советские солдаты быстро поняли, что сражаются за свою жизнь. Если бы они сдались в плен, то погибли бы. Поэтому они сражались как звери.

Да, история Холокоста, история уничтожения 6 млн евреев часто затмевает эти факты. Если бы Гитлер победил, завоевал Советский Союз, страшно подумать, насколько более масштабным, чем Холокост, было бы уничтожение славянских народов, советского народа.

Абсолютно. Все, что вам нужно сделать, это прочитать «План голода» (*Hungerplan*)⁵, верно? И у них был план, генеральный план

5. Разработанный в мае 1941 года нацистский план по грабительскому обеспечению продовольствием армии и частично населения Германии за счет оккупированных территорий, прежде всего СССР, где в результате этого только от голода должны были погибнуть «избыточные» 20–30 млн человек. См.: Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза: документы и материалы. М.: Воениздат, 1987; Kay A. J. Exploitation, Resettlement, Mass Murder: Political and Economic Planning

«Восток» (*Generalplan Ost*)⁶, из которого было ясно, что они собираются убить многие десятки миллионов людей. И, кстати, я полагаю, что они бы перебили всех поляков и всех цыган. Я имею в виду, что евреи были номером один в списке жертв геноцида. Рома, или цыгане, были номером два, а поляки — третьими.

И конечно, как я вам только что объяснял, они убивали военнопленных. Так что в конечном счете они убили бы также огромное количество советских граждан. Мой аргумент в том, что люди быстро осознали, что происходит. И это, разумеется, дало им очень мощный стимул упорно сражаться и сделать так, чтобы немцы не победили.

Россия и Украина

Давайте быстро перенесемся вперед во времени (но не в пространстве). Позвольте мне задать вам вопрос о войне на Украине⁷. Почему это произошло? Как это объяснялось? И какие объяснения кажутся вам наиболее убедительными?

Ну, очевидно, основную ответственность принято возлагать на Путина. Путин — «империалист», он «экспансионист».

Это общепринятая точка зрения.

Да. Объяснение состоит в том, что он стремится к созданию великой России и даже больше, поэтому он заинтересован в доминировании в Восточной Европе, если не во всей Европе, и Украина — первая остановка на этом пути. И он хотел завоевать всю Украину, включить ее в состав великой России, а затем двигаться дальше и завоевывать другие страны. Таково расхожее мнение. Я же считаю, что нет никаких, позвольте подчеркнуть — *просто никаких доказательств* — в поддержку этого аргумента.

for German Occupation Policy in the Soviet Union, 1940–1941. N.Y.; Oxford: Berghahn Books, 2006; Benz W. Der Hungerplan im „Unternehmen Barbarossa“ 1941. B.: Wissenschaftlicher Verlag, 2011; Яковлев Е. Н. Война на уничтожение. Третий рейх и геноцид советского народа. СПб.: Питер, 2020.

6. См.: Замечания и предложения «Восточного министерства» по генеральному плану Ост // Военно-исторический журнал. 1965. № 1. С. 82–83.

7. Имеется в виду специальная военная операция России на Украине. Здесь и далее сохранено используемое собеседниками привычное для западного медиаполя обозначение военных действий на территории Украины, происходящих с февраля 2022 года. — *Прим. ред.*

Какой его части? Что он будет... Империалистической части, предположения, что он собирался завоевать всю Украину и двигаться дальше, завоевывать...

Нет никаких доказательств того, что он был заинтересован в завоевании всей Украины. До начала операции не было никаких доказательств даже того, что он был заинтересован в завоевании хоть какой-то части Украины. Просто невозможно, чтобы армия численностью от силы 190 тыс. человек смогла завоевать всю Украину, это просто невозможно.

Я хочу подчеркнуть, что когда немцы вошли в Польшу в сентябре 1939 года, а немцы, как вы помните, намеревались занять только западную половину Польши, потому что Советы, подключившиеся позднее в том же месяце, собирались занять восточную половину Польши, — тогда немцы, чтобы занять западную половину Польши, которая намного меньше Украины, вошли туда с 1,5 млн солдат. Если бы Владимир Путин намеревался завоевать всю Украину, ему потребовалось бы как минимум 2 млн солдат. Я бы даже сказал, что ему понадобилось бы 3 млн солдат, потому что ему нужно было бы не только завоевать страну, но и затем оккупировать ее.

Идея о том, что армии в 190 тыс. человек достаточно для завоевания всей Украины, это несерьезный аргумент. Далее, поскольку он не был заинтересован в завоевании Украины, в марте 2022 года, то есть сразу после начала войны, он начал переговоры с Зеленским о прекращении войны. В Стамбуле шли серьезные переговоры с участием турок. И Нафтали Беннетт, который в то время был премьер-министром Израиля, активно посредничал между Путиным и Зеленским в переговорах о прекращении войны.

Если Путин был заинтересован в завоевании всей Украины, на кой черт ему вести переговоры с Зеленским о прекращении войны? Конечно же, там они обсуждали экспансию НАТО на Украину, что и было решающей причиной войны. Люди на Западе не хотят слышать этот аргумент, потому что если это правда (а это так), то получается, что это Запад несет главную ответственность за происходящую сейчас кровавую бойню. И Запад, конечно, не хочет быть главным ответственным, он хочет обвинять Путина.

Итак, мы на ровном месте выдумали всю эту историю, что он-де «агрессор», «новый Гитлер», и что творимое им на Украине было-де провалившейся попыткой ее завоевать. Однако если бы ему повезло чуть больше, он-де, вероятно, уже захватил бы всю

Украину и был бы уже в странах Балтии и в конечном счете установил бы господство над всей Восточной Европой. Как я уже сказал, я не вижу этому никаких доказательств.

Возможно, здесь многое стоило бы прояснить. Может быть, задержимся на вопросе расширения НАТО? Что такое расширение НАТО? Чем оно грозит России и почему так ее беспокоит?

НАТО было смертельным врагом Советского Союза во время холодной войны. Это военный альянс, главным в котором являются Соединенные Штаты Америки, самое могущественное государство на планете. Совершенно понятно, что Россия не хочет, чтобы этот военный альянс находился у ее порога.

Здесь, в Соединенных Штатах, как вам известно, существует так называемая доктрина Монро, которая, по сути, гласит, что никаким великим державам из Европы или Азии не разрешается действовать по соседству с нами и формировать военные союзы с кем-либо в этом регионе. Когда я был молод, случился Кубинский ракетный кризис. Советы посмели разместить на Кубе ядерные ракеты. Мы недвусмысленно указали им, что это неприемлемо и что эти ракеты необходимо немедленно убрать. Это наш задний двор, и мы не потерпим наличия по соседству с нами агентов других сильных держав с другого конца света.

Ну, а какой мерой мерите, такой и вам отмерится. И если нам не нравится, когда другие заявляются на наш задний двор, не удивительно, что и русские не хотели бы, чтобы НАТО располагалось у их порога. Они ясно дали это понять, когда закончилась холодная война, и настоятельно требовали от нас обещания, что мы не будем расширять НАТО. А потом, когда мы проигнорировали это, они ясно выразили свое глубокое недовольство и первым расширением НАТО в 1999 году, и вторым — в 2004 году. А затем, в апреле 2008 года, когда НАТО объявило, что Украина и Грузия станут членами альянса, они (не только Путин) недвусмысленно дали понять, что этого не произойдет. Они прочертили красную линию. Помните Бухарестский саммит в апреле 2008 года? И неслучайно, что в августе 2008 года последовала война между Грузией и Россией — по сути, как реакция на расширение НАТО.

Американцы и их союзники должны были бы, по крайней мере в августе 2008 года, понять, что продолжение попыток принять Украину в НАТО приведет к катастрофе. И я хотел бы от-

метить, что в 1990-е годы такие разные люди, как Джордж Кеннан⁸, Уильям Перри⁹, Пол Нитце¹⁰ и другие, утверждали, что расширение НАТО в конечном счете приведет к катастрофе, что и произошло.

Хочу отметить, что на том самом знаменитом саммите в Бухаресте в апреле 2008 года, на котором было заявлено, что Украина будет принята в альянс, лидеры Германии и Франции Ангела Меркель и Николя Саркози выступили против этого решения. Позже Меркель заявила, что понимала, что Путин воспримет это как объявление войны. Просто задумайтесь об этом: Меркель прямо говорит вам, что выступала против принятия Украины в НАТО, потому что она совершенно справедливо понимала, что Путин воспримет это как объявление войны.

А что делали США и их друзья и союзники в Европе? Они продолжали давить и давить, потому что думали, что смогут протолкнуть русским в глотку очередное расширение НАТО и после 2008 года, так же как сделали это в 1999 и 2004 годах. Но мы ошибались, и в 2014 году все полыхнуло. И что же мы сделали? Может, мы отступили и сказали: «Ну, наверное, у русских тоже могут быть какие-то легитимные интересы в сфере безопасности»? О, нет, это не в нашем стиле. Мы лишь усиливали нажим. И в итоге в 2022 году мы получили войну. И, как я уже давно утверждаю, решающую ответственность за это несем мы, Запад, а не Путин.

То есть в первую очередь причина — расширение НАТО.

Да. Говоря в более общих терминах, мы пытались превратить Украину в западный бастион на границе с Россией, и это было не просто расширение НАТО (хотя это был важнейший элемент нашей стратегии). У этой стратегии были еще два аспекта. Одним из них было расширение ЕС, а другим — «цветная революция». Мы пытались навязать Украине «оранжевую революцию», чьей основной целью было превратить Украину в прозападную либеральную демократию.

Если бы это сработало, то у нас была бы прозападная, либеральная, демократическая Украина, которая была бы членом ЕС и членом НАТО. Это было нашей целью. И русские недву-

8. Автор теории сдерживания и фактический автор плана Маршалла.

9. Министр обороны США в 1994–1997 годах.

10. Замминистра обороны США в 1967–1969 годах.

смысленно дали понять, что Украина не будет бастионом Запада на их границе, и, самое главное, — что членство Украины в НАТО неприемлемо.

Можем ли мы обсудить, что на уме у Путина? Вы упомянули, что идея о том, что он стремится к империалистическим завоеваниям, что он мечтает об империи, не имеет под собой реальной почвы. В 2021 году он написал статью о едином народе¹¹. Как вы думаете, мечтает ли он все еще в какой-то степени о воссоединении бывшего Советского Союза?

Нет, он дал понять, что любой человек с трехзначным IQ понимает, что думать о воссоздании Советского Союза — это безумие. Он считает трагедией распад Советского Союза, но, как он ясно изложил в статье от 12 июля 2021 года и в своих выступлениях непосредственно перед вторжением в Украину, он принял распад Советского Союза и новый европейский статус-кво. Единственное, чего он не принял, — это идею о том, что Украина станет частью НАТО.

Он находится у власти более двух десятилетий. Не оказывается ли так, что [столь продолжительное пребывание у] власти может в определенной степени повлиять на способность лидера ясно воспринимать мир или, как говорят, искажать ее? Считаете ли вы, что власть в какой-то степени исказила [здоровые] мысли Путина?

Мне очень сложно ответить на этот вопрос, потому что я его не знаю и не изучал внимательно все, что он сделал за те 23 года, что находится у власти. Я изучал его как стратега и то, как он взаимодействует с Западом и международной системой в целом, начиная с 2014 года. И я думаю, что он первоклассный стратег.

Это не значит, что он не ошибается, он сам признаёт, что допустил некоторые ошибки, но я полагаю, что Запад имеет дело с достойным противником. И я не вижу никаких доказательств того, что он либо потерял хватку, либо что власть исказила его мышление в стратегических вопросах.

11. См.: Путин В. В. Об историческом единстве русских и украинцев // Президент России. 12.07.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66181>.

То есть он последовательно ставит на первое место безопасность? Как и США, он заботится о безопасности России, о том, чтобы НАТО не приближалось к ее границам?

Думаю, это очевидно. Как я уже подчеркивал в начале нашего разговора, лидеры ставят безопасность, или выживание, своих стран превыше всего остального. И, кстати, в дополнение к той знаменитой статье, которую вы упомянули, он дал несколько интервью и провел ряд пресс-конференций. Так что у нас есть довольно ясные записи того, что он говорил, и я готов аргументированно изложить, о чем он думал в преддверии войны, перед февралем 2022 года.

Если прочесть все то, что он говорил, станет вполне ясно, что он отдавал предпочтение безопасности, или выживанию. Он был глубоко обеспокоен безопасностью России. А Россия во многих отношениях является довольно уязвимым государством, особенно если вспомнить, что с ней было в 1990-е годы, и вы знаете об этом лучше меня. Государство было в ужасном состоянии. Китайцы говорят о веке национального унижения. Можно утверждать, что для россиян это было десятилетие национального унижения. И Путину, я думаю, понадобилось довольно много времени, чтобы воскресить страну. Я думаю, что в итоге ему это удалось, но это заняло значительное количество времени, и я думаю, он понимал, что на руках у него были не самые сильные карты. Он разыгрывал что-то вроде партии со слабыми картами на руках, и ему приходилось быть очень осторожным, очень осмотрительным. Полагаю, это значительно отличалось от действий Соединенных Штатов.

Соединенные Штаты оставались единственным полюсом силы. Они были самым могущественным государством в мировой истории, самым могущественным среди всех возможных конкурентов. Начиная примерно с 1989 года и, несомненно, после декабря 1991 года, когда распался Советский Союз, вплоть до, я бы сказал, примерно 2017 года, мы были невероятно могущественны. И даже после 2017 года, по сей день, США остаются самым могущественным государством в системе. Причем благодаря нашему географическому положению мы обладаем потрясающим преимуществом, помогающим выжить в любой конкуренции великих держав. Так что ситуация Соединенных Штатов отличается от ситуации России. Они просто гораздо более уязвимы, чем мы. И поэтому, я думаю, в последнее время Путин более чувствителен к вопросам безопасности, чем любой американский президент.

Европа с одной стороны, Китай — с другой. Это сложная ситуация.

Да. Ранее мы упоминали 1812 год, когда Наполеон вторгся в Россию и Москва сгорела дотла. Мы говорили о Первой мировой войне, в которой русские фактически потерпели поражение и сдались. Потом мы говорили о 1941–1945 годах, когда Советы, к счастью, взяли верх, но сначала чуть не проиграли. А масштаб жертв и разрушений, которые немцы причинили Советскому Союзу, просто поражает воображение. Отсюда и чувствительность [к вопросам безопасности].

Вы прекрасно понимаете или, по крайней мере, должны понимать, почему их так встревожила идея получить на своей границе Украину [как члена НАТО]. Я не понимаю, почему большинство американцев этого не понимают, меня это озадачивает. Думаю, это связано с тем, что американцы вообще не очень умеют ставить себя на место других стран. Но если вы действительно собираетесь стать первоклассным стратегом в международной политике, вы должны уметь это делать. Вы должны ставить себя на место другой стороны и думать так, как думают они, чтобы не совершать идиотских ошибок.

При том что по умолчанию американцы склонны считать себя «хорошими парнями», а множество остальных — «плохими парнями». Но надо осознавать, что русские тоже считают себя «хорошими парнями», и китайцы считают себя «хорошими парнями», да и просто быть способным к эмпатии. Ведь если это они «хорошие парни»... Это как в анекдоте: «Ганс, мы что, злодеи?» Представить себе, что Соединенные Штаты могут быть «плохими парнями»...

Прежде всего, представить такой мир, в котором США — «плохие парни», а Китай — «хорошие парни», — как выглядит такой мир? Быть способным просто существовать с этой мыслью, потому что именно так китайское руководство и множество китайских граждан если и не считают уже сейчас, то, возможно, будут полагать в будущем. И исходя из этого нужно проводить всевозможные расчеты и моделирование. То же самое и с Россией, и другими странами.

Да, согласен с вами на 100%. И я всегда вспоминаю разговор с Майклом Макфоллом в Стэнфорде, который был американским послом в России, кажется, между 2012 и 2014 годами. Он ска-

зал мне, что передал Путину, будто тому не нужно беспокоиться о расширении НАТО, потому что Соединенные Штаты — «добродетельная гегемония». Естественно, я спросил, как на это отреагировал Путин. И Майк сказал, что Путин в это не поверил, но что сам Майк считает, что Путину придется в это поверить и что мы можем расширять НАТО на восток и включать в него Украину и нам это в конечном счете сойдет с рук, поскольку мы являемся добродетельной гегемонией. Но факт в том, что сам Путин видел это совсем не так, он видел в нас злокозненную гегемонию. И что там думает себе Майк или любой другой американец относительно этого — не имеет значения. Имеет значение то, что об этом думает Путин.

Но все же была причина, по которой раздался набат войны. Расширение НАТО стало представлять угрозу по какой-то причине. Вот вы говорили о расширении НАТО как о мертворожденной затее, поскольку с геополитической точки зрения для Европы расширение НАТО не имеет смысла. Тем не менее эта угроза отдалась эхом. Так почему же, с вашей точки зрения, расширение НАТО так продавливалось?

Причин здесь две. Во-первых, мы думали, что привлечение все большего и большего количества стран в НАТО — это замечательно. Мы думали, что это поспособствует миру и процветанию. Ведь все делалось исключительно из благих намерений. А также мы считали, что такие страны, как Украина, имеют право присоединиться к НАТО. Это суверенные страны, которые могут сами принимать решения, и у русских нет права вмешиваться в действия Украины. И второе, что я уже подчеркивал ранее, мы были очень могущественны и полагали, что сможем просто пропихнуть им это в глотку. И вот сочетание этих факторов привело нас к проведению такой в конечном счете, как я считаю, идиотской политики.

Мы говорили о том, как начинаются войны. На какое окончание войны на Украине надеетесь вы? Какими способами возможно закончить эту войну? Каковы пути достижения там мира? Как положить конец этой, я бы сказал, бессмысленной гибели молодых людей, которая происходит на любой войне?

К сожалению, у меня нет готового ответа на этот вопрос. Я не думаю, что существует какая-либо реальная перспектива полно-

ценного мирного соглашения. Я думаю, что это почти невозможно. Я думаю, что лучшее, на что можно надеяться на данный момент, — что в какой-то момент перестанут стрелять, будет достигнуто прекращение огня, так что мы получим замороженный конфликт, чреватый обострением. Причем украинцы на Западе будут делать все возможное, чтобы ослабить позиции России, а русские пойдут на все, чтобы не только нанести ущерб тому дисфункциональному государству-обрубку, которым станет Украина, но и будут всеми силами сеять раздор внутри альянса. В том числе и в плане трансатлантических отношений.

Таким образом, возникнет непрекращающаяся конкуренция за безопасность между Россией, с одной стороны, и Украиной и Западом — с другой. Даже если удастся достичь замороженного мира, или замороженного конфликта, потенциал новой эскалации будет слишком велик. Так что я считаю это катастрофой.

Это очень реалистичная перспектива. Позвольте спросить о ее человеческой стороне. Как вы думаете, могут ли [сами] лидеры собраться с силами, чтобы сесть и поговорить об этом — как мужчина с мужчиной, как президент с президентом? Просто происходит слишком много смертей. Кажется, в экономической, исторической, человеческой перспективе обе страны только проигрывают. Возможно ли для Владимира Зеленского и Владимира Путина сесть поговорить и найти способ решения проблем безопасности, чтобы обе страны смогли минимизировать количество происходящих страданий и создать путь к будущему процветанию?

Думаю, ответ: нет.

Даже с участием США, даже если в комнате будет три человека?

Ну, думаю, если к этому подключатся США, тогда ответ однозначно нет. Американцев нужно исключить. В этом случае, я думаю, если Зеленский и Путин начнут говорить, то крошечный шанс у вас будет. Американцы — вот реальная проблема. Давайте вернемся к тому, что происходило сразу после начала войны. Как я уже говорил, речь идет о марте — начале апреля 2022 года, тогда как война началась 24 февраля 2022 года. Две стороны вели переговоры в Стамбуле, а также параллельно общались через Бенне-

та. Я имею в виду, что не было никакого расхождения в их целях. Но что же произошло? Беннетт четко проговаривает, что они добились значительного прогресса в достижении соглашения. Зеленский с одной стороны и Путин — с другой. Беннетт лично разговаривает и с Путиным, и с Зеленским. Но почему это ни к чему не приводит, что же происходит?

Ответ таков: вмешиваются США и Британия и говорят Зеленскому встать и уйти. Они говорят Зеленскому покинуть переговоры. Если бы они вмешались для того, чтобы призвать Зеленского попытаться вместе с Путиным найти способ остановить эту войну, если бы они работали с Беннетом, работали с Реджепом Эрдоганом, тогда, возможно, мы смогли бы остановить войну, — но это [не в обыкновении] США.

Хорошо, позвольте мне отталкиваться от вашей аргументации. Вы правы, но Соединенные Штаты рисуют такую картину, что все солидарны с ними. Возможно, вы меня поправите, но я верю в силу отдельных личностей, особенно лидеров. И вот, допустим, Джозеф Байден, или Дональд Трамп, или кто-то еще входит в комнату и заявляет, убедительно заявляет, что никакого расширения НАТО больше не будет. И на самом базовом, действительно, на самом человеческом уровне, просто задает вопрос: зачем мы совершаем все эти бессмысленные убийства?

Посмотрите на интересы одной стороны, России, посмотрите на интересы другой, Украины. Их интересы довольно просты. И, допустим, Соединенные Штаты обещают держаться в стороне от этого. Говорят, что не собираются расширять НАТО, причем убедительно говорят, что расширение НАТО в этот момент просто глупо, поскольку большая угроза — это Китай. Говорят, что не собираются идти на подобную эскалацию конфликта с Россией. Холодная война окончена, давайте нормализовать отношения.

Позвольте, я немного оживлю вашу аргументацию?

Спасибо, это необходимо.

Здесь, на мой взгляд, нужно сделать две вещи. Во-первых, Украина должна стать нейтральной и полностью разорвать все связи в сфере безопасности с Западом, так? Это не значит, что вы можете сказать: «Мы не будем принимать Украину в НАТО, но собира-

емся поддерживать некие необязывающие соглашения о безопасности с Украиной». Ничего подобного. Необходимо полностью разорвать эти связи. Украина должна быть сама по себе, ясно?

И, во-вторых, Украине придется согласиться с тем, что русские собираются сохранить за собой четыре области, которые они сейчас присоединили, и Крым. Русские не собираются их отдавать. И то, чем вам на самом деле нужно озаботиться при таком выдвигаемом нами сценарии, если вы Зеленский (или кто там будет управлять Украиной), это тем, чтобы русские не захватили еще четыре области, включая Харьковскую и Одесскую.

Если я разыгрываю партию за Путина, то в случае продолжения этой войны я буду думать о захвате еще четырех областей, о захвате около 43% Украины и присоединении этих территорий к России, причем, конечно, я захочу Одессу, и, конечно, Харьков, и еще две области между ними.

Буквально или как рычаг в переговорах по нейтралитету Украины?

Нет, буквально, я действительно хочу их завоевать. Мое добавление к вашей аргументации: если начать говорить о заключении сделки сейчас, то, возможно, по ходу переговоров удастся предотвратить подобную агрессию. Другими словами, удастся ограничить Путина и Россию аннексией тех четырех областей, которые они уже аннексировали, и Крыма. Я думаю, это лучшее из того, на что можно надеяться. Проблема в том, что вам нужно добиться того, чтобы украинцы это приняли. Добиться от украинцев согласия на то, чтобы стать по-настоящему нейтральным государством, и уступки русским огромного куска их территории. Ведь они аннексировали около 23% территории Украины, и мне трудно представить украинского лидера, который бы согласился на это.

Хорошо, тут может быть больше нюансов, например, отсутствие военного вмешательства, военной поддержки Украины со стороны США, но при этом экономическое участие, какая-то финансовая поддержка, нормализация экономических отношений с Украиной, с Россией, все это...

Думаю, это прошло бы. Сложный вопрос, с которым придется при этом разобраться, касается вступления в ЕС. И я думаю, что вступление в ЕС, вероятно, является для русских неприемлемым, поскольку, хотя большинство людей этого и не осознают, в расши-

рение ЕС встроено и военное измерение. Это не просто экономический союз, отношения, институция — какое бы слово вы к нему ни применяли. Здесь имеется и военное измерение. Еще до событий, которые привели к войне, а на деле еще в преддверии кризиса 2014 года, до того как он разразился, русские ясно дали понять, что рассматривают расширение ЕС как прикрытия для расширения НАТО.

Итак, расширение ЕС — это сложная задача, но я думаю, что ваше соображение о тесных экономических отношениях... или, если использовать более подходящий термин, здоровых экономических отношениях между Украиной и Западом, реализуемо. Я думаю, что, если речь идет о нейтральной Украине, русские будут очень даже заинтересованы в том, чтобы такая Украина процветала, однако это вновь возвращает нас к территориальному вопросу, не так ли?

Так верите ли вы в возможность того, что индивидуальные человеческие отношения могут противостоять структурным силам, о которых вы говорите? То есть что лидеры смогут взять трубку и заключить соглашения, которые окажутся благотворными для человечества в целом и для их стран в частности в долгосрочной перспективе?

Думаю, лидерство здесь имеет значение. Я имею в виду, что одна из реальных проблем здесь в том, что с российской стороны отсутствует доверие, и это связано с Минскими соглашениями. Минские соглашения, разработанные для того, чтобы остановить гражданскую войну на востоке Украины, на Донбассе, были действительно значимыми для россиян. В Минский процесс были вовлечены четыре основных игрока: Россия и Украина, конечно, а также Германия и Франция. И я считаю, что русские серьезно относились к Минским соглашениям. Я считаю, что Путин относился к ним всерьез. Он хотел положить конец этому конфликту.

И, кроме Путина, там были Ангела Меркель, Франсуа Олланд, тогдашний французский лидер, и Петр Порошенко, тогдашний украинский лидер, — это были три других ключевых игрока. И вот все трое: Олланд из Франции, Меркель из Германии и Порошенко из Украины ясно заявили, что не были всерьез заинтересованы в достижении соглашения на переговорах с Путиным, что они его дурачили, пытались обмануть, чтобы выгадать время для наращивания вооруженных сил Украины. И Путин был глубоко уязв-

лен этими признаниями всех троих лидеров. Он считает, что его обманно убедили в том, что «Минск» может сработать. Считает, что сам он вел переговоры добросовестно, а они — нет.

И он уверен, что вследствие этого [негативного] опыта в Минске уровень доверия между Россией и Западом сейчас фактически упал до нуля. Я вспоминаю здесь об этом лишь потому, что это опровергает ваш аргумент, будто лидеры могут взять трубку и поговорить друг с другом, то есть могут доверять друг другу, по крайней мере, в такой степени, чтобы добиться значимой сделки. И если вы в этот момент находились бы на месте Путина, то идея доверия Западу едва ли показалась бы вам хоть сколько-нибудь привлекательной. На самом деле вы, скорее, сочтете ложью абсолютно все, что они говорят.

Да, «не верь ничему, что говорит Запад», но ведь есть конкретные люди. Человеческая природа работает так, что, когда ты говоришь лицом к лицу, ты можешь доверять человеку, причем по-прежнему не доверяя Западу. Я верю в такую способность. Я думаю, что с правильными лидерами вы могли бы сесть вместе и поговорить и, преодолев базовое структурное недоверие к Западу, сказать: «Знаешь, мне нравится этот человек». Я очень надеюсь, что Зеленский и Путин сядут вместе и поговорят, проведут несколько раундов переговоров.

Просто помните, что в марте 2022 года они так и сделали, а потом пришли американцы и британцы и сорвали потенциальную сделку.

Еще одно прекрасное свойство человеческой природы — это умение прощать и делать новую попытку.

Когда ты лидер страны в анархической системе, ты должен быть очень осторожен, чтобы не позволить своему доверию к лидеру другой страны завести тебя слишком далеко, потому что, если этот иностранный лидер предаст тебя, твое доверие и ударит ножом в спину, ты можешь умереть. И опять-таки следует помнить, что основная ответственность любого лидера, независимо какой страны, — это обеспечивать выживание своего государства. То есть большего [чем это] доверием ты не добьешься, а если вы единожды уже предали доверие лидера другой страны, то далее вы едва ли сможете особо полагаться на то, что [его] доверие

поможет вам продвинуться вперед. Вы с этим не согласны? Надеюсь, вы правы.

Если бы они смогли остановить украинско-российскую войну, это было бы замечательно. Если окажется, что я был совершенно не прав, это будет замечательная новость. Мой прогноз о том, что эта война будет продолжаться очень долго и закончится скверно, — это тот прогноз, который мне совершенно не нравится. Так что я надеюсь, что ошибаюсь.

Вы писали, что многие на Западе считают, что наилучший вариант прекращения войны на Украине связан с отстранением Путина от власти, но вы утверждаете, что это не так. Можете объяснить, почему?

Многие думали, когда у русских были все эти проблемы с Евгением Пригожиным и группой «Вагнер», что Путин уязвим и, вероятно, будет свергнут. И что на смену Путину придет миролюбивый лидер. Я тогда указал на два момента, и сейчас я хотел бы повторить те же аргументы. Во-первых, его вряд ли свергнут. Очень маловероятно. И я думаю, пока он в добром здравии, он будет оставаться у власти. Мой второй аргумент: если он не останется у власти, если его заменят, я готов поспорить, даже на крупную сумму, что ему на смену придет более воинственный и более жесткий человек, чем Путин.

Я думаю, что на самом деле можно было бы даже сказать, что Путин излишне доверял Западу до начала войны, и, во-вторых, ведет войну против Украины не настолько решительно, как можно было бы ожидать. Он не спешил с мобилизацией и всеми возможными способами пытается вести ограниченную войну. Израильтяне, например, убили в секторе Газа за один месяц больше мирных жителей, чем погибло на Украине за 18 месяцев. Представление о том, что Путин ведет карательную кампанию и намеренно уничтожает мирное население, просто не соответствует действительности.

Я предполагаю, что если Путин покинет свой пост и на его место придет кто-то другой, то этот другой будет, по меньшей мере, не менее жестким с точки зрения ведения войны, и, безо всяких сомнений, не будет больше доверять Западу.

Позвольте попросить у вас совета, если мне удастся провести беседу-интервью с Путиным и Зеленским по отдельности, что мне следует у них спросить? Если бы мы с вами

смогли побеседовать с Путиным, какие идеи стоило бы рассмотреть? Какие вопросы задать? Какие вещи следовало бы еще раз проговорить — под запись или после выключения микрофона — что потенциально могло бы хотя бы немного уменьшить количество страданий в мире, вызванных этой войной?

Я думаю, если вам удастся организовать интервью с Путиным, ему можно будет задать любые вопросы. Я считаю, что Путин — откровенный собеседник. Он хорошо знает историю, и у него в голове есть простые теории о том, как устроен мир. Я думаю, он бы не стал проявлять высокомерие в беседе с вами, и все, что вам нужно сделать, — определиться с правильными вопросами. Это не составит труда. Вы могли бы спросить его, почему он так опрометчиво действовал. Например, почему поверил Порошенко, Олланду и Меркель при заключении Минских соглашений. Почему после своего знаменитого выступления в Мюнхене в 2007 году, где он ясно дал понять, что недоволен Западом, он продолжал — на самом базовом уровне — доверять Западу?

Почему он не объявлял мобилизацию до конца сентября 2022 года, когда переговоры, о которых мы говорили, с участием Стамбула и Беннета, когда эти переговоры провалились, почему тогда он немедленно не мобилизовал большую часть российского населения для участия в войне? Такие напрашиваются вопросы. Затем вы могли бы спросить его о том, в каком направлении, по его мнению, развиваются события. Какова лучшая стратегия для России, если украинцы не согласятся на нейтралитет? Дескать, люди вроде Джона Миршаймера говорят, что Вы, «вероятно, захватите около половины Украины». Верно ли это? Есть ли смысл брать Одессу?

А у Джона Миршаймера, наверное, тоже есть вопросы? О Китае, «о ваших будущих отношениях с Китаем»?

Да, у меня есть один действительно важный вопрос, который бы я ему задал: если бы США по сути не загнали вас в объятия китайцев, если бы не было войны из-за Украины, если бы США и их европейские союзники вместо этого сосредоточили усилия на том, чтобы создать некую архитектуру безопасности в Европе, в результате чего у вас, Путина, сложились бы хорошие отношения с Украиной, — то какими тогда были бы ваши отношения с Китаем, как вы это видите? Так что имеется множество вопросов, которые вы могли бы ему задать.

Да, надежда вечно горит в моем сердце, как, наверное, и в сердце Путина, и в сердце Зеленского, на что я надеюсь, потому что надежда, тот порыв доверия, о котором мы говорили, необходимы для деэскалации и мира.

Как вы видите, я с самого начала выступал за различные инициативы, которые были разработаны для предотвращения этой войны.

Да.

Не знаю, в курсе ли вы, но в 1993 году я утверждал, что Украина должна сохранить свое ядерное оружие. Возможно, я был единственным человеком на Западе, который отстаивал этот аргумент, заключавшийся в том, что может наступить день, когда Россия задумается о вторжении в Украину. И в таком случае для предотвращения войны было бы очень полезно, если бы у Украины имелось ядерное оружие.

То есть военная мощь существенна для поддержания баланса сил и мира.

Ну, если вы заинтересованы в сдерживании противника, если я беспокоюсь о том, что вы нападете на меня, то лучший способ вас сдержать — это обладать военной мощью. Ведь если вы — Россия, а я — Украина, то я ведь намного слабее вас, верно?

Да.

И наличие ядерного сдерживания было бы очень эффективным средством убеждения, потому что, если вы нападете на меня, вы поставите под угрозу мое выживание. И это единственное обстоятельство, при котором я, вероятно, применю ядерное оружие — для самозащиты, а учитывая последствия применения ядерного оружия, у вас пропадет всякое желание нападать на меня. Вот почему в 1993 году я утверждал, что если Украина сохранит свое ядерное оружие, то война в будущем станет гораздо менее вероятной. И я считаю, что был прав. Причем и Билл Клинтон, сыгравший ключевую роль в принуждении Украины отказаться от ядерного оружия, теперь публично утверждает (вы можете найти это в ютьюбе), что он допустил ошибку, сделав это.

Более того, в 2014 году я утверждал, что было бы в высшей степени разумно не продолжать настаивать на вступлении Украины в НАТО, потому что конечным результатом этого станет уни-

чтожение Украины — и вот теперь Украина уничтожается. Так что я всегда был глубоко заинтересован в том, чтобы это не делалось — во благо украинцев, не говоря уже о том, что стабильность в Европе является чистым позитивом почти для всех затронутых сторон. Но и в этом ко мне не прислушивались.

Как ядерное оружие, фактор гарантированного взаимного уничтожения, изменило расчеты наступательного реализма? Я имею в виду, что это ведь не только военная мощь. Оно просто настолько разрушительно, что вы, по сути дела, не можете использовать ядерное оружие, если не хотите полного уничтожения.

Несомненно, наличие ядерного оружия делает это [нападение] гораздо менее вероятным. Я здесь осмотрительно выбираю слова: гораздо менее вероятно, что [в этом случае] одна великая держава нападет на другую великую ядерную державу. Это не исключает такой возможности, но делает ее гораздо менее вероятной по тем причинам, которые вы сформулировали. Что касается использования ядерного оружия, то это интересный вопрос об отношении к использованию ядерного оружия в безумном мире гарантированного взаимного уничтожения¹². Я имею в виду ваши слова, что мы живем в MAD-мире... это просто безумие, и MAD, и *mad*, — но давайте придерживаться заглавных букв. Мы живем в мире гарантированного взаимного уничтожения. Нет сомнений в том, что в этом мире... маловероятно, что ядерное оружие будет использовано.

Ведь как вы используете ядерное оружие в этом мире: в целях манипулирования рисками, для демонстрационного эффекта. Это заставляет обе стороны балансировать на зыбкой почве. Что именно я здесь имею в виду? Давайте вспомним доктрину НАТО времен холодной войны. Мы жили в MAD-мире: Соединенные Штаты и Советский Союз, или Варшавский договор и НАТО, располагали потенциалом гарантированного взаимного уничтожения. Итак, у вас было гарантированное взаимное уничтожение. Мы говорили, что в случае, если страны Варшавского договора вторглись бы в Западную Европу, и мы оказались бы в ситуации, когда Западная Германия и НАТО проигрывали войну, мы применили бы ядерное оружие. Как бы мы использовали ядерное оружие, учитывая, что мы находимся в MAD-мире? Предполагалось, что мы использовали бы

12. Англ. *mutually assured destruction*; сокращение MAD омонимично прилагательному *mad* — безумный, сумасшедший.

небольшое количество ядерного оружия против стран Варшавского договора, не обязательно против их вооруженных сил.

Это мог быть удар по какой-нибудь отдаленной местности. Мы бы использовали небольшое количество ядерного оружия, чтобы дать сигнал Советам о том, что мы со всей серьезностью собираемся остановить их наступление и что это обернется катастрофой для обеих сторон. Другими словами, мы бы манипулировали рисками так, чтобы они поняли, что последний реальный шанс избежать ядерного армагеддона у них в руках. Затем мы бы сказали им, что если они ответно применяют атомное оружие и не остановят свое наступление на Западную Германию, то мы предпримем еще одну небольшую ядерную атаку. И мы бы взорвали еще несколько единиц ядерного оружия — исключительно для того, чтобы продемонстрировать им нашу решимость.

Такова стратегия манипуляции риском, и большая часть языка, который я только что использовал в этом описании — это язык, изобретенный Томасом Шеллингом¹³. Теперь перенесемся в настоящее: если бы Россия проигрывала на Украине, то это единственный сценарий, в котором, как я думаю, Россия пошла бы на применение ядерного оружия. Вопрос в том, как бы Россия его применила? Опять-таки, это если допустить, что россияне проигрывают украинцам. Я считаю, что в таком случае они бы использовали стратегию манипулирования рисками. Они бы применили четыре или пять, три или четыре, кто знает, единицы ядерного оружия...

Может быть, всего одну, где-нибудь в сельской местности, чтобы убило как можно меньше людей.

Да, именно так, и, по сути, это всех напугало бы.

Просто грибовидное облако.

Да-да. И угроза эскалации. Опять-таки, это учитывая ваш тезис о том, что мы живем в MAD-мире. Я его принимаю и рассматриваю.

13. См.: Шеллинг Т. Стратегия конфликта. М.: ИРИСЭН, 2007. В частности, Шеллинг в конце 1960 года консультировал Стэнли Кубрика относительно триллера Питера Джорджа «Красная тревога» (1958) как «реалистичного» сценария развертывания термоядерной катастрофы (в эпоху межконтинентальных ракет), стимулировав работу Кубрика над фильмом «Доктор Стрейнджлав, или Как я перестал бояться и полюбил бомбу» (1964) (Schelling Th. C. Strategies of Commitment and Other Essays. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006. P. 212).

ваю момент ограниченного использования ядерного оружия — так? Вряд ли мы что-то понимаем в ядерной эскалации, потому что, слава богу, у нас никогда не было ядерной войны. Поэтому, как только обе стороны ступят на эту зыбкую почву, даже если в вашем сценарии вы используете только одну ядерную бомбу, никто не знает, как будет выглядеть динамика эскалации. Таким образом, у всех есть мощный стимул немедленно положить конец конфликту. Я мог бы добавить, что были люди, считавшие, что мы не стали бы инициировать стратегию манипулирования риском в Европе, даже если бы проигрывали Варшавскому договору в период холодной войны.

И Генри Киссинджер¹⁴, и Роберт Макнамара¹⁵ после ухода со своих постов говорили, что не стали бы этого делать. Не стали бы инициировать применение ядерного оружия, даже ограниченное. Вот о чем мы здесь говорим. Они скорее предпочли бы быть красными, чем мертвыми.

Слишком рискованно.

Слишком рискованно, совершенно верно. Но если бы они применили одну атомную бомбу, как в вашем сценарии, или три-четыре, как в моем, все бы сказали: «О боже, мы должны немедленно это остановить». Я рассказываю вам эту историю, или излагаю этот сценарий, только как ответ на ваш вопрос о том, как использовать ядерное оружие в MAD-мире, это и есть ответ на ваш вопрос.

Это все ужасно. Возможно, отчасти меня это пугает, потому что я представляю, как в XXI веке Китай, Россия, Израиль, Соединенные Штаты используют ядерное оружие таким образом, взрывая его где-то в глуши, так что, возможно, оно никого не убивает, но мне страшно увидеть грибовидное облако, учитывая наличие сейчас всех этих социальных сетей, учитывая, как быстро распространяются новости, и не понимать, как дальше будет развиваться эта эскалация... Как новость об этом обходит весь мир за считанные минуты и как реагируют лидеры. Ужасно, что нет понимания, к чему приведет эта маленькая демонстрация силы, ее волновые эффекты, накрывающие мир за считанные минуты, секунды, потому что дальше будут действовать человеческие эмоции.

14. Советник президента США по национальной безопасности в 1969–1975 годах.

15. Министр обороны США в 1961–1968 годах.

Мы видим ландшафт человеческих эмоций, реакцию лидеров и населения, а также то, как распространяются новости, и мы видим ландшафт риска, сдвигающий, как вы упомянули, самую интенсивную нелинейную динамическую систему в мире, и это просто ужасно, потому что на волоске висит вся человеческая цивилизация. И таким образом могут быть убиты сотни миллионов людей.

Давайте говорить об этом только в контексте украинской войны. Если бы русские проигрывали (как я уже говорил ранее, и чего сейчас не наблюдается, хотя в 2022 году дело действительно выглядело так), — итак, если бы русские проигрывали и обратились к ядерному оружию, то вопрос: каким образом они бы его использовали? Они бы использовали его на Украине, а поскольку у Украины нет собственного ядерного оружия, то она не смогла бы ответить тем же. Это не *MAD*, не ситуация гарантированного взаимного уничтожения. Это тот случай, когда у одной стороны есть ядерное оружие, а у другой нет. Это означает, что русские, вероятно, решили бы, что применение ядерного оружия как-то может сойти им с рук, что было бы невозможно в случае нападения на страну НАТО.

И это делает использование ядерного оружия более вероятным. Хорошо. Это пункт первый. Пункт второй: давайте предположим, что русские применили бы две или три ядерные боеголовки в отдаленной местности.

У меня, кстати, даже ладони вспотели. Просто комментарий. Это ужасно.

Да. Тогда возникает вопрос: как отреагировал бы Запад? Как сказал Макрон, и Байден, я думаю, также дал это косвенно понять: «Мы не стали бы отвечать применением ядерного оружия, если бы русские нанесли ограниченный ядерный удар на Западной Украине». И тогда вопрос: что же мы сделали бы? Если послушать Дэвида Петреуса¹⁶, то он говорит, что мы должны были бы нанести удар по российским военно-морским объектам в Черном море и уничтожить российские силы, находящиеся на территории Украины. Что ж, если сделать это, то вы получите войну великих держав. Вы получите [противостояние] НАТО vs Россия, что есть

16. Генерал в отставке, вице-президент британского института оборонных инициатив (*RUSI*), командующий многонациональными силами НАТО в Ираке (2007–2008) и Афганистане (2010–2011), глава Центрального командования вооруженных сил США в 2008–2010 годах, директор ЦРУ в 2011–2012 годах.

лишь другое обозначение [противостояния] Соединенные Штаты vs Россия. Итак, у нас получается война супердержав.

У них есть ядерное оружие и у нас есть ядерное оружие. И вот, они применили ядерное оружие. Вы видите здесь какой-либо удачный вариант развития событий? И чтобы сделать следующий шаг, вернемся к нашему предыдущему обсуждению приближения НАТО к границам России. Я высказал мысль, с которой вы наверняка согласитесь: русские очень встревожены приближением НАТО к границам России. И вот сейчас получается такая ситуация, что не только НАТО приближается к их границе, но и они ведут войну с НАТО прямо на своих границах. И как в такой ситуации будет выглядеть динамика эскалации? Вы знаете ответ? Кто-нибудь знает ответ? Это чертовски страшный сценарий, верно?

Причем некоторые из перечисленных действий могут быть, как вы упомянули, непреднамеренными. Могут иметься непредвиденные последствия. Это может быть российская ракета, попавшая в Польшу. Такие вещи только усугубляют недопонимание. Я имею в виду, ядерное оружие могло быть... боже, удар мог быть запланирован в точке X, а оно попало в точку Y, что в конечном итоге привело к гибели очень большого количества людей. Я имею в виду, что эта эскалация происходит за считанные минуты. И единственный способ остановить ее — это общение между лидерами. Для меня это еще один серьезный аргумент в пользу постоянного общения.

Во время кубинского ракетного кризиса Джон Ф. Кеннеди потребовал ни при каких обстоятельствах не допускать захода американских самолетов в советское воздушное пространство. Затем, несколько дней спустя, он узнал, что до какого-то парня эта информация не дошла, он не получил приказа и проник на самолете глубоко в советское воздушное пространство. И это подтверждает вашу основную мысль о том, что произойти может что угодно.

Суммируя все сказанное, проблема здесь в том, что, к счастью, мы никогда раньше не проходили через это. Поэтому у нас нет большого опыта относительно того, как это будет происходить. На самом деле это чисто теоретическое предприятие, поскольку нет никакой эмпирической основы для разговоров об эскалации ядерного кризиса. И это, конечно, замечательно.

Беседовал Лекс Фридман

Библиография

- Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского (1651) // Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1991. Т. 2.
- Замечания и предложения «Восточного министерства» по генеральному плану Ост // Военно-исторический журнал. 1965. № 1. С. 82–83.
- Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза: документы и материалы. М.: Воениздат, 1987.
- Путин В. В. Об историческом единстве русских и украинцев // Президент России. 12.07.2021. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66181>.
- Шеллинг Т. Стратегия конфликта. М.: ИРИСЭН, 2007.
- Яковлев Е. Н. Война на уничтожение. Третий рейх и геноцид советского народа. СПб.: Питер, 2020.
- Benz W. Der Hungerplan im „Unternehmen Barbarossa“ 1941. B.: Wissenschaftlicher Verlag, 2011.
- John Mearsheimer: Israel-Palestine, Russia-Ukraine, China, NATO, and WW3 // Lex Fridman Podcast. 17.11.2023. № 401. URL: <https://lexfridman.com/john-mearsheimer-transcript>.
- Kay A. J. Exploitation, Resettlement, Mass Murder: Political and Economic Planning for German Occupation Policy in the Soviet Union, 1940–1941. N.Y.; Oxford: Berghahn Books, 2006.
- Mearsheimer J. J. How States Think — The Rationality of Foreign Policy. New Haven, CT: Yale University Press. 2023.
- Mearsheimer J. J. The Future of the American Pacifier // Foreign Affairs. 2001. Vol. 80. № 5. P. 46–61.
- Mearsheimer J. J. The Israel Lobby and U.S. Foreign Policy. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2007.
- Mearsheimer J. J. The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities. New Haven, CT: Yale University Press, 2018.
- Mearsheimer J. J. The Tragedy of Great Power Politics. N.Y.; L.: W. W. Norton & Company, 2001.
- Mearsheimer J. J. Why Leaders Lie: The Truth About Lying in International Politics. N.Y.: Oxford University Press, 2011.
- Schelling Th. C. Strategies of Commitment and Other Essays. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006.

“THE AMERICANS ARE A REAL PROBLEM”. A CONVERSATION WITH LEX FRIDMAN

JOHN MEARSHEIMER. Chicago University, USA.

Keywords: anarchic system; offensive realism; structural argument; catastrophe; risk manipulation.

Abstract: In an interview with Lex Fridman, American political scientist, professor at the University of Chicago John Mearsheimer comments on the situation of the current world system crisis based on the ideas of offensive realism developed by him since the early 2000s, according to which even great powers interested only in maintaining security are forced to compete and conflict with each other, striving for hegemony (the greatest influence) and plunging the world into a systemic state of anarchy. According to Mearsheimer, this historical trend is not dictated by the will to power inherent in political leaders such as Napoleon Bonaparte or Adolf Hitler, but is coupled with a structural argument, which, in relation to the current crisis, is the wave of NATO expansions (actual — in 1999 and 2004, declared — in 2008), which was actively rejected by Russia. The role of the personality (leader) remains significant today, however, the situation of trust necessary for conducting a direct peacemaking dialogue now also acts as structurally conditioned, primarily negatively — due to numerous cases of deceived trust in the past. At the same time, such a structural moment as the existence in the current conditions of the MAD-world (the world of mutually assured destruction), as before, as in the situation of the 1961 Caribbean crisis, not only provides opportunities for manipulating risks, but also acts as a tangible last limit for self-understanding towards peace.

DOI: 10.17323/0869-5377-2024-2-21-58

References

- Benz W. *Der Hungerplan im „Unternehmen Barbarossa“ 1941*, Berlin, Wissenschaftlicher Verlag, 2011.
- Hobbes Th. *Leviathan, ili Materiia, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo (1651) [Leviathan or The Matter, Forme and Power of a Commonwealth Ecclesiastical and Civil (1651)]*. *Sochineniia: V 2 tomakh [Works: In 2 volumes]*, Moscow, Mysl', 1991, vol. 2.
- John Mearsheimer: Israel-Palestine, Russia-Ukraine, China, NATO, and WW3. *Lex Fridman Podcast*, November 17, 2023, no. 401. Available at: <https://lexfridman.com/john-mearsheimer-transcript>.
- Kay A. J. *Exploitation, Resettlement, Mass Murder: Political and Economic Planning for German Occupation Policy in the Soviet Union, 1940–1941*, New-York, Oxford, Berghahn Books, 2006.
- Mearsheimer J. J. *How States Think — The Rationality of Foreign Policy*, New Haven, CT, Yale University Press, 2023.
- Mearsheimer J. J. The Future of the American Pacifier. *Foreign Affairs*, 2001, vol. 80, no. 5, pp. 46–61.
- Mearsheimer J. J. *The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities*, New Haven, CT, Yale University Press, 2018.
- Mearsheimer J. J. *The Israel Lobby and U.S. Foreign Policy*, New-York, Farrar, Straus and Giroux, 2007.
- Mearsheimer J. J. *The Tragedy of Great Power Politics*, New-York, London, W. W. Norton & Company, 2001.

- Mearsheimer J. J. *Why Leaders Lie: The Truth About Lying in International Politics*, New-York, Oxford University Press, 2011.
- Prestupnye tseli gitlerovskoi Germanii v voine protiv Sovetskogo Soiuza: dokumenty i materialy* [The Criminal Goals of Nazi Germany in the War Against the Soviet Union: Documents and Materials], Moscow, Voenizdat, 1987.
- Putin V. Ob istoricheskom edinstve russkikh i ukrainsev [On the Historical Unity of Russians and Ukrainians]. *President of Russia*, June 12, 2021. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66181>.
- Schelling T. *Strategiia konflikta* [The Strategy of Conflict], Moscow, IRISEN, 2007.
- Schelling Th. C. *Strategies of Commitment and Other Essays*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 2006.
- Yakovlev E. *Voina na unichtozhenie. Tretii reikh i genotsid soverskogo naroda* [The War of Annihilation. The Third Reich and the Genocide of the Soviet People], Saint-Petersburg, Piter Publishing House, 2020.
- Zamechaniia i predlozheniia "Vostochnogo ministerstva" po general'nomu planu Ost [Comments and Proposals of the Eastern Ministry on the Generalplan Ost]. *Military Historical Journal*, 1965, no. 1, pp. 82–83.

«Европейская комиссия сейчас подобна ЦК КПСС» Беседа с Хауке Ритцем

ХАУКЕ РИТЦ

Независимый исследователь, Берлин, Германия.

Ключевые слова: европейский мир vs американское влияние; культурное подстраивание и предательство Европы; рефлексивность России и Запада; углубление ЕС vs расширение НАТО; независимые медиа и обновление левого движения.

В своей беседе с редакцией журнала «Логос» о ключевых сюжетах и контексте возникновения книги «Эндшпиль Европа. Почему потерпел неудачу политический проект Европа и как начать снова о нем мечтать» (2022) ее соавтор, Хауке Ритц, подчеркивает, что импульсом к написанию работы стала рефлексия о причинах провала проекта Европейского союза в момент 30-летия подписания Маастрихтского договора. Этот провал имеет как внутривнутриполитическое измерение — провал демократии и республиканизма во внутренних структурах ЕС, так и внешнеполитическое — ухудшение отношений между Германией (Европой), Западом и Россией и, конечно же, конфликт на Украине. Причем внутривнутриполитический провал в осуществлении проекта европейского мира, во многом связанный с выбором экстенсивного пути его развития (расширения ЕС, сопряженного с экспансией НАТО на восток) в ущерб интен-

сивности (углубления политической интеграции), ведет к глубоким внешнеполитическим осложнениям и усугубляется ими.

То, что проект ЕС, не достигший прогресса в своем внутривнутриполитическом (демократическом и республиканском) содержании и искусственно ограниченный через исключение России из европейского мира и общей архитектуры безопасности, оказался инструментализованным, наряду с поддержкой позиции США по Украине, по мнению Ритца, составляет предательство Европы. Проблему усугубляет игнорирование университетским сообществом и мейнстримными медиа этого катастрофического положения дел. Однако повсюду по Европе возникают и получают все большую популярность новые, альтернативные медиа, критически и ответственно прорабатывающие эти темы и содействующие формированию рефлексивной европейской солидарности.

Мы попросили одного из соавторов книги «Эндшпиль Европа»¹, доктора Хауке Ритца, кратко представить эту работу.

Спасибо! Для начала хотелось бы вкратце рассказать о том, как возникла идея книги, как складывалась работа над ней и, далее, о том, какие реакции на нее последовали в Германии в первые месяцы после ее публикации. Летом 2022 года в Германии я встретился с Ульрике Геро, с которой уже пару лет был знаком и время от времени контактировал. Мы с ней поговорили, и она упомянула, что в 2022 году исполняется 30 лет Маастрихтскому договору, то есть основанию Европейского союза (ЕС), появившемуся через несколько недель после распада Советского Союза (СССР), и о ее плане написать книгу о причинах провала проекта ЕС. Этот провал имеет, с одной стороны, внутривнутриполитическое измерение — провал демократии и республиканизма во внутренних структурах ЕС, но также у этого провала имеется и внешнеполитическое измерение, которое сильнее всего проявляется в плане ухудшения отношений между Германией, соответственно, — Европой, Западом и Россией и, конечно же, в войне² на Украине.

Геро считала, что сама недостаточно хорошо разбиралась в этом внешнеполитическом аспекте, и спросила меня, не могу ли я ей помочь в совместной проработке и написании соответствующих глав книги. И затем, очень быстро, из этой помощи развилось наше соавторство. К тому же издательство очень четко обозначило дату, к которой книга должна была выйти в свет. Мы приступили к написанию книги в начале августа 2022 года, а в сентябре

1. Геро У., Ритц Х. Эндшпиль Европа. Почему потерпел неудачу политический проект Европа и как начать снова о нем мечтать / Пер. с нем. О. В. Никифорова при участии В. Фоменко. Ереван; М.: Fortis Press; Гнозис, 2024.
2. Имеется в виду специальная военная операция России на Украине. Здесь и далее сохранено используемое Ритцем привычное для немецких исследователей обозначение военных действий на территории Украины, происходящих с февраля 2022 года. — Прим. ред.

нам уже предстояло предоставить ее текст издательству, то есть времени у нас было лишь шесть недель.

Уже через три недели нам удалось определиться со структурой книги, то есть все ее главы были прописаны. Еще три недели было уделено редактуре и корректуре текста, после чего франкфуртское издательство *Westend* отправило книгу в печать. (Относительно издательства *Westend* можно сказать, что само оно, будучи сравнительно небольшим, работает с актуальными пограничными темами и, в частности поэтому, имея очень хороший пиар-отдел, является одним из самых заметных среди многочисленных небольших немецких издательств.) И нам удалось сделать действительно хорошую презентацию книги на Франкфуртской книжной ярмарке, так что она сразу попала в списки бестселлеров, добравшись в нем до тринадцатой позиции.

Однако уже через неделю после публикации книги Боннский университет, в котором работала Геро, начал от нее дистанцироваться. Впрочем, мы сами, конечно же, осознавали, что после публикации книги на нас обрушатся потоки критики. Однако мы надеялись, что через нее нам удастся завязать дискуссию о будущем Европы и ЕС. Появилась посвященная книге *wiki*-страница³, на которой были собраны критические по отношению к ней публикации, появившиеся в «нормальных» медиа. Связанные с политическими темами *wiki*-страницы почти всегда оказываются «партийными», односторонними, что также проявилось и на этой странице, вовсе не упоминающей положительные отклики на «Эндшпиль Европа».

Наша книга, помимо прочего, показала, что внутри немецкой общественности существует определенный раскол, поскольку практически все альтернативные медиа отзывались на нее положительно, тогда как мейнстримные медиа говорили о ней исключительно негативно. Но, так или иначе, за несколько месяцев книга привлекла к себе внимание. А потом Ульрике уволили из Боннского университета. Причем, конечно же, на «Эндшпиль Европа» или на предыдущую книгу Ульрике «Кто молчит — тот соглашается»⁴ никак не указывалось как на причину увольнения — заявленным основанием увольнения был вмененный Ульрике плаги-

3. См. URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Endspiel_Europa.

4. Guérot U. Wer schweigt stimmt zu. Über den Zustand unserer Zeit. Und darüber, wie wir leben wollen. Fr.a.M.: Westend, 2022.

ат в одной из ее более ранних книг⁵. Однако если внимательно просмотреть на то первое издание этой ее [обвиненной в плагиате] книги, в нем обнаружится куча опечаток, поскольку издательство тогда очень торопилось с ее публикацией, причем как раз эти опечатки, например пропущенные кавычки, были проинтерпретированы как плагиат. Помимо пропущенных кавычек в этой книге цитируется общеизвестное высказывание Эйнштейна, известное настолько, что Ульрике сочла излишним давать сноску относительно этой цитаты. Также по причине отсутствия этой сноски ей вменили «плагиат у Эйнштейна».

Почему нападки на «Эндшпиль Европа» оказались столь жесткими?

С одной стороны, в этой книге объединялись, так сказать, две разные среды. Потому что люди, обычно занимающиеся европейскими проблемами, вопросами ЕС, никогда не занимаются внешней политикой; а люди, занимающиеся Россией или расширением НАТО на восток, как правило, не интересуются делами ЕС. А «Эндшпиль Европа» как раз объединяет эти два проблемных поля, то есть люди, специализирующиеся в одной проблематике, здесь обращаются и к другой. Кроме того, в этой книге мы публикуем информацию, которая является очень, так сказать, неприятной для сегодняшней западной политики. Например, в середине книги дается список всех маневров и активностей НАТО на Украине. Их перечисление занимает четыре–пять страниц книги, и по их прочтению уже невозможно верить, что НАТО никак не было причастно к войне на Украине. Помимо этого, наша книга постоянно обращается к восстановлению контекста, взаимосвязи между событиями 1989–1990-х годов, падением Берлинской стены, и сегодняшними реалиями. То есть она коротко излагает всю историю отношений Восток — Запад по окончании холодной войны. И отсюда становится ясно, что горячий конфликт на Украине случился не на пустом месте, что он имел предысторию, ответственность за которую также несет и Запад.

Еще одним фактором, приводившим к нападкам на книгу, выступала фигура самой Геро, известной публичной персоны в Германии, ранее принадлежавшей к официальной политической элите Германии и непосредственно участвовавшей в разработке проекта ЕС, работавшей в немецком фонде Маршалла в Вашингтоне

5. *Idem.* Warum Europa eine Republik werden muss! Eine politische Utopie. Bonn: J.H.W. Dietz Nachf., 2016.

и руководившей деятельностью берлинского бюро Европейского совета по международным отношениям (*European Council on International Relations*). Однажды она участвовала в подиумной дискуссии вместе со Збигневом Бжезинским, знала Роберта Кагана, Викторию Нуланд, других неоконсерваторов. Но уже во время ее работы в США она заметила, что думает иначе, чем эти люди, хотя и работала тогда в тех же институциях, что и они. Однако если оказывается, что такую книгу, как «Эндшпиль Европа», пишет человек, который близко знает этих людей, кому известны детали их деятельности, консультировавший многих политиков немецкого бундестага, — это, конечно же, воспринимается совсем иначе, нежели авторство какого-то диссидента, никогда не находившегося на заметных позициях.

Этими двумя книгами — сначала о «коронакризисе», а затем об «Эндшпиле Европа» в свете войны на Украине — Ульрике в понимании этих людей совершила две серьезные ошибки; поскольку если ты некогда находился в их лагере, а потом открыто выступил против — их сторона воспримет это как некий афронт, публичное оскорбление. Ну и для острастки — чтобы какие-либо другие ученые или политэксперты даже не задумывались повторить что-то подобное — против книги вообще и, в особенности, против Геро была проведена жесткая кампания: появилось около 180 статей в прессе, сообщавших о ее «ошибках», написанных против нее. Дело дошло даже до того, что попытались устроить скандал по поводу мнимых проблем со здоровьем у Геро...

Относительно последовавших нападок на научность, или ненаучность, книги — каким образом критики из мейнстримных медиа обосновывали эти упреки?

В этой связи я напомним, что книга «Эндшпиль Европа» была написана за три недели, то есть на весь процесс ее создания, от формулирования идеи до сдачи текста в печать, ушло лишь шесть недель. Естественно, она не делалась как диссертация на соискание докторской степени. И уже в самом начале книги, в предисловии к ней, мы говорим, что это эссе, цитируя слова философа Теодора Адорно⁶ о том, что

6. Имеется в виду манифест Адорно «Эссе как форма» (1958), см.: Адорно Т. Эссе как форма / Пер. с нем. О. В. Кильдюшова, И. А. Михайлова // Своеволие философии: собр. филос. эссе / Отв. ред. О. П. Зубец. М.: Издательский дом ЯСК, 2019. С. 65–85. — Прим. ред.

...эссе начинается не с Адама и Евы, а с того, что хочется сказать. Оно говорит то, что кажется уместным, и обрывается там, где чувствуется необходимость завершения, а не там, где больше нечего сказать.

Так что эти упреки в ненаучности в адрес нашей книги неуместны, поскольку она не имела каких-то высоких притязаний на *академическую* научность. Принципам *научности* мы, конечно, стремились соответствовать, но не тем критериям академичности, что необходимы при написании докторской. В избранной нами для книги форме эссе мы хотели дать обозрение того трагического пути, который прошла Европа за последние 30 лет со времени падения Берлинской стены и основания ЕС.

Книга называется «Эндшпиль Европа», потому что мы действительно считаем, что политические процессы последнего тридцатилетия ведут к концу Европы как одного из мировых центров или как важнейшего актора в мировой событийности. В середине книги мы приводим карту 1534 года, одну из старейших карт Европы, на которой Европа представлена как женская фигура королевы, чья голова — это Испания, руки — Италия и Дания, грудь — Германия, а основанием которой выступает, с одной стороны, Греция и Константинополь, а с другой — Россия.

Этот образ показывает, что Европа является неким единым целым. Отдельные страны, конечно же, отличаются друг от друга, имеются различные государства. Однако динамика развития истории искусства, смысловые формы являются общими для всей Европы. Европа — это единое пространство культурного резонанса, где во взаимном влиянии развивались различные национальные литературы: Гёте быстро переводили на французский, немцы читали английскую литературу, немецкая философия распространялась по всей Европе, Достоевский и русская литература и русская классическая музыка имели огромное влияние. Если какой-нибудь путешествующий сегодня турист-неофит сначала приедет в Санкт-Петербург, а потом окажется в Риме и Лиссабоне — он увидит единое архитектурное пространство.

И в своей книге мы аргументируем, что если это пространство культурного резонанса, являемое Европой, окажется пресечено по его географически наиболее широкой части, то Европе будет нанесен ущерб во многих аспектах. Во-первых, Европа пострадает экономически, если ее отрежут как от ресурсной базы Сибири, так и от растущих рынков на востоке: России, Китая, Индии,

азиатских стран. Если Европу разрежут в самой ее широкой части — она превратится в зависимый от Америки полуостров.

Наша книга ушла в печать еще до того, как оказался разрушен газопровод «Северный поток — 2», но это разрушение определенным образом уже предвосхищалось в нашей аргументации.

Возвращаясь немного назад, к упрекам о ненаучности вашей книги (исполненной в очень достойной и требовательной, на наш взгляд, форме эссе) со стороны ее мейнстримных критиков: исходя из каких образцов политологической научности предъявлялись эти упреки? Что или кто, по мнению критиков, выступает образцом такой политической научности? Может быть, тот же Бжезинский с его «Великой шахматной доской»? Или не менее политически заряженный Фукуяма с его «Концом истории»?

Упреки в ненаучности применяются произвольно. Если кто-то аргументирует в пользу НАТО — ему оказывается позволительным приводить самые безумные статистические выкладки и цифры, оперировать расистскими клише, упрощенчески преподносить историю, и при этом никто и не подумает упрекать его в ненаучности. Но если кто-то решится поставить под вопрос интересы НАТО или интересы США, то упреков в ненаучности ему не избежать — неважно, сколь много обосновывающих сносок ты приведешь. И в нашей книге имеется множество, без малого 300, ссылок.

Имеет ли эта книга для вас самих и для Геро характер личного свидетельства? Была ли у вас какая-то личная подоплека, основания для ее написания?

Как Ульрике, так и я чувствовали потребность высказаться о возникшей ситуации. Ульрике хотела, чтобы 30-летний юбилей ЕС не оказался замолченным, я же хотел, чтобы через полгода после начала войны, когда «официальная» немецкая общественность находилась под своего рода гипнозом, была бы наконец честно рассказана ее контристория, альтернативная к повсеместно утверждаемой, без расхожей лжи и умолчаний. Поэтому в книге говорится и про обнаруженные на Украине тайные биолaborатории, и ставится вопрос о том, какой смысл и предназначение имеет для США «ракетный щит» — система ПРО, наращиваемая ими в Восточной Европе.

Я нигде никоим образом не пытался сгладить аргументацию книги, чтобы как-то способствовать ее публикации, продвижению. Большею частью я занимался написанием той главы книги, которая разбирает историю немецко-российских отношений, отношений Западная Европа — Россия, и относительно возобладавшей сегодня политики у меня всегда было такое чувство, что она — ненадолго, так что нет риска в том, чтобы говорить правду. Скорее, бояться следует как раз тем, кто ответственен за эту политику, а не тем, кто ее критикует.

Почему вы считаете, что политики, сегодня отвечающие за развитие проекта ЕС, неспособны справиться с его актуальным кризисом через его изменения и преобразования к лучшему? Почему вы полагаете, что он обречен на провал?

Спасибо за вопрос — он дает мне основания обратиться к представлению второй части книги, о которой я пока не говорил. Выше я преимущественно говорил о содержании тех частей, к написанию которых сам был причастен, — о России и Украине и о планах США по отношению к Европе. Ульрике же писала о культуре Европы и о провале политического проекта ЕС.

Когда учреждался ЕС, были провозглашены два базовых обещания. Первое возвещало создание в Европе долгосрочного мирного порядка, который положит конец долгой цепочке войн XX века: от первой и второй мировых войн до холодной. В нашей книге мы говорим, что с 1914 года Европа пребывает в состоянии гражданской войны и что война на Украине представляет собой лишь актуальную манифестацию этой уже столетней европейской гражданской войны.

Что касается ЕС, то его первой значимой неудачей было то, что он не сумел установить прочные и устойчивые отношения с Россией. Вторая его неудача заключается в невыполнении первоначально озвученного обещания о том, что ценности республиканизма и демократии утвердятся как европейские ценности. Но ЕС сегодня — он просто недемократичен. Европейская комиссия сейчас подобна ЦК КПСС: никакие ее решения не легитимируются демократическим образом! Известно, что в Брюсселе пребывают и функционируют 40 тыс. лоббистов, которые оказывают большее влияние на европейскую политику, нежели все граждане или даже отдельные государства Европы. А для обычных людей ЕС предстает как некая технологическая структура: они никак не могут повлиять на принимаемые в нем решения и процессы. И это,

естественно, приводит к росту популярности критичных по отношению к европейскому проекту партий и движений.

В нашей книге мы описываем историю неудач в принятии Европейской конституции. Когда выстраивался ЕС, был определен ряд задач, которые предстояло исполнить: сначала следовало устранить границы между государствами внутри ЕС, а затем создать общую валюту. Эти две задачи были выполнены, однако, вопреки планам, не была принята Европейская конституция, которая укоренила бы граждан Европы в ЕС. В 2000-х годах был сверстан проект такой конституции, который был вынесен на национальные голосования, но на референдумах во Франции и Голландии в 2005 году он провалился. Тот конституционный проект не был удачным, поскольку, по большому счету, он был прописан с неолиберальных позиций, но тем не менее будь он утвержден, им задавалась бы объединенность граждан стран ЕС. При всех его несовершенствах было бы лучше принять его, нежели так и остаться вообще без конституции.

Но та конституция не была принята и ее заменили Договором. И благодаря этому Договору Европа сегодня оказалась просто райским местом для капитала и международных концернов. Через лоббистскую деятельность можно влиять на любые политические процессы в ЕС. Можно играть на противоречиях между отдельными государствами и размещать свои фабрики и заводы в любом месте, где налогообложение наиболее низко. То есть Европа оказалась свободной, прежде всего, для движения капитала, рабочей силы и товаров, однако ЕС оказался неспособен защитить своих граждан от развертывания сил глобализации. За последние 30 лет в ЕС резко выросло количество бедных, мы видим, что возникли монополии — прежде всего таких цифровых гигантов, как *Microsoft*, *Apple*, *Amazon*, *Google*, — продавливающих свои интересы на политическом уровне. А американские (транснациональные) инвестиционные компании, такие как *BlackRock*, *Vanguard*, *State Street*, — они могут скупать и распродавать европейские промышленные предприятия, как им заблагорассудится.

Несмотря на это, судя по актуальным опросам, большинство европейских граждан практически во всех странах ЕС и сегодня по-прежнему выступают за единую Европу. Однако эту идею единой Европы они уже не связывают с ЕС. Большинство опрошенных сегодня отвергают ЕС — но не идею единой Европы!

И, кстати, критика на нашу книгу поступала не только из мейнстримных медиа, но и из альтернативной медиа-сцены, откуда нас упрекали в том, что мы «слишком доверяем» ЕС. Но... в поясне-

ние, почему ЕС воспринимается столь негативно: он ассоциируется с ценностями, которые не являются собственно европейскими. Допустим, европейские банкноты — на них изображены какие-то мосты, окна, но это не реальные мосты и окна, — все они выдуманы! По какой-то причине ЕС считает непозволительным соотноситься с архитектурной историей стран, которые он объединяет. А если посмотреть, какие неправительственные организации финансово поддерживаются ЕС, какая у них культурная политика — это всегда американская культурная политика. Например, ЕС тратит миллионы, если не миллиарды, евро на различные проекты по продвижению ценностей *LGBTQ*+⁷ в Европе и мире. Но где, собственно, возникли эти ценности? В Калифорнии, а не в Европе. Или, другой пример, американское общество отягощено историей рабства, и отсюда, как реакция на эту историю, возникло движение *BLM*⁸. Но у Европы нет такой истории рабства. Однако мы в Европе постоянно говорим и слышим про эти *BLM*-ценности, словно мы — те же американцы.

Все эти ценности защиты прав меньшинств, борьбы с дискриминацией и пр. — они являются реакцией на противоречия американского общества, но они экспортируются в Европу. А ЕС даже не в состоянии защитить культурное наследие Европы. Где сегодня европейское кино, которое еще в 1950–1960-х годах было столь мощным и влиятельным? Ведь Европа всегда ассоциировалась с искусствами, литературой, философией, с отличением высокой культуры от массовой культуры развлечений. Но сегодня ЕС ориентируется только на развлекательные форматы и калифорнийские ценности. Сегодня во многих странах просходят скандалы в связи с продвижением ценностей *LGBTQ*+ движения⁹ в школьные учебники. Школьникам объясняют, что смена пола — это нормально. Но в тот момент, когда на страницы европейских школьных учебников заносится идея о том, что мужчины могут забеременеть, — в этот момент наследие европейского Просвещения оказывается преданным.

То есть главная проблема ЕС заключается в том, что он *не является европейским*. И произошло это потому, что сам ЕС возник при гегемонии США, он был выстроен в соответствии с «американским миром». Если же этот «американский мир» оказывается несостоятельным, то и ЕС становится ненужным. Однако «ненужный» не совсем подходящее слово — ведь если завтра распустить

7. Признано экстремистским и запрещено на территории РФ.

8. Сокр. от *Black Lives Matter* — «Жизни черных имеют значение».

9. Признано экстремистским и запрещено на территории РФ.

ЕС, то, поскольку сегодня национальные экономики настолько срослись друг с другом, это окажется не менее катастрофичным, чем распад СССР. Поэтому мы в нашей книге занимаем ту позицию, согласно которой несмотря ни на что следует попытаться спасти ЕС!

Мы совершенно несогласны с культурной политикой, проводимой Евросоюзом, критикуем его за недемократичность, но мы против того, чтобы его распускать. Следует его выстроить заново, причем выстроить изнутри. Если ЕС развалится, что, к сожалению, очень даже вероятно, то геополитические акторы, соседствующие Европе, растянут ее пространство по частям. И в таком случае, возможно, такие страны, как Франция, Германия и Италия, еще продолжают существовать как суверенные национальные государства, но такие маленькие страны, как Дания, Бельгия, Португалия, Греция, — они просто подпадут под влияние какого-то другого гегемона. Как то и произошло с большинством постсоветских стран.

Мы же нашей книгой пытаемся этому как-то воспрепятствовать. Я считаю, что ЕС следует сохранить, возможно, в уменьшенной форме, в его ядре. И этот ЕС должен-таки добиться своей суверенности. Ведь сегодняшний Евросоюз не суверенен, причем в двух отношениях. Во-первых, он не суверенен потому, что нет никакой общеевропейской идентичности, то есть она не развивается и не поддерживается. И, во-вторых, потому что определение векторов его стратегического мышления относительно будущего происходит в американских аналитических центрах.

Европа нуждается в хороших отношениях с Россией, потому что у нас нет ни собственной нефти, ни собственного газа. И нам нужно соединение с евразийским пространством. Однако поскольку американцы имеют другие интересы, мы вынуждены следовать американской политической линии. Но то, что ЕС в случае Украины поддерживает позиции США, — с его стороны это составляет предательство Европы.

Два момента: почему такое жесткое название книги — «Эндшпиль Европа» — а не, допустим, «Миттельшпиль...» И далее, по первому поверхностному просмотру вашей книги, в ней несколько не хватает большей (научной) объективности в оценках актуальных российских реалий...

Почему мы назвали нашу книгу именно «Эндшпиль Европа» (а не, допустим, «Миттельшпиль...»). Если вспоминать Европу 1950-х

или 1960-х годов, периода начала холодной войны, и сравнивать ее с образами сегодняшней Европы, особенно жизни в ее метрополиях, в Лондоне, Берлине, Париже, — то начинаешь осознавать, что произошло с Европой за 70 лет подстраивания под культурную политику США.

Но если Европа и следующие 20 лет будет оставаться в зависимости от США, не станет суверенной, то все европейские культурные традиции окажутся настолько ослаблены, что потом вообще не смогут восстановиться. Не будет ни европейского кино, ни европейской литературы. Также и европейская концепция солидарного, сплоченного, когерентного общества навсегда уйдет в прошлое. Ведь у США концепция общества совершенно другая. Для США совершенно нормально, если треть или даже большая часть населения живет в нищете, — главное, чтобы у другой половины, у остальных были шансы преуспеть. Однако в Европе на протяжении 150 лет было действительно рабочее движение; Европа вышла из революции; для нее значима концепция солидарного общества, внутри которого поддерживается и развивается «сцепленность» и равенство.

Раньше в Германии был «рейнский капитализм»¹⁰, во Франции и Италии — сильные профсоюзы и коммунистические партии, и еще в 1980-е годы Европа сохраняла собственную экономическую политику. Но где-то с конца 1980-х годов и еще более выражено с 1990-х годов мы полностью переориентировались на американскую философию хозяйствования и их модель общества. Подобно американскому обществу, европейское общество становится все более поверхностным, его сотрясают скандалы, все сексуализируется, огрубляется. Если пройтись сегодня по европейским столицам, по Берлину или Парижу, невозможно не заметить картины нищеты, людей, ночующих под мостами. Еще лет двадцать такой американизации — и с Европой будет покончено.

Относительно же характера представления в нашей книге «актуальных российских реалий» — мы считаем, что внешнеполитическое развитие России является зеркальным отражением соответствующей политики Запада. Например, если бы предложения, сделанные Владимиром Путиным в его речи в бундестаге 25 сентября 2001 года (произнесенной на немецком языке), были восприняты и поддержаны, то, возможно, были бы выработаны гораздо более тесные культурные и экономические связи между Европейским (европейским на деле!) союзом и Россией, и, соответствен-

10. См.: Альбер М. Капитализм против капитализма. СПб.: Экономическая школа, 1998.

но, политические действия Путина оказались бы совсем другими. Схожие положения дел мы наблюдаем и в других странах, например, Латинской Америки.

Ведь при демократии у человека, политика, одна рука всегда связана — демократическое государство не позволяет себе любые произвольные действия. И в геополитическом плане это, конечно же, сопряжено с ослаблением себя. То есть когда имеются такие США, которые все время только и проповедуют демократию, однако на деле ведут себя империалистически, тогда на местах, в странах Южного полушария или на Востоке, обычной будет такая ситуация, при которой одна борющаяся за власть партия отстаивает национальные интересы, а другая — интересы ЦРУ. И это разрушает демократический процесс! Это можно видеть и на примере Венесуэлы, так же было и в России.

Для того чтобы Россия смогла стать демократией, должна уже возникнуть мировая, европейская система (архитектура) безопасности. А кроме того, желал ли Запад действительно демократического развития России или, наоборот, предпочтительным для него являлось как раз ее недемократическое развитие — чтобы было легче демонизировать Россию? В свете этого для меня политическое развитие России предстает зеркальным отражением процессов, происходивших на Западе.

Относительно тех сложностей, что оказались заложены в фундамент Евросоюза уже при его выстраивании. Например, французы сокрушались о том, что столь родные для них республиканские ценности так мало присутствовали и в речах, и в размышлениях о том, какой будет архитектура ЕС. Вы с этим согласны? Правильно ли мы понимаем, что два ключевых акцента вашей книги — это то, что в своем будущем развитии Европе как институции, с одной стороны, следует дистанцироваться от влияния США, а с другой — конструировать себя в более близких отношениях с Россией. И далее в этой связи: возможно ли сегодня принятие какой-то европейской конституции или договора, которые, пусть не гарантируя, хотя бы способствовали ограничению американского влияния или олигархического вмешательства? Но это уже третий вопрос, обращенный не только к вам, но и к нам всем.

Отвечая на ваш первый вопрос — да, мы считаем, что одной из главных проблем для развития ЕС является американское

влияние. Сейчас Ульрике и я занимаемся созданием такой институции, называющейся *European Democracy Lab*¹¹, где разрабатываем идею постатлантической Европы — идею суверенной и самостоятельной Европы, способной следовать собственным интересам. Потому что сегодняшняя Европа на это неспособна. И мы считаем, что, как только Европа сможет следовать собственным интересам, противоречия между Россией и Европой значительно ослабнут. Относительно вашего второго и третьего вопросов — они действительно касаются центральной проблемы. Сложность здесь заключается в том, чтобы сохранить ЕС и одновременно совершить в нем революцию, а именно — вернуть его к его изначальным, зиждящим обещаниям. И вот проблема: за 30 лет следования американской экономической философии, совершенно гипертрофированного, сумасбродного насаждения ценностей феминизма, LGBTQ+¹², *Black Lives Matter*, создания и поощрения деятельности соответствующих неправительственных организаций или же организаций внутри ЕС — это все просто достало людей, привело к тому, что у них возникла аллергическая реакция на ЕС. Можно сказать, что ЕС практически уже растратил кредит доверия граждан. Так что установление суверенитета на уровне ЕС будет очень трудным делом, поскольку это потребует ослабления национальных суверенитетов. А на местах доверия к такого рода делегированию уже нет.

И хотя мы сами выступаем за этот идеал демократизации ЕС, мы понимаем, что, вполне вероятно, осуществить его не удастся. Однако альтернативой ему является распад Европы на национальные государства. А такую распавшуюся на национальные государства Европу будут растягивать в разные стороны, что приведет к утрате самостоятельности, к полюсности Европы в актуальном многополярном мире. Что, конечно, будет трагичным, потому что именно Европа определяла развитие мировой культуры на протяжении последних пятисот лет. Европа должна стать одним из полюсов современного многополярного мира, но для этого ей необходим хотя бы минимум суверенности и единства. Но поскольку на сегодня Европа отвернулась от собственно европейских ценностей, обратившись к каким-то другим, среди европейского населения и возникло движение прочь от ЕС.

11. См. URL: <https://www.europeandemocracylab.org/>.

12. Признано экстремистским и запрещено на территории РФ.

Судя по сказанному вами, Европа на сегодня уже проиграла: повсюду по континенту (как и по миру) выстроены военные базы с многочисленными гарнизонами армии США, готовой к быстрому реагированию... США фактически не переставали воевать со Второй мировой войны; сейчас вновь, зримо, происходит ремилитаризация мира. И поскольку наличие суверенности предполагает наличие армии, то как Европа может утвердиться в собственной суверенности, продолжая полагаться на ресурс армии США? Имеется ли в виду, когда говорят об обретении Европой суверенности, создание собственной европейской армии? (Что, скорее всего, повлечет за собой новый виток проблем...) Это не столько вопрос, сколько реплика, на которую вы, надеюсь, захотите отреагировать.

Да, конечно, армия — это важно, и, конечно, наличие американских военных баз в Германии — это решающий фактор, определяющий нашу сегодняшнюю ситуацию. Но в этой связи, я думаю, надеюсь, что когда американская долларовая система рухнет, когда доллар перестанет играть роль мировой валюты, эту сеть американских военных баз в Европе будет невозможно далее финансировать. Может статься, что если такие изоляционистские политики, как Трамп, выиграют выборы в США, и к тому же доллар утратит свой функционал мировой валюты, тогда Америка сама уйдет из Европы. Конечно, суверенной Европе понадобится европейская армия, но это может быть армия, выстроенная по примеру швейцарской — сильная в обороне и не предназначенная для нападения. И если Европа будет иметь такую армию, это не будет препятствием для налаживания хороших отношений с Россией.

Также я думаю, что хотя сейчас и явственна тенденция реабилитации войны, но, с другой стороны, современные военные технологии ее ограничивают, поскольку доступное сегодня вооружение настолько опасно, что относиться к войне как к естественному продолжению политики, как то было в XIX веке, уже невозможно. Также я считаю, что усиление роли азиатских государств, прежде всего Китая, приводит к глобальному утверждению мирного стиля проведения внешней политики. Ведь у Азии нет такой глубокой и долгой истории войн, как у Европы.

Относительно отмеченной вами зависимости европейских стран, Европы, от США — можно ли говорить о формировании у европейцев своего рода стокгольмского синдро-

ма? И если да, то могут ли тогда европейцы сами захотеть выйти из этих отношений зависимости от, как им, возможно, представляется, гаранта их безопасности? Или же для этого понадобится какое-то внешнее чудо, например, как вы говорили, сами США захотят уйти из Европы.

Да, я полностью согласен с вашим замечанием о стокгольмском синдроме. Я думаю, что Европа в целом, и особенно Германия, остается травмированной опытом Второй мировой войны. Но хотя прежде такие западногерманские политики, как Вилли Брандт и Хельмут Шмидт, были способны формулировать национальную политику Германии, затем эта способность оказалась утрачена. Комично, что это не поколение немцев, еще заставших войну, но как раз родившиеся позднее, второе и третье поколение родившихся после войны, оказались еще сильнее ею травмированы. Действующий в сегодняшней Германии общественный договор я бы описал следующим образом: мы откажемся от проведения собственной политики и таким образом никогда более не окажемся виновными.

Конечно, в психологическом плане это чрезвычайно проблематичная установка — такая присвоенная несамостоятельность, которая, однако, отяжеляется новыми проблемами: например, массовой миграцией в Германию, порождающей новые конфликты. И я думаю, все это разрешится через какой-то катарсис. Либо США сами уйдут, либо Европе постигнет какой-то шоковый момент, момент страдания или катарсиса, который запустит новый цикл. В любом случае в сегодняшней Европе уже можно разглядеть то, как схватывается фундамент новой элиты. Повсюду по Европе возникают новые, альтернативные медиа, причем они начинают приобретать большую популярность, аудиторию, нежели «старые» медиа. Например, читательская аудитория платформы *NachDenkSeiten*¹³ уже больше, чем у газеты *Süddeutsche Zeitung* [существующей с октября 1945 года]. И я думаю, что люди, которые пишут, публикуются в этих новых медиа, — это новый политический класс Германии. Тем не менее у власти по-прежнему находится старый класс. И мы видим, что традиционные партии Европы (в Германии это ХДС, социал-демократы, зеленые, ФДП) уменьшаются (возможно, за исключением зеленых). Сейчас свою новую партию создает Сара Вагенкнехт; возможно, Ханс-Георг

13. См. URL: <https://www.nachdenkseiten.de/>.

Маасен из консервативной партии ХДС создаст новую политическую партию¹⁴.

То есть влияние и охват традиционных партий, как и старых медиа, уменьшаются, и когда-то может перевернуться весь партийный и медиапорядок. Вместе с тем сегодня мы также наблюдаем и попытки США внедриться в альтернативные консервативные круги и группы. Так, например, в случае Италии — новое правительство первоначально заявляло себя в качестве альтернативы, но по факту сейчас проводит политику в пользу США и НАТО. Поэтому не следует слишком уж надеяться на консервативные партии, поскольку в области безопасности они, в силу их базовой консервативной ориентации, очень быстро переходят на проамериканские позиции. И, конечно, Европа нуждается и в обновлении левого движения. В этом отношении сегодня в Германии большие надежды связываются с новой партией, организуемой Сарой Вагенкнехт.

Если возможно, еще пара вопросов в развитие темы возможной будущей партийной конфигурации Германии и ее политики. Какое влияние, позитивное или негативное, на ваш взгляд, на экономику России оказывают санкции? Второй момент — это отношение к миграции, этнический вопрос, являющийся для Германии очень острой проблемой. Ведь вопрос сохранения европейской культуры так или иначе является сопряженным с этническим вопросом, с проблемой миграции. И третий вопрос — это вероятность распада ЕС: следует ли его действительно страшиться? Ведь результатом последующей «игры различных держав», вспоминая слова Карла Шмитта, может стать и то, что Германия, освободившись от своей травмы вины (Schuldtrauma), расположится в своем естественном пространстве в этом европейском поле.

Относительно санкций — мы ведь не ставим вопрос, как именно, лучше или хуже, чем Германия, Россия справляется с этой ситуацией. Мы говорим про то, что санкции как таковые являются формой, инструментом продвижения войны. И объявляющий

14. Имеются в виду политические проекты «Союз Сары Вагенкнехт» (*Bündnis Sahra Wagenknecht — Für Vernunft und Gerechtigkeit*, см. URL: <https://buendnis-sahra-wagenknecht.de/>) и «СоюзЦенностей» (*Die WerteUnion*, см. URL: <https://werteunion.de/>).

против кого-то страны санкции одной ногой практически уже стоит в окопе. (Это касается и информационной войны, о которой мы тоже пишем в нашей книге.) Относительно сравнительного подхода, предполагающего при обращении к теме также и разбор противоположных оценок того или иного феномена, — я не являюсь экспертом в области экономики, однако если мы уже просто взглянем на карту мира, посмотрим на Россию, простирающуюся от Польши и до Китая, на новые центры растущих экономик, тот же Китай, Индию, другие азиатские страны, становится ясно, что России так или иначе предстояло ориентироваться на эти новые центры экономического и политического развития. Наверное, случившаяся война ускорила эти процессы переориентации, возможно, они происходят несколько поспешно, но можно сказать, что в дальней перспективе Россия от сложившейся ситуации скорее выиграет — не только из-за своего ресурсного богатства, но и в результате развития отношений со всеми странами мира.

Относительно того, что вы обозначили как этнический вопрос — отвечая на него я бы привел пример России. Поскольку Россия является многонациональным государством, обладающим собственной идентичностью и вместе с тем вмещающим в себя различные народы и народности, включающим в свой состав различные республики (в том числе с различными традиционными для них религиями) как ее регионы. Конечно, у этого ее многообразия есть границы, у него должно быть свое ядро (*Kerngruppe*), государствообразующий народ (*Kernvolk*), способный интегрировать другие народы. И что-то подобное должно быть и в Европе, поскольку чисто европейской Европы у нас больше не будет.

Да, конечно, если миграционные процессы последних восьми лет, если считать с 2015 года, продолжатся с той же интенсивностью еще лет 20, это может привести к очень драматичным последствиям. Относительно же шмиттовской «игры разных держав» — это, конечно же, поле для спекулятивных размышлений. Выше я касался сценария, в котором малые страны, такие как Дания или Бельгия, будут как пылесосом затягиваться более крупными игроками. Но есть и такой сценарий, по которому отдельные страны, несмотря на процессы глобализации, будут минимизировать внешние связи и концентрироваться на своем внутреннем развитии. Следует быть готовым к обоим сценариям. Но я думаю, что перед тем, как что-либо уничтожать, нужно все-таки попытаться это сохранить, — прежде чем отбрасывать ЕС, следует дать ему еще один шанс. Потому что если он исчезнет — то исчезнет навсегда. Ведь когда распался СССР, многие

думали, что через два-три года он вновь восстановится, но этого до сих пор так и не произошло.

А что вы думаете насчет Брексита — был ли он началом конца ЕС?

Он определенно выступил неким началом процесса разложения (*Auflösung*). Но, с другой стороны, англичане всегда держались несколько в стороне от забот ЕС, всегда выступали как такие представители Америки в Евросоюзе. И поэтому, по большому счету, выход Британии из ЕС скорее пошел на пользу Союзу. Тогда как его быстрое расширение на Восток — вот это стало проблемой. Сначала ЕС следовало бы «углубиться», утвердиться в собственной суверенности и лишь потом расширяться. А то масштабное расширение сыграло в пользу лишь расширению НАТО. Что как раз свидетельствует о том, что протраивание политики Евросоюза исходило и до сих пор исходит из интересов США и НАТО.

*Беседовали Олег Никифоров и Владимир Фоменко
Октябрь 2023 года*

Библиография

- Адорно Т. Эссе как форма / Пер. с нем. О. В. Кильдюшова, И. А. Михайлова // Своеволие философии: собр. филос. эссе / Отв. ред. О. П. Зубец. М.: Издательский дом ЯСК, 2019. С. 65–85.
- Альбер М. Капитализм против капитализма. СПб.: Экономическая школа, 1998.
- Геро У., Ритц Х. Эндшпиль Европа. Почему потерпел неудачу политический проект Европа и как начать снова о нем мечтать / Пер. с нем. О. В. Никифорова при участии В. Фоменко. Ереван; М.: Fortis Press; Гнозис, 2024.
- Guérot U. Warum Europa eine Republik werden muss! Eine politische Utopie. Bonn: J.H.W. Dietz Nachf., 2016.
- Guérot U. Wer schweigt stimmt zu. Über den Zustand unserer Zeit. Und darüber, wie wir leben wollen. Fr.a.M.: Westend, 2022.

“THE EUROPEAN COMMISSION IS NOW LIKE THE CENTRAL COMMITTEE OF THE COMMUNIST PARTY OF THE SOVIET UNION”.
A CONVERSATION WITH HAUKE RITZ

HAUKE RITZ. Independent scholar, Berlin, Germany.

Keywords: Pax Europaea vs American influence; cultural adjustment and the betrayal of Europe; the reflexivity of Russia and the West; the deepening of the EU vs the expansion of NATO; independent media and the renewal of the left movement.

In his conversation with the editors of *Logos* about the key plots and the context of the book *Endgame Europe. Why the Europe Political Project Has Failed and How Can We Dream of It Again* (2022) its co-author, Hauke Ritz, emphasizes that it was induced by a reflection on the reasons of the European Union project's failure at the time of the 30th anniversary of the signing of the Maastricht Treaty. This failure has both an internal political — the failure of democracy and republicanism in the internal structures of the EU, and a foreign dimension — the deterioration of relations between Germany (Europe), the West and Russia and, of course, the conflict in Ukraine. Moreover, the internal political failure in the implementation of the European peace project, largely associated with the choice of an extensive path of its development (EU enlargement, coupled with NATO expansion to the east) at the expense of intensity (deepening political integration) leads to deep foreign policy complications and is aggravated by them.

The fact that the EU project, which has not made progress in its domestic political (democratic and republican) content and is artificially limited through the exclusion of Russia from the European world and the common security architecture, has turned out to be instrumentalized, along with support for the US position on Ukraine, according to Ritz, constitutes a betrayal of Europe. The problem is compounded by the disregard of the university community and the mainstream media for this catastrophic state of affairs. However, new, alternative media are emerging and gaining popularity all over Europe, critically and responsibly exploring these topics and contributing to the formation of reflective European solidarity.

DOI: 10.17323/0869-5377-2024-2-61-79

References

- Adorno Th. *Esse kak forma* [Der Essay als Form]. *Svoevolie filosofii: sobranie filosofskikh esse* [The Self-Will of Philosophy: A Collection of Philosophical Essays], Moscow, LRC Publishing House, 2019, pp. 65–85.
- Albert M. *Kapitalizm protiv kapitalizma* [Capitalism Against Capitalism], St. Petersburg, Ekonomicheskaya shkola, 1998.
- Guérot U. *Warum Europa eine Republik werden muss! Eine politische Utopie*, Bonn, J.H.W. Dietz Nachf., 2016.
- Guérot U. *Wer schweigt stimmt zu. Über den Zustand unserer Zeit. Und darüber, wie wir leben wollen*, Frankfurt-am-Main, Westend, 2022.
- Guérot U., Ritz H. *Endshpil' Evropa. Pochemu poterpel neudachu politicheskii proekt Evropa i kak nachat' snova o nem mechatat'* [Endspiel Europa: Warum das politische Projekt Europa gescheitert ist und wie wir wieder davon träumen können], Yerevan, Fortis Press, Gnosis, 2024.

Нападение на свободу науки

ХАЙКЕ ЭГНЕР

Независимая исследовательница, Австрия,
heike.egner@gmx.at.

АНКЕ УЛЕНВИНКЕЛЬ

Зальцбургский университет (PLUS), Австрия,
anke.uhlenwinkel@plus.ac.at.

Ключевые слова: свобода науки под угрозой;
идеологическая строптивость vs политические
ценностные установки; внутренние процедуры;
консенсус научности vs научный консенсус.

Проведенный авторами *case study*, основывающийся на разборе 49 недавних случаев увольнения/понижения в должности профессоров немецких университетов, дает им основание вновь обратиться к актуализировавшейся проблеме ограничения, или манипуляции, академическими свободами в пользу утверждения мейнстримной политической повестки дня. Если университет есть, в первую очередь, государственная институция, а его профессора — государственные служащие, то как возможно сегодня отстаивать право университета на позитивные разногласия и право профессоров на альтернативную точку зрения, продвигая инновационные идеи или нетрадиционные взгляды? Этот вопрос как повторяет, так и варьирует проблематизацию двойственного статуса науки, образцово сформулированную в докладе Макса Вебера «Наука как призвание и профессия» (1917).

Задача науки — предоставлять индивидам и обществу недоступные

иначе знания. И эта задача в настоящее время явственно выступает темой дискуссий как в преподавании, так и в научных исследованиях. Продолжая веберовскую линию критического размышления, авторы резюмируют свое исследование констатацией, что сегодня мы дошли до такой науки, которая больше не предоставляет индивидам и обществу рамки, внутри которых действия, также обосновываемые и в моральном плане, могут быть отрефлексированы и оправданы. Вместо этого мы имеем дело с наукой, которая формуется политикой. Ученые и преподаватели, не способные или не желающие поступиться свободой науки в угоду политическому мейнстриму и подтвердить свои исследования и учебные курсы под навязанные извне ценностные установки, маркируются как «спорные» или «идеологически строптивые» и сами становятся объектами как внутриуниверситетских расследований, так и медиакампаний, направленных на лишение их деятельности статуса научной.

ДЕЛО Ульрике Геро заостренно показывает, что в настоящее время на кон поставлено многое. Можно сказать, что принципиальному сомнению подвергается само понимание науки, как оно было сформулировано Максом Вебером¹, сама роль науки. Кому-то эти слова могут показаться излишне напыщенными, но, к огромному огорчению, они просто отражают реальное положение дел. При проведении нами исследования темы «увольнения или публичного понижения с профессорской должности»² на сегодняшний день мы столкнулись с почти пятьюдесятью подобными случаями. Другими словами: случай Геро, к сожалению, не единичный. Равно как не уникальны и случаи медиасбоев, сходные в практикуемой ими жесткости и способах наговора. Однако они редко бьют по штатным профессорам, скорее по тем ученым, которым было отказано в занятии университетских должностей (например, Даниэле Гансер³); которые выбрали иную карьеру после получения докторской степени (например, Габриэле Кроне-Шмальц⁴) или которые уже вышли на пенсию (на-

Перевод с немецкого *Олега Никифорова* по изданию: © Egner H., Uhlenwinkel A. Ein Angriff auf die Wissenschaftsfreiheit // Der Fall Ulrike Guérot: Versuche einer öffentlichen Hinrichtung / G. Gysi (ed.). Neu-Isenburg: Westend Verlag, 2024. S. 13–27.

1. См. веберовский доклад «Наука как призвание и профессия»: Вебер М. Наука как призвание и профессия // Избр. произв. М.: Прогресс, 1990. С. 707–735.
2. Egner H., Uhlenwinkel A. „Wie wenig es braucht ...!“ Befunde zur Entlassung oder öffentlichen Degradierung von Professorinnen und Professoren. Unveröffentlichtes Manuskript.
3. Швейцарский историк и публицист, автор, в частности, следующих книг: Гансер Д. Секретные армии НАТО: Операция «Гладио» и терроризм в Западной Европе. М.: Кучково поле, 2017 (2012); Ganser D. Europa im Erdölrausch: Die Folgen einer gefährlichen Abhängigkeit. Zürich: Orell Füssli, 2012; *Idem*. Imperium USA. Die skrupellose Weltmacht. Zürich: Orell Füssli, 2020. — *Прим. пер.*
4. Немецкая тележурналистка, автор, в частности, следующих книг: Krone-Schmalz G. ...an Rußland muß man einfach glauben. Meine Moskauer Jahre. Düsseldorf: Econ, 1991; *Idem*. Wir können es schaffen. Anstiftung zum Neuanfang in Deutschland. Düsseldorf; München: Econ, 1997; *Idem*. Was passiert in Russland? München: Herbig, 2007; Кроне-Шмальц Г. Понять Россию. Борьба за Украину и высокомерие Запада. М.: Кучково поле, 2015. — *Прим. пер.*

пример, Сучарит Бхакди⁵). Так в какой же степени дело Геро указывает на то, что наука в целом находится под угрозой?

Наука и академическая свобода

Задача науки — предоставлять индивидам и обществу недоступные иначе знания. И эта задача в настоящее время явственно выступает темой дискуссий как в преподавании, так и в научных исследованиях. В преподавании — поскольку его качество ныне измеряется не тем, помогает ли оно восприимчивому уму мыслить самостоятельно, а просто количеством студентов и их субъективной оценкой преподаваемых курсов. В исследовании — поскольку его качество измеряется не по тому, насколько всесторонний анализ действительных отношений, позволяющий оценить последствия возможных действий, оно производит, а по тому, легитимизирует ли оно действия, желанные по политическим соображениям. Кроме того, сегодня успех исследователя в науке измеряется и по объему привлеченного стороннего финансирования, то есть не того финансирования, которое он без дополнительных требований и оговорок получает от университета, но которое он должен изыскать, обратившись в различные фонды или компании. И как у компаний, так и у общественно-государственных спонсоров (*öffentliche Geldgeber*) имеются свои цели, которые они хотели бы видеть подтвержденными или легитимизированными посредством соответствующих исследований. Эта возможность оказывать влияние на исследования и университеты посредством стороннего финансирования стала результатом соответствующих (университетско-)политических решений, особенно последних двух десятилетий. Это означает — вновь мысля вместе с Вебером — что мы дошли до такой науки, которая больше не предоставляет индивидам и обществу рамки, внутри которых действия — также обосновываемые и в моральном плане — могут быть отрефлексированы и оправданы. Вместо этого мы имеем дело с наукой, которая формуется политикой⁶. По мне-

5. Немецкий микробиолог тайского происхождения, профессор университетов Гиссена и Майнца, автор книг (в соавторстве с Кариной Райсс): *Bhakdi S., Reiß K. Schreckgespenst Infektionen. Mythen, Wahn und Wirklichkeit*. B.; Wien: Goldegg, 2016; *Idem. Corona unmasked. Neue Daten, Zahlen, Hintergründe*. B.; Wien: Goldegg, 2021. — *Прим. пер.*

6. *Michael M. Wie ich meine Uni verlor. Dreißig Jahre Bildungskrieg. Bilanz eines Ostdeutschen*. B.: edition ost, 2023.

нию Вебера, такая наука утопает в посредственности (*versinkt in der Mittelmäßigkeit*).

Подлинная же наука (в веберовском смысле), напротив, живет разногласиями: ученому должно быть позволено думать и говорить вещи, которые не обязательно приемлемы для большинства. Именно для этого пункт 3 статьи 5 Основного закона [ФРГ] гарантирует свободу науки, исследований и преподавания: это конституционное право (*Grundrecht*)

...основано на идее о том, что наука, свободная от идей социальной полезности и политической целесообразности, в конечном итоге наилучшим образом служит государству и обществу⁷.

Так что вовсе не обязательно разделять содержательную позицию профессора Геро, чтобы возмущаться тем, как с ней обращаются, и протестовать против этого посягательства на конституционно гарантированную свободу науки. Поэтому самым поразительным здесь является очень громкое молчание в рядах самой науки. Значит ли это, что такие нападки стали в последние годы чем-то расхоже-приемлемым? Может быть. Однако, возможно, эти коллеги хранят молчание, потому что сами опасаются выпасть из сложившегося мейнстрима и оказаться в центре уничтожающего внимания средств массовой информации? Ведь им есть что терять. Кажется, верно и то, и другое. И именно это обстоятельство дел мы считаем чрезвычайно тревожным.

Увольнение профессоров: инциденты и их восприятие СМИ

Увольнение профессора из-за мелких обвинений — относительно новое явление. При проведении нашего исследования мы обнаружили, что ранее, примерно до 2010 года, увольнение профессора было действительно редким событием. По большей части, хоть и неявно, речь шла о конфликтах за ресурсы между коллегами, например, за должности или выделяемые денежные средства: суммы, высвободившиеся после отстранения от должности какого-либо профессора, затем перенаправлялись на другие цели. Однако эта причина не упоминалась при разборе дел. В той степени, в которой увольнения вообще обсуждались в СМИ, репортажи были,

7. Решение административного суда земли Шлезвиг-Гольштейн по делу: Patrick Baab/Christian-Albrechts-Universität zu Kiel. 25.04.2023. Az 9 A 167/22. S. 16.

скорее, благосклонны по отношению к профессорам: они в первую очередь изображались как жертвы более или менее коррумпированного руководства университета, поэтому мы описываем этот медианарратив метафорой «Йозеф К.»⁸

В период с 2011 по 2019 год сначала увеличивалась частотность таких случаев, а затем, с 2018 года, на удивление резко выросло и абсолютное количество увольнений и понижений в должности за год⁹. На этом этапе особенно пострадали женщины-профессора. Вместе с этим количественным и качественным усугублением изменились и причины увольнения или понижения в должности: движение #MeToo, возникшее в других областях, проникло и в университеты. Обвинение теперь главным образом озвучивалось как «злоупотребление властью». Анализ деталей случаев и их представления в СМИ показывает, что обвинения исходили в основном от, как правило, менее продуктивных молодых сотрудников, которые воспринимали критическую оценку своей работы со стороны руководителей как направленный против них *моббинг* и притеснение и жаловались на «атмосферу страха». Для того чтобы жалоба на критическую оценку продуктивности возымела радикальные последствия и привела к увольнению профессора, необходима поддержка руководства вуза. Однако любой, кто предполагает, что такому решению предшествует всестороннее рассмотрение дела и тщательное расследование обвинений — ведь мы имеем дело с руководством учреждения, занимающегося поиском истины и знаний, — будет удивлен результатами, полученными нашим исследованием. Подробнее об этом чуть позже. Здесь же мы хотели бы зафиксировать лишь то, что на этом этапе нарратив СМИ фундаментально изменился. Если прежде профессоров, когда их увольняли, обычно считали жертвами коррумпированного руководства университетов, то теперь университетское руководство выступает героем, своего рода Робин Гудом, якобы защищающим притесняемых молодых ученых и помогающим им отстоять свои права. Изгнанные же профессора изображаются в средствах массовой информации — за некоторыми исключениями — как властолюбивые, жестокие и агрессивные типы, беспардонно и безответственно третирующие и эксплуатирующие молодых ученых.

8. По имени героя романа Франца Кафки «Процесс» (1925) — заурядного банковского служащего, арестованного по так и остающимся для него непонятным обвинениям. — *Прим. пер.*

9. Egner H., Uhlenwinkel A. „Wie wenig es braucht ...!“

С 2020 года количество случаев увольнения или публичного понижения в должности еще более возрастает. Однако теперь удары по большей части приходятся на (старших) профессоров. Им значительно реже ставят в вину моббинг и злоупотребление властью, но зато чаще обвиняют в том, что мы обозначаем понятием «идеологическая строптивость».

Рис. 1. Увольнение/публичное понижение в должности профессоров в Германии, Австрии, Швейцарии.

С идеологической строптивостью мы имеем дело тогда, когда по какому-либо политически окрашенному вопросу некто занимает позицию, отличающуюся от расхожего мнения шумного большинства. К таким тематическим полям в настоящее время относят гендерные вопросы, в том числе дебаты о трансгендерности¹⁰; мероприятия, осуществляемые во время пандемии коронавируса; вопросы миграции, войны на Украине и антропогенного изменения климата. Во всех этих полях как наука, так и университет как институция и всевозможные научные дебаты теряют свою нейтральность и подчиняются политическим ценностным установкам¹¹. Интересно здесь то, что скандализация высказываний того или иного профессора, не согласующихся с мнением большинства, часто (хоть и не всегда) инициируется представителями студентов. Они быстро находят в СМИ положительный отклик на свое возмущение, причем никакого предметного обсу-

10. Движение ЛГБТ признано экстремистским и запрещено на территории РФ.

11. *Meyen M. Unterwerfung der Universitäten // Tumult. Vierteljahresschrift für Konsensstörung. Herbst 2022. S. 26–29.*

ждения высказанной позиции не происходит. Вместо этого профессору присваивается порочащий ярлык *#спорный* (*#umstritten*), который маркирует его как особу, противоречащую господствующей ортодоксии и, следовательно, заблуждающуюся, в силу чего должную быть исключенной из университета и, следовательно, из науки. Этот медианарратив мы обозначаем метафорой «доктор Фаустус»¹².

Причины увольнения профессоров

Случай Геро также можно рассматривать на фоне этих тенденций. Насколько нам известно, увольнение профессора вследствие плагиата, обнаруженного вне рамок квалификационной работы, для Федеративной Республики Германия является единичным явлением. Если раньше вообще и случались какие-то последствия, то проявлялись они в запрете на запрашивание финансирования, что, согласно сказанному выше, фактически означало воспрепятствование карьерному росту соответствующего исследователя. Либо следовало предупреждение, возможно, с записью в личном деле, либо критическая оценка представленных публикаций с привлечением большего количества рецензентов. Даже поверхностное изучение дела Геро позволяет предположить, что приведенное основание — плагиат — не является собственно причиной ее увольнения, но, скорее, сориентировано на скандализацию основных позиций, которые она заявляет. Тем самым демонстрируется подход, который мы можем наблюдать во многих случаях увольнения или публичного понижения в должности профессоров, разобранных в нашем исследовании, и который четко формулирует один из пострадавших:

Причины для моего увольнения им пришлось сначала с большим усилием придумывать или конструировать¹³.

Но вместе с тем также поднимается вопрос, по каким причинам профессора вообще позволительно уволить? Независимо от того, идет ли речь о госслужащем или наемном работнике, возможные причины для этого вполне однозначны. К их числу относятся: уголовные преступления, такие как мошенничество, растрата средств, принуждение или сексуальное домогательство. Кроме

12. По названию романа Томаса Манна 1947 года. — *Прим. пер.*

13. *Stubbe E. Gastland Schweiz. Rechtsbrüche und Willkür statt Freizügigkeit. Sem-pach: Felsenegg Verlag, 2005. S. 30.*

того, согласно трудовому праву к таким причинам также относятся клевета на работодателя или отсутствие на работе. Но последнее лишь единожды, в одном из самых ранних случаев, выступало причиной увольнения. В прочих же рассмотренных нами случаях ни одна из этих причин не послужила основанием для увольнения или публичного понижения в должности. Вместо этого фактические обвинения отсылали либо к «неподобающему руководству» (под чем имелся в виду моббинг и психологическое насилие), либо к «идеологической строптивости». И оба эти обоснования затрагивают академическую свободу соответствующих профессоров: то, как ученый организует свое преподавание, какой материал он представляет и как его обрабатывает, а также какие критерии он применяет для оценки успеваемости, соотносимо правовым нормам предоставляется на его усмотрение. Также он волен сам решать, как и какой предмет исследует. Представление результатов зависит исключительно от проведенного им исследования, а не определяется извне. В этом смысле науке всегда нужны и спорные инакомыслящие исследователи: Галилео Галилей, Альберт Эйнштейн, Мария Кюри и Альфред Вегенер принадлежат к этой группе неудобных мыслителей, идеи которых первоначально встречают в штыки, но в конце концов они побеждают. Можно утверждать, что именно поэтому академическая свобода в конечном итоге была закреплена как основное конституционное право. Но даже если выдвинутая идея затем выкажет себя как ошибочная и не получит позднейшего признания среди специалистов (а история науки полна и таких примеров), право отстаивать ее должно оставаться незыблемым без всяких если и но. При этом, конечно же, право на свободу преподавания и научно-го исследования

... не освобождает человека от верности конституции... как и от соблюдения основ международного права и следования принципу верховенства закона и демократии¹⁴.

А именно это сейчас и дебатруется. Когда и в каком отношении выдвинутое утверждение оказывается выражением нарушения верности конституции? Новая проблемная область «значимой для защиты конституции делегитимации государства»¹⁵, в рамках ко-

14. Решение административного суда земли Шлезвиг-Гольштейн по делу: Patrick Baab/Christian-Albrechts-Universität zu Kiel. S. 19.

15. Verfassungsschutzbericht 2022. B.: Bundesministerium des Innern und für Heimat, 2023. S. 116 ff.

торой критика политики или отдельных политиков уже наказывается наблюдением со стороны управления по защите конституции, так же, как и новый закон о защите информаторов¹⁶, представляют собой радикальное ограничение свободы выражения мнений и свободы науки. Как могут быть возможны те же общественно-научные исследования без возможности критики [существующих] отношений?

Насколько чисты внутренние процедуры?

При проведении нашего исследования мы опрашивали пострадавших об их оценке соблюдения общих правовых принципов [в их случаях]. Интересовало нас не столько то, были ли указаны и проинтерпретированы отдельные параграфы соответствующих законов из области трудового, служебного или университетского права, сколько то, полагалось ли руководство на фундаментальные конституционные принципы?

Спрашивали мы о восьми фундаментальных принципах. В том числе о тех, которые относительно легко объективировать (провести на их соблюдение), например, произошло ли что-то вообще или нет. Среди них: (1) право на конфронтацию с подателем жалобы; (2) право на проведение слушания во всех инстанциях; (3) право на юридическое сопровождение при обсуждении собственных трудовых отношений и (4) право на письменное заявление своей позиции [по делу]. Остальные четыре правовых принципа более подвержены субъективному толкованию и поэтому могут оцениваться разными участвующими сторонами совершенно по-разному. К этим принципам относятся: (5) непредвзятое обращение со всеми участвующими сторонами; (6) презумпция невиновности; (7) прозрачность как всей процедуры, так и ее отдельных этапов и (8) конфиденциальность процедуры. Подавляющее большинство наших респондентов сочли, что при проведении внутриуниверситетских процедур этим принципам уделялось мало внимания или же не уделялось вовсе. Почему дело обстояло так? И что означает такая оценка?

1. Право на конфронтацию с подателем жалобы

Это право особенно актуально в случаях неправомерных действий со стороны руководства, то есть там, где выдвигаются обви-

16. Hinweisgeberschutzgesetz. 31.05.2023. BGBl. 2023 I № 140.

нения в моббинге. В этих контекстах обвинения в моббинге обычно выдвигаются анонимно и в достаточно общей форме. Однако тот или иной профессор вряд ли сможет осмысленно ответить на анонимное обвинение в том, что он принизил работу молодого ученого, если не знает, какую совершенную работу, когда и каким именно замечанием и в каком контексте он якобы принизил. Чтобы прояснить вопросы о том, делалось ли вообще такое высказывание, и если да, то являлось ли оно порочащим, — анонимность подателя жалобы обязательно должна быть снята. Как именно это делается: посредством предоставления соответствующих письменных подтверждений или просто путем называния имен и указания места события — в конечном счете не имеет значения, поскольку общее обвинение тем самым конкретизируется и, следовательно, становится проверяемым. Однако 80% опрошенных нами профессоров заявили, что при разборе их случаев этот принцип не соблюдался, и поэтому у них не было шансов осмысленно защищаться от обвинения.

2. Право на проведение слушания во всех инстанциях, занимающихся разбором дела

Этот правовой принцип, так же легко объективируемый, может показаться немного странным для тех, кто не очень знаком с университетами, однако он играет важную роль в этой институции. Внутри университета вопрос об увольнении или понижении в должности может последовательно рассматриваться: советом факультета, сенатом, а затем и президентом [университета] — соответственно, на разных уровнях иерархии. На деле же обсуждаемый профессор заслушивается только в самой низшей комиссии, на совете факультета, где он действительно может изложить свою точку зрения, тогда как в сенате его позиция представляется уже кем-то другим. И любой, кто знаком с университетами, знает, что существует определенная вероятность того, что за позднейшее представление его позиции может взяться кто-то из его оппонентов, вследствие чего действительное слушание и, следовательно, разбор аргументации обеих сторон по существу вопроса окажется уже невозможным. Нечто схожее может происходить и на уровне президента [университета], если он слепо, не вникнув в дело, полагается на результаты голосования в сенате. Многие из опрошенных нами участников исследования, в том числе Геро, рассказывали, что никогда лично не встречались с ректором или президентом, которые являются последней инстанцией в принятии ре-

шения об увольнении. Соответственно, неудивительно, что 74% опрошенных нами профессоров заявили, что при разборе их дела этот принцип не соблюдался.

3. Право на юридическое сопровождение при обсуждении собственных трудовых отношений

Это право предполагает понимание работодателем того, что увольнением или понижением в должности нельзя распоряжаться как помещики, на манер остэльбского юнкерства, но что при этом также должна предприниматься, по крайней мере, попытка сбалансированного учета интересов. Фактически же дело нередко обставляется так, что обсуждение кадрового вопроса даже не заявляется заранее, а вместо этого, например, обвиняемого приглашают на беседу о новациях в преподавании учебного предмета — что незаконно уже потому, что при такой подаче вовлеченное в разборки лицо даже не догадывается, что ему может понадобиться адвокат. Но даже в тех случаях, когда тот или иной профессор спрашивал, может ли ему понадобиться адвокат, ему нередко на голубом глазу отвечали, что нет. И тем самым вовлеченного в разборки профессора лишали возможности воспользоваться представительством адвоката уже на ранней стадии разбора конфликта. По меньшей мере 65%, то есть почти 2/3, опрошенных нами профессоров заявили, что им отказывали в праве на юридическое сопровождение.

4. Право на письменное заявление своей позиции в ответ на обвинения

Для обеспечения этого права необходимо, чтобы выдвигаемые обвинения были заранее заявлены в письменной форме. Кроме того, для ответа на них должно быть отведено достаточно времени, чтобы вовлеченное лицо могло уяснить обвинения, реконструировать ситуацию и, если это нужно, собрать ответные доказательства. И это является сложным не только тогда, когда податель обвинения остается анонимным, но и в ситуациях, когда обстоятельства дела конструируются администрацией университета. Так, одного профессора обвинили в том, что заявление об освобождении от налога он подал не в ту инстанцию. Однако то, в какую именно инстанцию следовало его подать, сами представители университета не смогли объяснить суду, рассматривавшему дело. И как тогда вовлеченному лицу заявить свою позицию относительно

этого? Однако то, что поначалу звучит столь просто и однозначно (право на письменное заявление своей позиции в ответ на обвинения), и едва ли вообще можно представить, что в этом праве может быть отказано кому-либо, — в университетах оказывается трудноисполнимым даже в тех случаях, когда это право предоставляется. Причем более половины, а именно 54%, опрошенных профессоров заявили, что даже этого права на письменное заявление им не обеспечили.

5. Непредвзятость

Что касается тех правовых принципов, восприятие соблюдения которых некоторым образом зависит от имеющейся субъективной вовлеченности, то вопрос о *непредвзятости* проведения процедуры находится на вершине списка пренебрегаемых принципов: 94% опрошенных профессоров заявили, что этот принцип не соблюдался. Прежде всего, непредвзятость означает, что при разборе дела ко всем его сторонам относятся одинаково. Например, предвзятость проявляется, когда опрашиваются только те сотрудники, которые, как можно предположить, недовольны рабочей ситуацией, тогда как те, кто ею доволен, но, узнав о проводимом опросе, также хотят высказаться по вопросу, просто игнорируются.

6. Презумпция невиновности

Учитывая ощутимое пренебрежение принципом непредвзятости, неудивительно, что такое же число профессоров, а именно 94%, считают, что в их случаях не соблюдалась и базовая презумпция невиновности. Презумпция невиновности является центральным правовым принципом: в уголовном процессе любой обвиняемый считается невиновным, пока его вина не доказана. Действует даже принцип *in dubio pro reo*¹⁷ — если остается хоть какое-либо сомнение в виновности, никакого наказания не следует. Однако анализ случаев в нашем исследовании показывает обратное: зачастую поспешность, проявляемая в случаях увольнения или понижения в должности профессоров, представляется чуть ли не соревновательной. Еще до проведения какой бы то ни было проверки обвинения уже разносятся призывы к защите молодых ученых и студентов и утверждения, что отсрочка наказания [ви-

17. Букв. «в случае сомнения — в пользу обвиняемого» (лат.) — один из принципов римского права. — *Прим. пер.*

новных в их притеснении] будет совершенно безответственной, а длительное расследование и изучение доказательств — несообразно моменту. В результате профессоров зачастую осуждают без проведения надлежащего расследования, просто снимая с должности. Причем забывают, что в большинстве случаев такое поспешное осуждение означает длительное отстранение от науки: мы называем это убийством карьеры (*Berufsmord*).

7. Прозрачность на всех этапах разбора дела

Этот правовой принцип предполагает, с одной стороны, что процедурные действия общеизвестны и признаны, а с другой стороны, что также известны и признаны те критерии, в соответствии с которыми принимаются решения на отдельных процедурных этапах. Как первое, так и второе должно защищать от придириков. Например, требовать лишь от одного из профессоров подготовить отчет о собственной деятельности, тогда как ни от кого из прочих профессоров из той же среды того же университета этого не требуется, — будет придиришкой. Придиришка имеет место там, где, как в деле Геро, профессору приходится защищаться от обвинений в плагиате, хотя для любого разумного третьего лица очевидно, что критикуется здесь в конечном итоге проявленная идеологическая строптивость. В общей сложности 87% опрошенных нами профессоров выразили сомнения относительно того, что примененные к ним процедуры ориентировались на [общепризнанные] критерии и были прозрачными.

8. Конфиденциальность

Это право распространяется, в первую очередь, на информацию, не предназначенную для публичного оглашения. Если в ходе процедуры она окажется раскрыта другим лицам, то конфиденциальность будет нарушена. Наш анализ показывает, что во внутренних процедурах часто применяются двойные стандарты. Так, при разбирательствах обвинений в моббинге заявители могли пользоваться правом на конфиденциальность уже просто потому, что им позволялось оставаться анонимными. Однако на обвиненного профессора, напротив, этот принцип часто не распространялся. В одном из случаев к доказательной базе [обвинения] были добавлены частные письма [обвиненного], переданные комиссии (*Gremium*) заинтересованной стороной. В другом случае информация, являвшаяся служебной тайной (*Interna*), была передана

в СМИ. В обоих этих случаях игнорирование основного принципа конфиденциальности создавало возможность для внешнего влияния на разбирательство. Еще в одном случае комиссия, не поставив в известность вовлеченную в разбирательство женщину-профессора, провела расследование в отношении нее и собрала соответствующее досье. В целом 73% опрошенных нами профессоров заявили, что при разбирательстве их случаев им самим не была обеспечена гарантированная конфиденциальность.

Таким образом, проведенный анализ характера исполнения внутренних процедур, должных предшествовать увольнению или понижению в должности, рисует катастрофическую картину. Ни объективируемые правовые принципы, ни те принципы, которыми обосновывается столь часто цитируемое «уважительное обращение» (*wertschätzenden Umgang*), похоже, не играют серьезной роли, когда дело касается трудовых отношений профессоров.

Заключительные замечания

В случае Геро некоторые из названных принципов верховенства права (*Rechtsstaatlichkeit*) играли лишь второстепенную роль: например, право на конфронтацию с заявителями. Да, генеральный студенческий комитет (AStA) Боннского университета громко высказался и при помощи СМИ попытался наслать волну негодования на руководство университета. Однако это не сравнимо с анонимными жалобщиками в случаях обвинения в моббинге.

Напротив, другие принципы верховенства права были очень даже значимыми, но внимания им уделялось мало или вообще не уделялось. В тех проблемных ситуациях университет ни разу не сослался на *право презумпции невиновности*, что ему, во исполнение долга заботы о своих сотрудниках, обязательно следовало бы сделать. В медиа Геро с самого начала считалась виновной — независимо, по каким обвинениям. Также и с *непредвзятостью* дело не ладилось. Так, комиссия по рассмотрению академических проступков (*Kommission für Verdachtsfälle wissenschaftlichen Fehlverhaltens*), несмотря на полученное сообщение о больничном, требовала [от Геро] предоставления письменного заявления в кратчайшие сроки, обосновывая такую срочность утверждением, что больничный этот якобы липовый. В конечном итоге об ее увольнении было объявлено без проведения какого-либо собеседования между ней и ректором Боннского университета.

Анализ в общей сложности почти 50 различных случаев увольнения или публичного понижения в должности профессоров по-

казывает, что как в конфликтах из-за ресурсов, так и при обвинениях в моббинге и в инцидентах культуры отмены (связанных с идеологической строптивостью), толчок к разборкам зачастую исходил как раз от коллег, молодых ученых или студентов. Причем во всех случаях университетская администрация играла сомнительную роль в разрешении конфликта. Теперь это признано и в высоких политических кругах: например, Вуппертальская декларация о добросовестном управлении наукой¹⁸ призывает соблюдать вышеназванные принципы верховенства права в отношении профессоров, чтобы конфликты разрешались подобающим образом. На той конференции, когда была принята эта декларация, тогдашний вице-президент Конференции ректоров университетов подчеркнул: «В конце концов, это дело начальника (*Chefsache*)»¹⁹.

Тот факт, что в университетах мы дошли до такой ситуации, когда профессора столь легко могут лишиться своих должностей, выступает показателем того, что мы являемся свидетелями радикального изменения в науке. Размышления Вебера о «Науке как призвании и профессии» 1917 года также можно прочитывать как начало современной науки. Возможно, сейчас мы находимся в конце того, что последние сто лет считалось своего рода консенсусом научности. В отличие от ныне повсеместно заклимаемого научного консенсуса, консенсус научности соотносится с тем, что мы — как научное сообщество и как общество — понимаем под научной работой, чего мы ожидаем от науки и какую роль она в наших эпистемологических достижениях играет для общества. И, возможно, мы сейчас как раз становимся свидетелями процесса, в котором наука в целом превращается в нечто, полностью определяемое политикой. Когда вопрос «Зачем наука?» (*Wozu Wissenschaft?*) переориентируется с ранее действительных ответов: просвещение, фундаментальные исследования и улучшение общих условий — на легитимацию актуальной политики. И если это произойдет, то наука не только потонет в посредственности, как то констатировал Вебер, но и полностью упразднит себя.

18. Günther O. et al. Wuppertaler Erklärung zur vertrauenswürdigen Wissenschaftsgovernance // Bayerisches Staatsinstitut für. Hochschulforschung und Hochschulplanung. 28.03.2023. URL: https://www.ihf.bayern.de/fileadmin/user_upload/IHF/Veranstaltungen/Tagung_Governance_2023/Wuppertaler_Erkl%C3%A4rung_29032023.pdf.

19. Так в докладе Оливье Гюнтера: Günther O. Konfliktmanagement in der Hochschulpraxis: Fallbeispiele und was man aus ihnen lernen kann. Wuppertal, 16.03.2023.

Библиография

- Вебер М. Наука как призвание и профессия // Избр. произв. М.: Прогресс, 1990. С.707–735.
- Гансер Д. Секретные армии НАТО: Операция «Гладио» и терроризм в Западной Европе. М.: Кучково поле, 2017 (2012).
- Кроне-Шмальц Г. Понять Россию. Борьба за Украину и высокомерие Запада. М.: Кучково поле, 2015.
- Bhakdi S., Reiß K. Schreckgespenst Infektionen. Mythen, Wahn und Wirklichkeit. B.; Wien: Goldegg, 2016.
- Egner H., Uhlenwinkel A. „Wie wenig es braucht ...!“ Befunde zur Entlassung oder öffentlichen Degradierung von Professorinnen und Professoren. Unveröffentlichtes Manuskript.
- Egner H., Uhlenwinkel A. Ein Angriff auf die Wissenschaftsfreiheit // Der Fall Ulrike Guérot: Versuche einer öffentlichen Hinrichtung / G. Gysi (ed.). Neu-Isenburg: Westend Verlag, 2024. S. 13–27.
- Ganser D. Europa im Erdölrausch: Die Folgen einer gefährlichen Abhängigkeit. Zürich: Orell Füssli, 2012.
- Ganser D. Imperium USA. Die skrupellose Weltmacht. Zürich: Orell Füssli, 2020.
- Günther O. Konfliktmanagement in der Hochschulpraxis: Fallbeispiele und was man aus ihnen lernen kann. Wuppertal, 16.03.2023.
- Günther O., Jungwirth C., Kempen B., Welp I., Wolff B. Wuppertaler Erklärung zur vertrauenswürdigen Wissenschaftsgovernance // Bayerisches Staatsinstitut für Hochschulforschung und Hochschulplanung. 28.03.2023. URL: https://www.ihf.bayern.de/fileadmin/user_upload/IHF/Veranstaltungen/Tagung_Governance_2023/Wuppertaler_Erkl%C3%A4rung_29032023.pdf.
- Hinweisgeberschutzgesetz. 31.05.2023. BGBl. 2023 I № 140.
- Krone-Schmalz G. ...an Rußland muß man einfach glauben. Meine Moskauer Jahre. Düsseldorf: Econ, 1991.
- Krone-Schmalz G. Was passiert in Russland? München: Herbig, 2007.
- Krone-Schmalz G. Wir können es schaffen. Anstiftung zum Neuanfang in Deutschland. Düsseldorf; München: Econ, 1997.
- Meyen M. Unterwerfung der Universitäten // Tumult. Vierteljahresschrift für Kon-sensstörung. Herbst 2022. S. 26–29.
- Michael M. Wie ich meine Uni verlor. Dreißig Jahre Bildungskrieg. Bilanz eines Ost-deutschen. B.: edition ost, 2023.
- Patrick Baab/Christian-Albrechts-Universität zu Kiel. 25.04.2023. Az 9 A 167/22.
- Reiß K., Bhakdi S. Corona unmasked. Neue Daten, Zahlen, Hintergründe. B.; Wien: Goldegg, 2021.
- Stubbe E. Gastland Schweiz. Rechtsbrüche und Willkür statt Freizügigkeit. Sempach: Felsenegg Verlag, 2005.
- Verfassungsschutzbericht 2022. B.: Bundesministerium des Innern und für Heimat, 2023.

AN ATTACK ON THE FREEDOM OF SCIENCE

HEIKE EGNER. Independent scholar, Austria, heike.egner@gmx.at.

ANKE UHLENWINKEL. Paris Lodron University of Salzburg (PLUS), Austria, anke.uhlenwinkel@plus.ac.at.

Keywords: freedom of science under threat; ideological obstinacy vs political values; internal procedures; consensus of science vs scientific consensus.

The case study conducted by the authors, based on an analysis of 49 recent cases of dismissal/demotion of professors at German universities, gives them reason to revisit the actualized problem of restricting or manipulating academic freedoms in favor of asserting a mainstream political agenda. If a university is, first of all, a state institution, and its professors are civil servants, then how is it possible today to defend the university's right to positive differences and the professors' right to an alternative point of view, defending innovative ideas or non—traditional views? This question both repeats and varies the problematization of the dual status of science, which was exemplary formulated in Max Weber's report *Science as a Vocation* (1917).

The task of science is to provide individuals and society with knowledge that is otherwise inaccessible. And this task is now clearly a topic of discussion both in teaching and in scientific research. Continuing Weber's line of critical reflection, the authors summarize their research by stating that today we have reached a science that no longer provides individuals and society with a framework within which actions that are also morally justified can be reflected and justified. Instead, we are dealing with science, which is shaped by politics. Scientists and teachers who are unable or unwilling to sacrifice the freedom of science in favor of the political mainstream and adjust their research and training courses to externally imposed values are labeled as "controversial" or "ideologically obstinate" and themselves become the objects of both internal university investigations and media campaigns aimed at depriving their activities of scientific status.

DOI: 10.17323/0869-5377-2024-2-81-96

References

- Bhakdi S., Reiß K. *Schreckgespenst Infektionen. Mythen, Wahn und Wirklichkeit*, Berlin, Wien, Goldegg, 2016.
- Egner H., Uhlenwinkel A. „Wie wenig es braucht ...!“ Befunde zur Entlassung oder öffentlichen Degradierung von Professorinnen und Professoren, Unveröffentlichtes Manuskript.
- Egner H., Uhlenwinkel A. Ein Angriff auf die Wissenschaftsfreiheit. *Der Fall Ulrike Guérot: Versuche einer öffentlichen Hinrichtung* (ed. G. Gysi), Neu-Isenburg, Westend Verlag, 2024, pp. 13–27.
- Ganser D. *Europa im Erdölrausch: Die Folgen einer gefährlichen Abhängigkeit*, Zürich, Orell Füssli, 2012.
- Ganser D. *Imperium USA. Die skrupellose Weltmacht*, Zürich, Orell Füssli, 2020.
- Ganser D. *Sekretnye armii NATO: Operatsiia "Gladio" i terrorizm v Zapadnoi Evrope* [NATO's Secret Armies: Operation GLADIO and Terrorism in Western Europe], Moscow, Kuchkovo Pole Publishing House, 2017 (2020).
- Günther O. *Konfliktmanagement in der Hochschulpraxis: Fallbeispiele und was man aus ihnen lernen kann*, Wuppertal, März 16, 2023.
- Günther O., Jungwirth C., Kempen B., Welpé I., Wolff B. Wuppertaler Erklärung zur vertrauenswürdigen Wissenschaftsgovernance. *Bayerisches Staatsinsti-*

- tut für. *Hochschulforschung und Hochschulplanung*, März 28, 2023. Available at: https://www.ihf.bayern.de/fileadmin/user_upload/IHF/Veranstaltungen/Tagung_Governance_2023/Wuppertaler_Erkl%C3%A4rung_29032023.pdf.
- Hinweisgeberschutzgesetz. *BGBI*, Mai 31, 2023, vol. I, no. 140.
- Krone-Schmalz G. ...an Rußland muß man einfach glauben. *Meine Moskauer Jahre*, Düsseldorf, Econ, 1991.
- Krone-Schmalz G. *Poniat' Rossiiu. Bor'ba za Ukrainu i vysokomerie Zapada* [Russland verstehen?: Der Kampf um die Ukraine und die Arroganz des Westens], Moscow, Kuchkovo Pole Publishing House, 2015.
- Krone-Schmalz G. *Was passiert in Russland?*, München, Herbig, 2007.
- Krone-Schmalz G. *Wir können es schaffen. Anstiftung zum Neuanfang in Deutschland*, Düsseldorf, München, Econ, 1997.
- Meyen M. Unterwerfung der Universitäten. *Tumult. Vierteljahresschrift für Konsensstörung*, Herbst, 2022, pp. 26–29.
- Michael M. *Wie ich meine Uni verlor. Dreißig Jahre Bildungskrieg. Bilanz eines Ostdeutschen*, Berlin, edition ost, 2023.
- Patrick Baab/Christian-Albrechts-Universität zu Kiel, April 25, 2023, Az 9 A 167/22.
- Reiß K., Bhakdi S. *Corona unmasked. Neue Daten, Zahlen, Hintergründe*, Berlin, Wien, Goldegg, 2021.
- Stubbe E. *Gastland Schweiz. Rechtsbrüche und Willkür statt Freizügigkeit*, Sempach, Felsenegg Verlag, 2005.
- Verfassungsschutzbericht 2022*, Berlin, Bundesministerium des Innern und für Heimat, 2023.
- Weber M. *Nauka kak prizvanie i professiia* [Wissenschaft als Beruf]. *Izbrannye proizvedeniia* [Selected Works], Moscow, Progress, 1990, pp. 707–735.

Дело Ульрике Геро: попытка публичной казни

РОБЕРТО ДЕ ЛАПУЭНТЕ

Журнал «Овертон», Ной-Изенбург, Германия.

Ключевые слова: университетская политика; границы свободы; инакомыслие; «Кто молчит, тот соглашается»; «Эндшпиль Европа»; кампания диффамации и отстранение.

Случай Ульрике Геро, ставший административным делом, в котором высвечивается проблемность актуальной университетской политики в Германии и не только (политики прямых и косвенных ограничений и санкций, налагаемых на проявления свободного, альтернативного мышления в публичном пространстве современного демократического общества), описывается автором в его уникальной для ФРГ фактичности — соотносимой разве что с волной запретов на профессию и изгнанию инакомыслящих в 1977 г. (дело Петера Брюкнера и др.). Эссе ставит перед собой и пытается ответить на следующие структурно значимые и укорененные в конкретике анализируемого случая вопросы: (1) Как, когда и почему на профессора (политолога Ульрике Геро) навешивается ярлык «спорный» (*#umstritten*)? (2) Какое влияние на решение (Боннского) университета об увольнении оказывает публичное давление? (3) Что происходит с демократическим обществом, в котором ученые и интеллектуалы более не свободны и не могут принимать уча-

стие в публичных дискуссиях без самоцензуры?

В поиске ответов на эти вопросы автор выходит на констатацию характерного и симптоматичного для актуального момента обстоятельства: через медийную кампанию раскрытия ее дела профессионально (но латерально, дивергентно) анализирующая актуальные политические реалии (Германии, Европы и т. д.) политолог вытесняется как мейнстримными медиа, так и университетским сообществом «в тот сегмент общества, представителей которого стали негативным и исключаящим [из «нормальности»] образом именовать „инакомыслящими“ еще в ходе поляризованной дискуссии о коронавирусе...» В результате: «Неожиданно возникли альянсы и сообщества, прежде казавшиеся немыслимыми, классические политические категории „правых“ и „левых“ перемешались... Что еще раз подчеркивает всю сложность возникшей социальной динамики: какая же именно сторона является „неправильной“ в условиях демократии?»

ЧТОБЫ понять, почему сомнительные инсинуации могли положить конец успешной университетской карьере политика Ульрике Геро, мы должны рассмотреть некоторые события 2021 и 2022 годов, предшествовавших уведомлению Боннского университета о ее увольнении. Ведь, как мы увидим, к увольнению, состоявшемуся 16 февраля 2023 года, привела отнюдь не цепь простых случайностей.

Дело Ульрике Геро возникло в беспокойное и турбулентное время. В 2021 году еще продолжалась пандемия коронавируса. Затем в 2022 году разразилась российско-украинская война¹. Это было время все большей идеологической жесткости и — в том числе публично критиковавшегося² — ограничения коридора мнений и медийной унификации, время, когда требовалось единодушие и согласие по всем актуальным вопросам.

Этот факт, как и увольнение университетского профессора по пустяковому поводу, уникален для Федеративной Республики Германия. Разве что в 1970-е годы «Положение о радикальных силах» привело к запретам на профессию и изгнанию инакомыслящих с общественной службы. Тогда вышла в свет книга Петера Брюкнера «О долге ученого действовать также и как гражданин»³. В ней роль ученого тематизируется как роль активного гражданина. Это сочинение появилось как реакция на обвинения министра

Перевод с немецкого Кирилла Лощевского по изданию: © De Lapuente R. Der Fall Ulrike Guérot: Versuche einer öffentlichen Hinrichtung // Der Fall Ulrike Guérot: Versuche einer öffentlichen Hinrichtung / G. Gysi (ed.). Neu-Isenburg: Westend Verlag, 2024. S. 52–75.

1. Имеется в виду специальная военная операция России на Украине. Здесь и далее сохранено используемое автором привычное для западного медиаполя обозначение военных действий на территории Украины, происходящих с февраля 2022 года. — *Прим. ред.*
2. Precht R. D., Welzer H. Die Vierte Gewalt. Wie Mehrheitsmeinung gemacht wird, auch wenn sie keine ist. B.: S. Fischer, 2022.
3. Brückner P., Oestmann A. Über die Pflicht des Gelehrten, auch als Bürger tätig zu sein. Zum Disziplinarverfahren des Noedersächsischen Ministers für Wissenschaft und Kunst gegen Peter Brücker. Hannover: Internationalismus Verlag, 1980.

науки и культуры Нижней Саксонии в отношении политической ангажированности Брюкнера в контексте 1970-х годов⁴.

Эти 2021–2022 годы стали историческими еще и потому, что в ходе идеологической борьбы за право на собственное толкование пандемии и украинской войны Геро была отнюдь не единственной, кто целенаправленно подвергся изгнанию из публичного пространства. Многие деятели культуры, политики и науки внезапно были пригвождены к общественному позорному столбу, поскольку они адресовали критические вопросы правительственному нарративу, касавшемуся ситуации с коронавирусом или Украины. Любой вид скепсиса расценивался как пораженчество. В качестве примера можно назвать таких критически настроенных вирусологов, как Вольфганг Водарг или Зухарит Бхакди, а также таких художников или артистов, как Лиза Фитц и Ева Херциг (в том, что касается ситуации с коронавирусом), и такие фигуры, как Габриэле Крон-Шмальц или Патрик Бааб (в том, что касается войны на Украине); все они выражали принципиальное несогласие с господствующим нарративом в отношении пандемии коронавируса или украинской войны и подверглись исключению из поля дискурса, в первую очередь со стороны публично-правовых вещательных компаний.

Поэтому в этом эссе сводятся в один ряд те события, которые на первый взгляд происходили независимо друг от друга, но на самом деле с высокой вероятностью тесно друг с другом связаны. Структуру статьи определяют следующие вопросы:

- Как, когда и почему на профессора Геро был навешен ярлык *#umstritten* («спорный»)?
- Какое влияние на решение Боннского университета о ее увольнении оказало публичное давление?

4. После того как в 1972 году социальный психолог Петер Брюкнер (1922–1982) дал экспертное заключение в пользу сохранения основанного Вольфгангом Хубером «Социалистического коллектива пациентов» (*Sozialistisches Patientenkollektiv*), его обвинили в поддержке RAF и на два семестра отстранили от преподавания. В 1977 году его обвинили уже в «редакторской» причастности к так называемому делу Мескалери (*Mescalero-Affäre*). После последовавшей серии судебных разбирательств (по ходу которых в его защиту, в частности, выступал Мишель Фуко, в январе 1978 года лично участвовавший в ганноверской демонстрации протеста против запрета на профессию и за реабилитацию Брюкнера) в 1981 году все дисциплинарные меры были сняты. См. также: *Jünke Ch.* Der Staat gegen Peter Brückner. Wie ein linker Hochschullehrer ausgegrenzt wird // Rosa Luxemburg Stiftung. 12.01.2022. URL: <https://www.rosalux.de/news/id/45677/der-staat-gegen-peter-brueckner>. — Прим. ред.

- Что происходит с демократическим обществом, в котором ученые и интеллектуалы более не свободны и не могут принимать участие в публичных дискуссиях без самоцензуры?

Долгое время Геро являлась признанным экспертом по вопросам европейской политики и процессу евроинтеграции, у нее охотно брали интервью и приглашали участвовать в телевизионных ток-шоу. Объективно аргументирующий политолог была красноречива, умела держаться перед камерой и микрофоном (как оценивают в медиа приглашенных спикеров) и всегда была очень приятным и компетентным собеседником.

Однако теперь, когда свобода выражения некоторых мнений и, соответственно, отстаивания определенных позиций оказалась в Германии ограниченной, ее голос уже выбивался из общего ряда. Любой, кто задавал критические вопросы о смысле или бессмыслице каких-либо антикоронавирусных мероприятий или и вовсе ставил под сомнение вакцинацию, почти моментально превращался во врага. Представители крупных и межрегиональных медиа называли защиту линии правительства своим моральным долгом по сдерживанию пандемии. Тот же самый менталитет и, соответственно, конформизм в вопросах войны и мира сохранялся и после начала военной операции России на Украине. В политически однозначно идеологизированных дискуссиях быстро выяснилось, где «добро» (например, вакцинация, Украина), а где «зло» (противники вакцинации, Россия) — утвердилось манихейское мировоззрение. Возражать или даже занимать нейтральную позицию, не превратившись во врага, было практически невозможно. Лишь немногие оставались критически настроенными, но они получали лишь второстепенные эфирные слоты. Другие журналисты относились к своей миссии с серьезностью, граничащей с фанатизмом.

Для некоторых многие детали этой истории могут выглядеть как своего рода провокация. Ведь одновременно значительная часть населения в силу усталости отвернулась от крупных СМИ, поскольку их несбалансированное освещение ситуации воспринималось как монотонное следование линии правительства. Параллельно росту числа игнорирующих новости росло и количество альтернативных медиа.

Граждане тем больше теряли доверие к политике и к медиа, чем чаще и интенсивнее они чувствовали себя обманутыми. У многих развивалось общее недоверие к тем, кто наверху. Об этом свидетельствуют почти все кризисы последних лет, с чем бы они ни были связаны: с коронавирусом, Украиной или климатом.

Разверзлась пропасть, и в ее воронке закружилось очень многое. В центре событий оказалась уважаемая профессор Геро, которая трезво констатировала, что «пространства для легитимной критики больше нет», а дискуссионные поля республики разобщены.

Все началось с обычного процесса рассмотрения кандидатуры Геро на должность профессора Боннского университета, пришедшегося именно на эти необычные времена. Прежде чем весной 2021 года она подписала контракт, ее карьера и написанные ею книги прошли процедуру оценки как внутриуниверситетским жюри и различными инстанциями университета, так и тремя внешними экспертами. В том числе были рассмотрены и оценены как солидные те книги, которые позднее послужили основанием для ее увольнения в связи с обвинением в якобы имевшем место плагиате. Все участники процесса высказались за то, чтобы Геро стала их новой коллегой в университете — место точно соответствовало ее профилю.

В сентябре того же года она заняла должность профессора Боннского университета. На вечеринку по поводу ее вступления в должность собрались почти все коллеги по институту.

В соответствии с условиями конкурса она подала заявку на участие в нем в 2020 году, еще за год до его проведения, и одновременно закончила книгу о Европе после пандемии⁵. Оставалось достаточно времени для того, чтобы параллельно решению организационных вопросов, связанных с переездом, заниматься осмыслением различных аспектов пандемии и принимать участие в публичных дебатах. Комментировать или критиковать, когда было что критиковать, в интервью, на ток-шоу и конференциях. Короче говоря, участвовать в странных событиях текущего времени.

В октябре 2020 года в телепрограмме на канале *ARTE* она впервые выступила с публичной критикой мероприятий по борьбе с пандемией коронавируса. Весной 2021 года в «Манифесте за открытое общество»⁶ она вместе с группой ученых, художников и политиков выступила с требованием сохранить культуру открытых дискуссий, в которой — согласно Хабермасу — должна вновь выйти на первый план «сила более убедительных аргумен-

5. Guérot U. Nichts wird so bleiben, wie es war. Europa nach der Krise. Eine europäische Zeitreise. Wien: Molden 2020.

6. Guérot U. et al. Für die offene Gesellschaft. Manifest Die Diskussionen in dieser Pandemie sind vergiftet. Tauschen wir uns endlich ruhig und angstfrei aus // WELT/der Freitag. 25.03.2021.

тов». Авторы манифеста настаивали на безусловной необходимости расширения пространства дискурса. В вопросах, связанных с пандемией коронавируса, правительству предлагалось наряду с учеными-естественниками консультироваться и с представителями других научных дисциплин. Летом 2021 года в результате сотрудничества с другими учеными был опубликован документ «Коронавирусное примирение»⁷.

Критическая позиция других коллег по Боннскому университету — например, вирусолога Хендрика Штрека или философа Маркуса Габриэля, которые в начальной фазе пандемии также скептически и критически высказывались об антикоронавирусных мероприятиях⁸, — укрепляла убежденность Геро в том, что эта либеральная институция желает быть оплотом конструктивных и критичных точек зрения или что таковые как минимум будут в ней позволены. Возможно даже, что до поры до времени именно так и было — до того момента, как твиттер заполнили гневные окрики и враждебные выпады и публичное давление стало невыносимым.

Вирусолог Штрек, профессор Боннского университета, до назначения его партнера Пауля Цубайля на пост в министерстве здравоохранения при тогдашнем министре Йенсе Шпане занимал скорее критическую позицию в отношении мероприятий, проводимых в рамках борьбы с пандемией. Звездный философ Боннского университета Габриэль первоначально также был настроен весьма критически, он даже принял участие в интернет-кампании *#allesaufdentisch* [*#всёнастол*], однако осенью 2021 года с началом так называемой второй зимней волны и он совершил разворот на 180 градусов, видимо, из страха или почтения перед растущим политическим давлением. Тем временем голос Геро оставался голосом разума и критики во все более накалявшемся дискуссионном пространстве. Об этом свидетельствует публичное одобрение, которое она встречала, особенно в социальных сетях. Разумеется, крупнейшие СМИ характеризовали его как «аплодисменты с неправильной стороны». При этом то, каким именно образом определялась «неправильная сторона», оставалось неясным. Хотя стоит отметить, что критика антикоронавирусных мероприятий, са-

7. 16 Autor*innen für Kurskorrektur in der Corona-Politik — „Covid-19 ins Verhältnis setzen“ // Corona-Aussöhnung. 07.07.2021. URL: https://coronaaussoehnung.org/wp-content/uploads/2021/07/Presseinformation_2021-07-07n_Website.pdf.

8. Например, Габриэль осенью 2020 года также дал интервью вышеупомянутому каналу ARTE.

мое позднее, со времени проведения масштабных демонстраций в Берлине летом 2020 года повсеместно и поразительно часто характеризовалась как «правая» и на нее навешивался ярлык инакомыслящей (*Querdenker*) в негативном смысле⁹.

Естественно, своей критикой Геро отнюдь не всегда приобретала себе друзей. Да и старые друзья внезапно тоже остались где-то в стороне. В одной беседе с ней выяснилось, что круг членов ее семьи, друзей и знакомых — как и у многих других — разделился в зависимости от того, одобряют они или не одобряют меры по борьбе с коронавирусом. Один из этих старых знакомых — Патрик Банерс, шеф-редактор литературного отдела *Frankfurter Allgemeine Zeitung* — летом 2021 года спровоцировал массированную атаку на Геро в социальных сетях. Они были знакомы с 1986 года, со времени совместной учебы в Бонне. Согласно «Википедии», он работает над диссертацией с 2002 года. Очевидно, что он был осведомлен о карьере Геро. Наконец, ее приглашали на конференции *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, ее цитировали и интервьюировали, она принимала участие в панельных дискуссиях, например, в Берлинско-Бранденбургской академии наук. Так что же произошло? Летом 2020 года Геро сделала ретвит видео, в котором ютьюб-канал *Erbsenzähler* («скряга»), известный анализом статистических данных, ставил под сомнение официальные цифры, касающиеся пандемии. Кое-кто не хотел оставлять этого без последствий, и против Геро была поднята буря негодования — буря, равнозначная кампании по полному уничтожению репутации. Геро подготовила досье об этой клеветнической кампании и передала его в том числе и декану философского факультета, своему будущему работодателю.

При этом на передовом рубеже кампании находился именно Банерс. Геро была заклеймлена как сторонница теории заговора и помещена в разряд инакомыслящих. Это было время, когда понятие «инакомыслие» поменяло свое значение с позитив-

9. Термин *Querdenken* также соотносится с понятием латерального мышления (противопоставляемым вертикальному и линейному), предложенным психологом Эдвардом де Боно (см.: *De Bono E. New Think: The Use of Lateral Thinking in the Generation of New Ideas. N.Y.: Basic Books, 1967*) и понятием дивергентного мышления (противопоставляемым конвергентному) Джоя Гилфорда (см.: *Guilford J. P. The Nature of Human Intelligence. N.Y.: McGraw-Hill, 1967*). Одной из инициативных групп организаторов антиковидных демонстраций протеста в Германии в 2020–2021 годах (*Querdenken Initiativen*) выступала так называемая *Querdenken 711* (см. URL: <https://querdenken-711.de>). — *Прим. ред.*

ного на негативное, когда оно вместо указания на критический склад ума превратилось в характеристику «ковидиота». Месяцем позже *Der Spiegel* процитировала слова Бенерса о том, что Боннский университет ни в коем случае не должен был назначать Геро на ее должность¹⁰, что является весьма самонадеянной оценкой для редактора литературного отдела в газете. Далее, чуть менее чем через год, летом 2022 года, в том же самом литературном отделе *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, редактором которого был Банерс, одно за другим были выдвинуты первые два обвинения в плагиате против Геро.

В этой неопределенной ситуации Геро, в соответствии с контрактом, с сентября 2021 года приступила к исполнению своих профессорских обязанностей в Боннском университете. В течение последовавшего за этим почти шестимесячного локдауна ее лекции проходили в формате видеоконференции: смутное время в новой обстановке без личного контакта со студентами или коллегами. На тот момент ее положение в университете еще казалось неизбылемым. В январе 2022 года в Большом лекционном зале престижного Гейдельбергского университета¹¹ она произнесла вступительную речь, посвященную 59-й годовщине Елисейского договора, а в феврале 2022 года выступила на конференции высокого уровня по европейскому суверенитету в Гамбургском университете¹². В конце февраля она написала рецензируемую статью о «германо-французских отношениях и идее европейского суверенитета»¹³, а также доклад для онлайн-журнала одного европейского института в Брюсселе¹⁴, который, впрочем, спустя несколько ме-

10. Piltz Ch. Der Fall Ulrike Guérot und die Grenzen der Freiheit // Spiegel. 24.09.2021. URL: <https://www.spiegel.de/kultur/ulrike-guerot-und-ihre-corona-kritik-warum-die-politikwissenschaftlerin-beschimpft-wird-a-b3491870-05af-4c99-a45c-f172d53fb6a0>.

11. „Die Zukunft der Geschichte: Was bedeuten die deutsch-französischen Beziehungen heute?“ («Будущее истории: каково значение немецко-французских отношений?»), Universität Heidelberg, January 23, 2022.

12. „Souveränität und Identität in Europa: Eine Spurensuche von zwei Begriffen“ («Суверенитет и идентичность в Европе: по следам двух понятий»), Universität Hamburg, Februar 25, 2022.

13. Guérot U., Plottka J. Merkels Europapolitik oder der Preis des Pragmatismus // Revue de l'Allemagne et des pays de la langue Allemande. 2022. Т. 54. № 1. S. 131–152.

14. Guérot U. The Difficult Relationship Between European Sovereignty and European Democracy in Franco-German Discourse // Institut des Démocrates Européennes/Institut of European Democrats (IED). January 2022. Эта публикация была удалена с сайта IED в процессе диффамации Геро и может быть найдена только в веб-архиве. По этой причине организация, ко-

сяцев был удален с сайта института, когда кампания по дискредитации Геро достигла кульминации. Однако осенью и зимой 2021–2022 года все еще, казалось, выглядело хорошо, академический мир, как обычно, принимал Геро с распростертыми объятиями.

Тем не менее для нее, по всей видимости, было важным выполнять свой долг ученого и, в духе Брюкнера, публично высказываться на актуальные темы. Очевидно, что как интеллектуал и к тому же как политолог, прекрасно разбирающийся в теории демократии, она чувствовала себя обязанной выступать как в роли ученого, так и в роли гражданки демократической страны. Во время рождественских каникул 2021–2022 года она начала делать заметки с критикой юридически проблематичной и даже сомнительной политики в отношении пандемии¹⁵. В результате в начале марта 2022 года вышла в свет книга под заглавием «Кто молчит, тот соглашается»¹⁶, содержащая жесткую негативную оценку этой политики за несоразмерность принимаемых мер. В ней высказывалось требование неотложного широкого публичного обсуждения допущенных ошибок — которое, однако, до сих пор так и не состоялось. Тем временем Россия начала военную операцию на Украине.

Книга вызвала большой интерес, как позитивный, так и негативный, в течение нескольких недель находилась в списке бестселлеров «Шпигеля» и весьма интенсивно обсуждалась в медиа. Она подняла довольно-таки высокие волны, впоследствии грозно обрушившиеся и на Геро, как бы подтверждая слова французско-

тору Геро возглавляет в качестве содиректора, — берлинская Лаборатория европейской демократии — разместила эту статью на своем сайте, см. URL: <https://www.europeandemocracylab.org/essay/the-difficult-relationship-between-european-sovereignty-and-european-democracy-in-franco-german-discourse>.

15. По поводу критики соответствия антикоронавирусных мероприятий конституции см., напр., устный доклад Ханса-Юргена Папира на конференции R21 (*Republik 21*) 19 сентября 2023 года во Франкфурте «Фундаментальные права в своем сущностном содержании не должны затрагиваться ни в коем случае» (In keinem Falle darf ein Grundrecht in seinem Wesensgehalt angetastet werden. Manifest der Denkfabrik Republik 21 im Nachgang zur Konferenz „Deutschland zwischen Covid und Klima — Grundrechte unter Vorbehalt?“, Berlin, September 2023. URL: <https://denkfabrik-r21.de/in-keinem-falle-darf-ein-grundrecht-in-seinem-wesensgehalt-angetastet-werden-art-19-abs-2-gg/>), в котором, по сути, *ex post* находит свое подтверждение критика, высказанная Геро еще зимой 2022 года.
16. Guérot U. Wer schweigt, stimmt zu: Über den Zustand unserer Zeit. Und darüber, wie wir leben wollen. Neu-Isenburg: Westend, 2022.

го эссеиста Поля Валери: «Тот, кто не может атаковать мысль, атакует мыслящего».

Например, социолог Армин Нассеи, с которым Геро участвовала в нескольких публичных дискуссиях на тему коронавируса (например, весной 2021 года в дискуссионном мероприятии, организованном Евангелической церковью Германии (*EKD*) и собравшем около 300 участников), после выхода в свет книги «Кто молчит, тот соглашается» поспешил выступить в твиттере с клеветническим заявлением, что в книге он якобы расслышал «авторитарно-фашизоидное звучание». При этом сам Нассеи, будучи заведующим кафедрой социологии в Мюнхенском университете Людвига-Максимилиана (*LMU*), очень хорошо знал и лично Геро, и ее работы. Но и здесь дебаты о пандемии привели к крайней поляризации точек зрения.

Как и многие журналисты, некоторые ученые в период пандемии разделяли мнение, что разговор на равных с инакомыслящими неуместен, поскольку в ситуации пандемии он потенциально может поставить под угрозу жизни людей. Эта часть гражданско-медийного общества, рассматривавшая консенсус с правительством как единственно верный путь, цементировала жесткое кольцо вокруг публичного пространства. Из него следовало изгнать тех, кто желал научной дискуссии, результат которой не был бы предопределен заранее. Тот способ, каким одна сторона пыталась получить контроль над общественным мнением, включал в себя очевидное злоупотребление властью, а это способствовало распространению феномена спирали молчания на все сегменты общества. Так, например, благодаря изучению «файлов *Twitter*» и прочим исследованиям было эмпирически доказано, что в период пандемии коронавируса критические голоса действительно подавлялись и отсеивались в равной мере и в науке, и в журналистике¹⁷.

Нассеи — это не просто какой-то голос. Он влиятелен. Его членство в бесчисленных организациях свидетельствует о масштабе сферы его деятельности. Только несколько примеров: он является членом Национальной академии наук «Леопольдина», соучредителем и членом Берлинского ПЕН-клуба и, что не менее важно,

17. О «файлах *Twitter*» и подавлении свободного обмена мнениями см. многочисленные публикации швейцарской публицистки Элены Луизы Ланге на ресурсе *Substack*, напр.: *Lange E. L. Fighting back against the Censorship-Industrial Complex // Lawyer's Fees, Beetroot, and Music.* 28.06.2023. URL: <https://elenalouisalange.substack.com/p/fighting-back-againstcensorship>.

членом Центра «Либеральный модерн» (*LibMod*), на чем мы еще остановимся позднее. Его голос принимается во внимание. И если он целенаправленно используется для диффамаций, то их адресату может стать неуютно в башенке из слоновой кости гуманитарных наук ФРГ. После твиттер-атаки, предпринятой Нассеи, Геро начали избегать. К ней приклеился эпитет «фашистский». На еще новом месте работы в Боннском университете с ней почти не разговаривали, перешептываясь о ней за глаза. Студенческий совет писал открытые письма, на нее обрушилась газета *Bonner Generalanzeiger*, против нее мобилизовались учащиеся. В Бонне Геро стало неуютно в буквальном смысле слова.

То обстоятельство, что в это же самое время ее почтовый ящик был переполнен письмами людей, которые были воодушевлены ее книгой, писали ей, что она говорит с ними от всей души, и горячо ее благодарили, в академических кругах осталось незамеченным — или не могло быть замеченным. Редко случалось, чтобы какие-либо дебаты вызывали такой раскол между академической и неакадемической средой, какой породили дебаты о мерах по борьбе с коронавирусом¹⁸.

Дискуссия об обязательной антикоронавирусной вакцинации в то время уже набирала обороты, как в парламенте, так и среди обычных граждан — и в любом случае на «понедельничных демонстрациях» (*Montagsdemos*). На плакатах и открытках печатали высказывания Геро: «Фундаментальные права неотъемлемы и безусловны!» Одни считали ее голосом разума — другие проклинали. Одновременно росло и давление на руководство университета.

Тот факт, что незадолго до возможного начала вакцинации она опубликовала эту книгу, не понравился сторонникам мнимого консенсуса в отношении пандемии. Книга вызвала у них ярость.

Это и подобные ему выступления, заметим, выступления, в которых политолог отстаивала «обмен аргументами вместо отравленного дискурса», вызвали мощный шквал публичных нападок на нее. После выхода в свет книги она почти не получала приглашений на дискуссионные платформы и академические конференции. Полный ход набирала общественная

18. См. посвященный культуре отмены документальный фильм «Что происходит, когда говорят не то, что нужно», впервые показанный по *Servus TV* 18 октября 2023 года (*Servus Reportage: Tabu — Was passiert, wenn man das Falsche sagt? | Kurzfassung* // YouTube: *ServusTV* On. 19.10.2023. URL: <https://youtu.be/cIDMooO8-NE>), а также «Профессора под прицелом» (*Ebel R. Professoren im Visier* // *Manova*. 11.11.2023. URL: <https://www.manova.news/artikel/professoren-im-visier>).

изоляция, в том числе и в академическом пространстве. Давление на ее нового работодателя росло, Боннский университет должен был как-то реагировать. Можно предположить, что на эту тему велись телефонные переговоры и организовывались Zoom-встречи.

В начале лета 2022 года после фурора, вызванного публикацией книги «Кто молчит, тот соглашается», Геро решила оставить тему коронавируса и вновь сосредоточиться в первую очередь на своей университетской деятельности — проведении семинаров и научном руководстве студентами. И вернуться к своей главной теме — Европе. К тому же во время летнего семестра 2022 года проходили выборы президента Франции. Германо-французские отношения с давних пор были одной из главных тем ее исследований, которыми она и стала известной. Геро — кавалер французского ордена *L'Ordre pour le Mérite*, а в 2013 году она сопровождала Федерального президента Йоахима Гаука в ходе его государственного визита во Францию. Во время любых французских выборов и любого политического события во Франции она была желанным гостем в ведущих немецких медиа.

Однако теперь медиа, казалось, избегали ее при обсуждении этой темы. Если раньше из-за дефицита времени ей нередко приходилось отказываться от предложений дать интервью, то теперь такие предложения прекратили поступать. Зато появлялись многочисленные сообщения о ней самой, неизменно негативные. С ней не говорили, говорили о ней. В газетных заголовках и интернет-ссылках перед ее фамилией все чаще появлялось прилагательное «спорный».

Тем самым Геро была вытеснена в тот сегмент общества, представителей которого в ходе поляризованной дискуссии о коронавирусе стали в негативном смысле именовать инакомыслящими — в духе нового, негативного определения, намекающего на тягостное сутяжное помешательство, бред кверулянтов (*Querulantentum*). Люди, вытесненные из привычного круга, склонны к союзу с теми, кого никогда не признавали, или теми, кто уже был отвергнут ранее. Всех, кто в свете дискуссии о коронавирусе так или иначе зарекомендовал себя возмутителем спокойствия, пусть даже у них не было ничего общего ни в политическом, ни в идеологическом отношении, стригли под одну гребенку. Но в то же время произошедшее свело вместе людей, которые до пандемии никогда не нашли бы друг друга. Неожиданно возникли альянсы и сообщества, прежде казавшиеся немыслимыми, классические политические категории правых и левых перемешались и —

по крайней мере на мгновение — стали бессодержательными. Объединились те, для кого, вне зависимости от их политической принадлежности, были неприемлемы превышение власти и полуавторитарные методы государства в процессе борьбы с коронавирусом. Часто эта неожиданная взаимная поддержка характеризовалась как «аплодисменты с неправильной стороны», что еще раз подчеркивает всю сложность возникшей социальной динамики: какая же именно сторона является «неправильной» в условиях демократии?

В конце апреля к Геро все-таки поступил запрос от *BILD TV* на участие в программе «Четверть девятого: пять умов — пять мнений». Как было анонсировано, Геро, наконец, вновь должна была освещать свою главную тему — Европу. Конференция о будущем Европы только что приняла к рассмотрению 49 предложений от граждан относительно будущего Евросоюза. Кроме того, Франции предстояло сделать выбор между Эммануэлем Макроном и Марин Ле Пен. Тем не менее освещение украинской войны было слишком важным и животрепещущим, чтобы полностью игнорировать эту тему. Удивительным образом в начале трансляции в эфир из Киева вышел корреспондент *BILD*, известный ястреб Пауль Ронцхаймер. Он потребовал больше оружия для войны. Геро решительно потребовала мирного диалога, дипломатии и выработки общеевропейского подхода. И вновь она оказалась в центре внимания медиа и критиков. Вновь ей была навязана некая роль, на этот раз «соглашателя Путина» (*Putin-versteher*), — естественно, в негативном смысле — подобно тому, как раньше ее зачисляли в ряды ковид-диссидентов и прививочных скептиков.

Чтобы избавиться от этих вводящих в заблуждение ярлыков, добиться справедливого отношения и защитить себя, Геро участвовала в других публичных мероприятиях и телепередачах. Люди по-разному реагируют на нападки. Геро, по-видимому, относится к тому типу людей, которые не любят отступать и уступать. Наоборот: теперь именно ее контрагенты должны были понять ее позицию. Целиком и полностью осознать, почему она что-то говорит. Понять ее точку зрения или хотя бы признать ее частью дискуссии и включить в обсуждение.

В мае 2022 года она вновь получила возможность для этого — и снова в программе «Четверть девятого» на *BILD TV*. И опять Геро оказалась единственным гостем на телепередаче, выступавшим за мир, переговоры и прекращение огня. На этот раз для укрепления своего требования мирных переговоров она использо-

вала цитату из Цицерона: «Самый несправедливый мир лучше самой справедливой войны».

Поводом для этой передачи послужило письмо 28 интеллектуалов и деятелей культуры с призывом к прекращению огня и дипломатическим усилиям¹⁹. Геро подписала его, как и сотни тысяч других людей: они выступали за деэскалацию, требовали мирных переговоров, недопущения возможности третьей мировой войны, а не ее разжигания новыми поставками оружия.

Она разъясняла содержание письма, объясняла свою позицию, выявляла контексты и предпосылки — вновь и вновь и в различных форматах. Летом 2022 года она начала записывать свои мысли о российско-украинской войне и ее значении, из которых возникла написанная в соавторстве с Хауке Ритцем книга «Эндшпиль Европа»²⁰, вышедшая в свет осенью 2022 года и вызвавшая вторую мощную волну диффамаций (которая примечательным образом была направлена только против нее, но не против ее соавтора).

Ведь начиная, по крайней мере, с периода пандемии коронавируса возникла трещина, прошедшая через все общество и медиаландшафт. Как правило, люди находились на одной из двух сторон, и то, какая из них была «правильной» стороной, было предопределено заранее: «за вакцинацию», «за Украину». Нейтральность и объективность не допускались. Обмениваться критическими аргументами и их взвешивать, сомневаться и ставить острые вопросы не позволялось. Каждый гражданин должен был решить, выступает он за поставки оружия и эскалацию или за мирные переговоры и дипломатию. Линия правительства вновь была объявлена общественным консенсусом, а поставки оружия правильным решением, даже если это вело к затягиванию войны и тем самым увеличивало страдания людей.

В насквозь идеологизированной дискуссии по поводу войны на Украине ни для кого не было секретом, в каком лагере следовало находиться. Тем более что от государственной службы, в состав которой входят в том числе и университеты, всегда тре-

19. На март 2024 года эта петиция (Offener Brief an Bundeskanzler Scholz // Change.org. 29.04.2022. URL: <https://www.change.org/p/offener-brief-an-bundeskanzler-scholz>) собрала более полумиллиона подписей. — *Прим. ред.*

20. Геро У., Ритц Х. Эндшпиль Европа. Почему потерпел неудачу политический проект Европа и как начать снова о нем мечтать / Пер. с нем. О. В. Никифорова при участии В. Фоменко. Ереван; М.: Fortis Press; Гнозис, 2024.

буется корректная позиция. Даже если кому-то что-то не нравится, он не говорит об этом вслух. А если кто-то все-таки подает голос и озвучивает какое-то иное или свое собственное мнение — тем более по самому важному из всех вопросов, а именно вопросу о войне и мире — то он или она уже находится в неправильном лагере.

Поэтому в случае Геро нападки на нее после выступления на *BILD TV* и «Манифеста за мир» не прекращались. Геро дважды — по вопросам коронавируса и Украины — тематически пошла наперекор мейнстриму, это было уже слишком. С апреля по октябрь 2022 года, поначалу незаметно, разразилась мощная публичная буря: сразу после второй передачи на *BILD TV* твиттер вновь стал ареной ненависти. В социальных сетях обвинения в адрес Геро часто сопровождались хэштегом с указанием Боннского университета — ясная форма дискредитации в глазах работодателя. Один из лидеров Свободной демократической партии Мари-Агнес Штрак-Циммерманн, с самого начала активно выступавшая за поставки оружия Украине, назвала выдвинутое Геро требование мирных переговоров «отвратительным», добавив, что она не должна возглавлять «кафедру в *@UniBonn*», что это «безумие». Записные подстрекатели последовали ее примеру, вновь разогнав волну атак на Геро в социальных сетях. Боннский городской депутат и партийная коллега Штрак-Циммерманн официально заявила в газете *General-Anzeiger*, что Геро нельзя больше подпускать к учащимся.

Примерно в это же время активизировались различные университетские группы. Студенческий совет факультета социологии и политологии Боннского университета обвинил Геро в том, что в своей книге «Кто молчит, тот соглашается» она критиковала германскую антикоронавирусную политику без какого-либо научного обоснования. Студенческий парламент единогласно осудил ее высказывания об украинской войне на *BILD TV*.

Генеральный студенческий комитет (*AStA*) Боннского университета дистанцировался от ее позиции по обоим вопросам и призвал Боннский университет выступить против «профессора Геро». Ту же позицию заняла студенческая группа «молодых социалистов», причем предложение Геро о личной беседе было отвергнуто через твиттер. В то же время делегация студенческого совета в мае 2022 года приняла предложение о диалоге. Дискуссия продолжилась несколько часов без передышки, позиции сторон не изменились, конфронтация только ужесточилась. Вторая встреча не состоялась.

Общее мнение гласило, что в целях недопущения нанесения ущерба репутации университета, Геро, поскольку она теперь считалась инакомыслящей, должна быть исключена из этой институции.

Необходимо отмежеваться от Геро, высказывания которой «в глазах общественности могут выглядеть как позиция Боннского университета». Ее точка зрения «противоречит пониманию университетом своих задач и его стремлению к научному лидерству». От руководства университета и философского факультета требовалось предпринять соответствующие действия. Под угрозой — ни больше ни меньше как репутация университета.

Некоторые медиа подробно освещали тему «спорного политолога» Геро. Ведь обмен ударами с женщиной-профессором повышал тиражи и увеличивал просмотры. После программы на *BILD TV*, которая, как было описано выше, вызвала волну критики и персональных нападок в социальных сетях, Геро внезапно и неожиданно получила приглашение на телепередачу «В гостях у Маркуса Ланга». Это ток-шоу трижды в неделю приглашает «выдающихся гостей и экспертов из всех сегментов общества для обсуждения проблем с различных точек зрения». Геро должна была участвовать в публичной дискуссии о войне на Украине с депутатом бундестага от СвДП и главой комитета по обороне Штрак-Циммерманн, женщиной, которая ранее уже обрушилась на нее в твиттере.

Геро сочла хорошей и правильной идею публичного обсуждения этой темы. Однако она поставила условие, что в дискуссии могут затрагиваться не только актуальные на тот момент вопросы, такие как поставки оружия, но и исторические обстоятельства российско-украинской войны, а также — с учетом главной темы ее исследований — та роль, которую в конфликте играет Европа. Была согласована дата — 2 июня 2022 года. То, как на этой передаче Геро была взята в клещи с намерением ее буквально уничтожить, хорошо известно²¹.

Очевидный идеологический раскол общества, и именно по животрепещущим темам коронавируса и Украины, а также формирование различных лагерей в этот момент уже были явственно ощутимы, и это заметным образом затрагивало и журналистику.

21. Эта ситуация широко обсуждалась в социальных сетях, см., напр., редакционную статью: Markus Lanz und der Krieg gegen Ulrike Guérot // *NachDenk-Seiten*. 03.06.2022. URL: <https://www.nachdenkseiten.de/?p=84493>. — *Прим. ред.*

Можно ли в этом контексте говорить о журналистике того или иного лагеря или журналистике той или иной позиции? Кажалось, многие журналисты упорно держались за устоявшиеся стереотипы мышления, предвзято высказывались по определенным вопросам и пренебрегали принципами нейтрального освещения событий. Различные общественные инициативы, посвященные публично-правовому вещанию, тематизировали проблемное направление развития событий²². Очевидно, что начиная с периода пандемии коронавируса, а затем во время войны на Украине систематическое ограничение свободы мнений по определенному кругу тем стало методом реализации далеко идущих политических решений (антиковидные мероприятия, поставки оружия...) или демонстрации норм социального поведения и, соответственно, идеологических предпочтений.

Сразу после программы Ланца, в которой Геро стремилась содержательно контекстуализировать российско-украинскую войну, характеризуя ее как российско-американскую прокси-войну и указывая на самоубийственные для Европы последствия, на нее обрушился новый поток публичных оскорблений, намного превзошедший прежние клеветнические волны — и здесь следует поставить вопрос, случайным ли была его смежность по времени с программой Ланца²³.

Публичные атаки носили согласованный характер, одновременно началась диффамационная кампания, связанная с обвинениями в плагиате. 4 июня 2022 года — то есть всего через два дня после передачи Ланца — в *Frankfurter Allgemeine Zeitung* — появилось первое обвинение Геро в плагиате, ссылка на которое любопытным образом была размещена в «Википедии» уже вечером 3 июня. Выходит, что *Frankfurter Allgemeine Zeitung* уже накануне вечером загружает в сеть готовую статью, которая пойдет в печать только на следующий день. На сайте указано время загрузки — 20:38, вечер пятницы. Если эта акция не была скоординирована, то кто-то был необычайно бдителен.

В любом случае в этой статье от 3 июня до тех пор малоизвестный трирский политолог по имени Маркус Линден выдвинул целый ряд обвинений, которые поначалу никак не были связаны

22. Например, инициативный *Leuchtturm ARD* («Маяк ARD») планирует выпустить манифест о публично-правовом вещании.

23. „Wer mit Schmutz wirft, hat selbst ein Problem“. Interview mit Ulrike Guérot // Cicero. Magazin für politische Kultur. 23.09.2022. URL: <https://www.cicero.de/kultur/ulrike-guerot-nach-jury-ausladung-durch-ndr-die-lotusblutewachst-im-schlamme>.

с плагиатом²⁴. Читатель должен «правильно» оценить Геро, поскольку, по мнению Линдена, «у нее нарушена связь с истиной», ведь она как «знаковая фигура на сцене альтернативного мышления» публиковалась на «порталах, проповедующих идеологию заговора». По-видимому, в этом состояли ее истинные «преступления». Линден не привел никаких доказательств. То же самое относится и к остальной части текста. Обвинения в плагиате, казалось, имели в статье второстепенное значение, поскольку не выглядели по-настоящему убедительными и не были подкреплены примерами. Речь шла в первую очередь о политической позиции Геро, которая, по всей очевидности, должна была послужить главным поводом для следующей серии дискредитирующих статей.

Однако первая атака захлебнулась. Она практически не была подхвачена другими медиа, а следовательно, требовалось усилить натиск. Спустя четыре дня, 7 июня 2022 года, литературный отдел *Frankfurter Allgemeine Zeitung* — редактируемый уже упоминавшимся Банерсом — вновь опубликовал статью похожего содержания и вновь за авторством Линдена, на сей раз снабженную подзаголовком «Случай плагиата Геро»²⁵. В ней Линден обратился к вышедшему в свет в 2016 году бестселлеру Геро «Почему Европа должна стать республикой. Политическая утопия». С 2018 года книга была продана тиражом около 80 тыс. экземпляров, переиздана в мягкой обложке, а также выпущена Федеральным центром политического образования в недорогом издании для школьников и переведена на семь языков. В 2018 году выдержки из книги послужили основой для экзамена на получение аттестата зрелости в области социальных наук в земле Северный Рейн-Вестфалия. В ходе этих многочисленных издательских процессов в книге не были выявлены ни какие-либо ошибки, ни плагиат. Почему же теперь возникла идея тщательно исследовать книги Геро

24. *Linden M.* Wie Ulrike Guérot die Wirklichkeit verdreht // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 03.06.2022. URL: <https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/debatten/ulrike-guerot-ist-eine-heldin-der-querdenkerszene-in-ihrem-buch-plagiiert-sie-18079968.html>. Тот, кто прочтет эту статью сегодня, когда взбудораженное общественное мнение вновь успокоилось, может лишь покачать головой, и у него, пожалуй, возникнет вопрос, как серьезная *Frankfurter Allgemeine Zeitung* могла позволить втянуть себя в это дело и напечатать такую несусветную чушь (трудно подобрать для этой статьи иное определение).

25. *Idem.* Die Worte bleiben aktuell // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 07.06.2022. <https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/debatten/ulrike-guerot-weitere-plagiate-bei-bonner-professoringefunden-18086527.html>.

на предмет плагиата? И почему обе дискредитирующие статьи в *Frankfurter Allgemeine Zeitung* были опубликованы, с одной стороны, сразу после телепрограммы Ланца, а с другой — буквально за несколько дней до назначенного на 14 июня 2022 года открытия Центра Эрнста Роберта Курциуса (CERC), содиректором которого должна была стать Геро как профессор политологии Боннского университета, занимающийся вопросами европейской политики?

Перед публикацией обеих статей *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, а точнее лично Банерс, через издательство *Westend* попросила Геро высказать свою точку зрения по этому поводу. Геро в электронном письме от 3 июня, отправленном в присутствии пресс-секретаря издательства *Westend*, отвергла обвинения в плагиате по обоим инкриминируемым ей эпизодам²⁶. Однако *Frankfurter Allgemeine Zeitung* не приняла во внимание это опровержение. Дискредитирующая статья все-таки была напечатана (причем, как и ранее, сначала появилась онлайн-версия) без учета возражений и объяснений со стороны Геро.

Выполнял ли Линден некую миссию или даже определенное задание? Ранее он уже обращался к теме антикоронавирусных мероприятий в ходе своего сотрудничества с *LibMod*. Этот центр был основан в 2017 году супружеской парой бывших политиков, входивших в так называемое реалистическое крыло партии зеленых, Марилуизе Бек и Ральфом Фюксом. Еще в свою бытность активными политиками они выступали за трансатлантическую ориентацию политики НАТО, были чрезвычайно критически настроены в отношении России, прежде всего в отношении Владимира Путина, и поддерживали оппозицию.

Так, летом 2022 года практически одновременно с выдвижением обвинений в плагиате в адрес Геро Линден написал для так называемого проекта «Анализ противника» (*Gegneranalyse*)²⁷, осу-

26. Речь шла о двух неверно атрибутированных и неточно процитированных фразах в книге «Кто молчит, тот соглашается», принадлежащих в одном случае Паулю Вацлавику (к тому времени покойному), а в другом Марине Гарсес, испанскому философу из Университета Сарагосы. Геро по требованию *Frankfurter Allgemeine Zeitung* написала обоим авторам (в первом случае, соответственно, в Общество Пауля Вацлавика) и до 12 часов 3 июня получила от них подтверждение, что ошибки в цитировании не вызывают с их стороны претензий, и, следовательно, те, кто мог бы заявить о незначительном нарушении авторских прав, отказываются от этого в силу его несущественности.

27. *Gegneranalyse* // Zentrum Liberale Moderne. См. URL: <https://gegneranalyse.de/ueber-uns/>.

ществлявшегося *LibMod*, 20-страничное исследование²⁸ о лицах, медиа и феноменах, которые из-за приписываемого им распространения дезинформации и теорий заговора были объявлены «противниками парламентской демократии, науки и медиа». Этот проект *LibMod*, а следовательно, и данное исследование финансировался Федеральным министерством образования и науки, то есть деньгами налогоплательщиков. Перед проектом открытым текстом ставилась задача предъявить общественности и заклеить как «противников парламентской демократии, науки и медиа» всех тех, кто в публичном пространстве выражал мнение, противоречащее правительственному нарративу. Журналист Фридрих Купперсбуш в коротком видеоролике привлек внимание к этому скандальному факту финансирования исследований по контролю над коридором мнений; об этом говорилось и на сайте *NachDenkSeiten*²⁹.

В 2022 году Линден подготовил несколько аналитических материалов для проекта *LibMod*, с которым, в свою очередь, в качестве советника сотрудничал Нассеи, уже отметившийся своей критикой и дискредитацией Геро («авторитарно-фашизоидное звучание»). В них он среди прочего писал о Геро, что она придерживалась «эзотерически-антропософских, представляющихся эмансипаторскими, подходов». Опять кто-то объявлялся «противником», врагом государства, причем вопрос лишь в том, что, собственно, такого сомнительного, например, в понятии «эмансипаторский»? Неизвестно, знакомы ли Линден и Нассеи друг с другом и, если да, то насколько близко. Но есть основания подозревать, что обе статьи с обвинениями в плагиате, которые спровоцировали волну клеветнических публикаций о Геро, не утихавшую в течение недель, если не месяцев, и на которые в дальнейшем постоянно ссылались, чтобы показать, насколько «спорной» является Геро, в конечном счете были заказными сочинениями, а Банерс, Нас-

28. О щедро финансируемом за счет государственных средств *LibMod* и его отчетах о «враждебной правительству деятельности» достаточно много писалось. Из-за своей очевидной близости к правительству *LibMod* даже становился предметом парламентского запроса фракции Левых в германском бундестаге, см.: *De Lapuente R. Weder liberal noch modern // Overton Magazin. 24.06.2022. URL: <https://overton-magazin.de/hintergrund/politik/libmod-weder-liberal-noch-modern/>.*

29. См., напр., телепрограмму Купперсбуша «Государственные деньги для правильного мнения»: *Küppersbusch F. Staatsknete für die richtige Meinung // YouTube: Küppersbusch TV. 28.06.2022. URL: <https://youtu.be/iZ-iEEfBGto>.*

сеи и Линден по политическим или личным мотивам объединились для совместных действий.

Намеревался ли один и тот же автор, Линден, сначала в «Анализе противника» «научно» разгромить Геро как оппонента, а в дальнейшем уничтожить ее еще и медийно? Ведь после двух статей, вышедших в июне 2022 года в *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, он приблизительно через два месяца опубликовал еще один текст, содержащий несостоятельные обвинения в плагиате, на этот раз в *Zeit*. 4 августа 2022 года еженедельник вышел со статьей, озаглавленной «Ульрике Геро: голос постфактического»³⁰. Статья изобиловала неубедительными, нелогичными и просто странными обвинениями, такими как, например, упрек в «отсутствии базиса для истины», использующий понятие, определение которого создает для современной философии очевидные проблемы. Собственно говоря, весьма печально, что такой уважаемый еженедельник, как *Zeit*, позволил себе напечатать настолько неквалифицированный текст³¹. Однако Линден, казалось, нашел свою миссию. Или же существовала заинтересованность в том, чтобы не дать обвинениям против Геро утихнуть и возобновлять их вплоть до наступления последствий?

Тем временем Геро — единственная публичная фигура в деле о плагиате — в пространном интервью *Zeit* от 16 июня 2022 года прокомментировала обвинения и принесла свои извинения: «Я прошу извинить меня за любые нарушения авторского права, я извиняюсь публично и чистосердечно»³². Однако в нескольких других интервью Геро объяснила³³, что оба текстуальных фрагмента — около девяти страниц из 330 страниц в целом, в которых на первый взгляд можно было бы усмотреть плагиат: пассажи, в которых упоминаются книга и автор, но ко-

30. *Linden M.* Eine Stimme des Postfaktischen // *Die Zeit*. 03.08.2022. URL: <https://www.zeit.de/kultur/2022-08/ulrike-guerot-plagiat-politik-professorin>.

31. В этой связи бросается в глаза тесный контакт с *Zeit* по меньшей мере Нассеи — известного инициатора публичной дискредитации Геро, который часто публикуется в *Zeit* в качестве видного приглашенного автора. Можно поразмышлять о том, почему третья статья с обвинениями в плагиате, вышедшая в августе 2022 года, уже не могла или не должна была появиться в *Frankfurter Allgemeine Zeitung*: газете надоела открытая кампания против Геро и она больше не хотела в ней участвовать? Или обвинения должны были медийно поддерживаться на нескольких площадках, то есть рядом изданий, чтобы по-настоящему завладеть вниманием общественности?

32. *Magold I.* Man nannte sie die Jeanne d'Arc d'Europe // *Die Zeit*. 15.06.2022.

33. „Wer mit Schmutz wirft, hat selbst ein Problem“. FN 72.

торые не обозначены кавычками, — были замечены ею самой еще в 2016 году, и она уже тогда лично извинилась перед соответствующими авторами³⁴. Оба эти автора сочли тогда ситуацию не такой уж драматичной и не намеревались предпринимать какие-либо шаги, связанные с защитой авторских прав. Поэтому удивительно, что однажды, годы спустя, несколько мужчин — а в этом деле примечательным образом участвовали только мужчины, публично травившие феминистку, — в специфической политической обстановке смогли превратить незначительные ошибки в книге, не являющейся в строгом смысле научной, в обвинения в плагиате (поэтому часто используемый в дискуссиях о деле Геро термин «охота на ведьм» совершенно оправдан) — и при этом, заметим, уполномоченный по правам женщин в Боннском университете ни разу не выразил протест по поводу публичной дискриминации, в том числе и со стороны университетских групп.

Это хронологическое изложение событий наводит на определенные вопросы: а не были ли как приглашение на телепрограмму Ланца, на которой выступала Геро, так и первые обвинения в плагиате намеренно организованы в начале июня 2022 года, чтобы торпедировать репутацию Геро с далеко идущими последствиями? Как уже упоминалось, 14 июня должно было состояться торжественное открытие CERC.

Недавно учрежденный CERC Боннского университета переломного развития (*Exzellenz-Universität Bonn*) был основан для исследования европейских культур в немецкой и французской перспективах. Геро после своего назначения на должность в сентябре 2021 года должна была руководить институтом в качестве содиректора. В выпущенном летом 2020 года объявлении о конкурсе на замещение вакантной должности профессора в дополнение к научной квалификации содержалось настоятельное требование наличия у кандидата сети широких европейских контактов и медийных способностей — условия, которым Геро в полной мере соответствовала, — как необходимых предпосылок для организации университетского центра европейского диалога. Торжественное открытие CERC планировалось заранее, приглашения прессе были разосланы в конце мая 2022 года, а стало быть, незадолго до выхода телепрограммы Ланца и начала плагиат-кампании. Банерс из *Frankfurter Allgemeine Zeitung* также получил приглашение. Таким образом, предполагаемые инициаторы

34. Эти подробности уже отмечены в «Википедии».

диффамационной кампании были проинформированы о дате церемонии открытия.

Открытие CERC с участием Геро как официально назначенного содиректора состоялось, как и было запланировано. Впрочем, Геро в личной беседе со мной сообщила, что испытывала тогда ощущение отчужденности. Разумеется, в том, что касается проведения церемонии, университет постарался справиться с кризисной ситуацией. Однако на персональном уровне она чувствовала себя полностью изолированной, настолько ощутимым был постановочный характер мероприятия. В торжественных речах, пусть даже во всех них подтверждалось значение статьи 5 Конституции (*Grundgesetzes*), а стало быть, свободы мнений, присутствовало что-то неестественное. Ее имя не упоминалось, еще до начала церемонии ей сообщили, что назначение содиректора CERC отложено на неопределенный срок. Ее присутствие, насколько это было возможным, игнорировалось, а одна коллега не подала ей руки. Немилость, в которую она впала, уязвляла ее как признанного ученого. Ей нравилось быть ученым, она любила преподавать и хотела участвовать в выполнении важной задачи укрепления взаимопонимания в европейской политике. Кто же был столь сильно заинтересован в том, чтобы поставить под сомнение ее положение в Боннском университете?

С начала летнего семестра 2022 года пребывание в университете становилось для Геро все более тягостным. В течение нескольких недель в твиттере появлялись сообщения с хэштегом Боннского университета, в которых утверждалось, что она «наносит ущерб репутации университета». С ней практически не разговаривали, кто-то в силу своих убеждений, кто-то из страха перед возможным обвинением в нежелательном контакте. Когда она входила в комнату, начинались перешептывания. В какой момент уже можно говорить о моббинге? Общение с собственными сотрудниками осложнилось, фундамент доверия был разрушен. Лишь немногие студенты, невосприимчивые ко всеобщему бойкоту, продолжали посещать ее занятия.

В июле 2022 года на Летнем дне боннской политологии к ней подошел один коллега. Будучи информирован об истории, раздутой в дело о плагиате, он заверил ее, что все будет хорошо. Очевидно, что дело незначительное. Хотя для противодействия общественному давлению следовало бы создать комиссию, как это предписано. Но ей не следует переживать, в худшем случае дело дойдет то выговора.

И действительно, в июле 2022 года была учреждена комиссия по рассмотрению случаев подозрения в неподобающем научном поведении. Поначалу все шло в соответствии с обычными правилами. Омбудсменом Боннского университета по рассмотрению случаев подозрения в неподобающем научном поведении был назначен профессор Клаус Гердиц.

Между тем во время пандемии профессор Гердиц, сам специалист по конституционному праву, в ряде выступлений на ресурсе «Конституционный блог» решительно поддержал правительственные мероприятия³⁵, а следовательно, в короновирусном вопросе занял позиции, противоположные подходу Геро. Не следовало бы здесь исходить из его определенной ангажированности или предвзятости в отношении Геро?

Геро получила всего несколько дней для изложения своей позиции. Медиаюрист издательства *Westend* выступил против проведения проверки на предмет плагиата, причем не только из-за незначительности неточно парафразированных фрагментов, но главным образом потому, что инкриминируемые книги представляли собой научно-популярные эссе, а не квалифицированные научные работы, а к ним должны применяться другие стандарты; кроме того, две из трех инкриминируемых книг вышли в свет до начала исполнения ею профессорских обязанностей в Боннском университете, а положения университетского кодекса, регламентирующего правила цитирования, не могут иметь обратную силу. Но эти аргументы не были приняты во внимание.

В эти же дни (случайно?), 4 августа 2022 года, *Zeit* опубликовала упомянутую выше статью, тем самым подбросив новых дров в костер обвинений в плагиате. В конечном счете три статьи, две июньские в *Frankfurter Allgemeine Zeitung* и одна августовская — в *Zeit*, сцементировали обвинения в плагиате, именно в них постоянно делались ссылки на устойчивую характеристику «спорный», и на них впоследствии опирался университет, обосновывая увольнение Геро в феврале 2023 года. Однако, как здесь выявляется, последовательность событий дает все основания предполагать, что, по всей вероятности, лишь узкий круг це-

35. См. статью Кристофа Лёвениха: *Lövenich Ch. Das „Plagiat“ — eine (wissenschaftliche) Betrachtung // Der Fall Ulrike Guérot. S. 29f, n. 7–9. В 2021–2022 годах профессор Гердиц написал несколько статей в защиту антикоронавирусных мероприятий, размещенных в блоге *Verfassungsblog*, а стало быть, выступал с позиций, противоположных точке зрения Геро.*

леустремленных и мотивированных действующих лиц — Банерс, Нассеи, Линден — в союзе с заинтересованными силами внутри университета стоял за публичной инсценировкой дела о плагиате; университет же в силу огромного публичного давления был весьма заинтересован в использовании обвинений в плагиате, чтобы на этом основании подготовить увольнение.

Общеизвестно, что лишь определенные лица имеют доступ к загрузке данных о публичных персонах в «Википедию». Столь же хорошо известно, что благодаря такому доступу эти лица часто редактируют соответствующие статьи в определенном — негативном — направлении³⁶. На этом фоне информация, полученная Геро в начале августа 2022 года, не слишком удивляет: изменения и дополнения в статье о Геро в «Википедии», выставленные ее в невыгодном свете, происходили, казалось бы, с различных IP-адресов, но могут вести к определенным лицам, которым, по всей видимости, было поручено изменить статью о Геро в негативном ключе. Было ли это простой случайностью? Не пересекла ли Геро некую красную линию, открыто говоря на июньской телепрограмме Ланца о российско-американской прокси-войне? Не так уж сложно создать учетную запись в «Википедии», чтобы потом писать под псевдонимом. Разумеется, доступ к редактированию статьи о Геро в «Википедии» есть не у каждого, нужно обладать там определенным статусом, чтобы иметь возможность войти в ее профиль. В самом деле, не вызвала ли ее критика НАТО и действий Запада в украинском конфликте у кого-то столь сильное раздражение или столь сильную тревогу, что она как критически настроенный профессор оказалась неприемлемой фигурой для немецкого университета, а ее компрометация в «Википедии» стала элементом некоей согласованной акции?

Все это вывело бы из равновесия кого угодно. Но, как уже отмечалось, Геро не из тех, кто скрывает свои мысли. Геро решила перейти в наступление. Более того, как критически настроенный интеллектуал она, по всей видимости, чувствовала свою общественную ответственность: чтобы сформировать какое-либо мнение, нужно ставить под сомнение господствующую точку зрения, прояснять искаженную картину, критически оценивать информацию. Геро никогда не рассматривала себя исключительно как профессора, но всегда считала себя европейской акти-

36. Pohlmann D., Fiedler M. Geschichten aus Wikihausen, Grottestke und postfaktische Inhalte aus der Wikipedia // Wikihausen. URL: <https://wikihausen.de/>.

вистской и равнодушным гражданином. Как политолог она ощущала особую ответственность за то, чтобы указывать на деформацию демократических устоев в ходе пандемии коронавируса. Как эксперт по вопросам европейской политики она испытывала подобный дискомфорт, когда Федеративная Республика и Евросоюз своими поставками оружия Украине намеревались поставить под вопрос европейский мирный порядок и заповедь сдержанности в военных конфликтах. В течение лета в ее голове вызревала новая книга. Все то, что она не смогла публично сказать в июне в телепрограмме Ланца, теперь должно было вылиться в книгу: *только вперед и, главное, нельзя позволить себя запугать!*

Как еще можно защитить основные демократические принципы и побудить общество к рефлексии и дальнейшему развитию его ценностей? Поздней осенью она вновь изложила на бумаге свои идеи — на сей раз в эссе о войне на Украине и ее европейской подоплеке; с августа 2022 года ее соавтором по работе над ним стал Ритц. Вместе они чуть больше чем за три недели, с середины августа до начала сентября, написали книгу «Эндшпиль Европа», которая вышла в свет 24 октября 2022 года.

В этом эссе с известной долей радикализма бросался вызов курсу о российско-украинской войне, причем с опорой на весьма богатый фактический материал. Прежде всего оно было призвано пролить свет на европейские интересы в российско-украинском конфликте. Авторы описывают политическое развитие Европы с 1990-х годов, особенно растущее российско-европейское отчуждение, выявляя на этом фоне истоки российско-украинской войны. Они призывали вернуться к идее европейского континентального мирного порядка вместо нового разделения европейского континента жесткой границей НАТО, к которому ведет актуальная политика.

В разнообразных рецензиях крупных печатных изданий охотно цитировался только один вырванный из контекста фрагмент текста, согласно которому Украина «в роли заместителя Запада» начала войну с Россией. Авторы страница за страницей прослеживают корни конфликта с момента распада Советского Союза, параллельно раскрывая суть американской геостратегии, в течение десятилетий реализовывавшейся в регионе. В рамках тех возможностей, которые предоставляет эссе, им удалось убедительно продемонстрировать, что Путин вовсе не напал на Украину на ровном месте и конфликт начался отнюдь не 24 февраля 2022 года. В книге приводятся убедительные аргументы и примеры, подтвержда-

ющие, что война в немалой части была спровоцирована многолетней экспансией, осуществляемой США и НАТО, — впрочем, сегодня, в конце 2023 года, это очевидно многим комментаторам³⁷.

30 октября 2022 года Боннский университет отреагировал — что для университета вообще-то необычно — на выход этой книги публичным заявлением, размещенным на университетском веб-сайте и озаглавленным: «Заявление о публичных высказываниях одного сотрудника (*eines Mitglieds*) университета». При этом имя Геро прямо не упоминалось — что не помешало нескольким национальным газетам однозначно связать это заявление университета с Геро. Таким образом университет, не проинформировав заранее саму Геро, публично дистанцировался от своего профессора, при этом соответствующая правовая основа для такого публичного заявления расценивается юристами как весьма спорная, и некоторые из них усматривают здесь нарушение обязанности университета как работодателя заботиться о своей сотруднице. Уникальный случай в научной сфере! Университет дистанцируется от свободы выражения мнения, уподобляясь в этом берлинскому сенату, требующему от школ ограничить в них свободу мнения. Часто необходим некий прецедент, на который смогут опереться последователи.

В коротком и расплывчатом заявлении Боннский университет — что весьма необычно для государственного учреждения — первым делом возвестил о своей солидарности с украинским народом, а вслед за этим формально выступил в защиту свободы мнения и научных исследований. Впрочем, в следующей фразе он призвал «воздерживаться от спекулятивных, а не научно обоснованных утверждений», не приведя при этом ни единого доказательства того, что таковые имеются в книге «Эндшпиль Европа». Завершается заявление угрозой применения санкций за неподобающее поведение. После этого Боннский университет уже был не в состоянии выдерживать длительное публичное давление, не приводя эту угрозу в действие: в конце концов, в феврале 2023 года последовало увольнение.

37. Baab P. An beiden Seiten der Front. Meine Reise in die Ukraine. Neu-Isenburg: Westend, 2023; см. также доступные в интернете многочисленные статьи Габриэле Кроне-Шмальц, бывшего сотрудника ООН Михаэля фон Шуленбурга, интервью бригадного генерала бундесвера Эриха Вада или бывшего генерального инспектора бундесвера Харальда Куята, а с американской стороны — Джеффри Сакса. А также книгу Жака Бо: *Baud J. Putin: Herr des Geschehens?* Neu-Isenburg: Westend, 2023.

Некоторые газеты, и среди них *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, в последующие дни обратили внимание на этот инцидент, объявив, что Боннский университет наконец-то дистанцировался от Геро. Хотя в заявлении она ни разу не была названа по имени, ее фамилия доминировала в заголовках материалов, посвященных позиции Бонна.

Таким образом, с конца октября 2022 года попытки публичной казни смыкали все более узкое кольцо вокруг Геро. С середины сентября, казалось, нить, связывавшая ее с «приличным» обществом, окончательно оборвалась. В этот момент начали отменять свои приглашения, адресованные Геро, ведущие публичные медиа и оргкомитеты академических конференций, а официальные органы принялись аннулировать ее членство: своего рода изгнание из системы!

В течение нескольких дней во второй половине сентября были отменены все ее выступления и участие в тех мероприятиях, которые все еще значились в ее календаре. 15 сентября 2022 года *NDR* в течение нескольких часов отозвало еще утром публично анонсированное приглашение Геро участвовать в качестве члена жюри в присуждении премии *NDR* за лучшую документальную и научно-популярную книгу, лапидарно сославшись на ее «сомнительный (*ungesicherten*) ценностный канон»³⁸. Геро, по ее собственным словам, была оповещена об этом только во второй половине дня, причем не в личном разговоре, а письмом по электронной почте, отправленным ассистентом директора *NDR*. Когда после этого однозначно политически мотивированного отказа разразилась буря публичных протестов (многие люди писали на *NDR* и солидаризировались с Геро), *NDR* 20 сентября выпустило второй пресс-релиз, на этот раз обосновав отмену приглашения участвовать в работе жюри... «плагиатом»³⁹. Даже это выглядит неубедительно, поскольку летом 2022 года, в момент установления контактов между *NDR* и Геро по поводу книжной премии соответствующие обвинения уже получили публичную известность. Если бы выдвинутые обвинения беспокоили *NDR* с самого начала, редакция вообще не стала бы обращаться к Геро с предложением стать членом жюри по присуждению вышеуказанной премии. Стало быть, последовательность событий скорее наводит на мысль о внешнем вмешательстве: «спорная» Геро в жюри книжной премии, этого не может

38. Пресс-релиз от 15.09.2022.

39. Пресс-релиз *NDR* от 20.09.2022.

быть! Из остальных членов жюри никто публично не солидаризировался с Геро — и никто не контактировал с ней лично. Общество приучили молчаливо созерцать, как кого-то исключают из публичного дискурса на основании политических высказываний; никто не хотел быть следующим.

Спустя несколько дней, в конце сентября 2022 года, одно за другим последовали отмены запланированных выступлений с докладами в Милане, Брюсселе и Вене. По собственной оценке Геро, здесь трудно не заподозрить некую согласованную акцию общеевропейского масштаба. Например, в Милане экономическое общество отменило ее доклад о европейской политике. Из Брюсселя Геро получила сообщение от одного еврокомиссара об отмене панельной дискуссии, проведение которой, собственно говоря, было запланировано на апрель 2020 года и постоянно откладывалось из-за коронавирусного локдауна, и поэтому ее быстрая и окончательная отмена, как то было лапидарно сформулировано: «по причине нехватки времени», выглядит не слишком правдоподобно. Экономическое общество в Вене сослалось — хотя бы в ходе личного телефонного разговора с сотрудником, признавшимся, что симпатизирует ей — на указание более высокой инстанции, которая настаивает на отмене участия Геро в мероприятии на тему «Демократия в Европе» и приносит за это свои извинения. Ей даже предложили взамен прочитать доклад в другом месте в Австрии, чтобы компенсировать потерю гонорара. Все это, следует отметить, происходило еще до того, как университет выступил со своим уже упомянутым «дистанцированием».

Таким образом, теперь любой внимательный наблюдатель мог констатировать: очевидно, что Геро хотят исключить из общеевропейского пространства публичного дискурса. В конце сентября, вскоре после того, как рукопись книги «Эндшпиль Европа» была окончательно передана в издательство *Westend*, казалось, цель была достигнута. Из-за болезни Геро не смогла приступить к работе в начале зимнего семестра 2022–2023 года. Продолжавшиеся месяцами нападки и психологическое давление оставили свои следы. Ее врач настоятельно рекомендовала покой и отдых, категорически настаивая на том, чтобы она держалась подальше от университета и от токсичной среды в Бонне. 6 октября 2022 года, незадолго до начала зимнего семестра, Геро взяла больничный и находилась на нем вплоть до марта 2023 года, то есть в целом около пяти месяцев. Если взять за исходный пункт публикацию первой книги «Кто молчит, тот со-

глашается» в марте 2022 года, то к началу ее болезни прошло более полугода непрерывной публичной травли с клеймом #спорный и моббинга со стороны работодателя. Вскоре после того, как она ушла на больничный, несколько ее сотрудников по философскому факультету подали прошение о переводе в другое место, поскольку совместная работа с Геро стала для них «неприемлемой». Перевод был одобрен факультетом без каких-либо консультаций с Геро.

Во время нахождения на больничном — спустя приблизительно пять месяцев с того момента, как летом 2022 года было объявлено о создании комиссии по рассмотрению случаев подозрения в неподобающем научном поведении — Геро получила приглашение на ее заседание, назначенное на 16 января 2023 года. Геро должна была высказать свою позицию по обвинениям, причем обязательно лично явившись на заседание. Вмешались ее адвокат и врач; поскольку на основании больничного листа ее личное присутствие не представлялось возможным, была подана просьба об отсрочке заседания до ее выздоровления. Однако комиссия не приняла во внимание действующий больничный лист и даже специально подготовленное для этого дня медицинское заключение и провела заседание 16 января 2023 года в отсутствие Геро. Она не была проинформирована о результатах, и ей не была предоставлена возможность выразить свое мнение по этому поводу.

После того как ее врач письмом от 10 февраля 2023 года сообщила медицинской службе Боннского университета о возобновлении работы в университете в летнем семестре 2023 года (с 1 апреля 2023 года), Геро — без предварительного оповещения или даже информирования — 16 февраля 2023 года получила уведомление об увольнении с 31 марта 2023 года, которое включало немедленное освобождение от всех обязанностей.

Кроме того, в сопроводительном письме университет уведомлял Геро о том, что сообщение о «предпринятых в соответствии с законодательством о труде мерах в связи с обвинениями в плагиате» будет опубликовано в пресс-релизе 24 февраля 2023 года, после чего Геро, предвосхищая эту публикацию, ранним утром 24 февраля сама сообщила об увольнении в твиттере. Твит собрал 1,1 млн ретвитов.

10 марта 2023 года Геро подала иск, оспаривающий необоснованное увольнение. Попытка заключения мирового соглашения в суде по трудовым спорам Бонна окончилась неудачей 28 апреля 2023 года. Перед зданием суда состоялась демонстрация солидар-

ности, в которой приняли участие около 80 человек⁴⁰. Публичное разбирательство по иску было назначено на 10 января 2024 года в Боннском суде по трудовым спорам.

Пресловутый стеклянный колпак, герметично накрывающий берлинскую политическую кухню, ранее уже нередко становился объектом медийного и научного интереса. Журналисты, политики, лоббисты и прочие лица, которые разнообразно взаимодействуют друг с другом, помогают друг другу, оказывают влияние друг на друга и конкурируют друг с другом за формирование доминирующего мнения в публичном пространстве, по большей части уже не замечают, насколько они далеки от реального мира граждан и что они попросту, как школьники, списывают друг у друга, когда решают, кто, например, является «спорным» и почему. Или какие последствия имеет их деятельность для жизни отдельных людей. Ведь череда сменяющихся друг друга тем и лиц, которых «гонят через деревню», необозрима. Эксклюзивное положение этих протагонистов не способствует процессу демократического формирования общественного мнения: общество во все большей мере игнорирует то, что публикуется под этим стеклянным колпаком. В конечном счете назначение повестки дня (*agenda setting*) ориентировано только на то, чтобы установить, кто отстаивает «правильную» точку зрения для выражения мнения; все остальные остаются в стороне. Сегодня этот самовоспроизводящийся космос нуждается в еще более строгом контроле, если мы не хотим, чтобы социальная сплоченность этого общества и демократия в этой стране оказались под угрозой.

Библиография

- Геро У., Ритц Х. Эндшпиль Европа. Почему потерпел неудачу политический проект Европа и как начать снова о нем мечтать / Пер. с нем. О. В. Никифорова при участии В. Фоменко. Ереван; М.: Fortis Press; Гнозис, 2024.
- „Wer mit Schmutz wirft, hat selbst ein Problem“. Interview mit Ulrike Guérot // Cicero. Magazin für politische Kultur. 23.09.2022. URL: <https://www.cicero.de/kultur/ulrike-guerot-nach-jury-ausladung-durch-ndr-die-lotusblute-wachstum-im-schlamm>.
- 16 Autor*innen für Kurskorrektur in der Corona-Politik — „Covid-19 ins Verhältnis setzen“ // Corona-Aussöhnung. 07.07.2021. URL: https://coronaaussoehnung.org/wp-content/uploads/2021/07/Presseinformation_2021-07-07n_Website.pdf.

40. См. короткий видеоролик о демонстрации: Schmitz S. Solidarität mit Ulrike Guérot! Wer schweigt, stimmt zu! // YouTube. 29.04.2023. URL: <https://youtu.be/NU4A9KrMPk>.

- Baab P. An beiden Seiten der Front. Meine Reise in die Ukraine. Neu-Isenburg: Westend, 2023.
- Baud J. Putin: Herr des Geschehens? Neu-Isenburg: Westend, 2023.
- Brückner P., Oestmann A. Über die Pflicht des Gelehrten, auch als Bürger tätig zu sein. Zum Disziplinarverfahren des Noedersächsischen Ministers für Wissenschaft und Kunst gegen Peter Brücker. Hannover: Internationalismus Verlag, 1980.
- De Bono E. New Think: The Use of Lateral Thinking in the Generation of New Ideas. N.Y.: Basic Books, 1967.
- De Lapuente R. Der Fall Ulrike Guérot: Versuche einer öffentlichen Hinrichtung // Der Fall Ulrike Guérot: Versuche einer öffentlichen Hinrichtung / G. Gysi (ed.). Neu-Isenburg: Westend Verlag, 2024. S. 52–75.
- De Lapuente R. Weder liberal noch modern // Overton Magazin. 24.06.2022. URL: <https://overton-magazin.de/hintergrund/politik/libmod-weder-liberal-noch-modern/>.
- Ebel R. Professoren im Visier // Manova. 11.11.2023. URL: <https://www.manova.news/artikel/professoren-im-visier>.
- Gegneranalyse // Zentrum Liberale Moderne. CM. URL: <https://gegneranalyse.de/ueber-uns/>.
- Guérot U. Die Zukunft der Geschichte: Was bedeuten die deutsch-französischen Beziehungen heute? Heidelberg: Universität Heidelberg, 23.01.2022.
- Guérot U. Nichts wird so bleiben, wie es war. Europa nach der Krise. Eine europäische Zeitreise. Wien: Molden 2020.
- Guérot U. Souveränität und Identität in Europa: Eine Spurensuche von zwei Begriffen. Hamburg: Universität Hamburg, 25.02.2022.
- Guérot U. The Difficult Relationship Between European Sovereignty and European Democracy in Franco-German Discourse // European Democracy Lab. URL: <https://www.europeandemocracylab.org/essay/the-difficult-relationship-between-european-sovereignty-and-european-democracy-in-franco-german-discourse>.
- Guérot U. Wer schweigt, stimmt zu: Über den Zustand unserer Zeit. Und darüber, wie wir leben wollen. Neu-Isenburg: Westend, 2022.
- Guérot U., Overhoff J., Gabriel M., Richter H., Schlott R. Für die offene Gesellschaft. Manifest Die Diskussionen in dieser Pandemie sind vergiftet. Tauschen wir uns endlich ruhig und angstfrei aus // WELT/der Freitag. 25.03.2021.
- Guérot U., Plottka J. Merkels Europapolitik oder der Preis des Pragmatismus // Revue de l'Allemagne et des pays de la langue Allemande. 2022. T. 54. № 1. S. 131–152.
- Guilford J. P. The Nature of Human Intelligence. N.Y.: McGraw-Hill, 1967.
- In keinem Falle darf ein Grundrecht in seinem Wesensgehalt angetastet werden. Manifest der Denkfabrik Republik 21 im Nachgang zur Konferenz „Deutschland zwischen Covid und Klima — Grundrechte unter Vorbehalt?“, Berlin, September 2023. URL: <https://denkfabrik-r21.de/in-keinem-falle-darf-ein-grundrecht-in-seinem-wesensgehalt-angetastet-werden-art-19-abs-2-gg/>.
- Jünke Ch. Der Staat gegen Peter Brückner. Wie ein linker Hochschullehrer ausgrenzt wird // Rosa Luxemburg Stiftung. 12.01.2022. URL: <https://www.rosalux.de/news/id/45677/der-staat-gegen-peter-brueckner>.
- Küppersbusch F. Staatsknete für die richtige Meinung // YouTube: Küppersbusch TV. 28.06.2022. URL: <https://youtu.be/iZ-iEEfBGto>.
- Lange E. L. Fighting back against the Censorship-Industrial Complex // Lawyer's Fees, Beetroot, and Music. 28.06.2023. URL: <https://elenalouisalange.substack.com/p/fighting-back-againstcensorship>.

- Linden M. Die Worte bleiben aktuell // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 07.06.2022. URL: <https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/debatten/ulrike-guerot-weitere-plagiate-bei-bonner-professoringefunden-18086527.html>.
- Linden M. Eine Stimme des Postfaktischen // Die Zeit. 03.08.2022. URL: <https://www.zeit.de/kultur/2022-08/ulrike-guerot-plagiat-politik-professorin>.
- Linden M. Wie Ulrike Guérot die Wirklichkeit verdreht // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 03.06.2022. URL: <https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/debatten/ulrike-guerot-ist-eine-heldin-der-querdenkerszene-in-ihrem-buch-plagiiert-sie-18079968.html>.
- Lövenich Ch. Das „Plagiat“ — eine (wissenschaftliche) Betrachtung // Der Fall Ulrike Guérot: Versuche einer öffentlichen Hinrichtung / G. Gysi (ed.). Neu-Isenburg: Westend Verlag, 2024. S. 28–41.
- Magold I. Man nannte sie die Jeanne d'Arc d'Europe // Die Zeit. 15.06.2022.
- Markus Lanz und der Krieg gegen Ulrike Guérot // NachDenkSeiten. 03.06.2022. URL: <https://www.nachdenkseiten.de/?p=84493>.
- Offener Brief an Bundeskanzler Scholz // Change.org. 29.04.2022. URL: <https://www.change.org/p/offener-brief-an-bundeskanzler-scholz>.
- Piltz Ch. Der Fall Ulrike Guérot und die Grenzen der Freiheit // Spiegel. 24.09.2021. URL: <https://www.spiegel.de/kultur/ulrike-guerot-und-ihre-corona-kritik-warum-die-politikwissenschaftlerin-beschimpft-wird-a-b3491870-05af-4c99-a45c-f172d53fb6a0>.
- Pohlmann D., Fiedler M. Geschichten aus Wikihausen, Grottestke und postfaktische Inhalte aus der Wikipedia // Wikihausen. URL: <https://wikihausen.de/>.
- Precht R.D., Welzer H. Die Vierte Gewalt. Wie Mehrheitsmeinung gemacht wird, auch wenn sie keine ist. B.: S. Fischer, 2022.
- Schmitz S. Solidarität mit Ulrike Guérot! Wer schweigt, stimmt zu! // YouTube: Sascha Schmitz. 29.04.2023. URL: <https://youtu.be/NsU4A9KrMPk>.
- Servus Reportage: Tabu — Was passiert, wenn man das Falsche sagt? | Kurzfassung // YouTube: ServusTV On. 19.10.2023. URL: <https://youtu.be/cIDMooO8-NE>.

ULRIKE GUÉROT'S CASE: PUBLIC EXECUTION ATTEMPTS

ROBERTO DE Lapuente. Overton Magazine, Neu-Isenburg, Germany.

Keywords: university politics; the boundaries of freedom; dissidence; *Wer schweigt, stimmt zu*; *Endspiel Europa*; defamation and suspension campaign.

The case of Ulrike Guérot, which has become an administrative case, which highlights the problematic nature of current university policy in Germany and beyond (the policy of direct and indirect restrictions and sanctions imposed on manifestations of free, non-standard thinking in the public space of a modern democratic society), is described by the author in its unique facticity for Germany — correlated except with the wave of prohibitions on the profession and the expulsion of dissidents in 1977 (the case of Peter Bruckner, etc.). The essay sets itself and tries to answer the following structurally significant and rooted in the specifics of the analyzed case: (1) How, when and why is Professor (political scientist Ulrike Guérot) labeled “controversial” (#umstritten)? (2) What impact does public pressure have on the decision of the (Bonn) University to dismiss? (3) What happens to a democratic society in which scientists and intellectuals are no longer free and cannot participate in public discussions without self-censorship?

In search of answers to these questions, the author comes to a statement of a characteristic and symptomatic circumstance for the current moment: through a media campaign promoting his case professionally (but laterally, divergently) analyzing the current political realities (Germany, Europe, etc.) the political scientist is being pushed out by both the mainstream media and the university community “into that segment of society whose representatives began to be called ‘outside the box’ in a negative and exclusive way [from ‘normality’] even during the polarized discussion about coronavirus...” As a result: “Alliances and communities that previously seemed unthinkable suddenly arose, The classic political categories of the ‘right’ and ‘left’ are mixed up... Which once again underlines the complexity of the social dynamics that have arisen: which side is ‘wrong’ in a democracy?”

DOI: 10.17323/0869-5377-2024-2-99-131

References

- „Wer mit Schmutz wirft, hat selbst ein Problem“. Interview mit Ulrike Guérot. *Cicero. Magazin für politische Kultur*, September 23, 2022. Available at: <https://www.cicero.de/kultur/ulrike-guerot-nach-jury-ausladung-durch-ndr-die-lotus-blute-wachst-im-schlamm>.
- 16 Autor*innen für Kurskorrektur in der Corona-Politik — „Covid-19 ins Verhältnis setzen“. *Corona-Aussöhnung*, Juni 07, 2021. Available at: https://coronaaussoehnung.org/wp-content/uploads/2021/07/Presseinformation_2021-07-07n_Website.pdf.
- Baab P. *An beiden Seiten der Front. Meine Reise in die Ukraine*, Neu-Isenburg, Westend, 2023.
- Baud J. *Putin: Herr des Geschehens?*, Neu-Isenburg, Westend, 2023.
- Brückner P., Oestmann A. *Über die Pflicht des Gelehrten, auch als Bürger tätig zu sein. Zum Disziplinarverfahren des Noebersächsischen Ministers für Wissenschaft und Kunst gegen Peter Brücker*, Hannover, Internationalismus Verlag, 1980.
- De Bono E. *New Think: The Use of Lateral Thinking in the Generation of New Ideas*, New-York, Basic Books, 1967.

- De Lapuente R. Der Fall Ulrike Guérot: Versuche einer öffentlichen Hinrichtung. *Der Fall Ulrike Guérot: Versuche einer öffentlichen Hinrichtung* (ed. G. Gysi), Neu-Isenburg, Westend Verlag, 2024, pp. 52–75.
- De Lapuente R. Weder liberal noch modern. *Overton Magazin*, Juni 24, 2022. Available at: <https://overton-magazin.de/hintergrund/politik/libmod-weder-liberal-noch-modern/>.
- Ebel R. Professoren im Visier. *Manova*, November 11, 2023. Available at: <https://www.manova.news/artikel/professoren-im-visier>.
- Gegneranalyse. *Zentrum Liberale Moderne*. Available at: <https://gegneranalyse.de/ueber-uns/>.
- Guérot U. *Die Zukunft der Geschichte: Was bedeuten die deutsch-französischen Beziehungen heute?*, Heidelberg, Universität Heidelberg, Januar 23, 2022.
- Guérot U. *Nichts wird so bleiben, wie es war. Europa nach der Krise. Eine europäische Zeitreise*, Vienna, Molden, 2020.
- Guérot U. *Souveränität und Identität in Europa: Eine Spurensuche von zwei Begriffen*, Hamburg, Universität Hamburg, Februar 25, 2022.
- Guérot U. The Difficult Relationship Between European Sovereignty and European Democracy in Franco-German Discourse. *European Democracy Lab*. Available at: <https://www.europeandemocracylab.org/essay/the-difficult-relationship-between-european-sovereignty-and-european-democracy-in-franco-german-discourse>.
- Guérot U. *Wer schweigt, stimmt zu: Über den Zustand unserer Zeit. Und darüber, wie wir leben wollen*, Neu-Isenburg, Westend, 2022.
- Guérot U., Overhoff J., Gabriel M., Richter H., Schlott R. Für die offene Gesellschaft. Manifest Die Diskussionen in dieser Pandemie sind vergiftet. Tauschen wir uns endlich ruhig und angstfrei aus. *WELT/der Freitag*, März 25, 2021.
- Guérot U., Plottka J. Merkels Europapolitik oder der Preis des Pragmatismus. *Revue de l'Allemagne et des pays de la langue Allemande*, 2022, vol. 54, no. 1, pp. 131–152.
- Guérot U., Ritz H. *Endshpil' Evropa. Pochemu poterpel neudachu politicheskii proekt Evropa i kak nachat' snova o nem mechtat'* [Endspiel Europa: Warum das politische Projekt Europa gescheitert ist und wie wir wieder davon träumen können], Yerevan, Fortis Press, Gnosis, 2024.
- Guilford J. P. *The Nature of Human Intelligence*, New-York, McGraw-Hill, 1967.
- In keinem Falle darf ein Grundrecht in seinem Wesensgehalt angetastet werden. *Manifest der Denkfabrik Republik 21 im Nachgang zur Konferenz „Deutschland zwischen Covid und Klima — Grundrechte unter Vorbehalt?“*, Berlin, September 2023. Available at: <https://denkfabrik-r21.de/in-keinem-falle-darf-ein-grundrecht-in-seinem-wesensgehalt-angetastet-werden-art-19-abs-2-gg/>.
- Jünke Ch. Der Staat gegen Peter Brückner. Wie ein linker Hochschullehrer ausgegrenzt wird. *Rosa Luxemburg Stiftung*. Januar 12, 2022. Available at: <https://www.rosalux.de/news/id/45677/der-staat-gegen-peter-brueckner>.
- Küppersbusch F. Staatsknete für die richtige Meinung. *YouTube: Küppersbusch TV*, Juni 28, 2022. Available at: <https://youtu.be/iZ-iEEfBGto>.
- Lange E. L. Fighting back against the Censorship-Industrial Complex. *Lawyer's Fees, Beetroot, and Music*, Juni 28, 2023. Available at: <https://elenalouisalange.substack.com/p/fighting-back-against-censorship>.
- Linden M. Die Worte bleiben aktuell. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, Juni 07, 2022. Available at: <https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/debatten/ulrike-guerot-weitere-plagiate-bei-bonner-professoringefunden-18086527.html>.

- Linden M. Eine Stimme des Postfaktischen. *Die Zeit*, August 03, 2022. Available at: <https://www.zeit.de/kultur/2022-08/ulrike-guerot-plagiat-politik-professorin>.
- Linden M. Wie Ulrike Guérot die Wirklichkeit verdreht. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, Juni 03, 2022. Available at: <https://www.faz.net/aktuell/feuilleton/debatten/ulrike-guerot-ist-eine-heldin-der-querdenkerszene-in-ihrem-buch-plagiiert-sie-18079968.html>.
- Lövenich Ch. Das „Plagiat“ — eine (wissenschaftliche) Betrachtung. *Der Fall Ulrike Guérot: Versuche einer öffentlichen Hinrichtung* (ed. G. Gysi), Neu-Isenburg, Westend Verlag, 2024, pp. 28–41.
- Magold I. Man nannte sie die Jeanne d'Arc d'Europe. *Die Zeit*, Juni 15, 2022.
- Markus Lanz und der Krieg gegen Ulrike Guérot. *NachDenkSeiten*, Juni 03, 2022. Available at: <https://www.nachdenkseiten.de/?p=84493>.
- Offener Brief an Bundeskanzler Scholz. *Change.org*, April 29, 2022. Available at: <https://www.change.org/p/offener-brief-an-bundeskanzler-scholz>.
- Piltz Ch. Der Fall Ulrike Guérot und die Grenzen der Freiheit. *Spiegel*, September 24, 2021. Available at: <https://www.spiegel.de/kultur/ulrike-guerot-und-ihre-corona-kritik-warum-die-politikwissenschaftlerin-beschimpft-wird-a-b3491870-05af-4c99-a45c-f172d53fb6ao>.
- Pohlmann D., Fiedler M. Geschichten aus Wikihausen, Grotestke und postfaktische Inhalte aus der Wikipedia. *Wikihausen*. Available at: <https://wikihausen.de/>.
- Precht R. D., Welzer H. *Die Vierte Gewalt. Wie Mehrheitsmeinung gemacht wird, auch wenn sie keine ist*, Berlin, S. Fischer, 2022.
- Schmitz S. Solidarität mit Ulrike Guérot! Wer schweigt, stimmt zu! *YouTube: Sascha Schmitz*, April 29, 2023. Available at: <https://youtu.be/NsU4A9KrMPk>.
- Servus Reportage: Tabu — Was passiert, wenn man das Falsche sagt? | Kurzfassung. *YouTube: ServusTV On*, Oktober 19, 2023. Available at: <https://youtu.be/cIDMooO8-NE>.

Зачем Ильенков?

Зачем люди вообще отмечают юбилеи? Разумеется, в первую очередь это хороший повод для банкетов и торжественных мероприятий, оставляющих своеобразный осадок бессмысленного, но обоснованного удовольствия. А для тех, кто действительно склонен размышлять о смысле социальных явлений и человеческих биографиях, это повод в очередной раз задуматься, порассуждать и поспорить о значении того или иного события или деятеля прошлого. Если же мы говорим о мыслителе, то неминуемо возникает вопрос об актуальности его идей и об их переоценке или новой интерпретации.

Так что столетний юбилей Эвальда Ильенкова — хороший повод поговорить не только о нем, но и вообще о недогматическом марксизме в Советском Союзе. И не будет преувеличением сказать, что трагическая судьба философа оказалась своего рода метафорой судьбы марксизма в СССР.

В конце концов Ильенков оказался нужен всем — одним, чтобы доказать, что в советской жизни все-таки было место для настоящей философии, не сводившейся к начетническому повторению заученных формул и псевдоинтеллектуальному изложению партийных постановлений, другим — как исходная точка для движения «от марксизма к идеализму». Правда, в последнем случае ильенковская школа, делающая основной упор на развитие и обоснование диалектического мышления, тоже оказалась в известной степени маргинальна. Убегая от Маркса, российские интеллектуалы очень часто проскакивали мимо диалектики Гегеля, предпочитая ему Канта. Этот поворот или возвращение к Канту, конечно, не декларировались в качестве какого-то общего тренда, но все же наглядно обнаруживаются при любой попытке каких-то обобщений относительно интеллектуальных настроений, доминировавших в постсоветской России (если, конечно, иметь в виду тех, кто действительно думал, а не просто симулировал мыслительную деятельность).

Однако постсоветская Россия закончилась 24 февраля 2022 года. И в новой общественной жизни, которая надвигается на нас угрожающей неопределенностью (одновременно суля шансы перемен), мы снова обнаруживаем, насколько нам необходимо, насколько спасительно диалектическое мышление. А это значит, что мы снова обращаемся к Ильенкову — не для того, чтобы объяснить истоки своих текущих позиций, а для того, чтобы использовать тот самый метод мышления, который он отстаивал.

Парадокс состоит в том, что драмы и даже трагедии позднесоветского времени могут показаться не такими уж страшными на фоне того, что переживается российским обществом в начале XXI века. Да, Ильенкову приходилось несладко, на него постоянно нападали чиновники от идеологии, у него были проблемы с изданием книг, его вынудили уйти с преподавательской должности в Московском университете. Но книги все же выходили, становясь каждый раз событием для всех, кто интересовался философией. И даже сам факт нападков, с которыми сталкивался мыслитель, свидетельствовал о том, что в тогдaшнем обществе к идеям относились серьезно. В них видели реальную силу, часто даже угрозу.

Наступившая позже эпоха прагматики сводит ценность идей к их цене на рынке, где продается и покупается все, включая теории. В этом плане даже Ильенков рискует превратиться в очередной интеллектуальный бренд, вполне пригодный для продажи в качестве своего рода философского винтажа. Времена бегства от марксизма ушли в прошлое — увы, вместе с серьезным отношением к теоретической мысли вообще. Жесткое притеснение тех, кто позволяет себе неодобряемое поведение (не только политическое), вполне может сочетаться с равнодушно-безразличным попустительством по отношению к идеям. В этом плане свободы стало намного больше, но смысла — куда меньше.

И тем не менее объективная ценность критического и диалектического мышления не только не снижается, но, наоборот, многократно возрастает. Оно необходимо, чтобы не дать захлестнуть себя поверхностностью, не поддаться на иллюзию очевидности, не уступить той самой «объективной видимости», на которую ссылался Бертольд Брехт, напоминая, что наш жизненный опыт вообще-то убедительно свидетельствует, что Солнце вращается вокруг Земли, а не наоборот.

Наследие Ильенкова важно для нас именно потому, что он не только опирался на Гегеля и Маркса, но и применял их наследие уже к совершенно иной реальности, радикально непохожей на ту, в которой формировалась диалектическая философия. Обращаясь снова к этой традиции в мире, вновь радикально изменившемся, мы тем более нуждаемся в образцах того, как теория при столкновении с реальностью не превращается в набор устаревающих формул, а сама себя обновляет. Маркс — на его счастье — еще не знал ни про потребительское общество, ни про советскую бюрократию, ни про тоталитаризм. Его вера в прогресс естественно укладывалась в общее настроение эпохи, наблюдавшей одновременное поступательное развитие техники, социальных отношений и политических институтов. Это развитие было неравномерным, противоречивым и несвободным от эксцессов, что как раз наглядно фиксировалось самим Марксом, сравнивавшим движение общественного прогресса с колесницей Джаггернаута, которая движется вперед, не задерживаясь из-за раздавленных ею адептов собственного культа. XX век сполна показал нам именно эту темную сторону прогресса, что прекрасно сознавали критические марксисты 1960–1970-х годов — не только в Советском Союзе, но и во всем мире. Однако следующее столетие бросило нам еще более серьезный вызов: не только марксизму, но и всей традиции европейской мысли со времен Просвещения и даже Спинозы с Декартом. Прогресс то и дело оказывается не просто обратимым, но и обесцененным, бессмысленным. Вместе с тем под сомнение ставится и сама необходимость познания как *инструмента преобразующего действия* — как раз это было центральным для методологии ильенковского марксизма. Не просто движение от абстрактного к конкретному, но именно их неразделимость, их диалектическое единство, которое реализуется в конечном счете не на страницах книги (будь то «Капитал» или «Об идолах и идеалах»), а в совокупной общественной практике. Теория тут значима именно потому и постольку, поскольку работает в жесткой сцепке с конкретным знанием, помогая практически изменять общество и мир вокруг нас.

Новая эпоха, когда ильенковские «идолы», казалось бы, однозначно и решительно восторжествовали над идеалами, ставит вопрос уже не о вере в прогресс, а о его возможности. Однако в том-то и цель философского мышления, чтобы выйти

за пределы веры и неверия, поставив задачу понимания естественной логики процессов, через которые развиваются и человеческое общество, и человеческое знание. Нам надо не вновь поверить в прогресс, а понять его — со всеми его противоречиями, трагизмом и травмами. Понять и научиться снова за него бороться.

Очень многим в этом помог Ильенков. И очень многим еще поможет.

Философия и жизнь Эвальда Ильенкова

Анна Очкина

Независимый исследователь, ochkina@inbox.ru.

Ключевые слова: Эвальд Ильенков; материалистическая диалектика; идеал и идеальное; личность; восхождение от абстрактного к конкретному; марксизм.

В статье раскрываются философские идеи советского мыслителя-марксиста Эвальда Ильенкова. Философия Ильенкова описывается во взаимосвязи с его индивидуальной биографией, а также в контексте состояния общественной мысли в СССР. Автор останавливается на отдельных эпизодах конфронтации с философским официозом, в которой Ильенков пребрывал всю свою профессиональную жизнь. Причиной неприятия его идей в официальных философских кругах было особое понимание им марксистской философии как материалистической диалектики, главной задачей которой мыслитель полагал раскрытие законов познания. Ильенкова обвиняли в «гносеологизме», «идеализме» и «позитивизме», хотя именно он последовательно критиковал идеалистические и позитивистские тенденции в советской философии. Будучи убежденным коммунистом, он не мог не видеть трагического тупика советской истории. Это обусловило одновременно и его пристальное внимание к проблеме коммунизма как подлинного и исторически объективного идеала человеческого развития,

и личную трагедию горького, смертельного разочарования.

Диалектико-материалистическая концепция мышления в статье анализируется на основе работы Ильенкова «Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении». Эта работа представляет собой комплексную теоретическую переработку марксистской диалектики, личностное и в то же время подлинно научное ее понимание. Такой подход позволил Ильенкову сформулировать важнейшие положения о природе личности, роли воображения и искусства в человеческом познании, об основаниях и задачах материалистической психологии и педагогики, ищущей ключ к тайнам сознания не в особенностях работы мозга, не в его физиологии, а в содержании и особенностях чувственно-конкретной деятельности. В статье излагается ильенковское понимание категории «идеального» как сущности предмета или явления. В заключении автор делает вывод о неразрывной связи философии и жизненных принципов Ильенкова, а также о непреходящей актуальности его философии.

Человеческая натура — страсти человека и тревоги его — это продукт культуры; по сути дела, сам человек — это самое важное достижение тех непрерывных человеческих усилий, запись которых мы называем историей.

Эрих Фромм

Введение: неудобная философия

ЭВАЛЬД Ильенков не только всю профессиональную жизнь развивал диалектический метод, но и сам представлял собой живое диалектическое противоречие. Сохраняя наследие марксизма, он пребывал в постоянной конфронтации с официальной советской «марксистской» философией и ее адептами. Убежденный коммунист, Ильенков к концу жизни испытывал ужас от того, в какой тупик зашло советское государство, и подвергался гонениям и нападкам со стороны властей.

Ильенкову пришлось во многом реконструировать марксистскую мысль, и его размышления перекликались с работами теоретиков Франкфуртской школы. Исследуя общие вопросы мышления и сознания, философ неминуемо обнаруживал новые общественные противоречия, связанные с формированием потребительского общества, конформизмом и социальными манипуляциями, превращающими как отдельных людей, так и массы в пассивный объект управления. Этому посвящена его, пожалуй, самая популярная книга — «Об идолах и идеалах», ставшая своеобразным манифестом критической мысли, который по-прежнему читают и цитируют левые бывшего Советского Союза.

Ильенкову и его другу (а также философскому оппоненту) Михаилу Лифшицу приходилось заново прорабатывать методологические темы марксизма, почти полностью устраненные из официального советского дискурса. Диалектика была сведена к набору тезисов и примеров из сферы природы: зерно умирает, чтобы выросло растение, — это отрицание отрицания; вода закипает, чтобы превратиться в пар, — это переход количества в качество; зима, весна, лето и осень сменяют друг друга — это единство и борьба противоположностей. Оттолкнуться от этих сентенций в кон-

кретном анализе социально-исторического процесса было категорически невозможно, да и не одобрялись в те времена подобные интеллектуальные упражнения.

Философские дискуссии перестают выглядеть бессмысленными «спорами о словах», когда вспоминаешь контекст, в котором развивалась в СССР философия, объявленная исключительно марксистской. Невозможно сейчас понять эти дискуссии, не учитывая, что марксизм в Советском Союзе был не только и не столько философией, но прежде всего идеологией, причем идеологией работающей — точнее, запущенной в работу, целью которой была консолидация и мобилизация общества. Консолидация вокруг большевистской (как предполагалось и утверждалось — подлинно марксистской) партии и мобилизация всех доступных социальных сил были нужны для построения почти на пустом месте индустриального общества и нового социально-экономического порядка. Задачи эти были вполне конкретны и имели основательную политическую подоплеку — революционную борьбу масс, трансформировавшуюся со временем в борьбу за власть внутри большевистской партии.

В таких условиях идеология была важным и грозным оружием: во имя нее проводилась «чистка партийных рядов», ее именем разрушались блестящие политические карьеры и уничтожались жизни. Идеология также давала многим своего рода понятийную матрицу для восприятия происходящих перемен. Для людей, не имеющих не только специального, но часто и вовсе никакого образования, крайне сложно было бы с ходу разобраться в аутентичном марксизме и дискуссиях вокруг него, а чеканные формулировки официальной идеологии легко запоминались и хлестко звучали в политических диспутах; они вполне сходили за критерии отбора «верных борцов революции» и становились незаменимыми для распознавания в системе координат «свой — чужой».

Идеология сформировала примитивный, но удобный язык, который, в свою очередь, перешел в философию и там уже стал законом, поскольку был освящен одобрением партии. Философия от такой идеологической инъекции стала совершенно неудобоваримой и практически недоступной для понимания, зато удобной для заучивания и цитирования. Разумеется, было в СССР и живое марксистское слово, реальные философские работы, развивающие теорию, но они занимали маргинальное положение по отношению к официозу.

Образно говоря, живое дерево марксизма (а в рамках направления не утихали дискуссии) было превращено в бревно идеологии,

дискуссий не приемлющей. Постреволюционной советской властью содержательные дискуссии расценивались как несовместимые с политическими задачами партии, так как могли поставить под сомнения цели и методы ведущих, снижая и искажая мотивацию ведомых. В первой половине советского периода, примерно до 1940-х годов, в идеологии еще уместен был революционный пафос, постепенно, правда, вырождавшийся в мертвые фразы, которые легко превращались в строчки разгромных резолюций и обвинительных приговоров. В послевоенное время, особенно в период застоя, метафизическая советская версия марксизма стала чем-то вроде религии, и даже попытки более глубокого его изучения воспринималась как отступничество, ересь. Более того, стремление *понять* «священные» книги — труды классиков марксизма — расценивалось как покушение на святыни. Нужно было заучивать и повторять, не стремясь вникнуть в суть и тем более выискивать и трактовать места, не вмещающиеся в прокрустово ложе идеологии.

Замещение философии набором «правильных» или просто красивых слов — устойчивая тенденция интеллектуальной истории. Философия так или иначе объясняет место человека в мире, сущность его отношений с другими людьми и самим собой, что неизбежно означает трактовку важнейших для человека и человеческой жизни категорий: свобода, власть, воля, справедливость, ценность человеческой жизни. Следовательно, философия может либо обслуживать (с разной степенью изящества) существующую систему морали, либо — с той или иной степенью радикальности — ее подрывать.

Есть и второй источник неприятия подлинного марксизма — обыкновенное непонимание. Марксизм построен не как набор готовых ответов, моделей и формул, а как сложный, подробный и логичный путеводитель. Это скорее набор верных вопросов, на которые нужно отвечать самостоятельно с помощью критического анализа. Фридрих Энгельс многократно настаивал на том, что учение Карла Маркса — это не доктрина, а метод, нельзя его использовать в качестве отмычки. А это означает, что актуальный социальный анализ должны проводить люди, погруженные в эту конкретную социальность, что, во-первых, трудно, а во-вторых, неизбежно ведет к дискуссиям, легко выходящим из-под идеологического контроля.

Для Ильенкова познание было жизнью, а философия — органической частью познания, способом удовлетворения любопытства относительно самой большой, самой известной и самой неразгаданной тайны — тайны человека, его сознания и мышления.

Ученик Ильенкова философ Вадим Межуев пишет, что тот

... сразу стал общепризнанным лидером философской «оттепели». Именно ему мое поколение обязано осознанным разрывом с догматикой и схоластикой официальной философии, процветавшей в образовании и пропаганде и сложившейся еще в годы сталинизма. Помимо новизны своего подхода к пониманию предмета и задач философии Эвальд Васильевич увлекал молодежь способностью мыслить независимо и интеллектуально насыщенно, логически доказательно и эстетически выразительно, оставаясь при этом в традиции марксистской философии. Последнее, возможно, особенно воздействовало на наши умы. Ныне, по истечении времени, место, занимаемое Ильенковым в нашей философии, стало более отчетливым и определенным. Он — последний, как мне представляется, оригинальный мыслитель в истории марксистской философии на русской почве. Им завершается философская школа русского марксизма, которую не надо отождествлять с псевдомарксистской философской партийной ортодоксией, закончившей свои дни уже после смерти Ильенкова¹.

К несчастью, именно «философская ортодоксия» лежала в основе многих научных карьер, в том числе и тех людей, которые по должности могли сильно осложнить жизнь неудобному мыслителю. Еще один ученик Ильенкова, философ и публицист Илья Раскин писал:

... философ-марксист Ильенков оказался так же неудобен для государства, как священник Мень, композитор Шнитке... Потому что если Ильенков — марксист, то тогда кто же такие советские философские академики, кто сидел в отделе пропаганды ЦК? Почувствовать разницу было слишком нетрудно².

Немного биографии: неудобный философ

Ильенков родился в Смоленске 18 февраля 1924 года в семье писателя, лауреата Сталинской премии Василия Ильенкова и учительницы Елизаветы Ильенковой. Вскоре после рождения сына Ильенковы переехали в Москву, и значительная часть жизни Иль-

1. Межуев В. М. Эвальд Ильенков и конец в России классической марксистской философии // Эвальд Васильевич Ильенков в воспоминаниях / Ред.-сост. Г. В. Лобастов. М.: РГГУ, 2004. С. 275.
2. Раскин И. А. Воспоминания о будущем // Сайт Владимира Кудрявцева. 03.04.2017. URL: <https://tovievich.ru/news/8587-ilya-raskin-vospominaniya-o-buduschem.html>.

енкова прошла в одном из писательских домов в Камергерском переулке (в советское время — проезд Художественного театра). Так что он по рождению принадлежал к элите советского общества, по крайней мере — к кругу обласканной властью художественной интеллигенции. Но его биография очень мало отмечена элитарностью, разве что дома он имел много возможностей для развития и образования.

После окончания школы в 1941 году Ильенков поступил в Московский институт философии и литературы (МИФЛИ) имени Николая Чернышевского, а в августе 1942 года его призвали в армию. Перед отправкой на фронт он обучался в Одесском артиллерийском училище имени М. В. Фрунзе, находившемся в то время в городе Сухой Лог в Свердловской области.

Училище Ильенков заканчивает в октябре 1943 года; он отправляется на передовую и воюет до победы, до самого Берлина. В феврале 1946 года Ильенков возвращается в МИФЛИ, который в то время был присоединен к Московскому государственному университету имени М. В. Ломоносова. В 1950 году Ильенков с отличием заканчивает философский факультет МГУ, получив рекомендацию в аспирантуру по кафедре истории зарубежной философии. Его кандидатская диссертация, защищенная в 1953 году, называлась «Некоторые вопросы материалистической диалектики в работе Карла Маркса „К критике политической экономии“». В этом же году Ильенков становится младшим научным сотрудником в Институте философии и начинает вести на философском факультете МГУ семинар для аспирантов. Уже тогда он последовательно развивал свое понимание марксистской философии и философии вообще, радикально отличающееся от общепринятого.

Уже в 1955 году у жрецов официальной философии кончается терпение, и они назначают заседание сектора диалектического материализма Института философии с одним-единственным вопросом — теоретические ошибки товарища Ильенкова. Причиной стало недовольство официозных философов тезисами Ильенкова и его товарища Валентина Коровикова «К вопросу о взаимосвязи философии и знаний о природе и обществе в процессе их исторического развития». Рассматривая философию марксизма как учение о созидании человеком себя и человеческих отношений, Ильенков и Коровиков отказывались принимать стандартное для официальной советской философии механическое деление на диалектический и исторический материализм — многим студентам набившие оскомину «диамат» и «истмат». За эту вопиющую ересь философы были подвергнуты публичному осуждению.

Ильенков вынужден был уйти из МГУ, но в Институте философии остался. А Коровиков и вовсе ушел из философии в журналистику, где сделал впечатляющую карьеру.

В тезисах авторы утверждают, что философия родилась вовсе не из необходимости иметь некие целостные представления о мире. «Такого сорта потребность с лихвой и целиком была бы удовлетворена простой сводкой всех важнейших сведений об этих явлениях», — пишут они и утверждают, что

... потребность в относительно самостоятельном, специфическом философском аспекте рассмотрения возникает из природы самого «конкретного», то есть... научно-теоретического познания³.

Тезисы завершаются чеканной формулировкой предмета, точнее, задачи философии:

«Без теоретического мышления невозможно связать между собой хотя бы двух фактов природы или уразуметь существующую между ними связь. Вопрос состоит только в том, мыслит ли при этом правильно или нет...» (Энгельс. Диалектика природы). Вот на этот-то *вопрос* и должна ответить *научная философия*, в этом смысл и необходимость ее существования в системе наук⁴.

Обсуждение проходило в лучших традициях советских мероприятий, о которых Александр Галич писал: «Нет, не к терновому венцу колесованьем, а как поленом по лицу — голосованьем». Заседание ученого совета с разборкой скандальных тезисов состоялось 7 апреля 1953 года — всего через месяц после смерти Сталина. Резолюция заседания сурово осудила «гносеологизм» и «идеализм» тезисов, освободила Ильенкова от руководства семинаром аспирантов и потребовала от авторов осудить свои «заблуждения». Парадоксально, что Ильенкова осудили за «проявление идеалистической концепции неопозитивизма», хотя он своими тезисами стремился как раз защитить материалистическую диалектику от позитивистских искажений.

Ильенков был неудобным, не покладистым, не конформным. И поплатился за это — не так трагично, как мог бы десятилетием ранее, но поплатился. Осуждением «тезисов» дело не ограничи-

3. Ильенков Э.В., Коровиков В.И. Тезисы к вопросу о взаимосвязи философии и знаний о природе и обществе в процессе их исторического развития // Русофил. 27.12.2016. URL: <https://russophile.ru/2016/12/27/тезисы-к-вопросу-о-взаимосвязи-филосо/>.

4. Там же.

лось. Дочь Ильенкова, Елена Иллеш, восстановила по архивным документам мытарства философа после судилища в секторе диалектического материализма. Скоро у мыслителя обнаружили новый грех: он «попал в переплет из-за рецензии на книгу Дьёрдя Лукача, ставшего членом мятежного венгерского правительства...»⁵

Крайне важный для самого Ильенкова труд «Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении», завершённый в 1956 году, тоже претерпел много мытарств. Ученик Ильенкова Александр Новохатько в предисловии к изданию «Диалектики» пишет:

Четыре года рукопись не допускается к печати. Материалы архива Ильенкова свидетельствуют о масштабах и последствиях травли философа со стороны академика Петра Федосеева⁶, могущественного чиновника от идеологии, а в ту пору директора Института философии АН СССР. Наконец, к середине 1958 года, измученный физически и душевно, Ильенков решается не только на сокращение, но и на изменение структуры книги. В сущности, это ее новый вариант, он-то и издается в 1960 г. <...> В новом варианте книги устранены почти все тексты, в которых трактуется соотношение диалектики и формальной логики... Все это привело к заметному сужению темы книги. Отсюда и изменение названия: вместо «Диалектики абстрактного и конкретного в мышлении» — «Диалектика абстрактного и конкретного в „Капитале“ Карла Маркса». <...>

На фоне этого мучительного для автора компромисса неожиданно возникает угроза рассыпки набора. Кто-то из знакомых Ильенкова, взявших рукопись на несколько дней... снял копию, которая вскоре и оказалась в Италии. Федосеев был в бешенстве, будучи уверен, что это дело рук Ильенкова, хотя это не соответствовало действительности. У итальянских же издателей хватило благоразумия и такта не публиковать «Диалектику» до ее издания в Москве. Книга вышла в Милане в 1961-м⁷.

5. *Меньшикова М.* Соблюдайте правила логического мышления // *Логос*. 2019. Т. 29. № 3. С. 291.
6. *Петр Федосеев* (1908–1990), доктор философских наук, академик АН СССР, член ЦК КПСС в 1961–1989 годах. В 1955–1962 годах директор Института философии АН СССР, в 1959–1967 годах академик-секретарь Отделения философии и права (Отделения экономических, философских и правовых наук) АН СССР. Столь могущественный оппонент мог не только создать Ильенкову профессиональные проблемы, но и серьезно испортить ему жизнь.
7. *Новохатько А. Г.* Об Э. В. Ильенкове // *Ильенков Э. В.* Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М.: РОССПЭН, 1997. С. 3–4.

Полностью под первоначальным авторским названием главная книга Ильенкова вышла уже после смерти философа, в 1990-х годах. Кстати, несмотря на благоразумие и деликатность итальянских товарищей, ее автору пришлось снова пережить разбирательства возмущенных коллег. В институте было организовано партийное собрание, посвященное «антиобщественному» поступку философа Ильенкова.

На него нападали, а он работал. После разгрома своих тезисов он почти сразу берется за «Космологию духа», которую назвал фантазмоморией. Это прекрасно написанная диалектическая фантазия о том, что мышление является неотъемлемым свойством материи, взятой в целом, о спирали, по которой идет развитие и которая неизбежно на одном из витков приведет к уничтожению материи и зарождению новой жизни. И именно человек есть двигатель этой спирали, ему уготована судьба однажды уничтожить Вселенную, чтобы материя могла продолжить свою спираль вечной жизни. Это прекрасный образчик философской эссеистики, хотя принять идеи, содержащиеся в этой философской фантазмагории, довольно трудно.

Несмотря на притеснения, Ильенков проработал в Институте философии АН СССР с 1953 года до конца жизни. На философском факультете МГУ он больше не преподавал, в МГУ возвращался однажды, в середине 1970-х годов. Тогда он по личному приглашению декана психологического факультета Алексея Леонтьева прочел специальный курс по фундаментальным проблемам современной теоретической психологии.

Нельзя сказать, что Ильенкова совсем не ценили. В 1965 году ему Президиумом АН СССР была присуждена премия имени Н. Г. Чернышевского за исследование актуальных проблем диалектической теории познания. В 1968 году он защитил докторскую диссертацию «К вопросу о природе мышления (на материалах анализа немецкой классической диалектики)», а перед этим, в начале 1960-х годов, был одним из научных редакторов «Философской энциклопедии». Защита докторской диссертации по философии так рано, в сорок четыре года, в советское время свидетельствовала или о выдающемся таланте, или об исключительных пробивных способностях. Последнее, впрочем, к Ильенкову не относится. Конечно, сказалось и то, что шестидесятые — это время оттепели, когда идеологические цепи ослабли, многое стало допустимым и возможным. «Неудобный философ» был даже «выездным», мог посещать заграничные конференции, его издавали во всем мире.

Но это не отменяло всяческих уколов. Так, по случаю двухсот-пятидесятилетия Академии наук Институт философии представил некоторых сотрудников к различным государственным наградам. Ильенкову, которому в том году исполнялось пятьдесят лет, должны были вручить орден Трудового Красного Знамени. Однако награду ему не дали, причем без всяких объяснений. Дочь Ильенкова пишет:

Ильенкову ордена не дали; о том, что Эвальд Васильевич вообще был к нему представлен, я узнала только из архивных документов, в семье эта тема вообще не обсуждалась. <...> Впрочем, к наградам и званиям отец на протяжении всей жизни оставался совершенно равнодушен⁸.

К наградам философ был равнодушен, а жизнь любил. Ильенков был разносторонней личностью, он всерьез занимался не только философией, но и психологией, политэкономией, теорией и историей искусства, переводил труды Маркса, Гегеля, Фихте. Он высоко ценил физический труд, чрезвычайно серьезно относясь к марксистскому положению о том, что труд создал человека, считал эту идею базой для развития подлинной психологии и педагогики. Он умел и любил работать руками, по словам его друга и ученика, философа Сергея Мареева, охотно проводил время за изготовлением и совершенствованием аппаратуры, чтобы слушать музыку Вагнера в хорошем качестве.

Вагнера он просто обожал, в последние уже годы жизни работал над переводом его «Парсифаля». По воспоминаниям Мареева, Ильенков считал:

«Кольцо Нибелунга» — это «Капитал», переложенный на музыку: та же критика отчуждения, если употреблять этот несколько неопределенный термин, ставший, по словам Михаила Лифшица, «предметом „научного мародерства“ после того, как стали известны так называемые ранние работы Маркса»⁹.

К слову, Ильенков не признавал качественного, принципиального различия молодого и зрелого Маркса, не признавал так называемого эпистемологического разрыва, с помощью которого Луи Альтюссер пытался расщепить мысль Маркса на две не связанные

8. Иллеш Е. Э. «Дело Ильенкова» и «Дело Зиновьева» // Зиновьев.инфо. 10.10.2017. URL: <http://zinoviev.info/wps/archives/6287>.

9. Мареев С. Н. Встреча с философом Э. Ильенковым. 2-е изд., доп. М.: Эребус, 1997. С. 6.

между собой части. Ильенков, напротив, полагал, что ход мышления Маркса исключительно логичен и последователен: он сначала разработал материалистическую диалектику, которая и являлась собственно марксистской философией, а позднее на этой основе приступил к анализу капиталистического общества.

Сила диалектики

Для Ильенкова диалектика — принципиально новый способ познания, новая логика, которую он противопоставлял старой, формальной логике. Диалектическая логика требует переосмысления даже таких простейших для науки понятий, как «абстрактное» и «конкретное».

Диалектика, открытая Гегелем, освобождает мышление от мистики, позволяет понять его как высшую форму подлинно человеческой деятельности.

Наука, научное мышление, в системе Гегеля выступает как высшая ступень развития «обыденного мышления», и не случайно Гегель ищет ключи к важнейшим логическим проблемам в анализе обычных умственных операций, производимых всяким и каждым ежедневно и ежечасно... Гегель... резко подчеркивает то обстоятельство, что характер абстрагирующей деятельности человека всегда находится в зависимости от общества, от целой системы развитых обществом условий, внутри и посредством которых она, эта деятельность, совершается¹⁰.

Однако само понимание деятельности у Гегеля идеалистично, так как источником ее он считал чисто духовные мотивы. Первой исторически и логически формой деятельности общественного человека Гегель полагает способность человека давать имена, названия. Полноценное понимание познавательных способностей человека, считает Ильенков, дает марксистская теория. Эта

...способность в системе Маркса — Энгельса столь же рационально объясняется с той же точки зрения на человека как на общественно производящее свою жизнь существо... Поскольку основной формой отношения человеческого субъекта к объекту становится производство предметов общественной потребности, а не потребление предметов, данных природой, постольку и воз-

10. Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М.: РОССПЭН, 1997.

никает новое, более сложное отношение субъекта к объективной реальности. В процессе производства человек вынуждается считаться с такими свойствами предметной реальности, которые уже не находятся в прямом отношении к непосредственной потребности человека. Предмет, вовлеченный человеком в процесс производства материальной жизни, ведет себя в этом процессе сообразно своим собственным, объективным закономерностям. Образно выражаясь, предмет заставляет человека познать себя, заставляет человека выработать и соответствующие органы объективного познания¹¹.

Естественно, с усложнением процесса общественного производства усложняются задачи познания, развиваются его инструменты, возрастает роль теоретического знания, которое само становится предметом и продуктом общественного труда, создавая новые формы общественных отношений и новое качество производящих субъектов.

Отмечая, что Маркс в противоположность старой, формальной логике определял конкретное как «единство многообразного», Ильенков поясняет:

Логика Маркса опирается на совершенно иные представления о мышлении, его цели и задачах, нежели те, на которые опирается старая традиционная логика. Это отражается не только в сути понимания логических проблем, но и в терминологии, с помощью которой эта новая суть выражается¹².

При этом Маркс порой в качестве синонима слову «единство» использовал слово «тотальность» в тех случаях,

... когда приходится характеризовать предмет как связанное, качественно определенное целое, как «органическую систему» взаимодействующих явлений, — в противоположность метафизическому представлению о нем как о механическом агрегате неизменных составных частей, связанных между собой лишь внешним, более или менее случайным образом¹³.

В таком понимании конкретность оказывается объективной характеристикой объективной реальности, не зависящей от познающего субъекта.

11. Там же. С. 57.

12. Там же. С. 19.

13. Там же. С. 20.

Ильенков снова и снова возвращается к центральной мысли Маркса о человеке как субъекте, созидаемом самом себя, и о сознании как форме существования знания, как о предпосылке и продукте такого созидания. К слову, без полноценного понимания этой центральной идеи Маркса невозможно и в полной мере понять историческую концепцию марксизма, поскольку затушевывается основной импульс развития — преобразование человеком себя и общественных отношений через преобразование природы. Непонимание того, что в основе марксизма — концепция развития человека, его преобразующей деятельности и мышления как необходимого атрибута такой деятельности, и привело к механистической интерпретации формационной теории, к превращению ее в так называемую пятичленку — изображение истории как механической последовательности заранее предопределенной смены формаций.

Ильенков настаивает:

...теоретическое понимание процесса мышления относится в полной мере к мышлению как к общественно-историческому процессу. В психологии мышления отдельного человека этот процесс затушеван, снят. Индивид пользуется категориями, часто не осознавая того. Но человечество в целом, как подлинный субъект мышления, не может развить способности мыслить, не подвергая исследованию сам процесс образования сознания. Если оно этого не делает — оно не может развить способности мыслить в каждом человеке¹⁴.

Развивая свою идею диалектики как логики мышления, Ильенков пишет, что

...мышление в подлинном и точном смысле этого слова и начинается не там, где налицо простой процесс образования абстрактно-общего представления, а там, где два абстрактно-общих представления о предмете, обозначаемом одним и тем же именем, сталкиваются в сознании, и каждое стремится утвердить себя как единственно верное¹⁵.

Первая форма мышления, «рассудок», стремится утвердить абстрактно-общее представление о предмете как единственное верное.

14. Там же. С. 61.

15. Там же. С. 203.

Его действие состоит в том, что он фиксирует и удерживает представление, а затем упрямо утверждает его против другого столь же абстрактного представления... «Рассудок» поэтому и неспособен вывести сознание за пределы представления, неспособен привести к понятию. Это способен совершить разум — следующая, более высокая форма деятельности сознания. И разум возникает только там и тогда, когда рассудок окончательно доказывает свою неспособность разрешить противоречие между двумя абстрактно-общими представлениями... «Разум»... диалектичен: он стремится охватить представление в целом, в его движении, в его превращении в противоположность. Поэтому только он и постигает «вещь», а абстракции представления и рассудка объясняет как моменты проявления вещи в сознании¹⁶.

Способ восхождения от абстрактного к конкретному нельзя, по мнению Ильенкова, объяснить необходимостью для человеческого сознания двигаться от неполного, одностороннего взгляда на предмет к более полному, к всестороннему знанию о нем. Такое понимание исходило бы из внутренних свойств сознания, из «природы сознания» как из чего-то однажды данного и неизменного. Объяснить развитие человеческого мышления и связанной с ним преобразующей социально-исторической деятельности человека, исходя из такой предпосылки понимания мышления, было бы невозможно, пишет Ильенков. Более того, такая трактовка восхождения от абстрактного к конкретному как способ мышления не позволяет вовсе понять специфику и законы научно-теоретического мышления. Мышления, единственно способного открыть закономерности развития бытия,

...тех реально всеобщих законов, которым одинаково подчиняется в своем становлении любая конкретная система взаимодействующих явлений — товарно-капиталистическая система общественных отношений, — или солнечная система, химическая или биологическая форма взаимодействия — безразлично¹⁷.

Первопричина мышления — производящая деятельность людей, понуждающая их действовать с предметами по иной логике, нежели та, что диктуется только человеческими потребностями. Чтобы что-то съесть, достаточно знать по опыту, что это что-то является съедобным. Чтобы произвести съестное, нужно знать много такого, что непосредственно никак не относится к процессу

16. Там же. С. 204–205.

17. Там же. С. 237.

поедания и даже к самому предназначенному в пищу предмету: особенности почвы и климата, способы обработки почвы и ухода за растениями, если мы производим растительную пищу, особенности животных и правила ухода за ними, если мы хотим иметь пищу животную, и т. п. Развитие производящей деятельности людей приводит к развитию мышления, к появлению всеобщих категорий мышления, с помощью которых человек может познавать закономерности развития, а не только отдельные свойства вещей. Об этом прекрасно, образно и аргументированно писал Бертран Рассел¹⁸.

К слову, первым мыслителем, давшим материалистическое объяснение мышления, Ильенков считал Бенедикта Спинозу. Спиноза был, как писал в своих воспоминаниях Мареев, «главной философской любовью» Ильенкова:

Спиноза был для Ильенкова вершиной домарковского материализма, выше которого он не поднимался... Ильенков считал, что Спиноза впервые дал четкое определение мышления не как деятельности некоей особой духовной субстанции, а как деятельности особого материального тела — деятельности по логике вещей вне этого мыслящего тела¹⁹.

Материалистическое понимание мышления и признание диалектики как логики этого мышления — это, по сути, и доказательство тезиса о формах и законах мышления как предмете философии, о ее необходимом и постоянном месте в системе теоретического мышления, это и развертывание тезиса о развитии мышления как органической части общественно-исторического процесса и неизменного атрибута производящей деятельности человека (как импульса самого исторического процесса). Это и структурированное, доказательное описание критериев истинности познания как с точки зрения самого познания, логики взаимодействия в нем абстрактного и конкретного, так и полученных в теоретическом познании результатов.

Работа «Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении» по сути представляет собой суммарное изложение философии Ильенкова; не пересказ идей Маркса и Эн-

18. Russel B. A History of Western Philosophy and Its Connection With Political and Social Circumstances From the Earliest Times to the Present Day. N.Y.: Simon and Schuster, 1947. P. 33–34. URL: <https://ntslibrary.com/PDF%20Books/History%20of%20Western%20Philosophy.pdf>.

19. Мареев С. Н. Указ. соч. С. 7.

гельса, а личностное и в то же время подлинно научное их понимание. Эта философия позволила Ильенкову сформулировать важнейшие положения о природе личности, о роли воображения и искусства в человеческом познании, об основаниях и задачах материалистической психологии и педагогики, ищущей ключ к тайнам сознания не в особенностях работы мозга, не в его физиологии, а в содержании и особенностях чувственно-конкретной деятельности.

Философия и Личность

«Загорский эксперимент» — это демонстрация эффективности сотрудничества философа и философии с психологами и педагогами, с философией и педагогикой. Название эксперимент получил по имени интерната для слепоглухонемых детей, находящегося в городе Загорске (Сергиевом Посаде) Московской области. Директором интерната с 1963 по 1973 год был его основатель, видный советский тифлосурдопедагог и тифлосурдопсихолог, доктор психологических наук, лауреат Государственной премии СССР Александр Мещеряков. В интернате проводился эксперимент по интенсивному обучению четверых воспитанников с тяжелыми нарушениями слуха, зрения и речи. Дети обучались практически с момента основания интерната, за семь лет освоили школьную программу и в 1971 году поступили на психологический факультет Московской государственного университета, сдав экзамен наравне с остальными абитуриентами. В университете они учились шесть лет вместо обычных пяти и посещали занятия вместе с личными переводчиками, которые переводили им слова лекторов на тактильный язык, перепечатывали литературу шрифтом Брайля. Все участники эксперимента благополучно окончили университет и получили возможность жить полноценной жизнью²⁰.

20. Из четверых воспитанников интерната, участвующих в эксперименте, в живых осталась только Наталья Корнеева, по мужу Крылатова (р. 1949). Она работала научным сотрудником в Психологическом институте Российской академии образования, вышла замуж за человека с нормальным зрением и слухом, имеет двух дочерей без проблем со здоровьем. Остальные также прожили свою жизнь достойно, полноценно и осмысленно. Юрий Лернер (1946–2003) стал скульптором, работал в Загорском интернате. Памятник на могиле профессора Мещерякова на Новодевичьем кладбище сделан его руками. Сергей Сироткин (1949–2021) защитил кандидатскую диссертацию по философии, с 1978 года был председателем Совета по работе со слепоглухими при Центральном правлении Всероссийского общества слепых, председателем постоянной Комиссии по дея-

Методика Соколянского²¹, развитая Мещеряковым, базировалась на так называемом деятельностном подходе и предполагала приобщение слепоглухонемых людей к практической деятельности под присмотром педагога. Эта методика радикально отличалась от тех, что применялись при обучении детей без слуха и зрения. Детей последовательно обучали разнообразным навыкам и использованию различных средств для общения. Мещеряков и Соколянский были убеждены, что мышление имеет орудийную основу и самые простые предметы — ложка, расческа, зубная щетка — способны стать для ребенка пропуском в мир человеческих отношений. Обучаясь обращаться с созданными человеком предметами, общественными предметами, дети и обучаются быть людьми.

В манипуляциях с общественными предметами действия ребенка направляются уже не биологией, не логикой биологической потребности, а логикой предмета и — опосредованно — логикой человеческих отношений, логикой культуры, в предмете заключенной. В этот момент рождается психика, способная воспринимать информацию, обучаться. Именно с этого момента ребенок способен овладевать речью, включаться в человеческие взаимодействия. Ребенок с нормальным зрением и слухом может овладеть многими манипуляциями самостоятельно или с небольшой помощью взрослых, многому дети учатся исподволь, подражая окружающим их людям. У детей, лишенных зрения и слуха, такой возможности нет, педагогам нужно вовлекать их в человеческие взаимодействия, вместе с ними осваивая все человеческие навыки от простейших до все более сложных — речи и аналитических упражнений.

В соответствии с этими соображениями и было организовано обучение слепоглухонемых детей в Загорском интернате. Абсолютно закономерно, что Ильенков, занимающийся проблемами мышления и сознания, заинтересовался этим практическим воплощением материалистического понимания мышления. В эксперименте он мог воочию наблюдать, как в повседневной практиче-

тельности слепоглухих при Европейском союзе слепых. Александр Суворов (1953–2024) написал много книг по философии, педагогике и психологии, защитил две диссертации, работал в университетах и научных центрах, в том числе в Психологическом институте Российской академии наук (в советское время — НИИ общей и педагогической психологии Академии педагогических наук СССР).

21. Иван Соколянский (1889–1960) — советский дефектолог, специалист в области тифло- и сурдопедагогики.

ской деятельности рождается личность. Процесс, затушеванный повседневностью, происходящий как бы сам собой у детей со зрением и слухом, в ситуации слепоглухих детей становился не просто видимым, он становился управляемым.

Можно безо всяких сомнений утверждать, что Ильенков много дал эксперименту, но и эксперимент много дал Ильенкову, помогая ему раскрывать одну из самых заманчивых для философа тайн — тайну рождения личности.

Философ последовательно критиковал следующие представления, согласно которым объяснительные возможности марксистской теории заканчиваются на уровне макроструктур:

Марксистское учение, блестяще оправдавшее себя там, где речь идет о событиях всемирно-исторического значения и масштаба, то есть о судьбах миллионных масс, классов, партий, народов и государств — короче говоря, о совокупной судьбе человеческого рода, ничего (или почти ничего) не дало и, больше того, якобы не может дать для рационального уразумения внутреннего строя личности, индивидуальности, «Я» — этой своего рода молярной единицы исторического процесса²².

Ильенков критиковал также призывы к созданию некой дополнительной по отношению к марксизму теории, которая фокусировалась бы на личности, на интересах, счастье, благополучии индивидуального «Я».

От таких сюжетов классический марксизм якобы сознательно и намеренно абстрагируется именно для того, чтобы выявить общие закономерности суммарных исторических процессов, то есть строго научно очертить те объективные «рамки», внутри которых — хотя бы они того или не хотят, нравится им это или не нравится — вынуждены действовать живые участники истории — индивиды²³.

Формируя свою теорию личности, Ильенков опирается на мысль Маркса о формировании человека и человеческих отношений в процессе общественно-производственной деятельности. Он доказывал, что именно такой подход позволяет понять, как складывается человеческая личность, нисколько не противореча очевидной уникальности и неповторимости каждого человека, каждой

22. Ильенков Э. В. Что же такое личность? // Caute. URL: <http://caute.ru/ilyenkov/texts/personab.html>.

23. Там же.

конкретной личности. Философ критикует абстрактно-логическое решение проблемы отношения «общего и единичного», сводя ее к противопоставлению «одинаковости» и «неодинаковости», к попыткам определить сущность человека, найдя некоторые общие для всех индивидов признаки. Обращаясь к диалектике, Ильенков приводит гегелевское понимание всеобщего —

...синоним закона, управляющего массой индивидов и реализующегося в движении каждого из них, несмотря на их неодинаковость и даже благодаря ей; синоним конкретной взаимосвязи, объединяющей в одно целое, в одну конкретность (Маркс обозначил это как «единство во многообразии») бесконечное множество бесконечно разнящихся между собой индивидов (безразлично, каких именно — людей или листьев на дереве, товаров на рынке или микрочастиц в «ансамбле»). Так понимаемое всеобщее и составляет сущность каждого из них, конкретный закон их существования. А одинаковость их лишь предпосылка, лишь предварительное условие их «конкретной всеобщности», то есть объединения в конкретное целое, многообразно расчлененное внутри себя²⁴.

Каково же это всеобщее, являющееся ядром, сущностью человеческой личности? Собственно, это то, что является условием для ее формирования — совокупность

...всех общественных отношений. В оригинале сказано еще выразительнее — ансамбль, то есть не механическая сумма одинаковых единиц, а представленное в единстве многообразие всех социальных отношений²⁵.

Разумеется, сторонникам экзистенциальной или любой другой немарксистской трактовки личности такое объяснение кажется в лучшем случае скучным, в худшем случае — неверным. Самые распространенные аргументы критики — откуда в одной и той же среде берутся столь разные, а порой и противоположные личности? Принадлежность к одной и той же среде никак не гарантирует одинаковых и даже просто однонаправленных устремлений, близких по содержанию ценностей и мотивов. Сторонники биологической (природной, инстинктивной и т. п.) природы человека, а также сторонники так называемой биосоциальной теории часто рассуждают так: если одна и та же социальная сре-

24. Там же.

25. Там же.

да, один и тот же социальный строй и порождают такое многообразие характеров, которые могут принадлежать к одному и тому же социальному классу и быть противоположными, значит, социальные условия ни при чем, и «придется принимать в расчет естественно-природные, врожденные различия между индивидами»²⁶.

Первая ошибка этих рассуждений, на которую обращает внимание Ильенков, — это упрощенное, абстрактное понимание среды, игнорирование ее внутреннего многообразия, внутренней противоречивости. Среда в этом случае воспринимается

... как некий вне индивидов находящийся безличный механизм, как гигантский штамп, норовящий впечатать в каждый «мозг» одну и ту же психическую схему. Если бы дело обстояло действительно так, то в биологической неодинаковости мозгов пришлось бы видеть единственную причину того обстоятельства, что «отпечатки» социального штампа каждый раз получаются разные, варьирующиеся. Но «среда», о которой идет речь, иная²⁷.

Среда, утверждает Ильенков, есть всегда конкретная совокупность социальных отношений, включающая не только классовые антагонизмы, но и другие разнообразные формы и вариации взаимоотношений между индивидами. Во взаимодействие внутри этой многообразной социальной среды вступают индивиды, каждый из которых сформировался в конкретных условиях и к тому же имеет индивидуальный опыт прежних взаимодействий, равно как и опыт их индивидуального осмысления. При таком понимании среды аргумент о несоответствии ее «одинаковости» многообразию вариантов личностей и судеб уже не выглядит столь убедительным.

Ильенков категорически отвергал биосоциальное толкование личности, подчеркивая, что оно является эклектичным и не позволяет выйти на определяющие, образующие характеристики личности. С точки зрения биосоциальной эклектики, пишет Ильенков,

...одинаково важны все особенности индивида. А если важно все, значит, ничто не важно. И те черты личности, скажем, Моцарта, которые сделали его именно Моцартом, оказывают-

26. Там же.

27. Там же.

ся в одном ряду с такими особенностями его натуры, которые присущи и другим индивидам, может быть, даже общи ему с Сальери, к примеру, привычка пить по утрам кофе, а не чай, а по вечерам — шампанское вместо бургундского. Могло быть и наоборот²⁸.

Дело в том, что в одних индивидуальных особенностях человека выражается, проявляется его личность, а в других выражает себя все что угодно — тончайшие особенности биохимии его организма, мода века, просто причуды вкуса, только не личность. Таким образом, личность для Ильенкова — индивидуально освоенный, пережитый и осмысленный индивидом «ансамбль человеческих отношений», данный индивиду в определенной жизненной конкретности. При этом сами формы, способы и инструменты осознания и даже переживания предоставляются индивиду тем самым «ансамблем»: от общих характеристик социального строя до особенностей культуры, образования и традиций, в которых индивид формируется и живет.

Ильенков не приемлет и безжалостно развенчивает понимание индивидуального как чего-то неуловимого, особенного, исключительного, что безжалостно преследуется социальными стереотипами, правилами, запретами, всей той машиной социального, которая противостоит личности, ее непередаваемой, тонкой уникальности. Философ развивает свою мысль:

Экзистенциалисты изображают дело так, будто «личностное» («экзистенциальное») в человеке — это тот остаток, который получается за вычетом всех без исключения социальных («институциональных») форм существования человека и форм выражения такого существования. А социальные формы человеческой жизнедеятельности третируются ими как чуждые личности (как «отчужденные» от нее) безликие штампы, стандарты, стереотипы, как извечно враждебные личности силы²⁹.

Между тем, напоминает Ильенков, капитализм как раз поощряет маленькие стилевые отличия, безжалостно загоняя людей в рамки трудовой эксплуатации, повседневной борьбы за выживание и потребительского общества. Индивидуальность в таком понимании не имеет никакого значения для других людей, для общества, она становится чем-то неуловимым в себе и, по сути, чем-то совер-

28. Там же.

29. Там же.

шенно бессмысленным. В таком контексте, утверждает Ильенков, личность, индивидуальность превращается в фикцию и фактически стирается. Он объясняет:

И чем меньше действительно индивидуального, заранее не штампованного отношения к действительно серьезным, социально значимым вещам допускается ей проявлять, тем больше она хорохорится своей «неповторимостью» в пустяках, в ерунде, в курьезных особенностях... призванных лишь скрыть (и от других и прежде всего от себя самой) отсутствие личности (индивидуальности) в главном, в решающем — в социально значимых параметрах. Иными словами, тут индивидуальность становится лишь маской, за которой на деле умело скрывается набор чрезвычайно общих штампов, стереотипов, безличных алгоритмов поведения и речи, дел и слов³⁰.

Поразительно, как точно написанная 45 лет назад работа (издана она была уже после смерти Ильенкова, в 1984 году) описывает сегодняшнее состояние нашего общества, превратившегося в механическое объединение атомарных индивидов, погрязших в незначительных деталях частной жизни, объединенных почти что полным отчуждением от социально-значимой, социально-творческой, преобразующей общество деятельности.

Ильенковское понимание личности — сугубо гуманистическое. Масштаб личности, считал он, определяется масштабом задач, в ходе решения которых она формируется, развивается. Трактовка личности в непосредственной взаимосвязи со всей конкретностью общественных отношений и общественной деятельности буквально заставила философа заняться педагогической проблематикой. Ильенков был убежден, что подлинное образование состоит не в предоставлении готовых формул и шаблонов, которые нужно потом еще учиться как-то практически применять, а в создании условий,

...властно диктующих человеку такой-то и такой-то способ действий. А уж когда это действие совершено, в его составе можно и нужно выявить правило, схему, которой это действие вынуждено было подчиняться. Тогда этому правилу можно и нужно дать вербальное, знаковое оформление. Тогда — и не раньше — это правило можно довести до словесно оформленного сознания. В таком случае человек уже умеет обращаться с предметом совершенно тем требованиям, которые ему предъявляет природа пред-

30. Там же.

мета, а не заранее (и независимо от действия с предметом) заданное «правило», схема действия, заданная до действия и не зависимо от него³¹.

Здесь не лишним будет добавить, что, по словам воспитанника Загорского интерната, доктора психологических наук Александра Суворова, Ильенков был

...принципиальным сторонником сочетания умственного труда с физическим, полагая, что голова учится мышлению именно у рук, а без рук мозг был бы, как орган мышления, поистине безмозглым. И в том, что Спиноза существовал физическим трудом [Ильенков видел] источник его философской мудрости, а не просто вынужденный заработок отлученного от всех церквей, обреченного на нищету мыслителя. Труд-то был высококвалифицированный...³²

Эстетическое воспитание, с точки зрения Ильенкова, является неотъемлемой и важнейшей частью подлинного воспитания. Чувственное познание философ полагал равноправной по отношению к науке формой отражения окружающего мира. Каждая из этих форм познания в одиночку не способна выполнить свою задачу — дать человеку полноценное, всестороннее знание о мире, да и вряд ли возможно существование чувств без ума и разума без чувства.

Способность мыслить и способность видеть окружающий мир (а не просто глядеть на него) — это две взаимно дополняющие друг друга способности; одна без другой не в состоянии выполнить свою собственную задачу³³.

Если полностью разделять эстетическую чувственность и рациональное сознание, то на одном полюсе мы получим бесконечные художественные эксперименты с формой в лучших традициях постмодернизма, а на другом — пустые интеллектуальные упражнения, не имеющие ничего общего с подлинной потребностью че-

31. Он же. К вопросу о понятии «деятельность» и его значении для педагогики // Он же. Школа должна учить мыслить. М.; Воронеж: МПСИ; МОДЭК, 2002. С. 82.

32. Суворов А. В. Средоточие боли. Диалог с Э. В. Ильенковым // Caute. URL: <http://caute.ru/ilyenkov/biog/rem/03.html>.

33. Ильенков Э. В. Об эстетической природе фантазии // Искусство и коммунистический идеал: избр. ст. по философии и эстетике / Вступ. ст. М. Лифшица. М.: Искусство, 1984. С. 231.

ловечества в познании. Наука и искусство — в равной мере продукты человеческой преобразовательной деятельности. Следовательно, освоение логики формирования научного знания, равно как и логики возникновения и развития воображения, порождающего произведения искусства, есть непереносимое условие формирования и воспитания человеческой личности. Ильенков писал об этом так:

Всеобщие формы человеческой чувственности раскрываются всего точнее и строже именно через анализ искусства, художественного творчества. Иными словами, всеобщие моменты человеческой чувственности как таковые надо развить раньше и совершенно независимо от анализа искусства, чтобы потом понять, как они развиваются в форме художественного творчества³⁴.

Идеальное и идеал

Важной частью теоретического наследия Ильенкова является его концепция Идеального и Идеала. Здесь он также неизменно предан диалектической логике, как и в других своих исследованиях и теориях.

Прежде всего Ильенков категорически отказывается от совершенно неверного, по его мнению, толкования идеального как факта сознания. Он показывает, что, если понимать идеальное исключительно как феномен сознания и, подобно некоторым материалистам, причислять к материальным все феномены вне сознания, получается большая путаница. Во-первых, пишет Ильенков, полемизируя с Игорем Нарским³⁵, помимо и

...вне сознания существуют такие явления, как бессознательные («подсознательные») мотивы сознательных действий. Оставаясь верным элементарной логике, наш автор будет вынужден отнести их в разряд материальных явлений, ибо «все прочие явления материи материальны»³⁶.

34. Он же. Об идолах и идеалах. М.: Политиздат, 1968. С. 275.

35. Игорь Нарский (1920–1993) — доктор философских наук, профессор МГУ. Ильенков полемизирует с его работой «Диалектическое противоречие и логика познания» (Нарский И. С. Диалектическое противоречие и логика познания. М.: Наука, 1969).

36. Ильенков Э. В. Диалектика идеального // Искусство и коммунистический идеал. С. 9–10.

Во-вторых, как быть с понятиями, категориями и ценностями, которые являются неотъемлемыми элементами социальной жизни и которые даны каждому индивиду как нечто объективное, но не как факт его сознания. Ильенков иронизирует по поводу того, что в сознании некоторых личностей никакое идеальное и не ночевало.

Ильенков понимает идеальное как продукт человеческой деятельности, человеческой истории и культуры. Лифшиц усмотрел в этом отход от материалистического принципа отражения. Идеальное с точки зрения Ильенкова есть не феномен сознания, не «многократное повторение индивидуальной психики», а феномен коллективно создаваемой людьми культуры. Идеальное как особая

...сфера явлений — коллективно создаваемый людьми мир духовной культуры, внутри себя организованный и расчлененный мир исторически складывающихся и социально зафиксированных... *всеобщих представлений* о «реальном» мире — и противостоит индивидуальной психике³⁷.

Итак, «идеальное» у Ильенкова — это «всеобщее» в предмете, но не его чувственный образ — таковых может быть много, — а именно образ его сущности, в котором потенции предмета раскрываются в полной мере. Анализируя ильенковскую трактовку проблемы идеального, Мареев указывает, что идеальное может существовать

...и в образной форме. Иначе искусство не имело бы никакого идеального значения, не несло бы в себе никакого идеала. Но идеальное в чувственном образе то, что отрицает абстрактную единичность и через *особенное* открывает нам всеобщее — всеобщую человеческую сущность³⁸.

В этой фразе, по-моему, прекрасно сформулирован полноценный и самодостаточный критерий истинного и не истинного искусства.

Говоря об идеале как о выражении всеобщего в объекте, дающем понимание конечного, главного смысла объекта и — одновременно — понимание объекта в чистом, освобожденном от влияния особенного, виде, Ильенков распространяет эту идею и на трактовку сущности человека. И с этого момента чисто философская

37. Там же. С. 18.

38. Мареев С. Н. Указ. соч. С. 120.

проблема становится проблемой не только сущности, но и будущего человека. И Ильенков решает ее материалистически.

Вывод о коммунизме как подлинном идеале человеческой жизни (в едином понимании и как желаемого ее варианта, и как полноценной реализации «всеобщего», сущностного, в человеке) Ильенков делает, проанализировав все сколько-нибудь полно представленные в истории философии идеалы человека и общества и подвергая их критике прежде всего потому, что сами философские концепции изначально полагали формируемый идеал неосуществимым, а многие саму эту неосуществимость полагали главным признаком идеала.

Ильенков полагал, что глубже всех (до Маркса) проблему идеала понял Гегель. Для Гегеля идеал возможен только в приобщении к искусству и философии.

Счастлирое детство человечества — античное царство прекрасной индивидуальности — уже миновало и никогда не вернется вновь³⁹.

Идеал — универсальный индивид, полноценная личность — это прошлое, а не будущее.

В чувственно-предметном, практическом своем бытии каждый человек отныне и впредь должен быть профессионально ограниченным кретином. И только в чтении трактатов по диалектической логике и в созерцании художественных шедевров можно воспарять к высотам абсолютного духа, быть и чувствовать себя равным божеству...⁴⁰

Итак, Гегель сводит проблему идеального к эстетике и так же, как и остальные философы до него, полагает идеальное состояние человека недостижимым. Но Маркс, пишет Ильенков, понял и доказал:

...человек есть единственный «субъект» исторического процесса, а труд людей... единственная «субстанция» всех «модусов», всех «частных» образов человеческой культуры. И... так называемая «сущность человека», выступающая для отдельного индивида как идеал, как мера его совершенства или несовершен-

39. Ильенков Э. В. Проблема идеала в философии // Искусство и коммунистический идеал. С. 156.

40. Там же. С. 157.

ства, представляет собой продукт совместной, коллективной трудовой деятельности многих поколений⁴¹.

Преобразующая, творческая деятельность не по логике биологических потребностей, а по логике культуры — и есть сущность человека, его «всеобщее», его идеал. И так же, как меняются условия, содержание и характер этой преобразующей деятельности, меняется сущность человека, приближающаяся к своему идеалу настолько, насколько его деятельность приближается к свободному, творческому труду, продиктованному мотивами созидания, а не выживания.

Коммунистический идеал человека вырос не из этических или эстетических соображений. Вопрос стоит так:

Либо индивидуум превращается в хозяина всей созданной человечеством культуры, либо он остается ее рабом, прикованным к точке своей узкой профессии. Не решая такой задачи, люди не смогут решить и задачи организации разумного планирования и контроля над развитием производства, общества в целом. Это две стороны одной проблемы. <...> Тотальное развитие каждого индивидуума отнюдь не только следствие, но и условие возможности коммунистической организации отношений человека к человеку. И оно — не идеал в смысле Канта и Фихте, а принцип разрешения сегодняшних противоречий: коммунизм становится реальностью в той мере, в какой каждый индивид превращается в «тотально развитую личность»⁴².

Однако объективное существование тотально развитой, коммунистической личности как идеала человека не означает, что этот идеал может быть дарован человечеству просто в ходе истории как ее закономерный результат. Наличная организация человеческой жизни постоянно воспроизводит так называемого частичного (термин Маркса) человека, неспособного ни к осуществлению своей потенциальной тотальности, ни к организации условий для этого осуществления. Тем не менее коммунистический идеал в понимании Маркса и Ильенкова — это не «сон золотой», не «нас возвышающий обман». Это диалектико-материалистически понятая тенденция человеческой истории, заложенная в исходных, сущностных основаниях становления человека и человечества.

Ильенковская концепция была встречена советской философской общественностью без восторга. Значительная часть об-

41. Там же. С. 172.

42. Там же. С. 181, 184.

щественности уже искала пути для того, чтобы отойти подальше от всего, что было связано с коммунизмом или марксизмом. А стражи чистоты идеологии напряглись: уж очень отличался образ коммунизма и коммунистического человека, созданный Ильенковым, от того, что строили и построили в СССР.

Заключение. Слабость сильных

Ильенков убил себя 21 марта 1979 года.

Я не знаю и не берусь судить, насколько трагическая кончина философа связана с теми «проработками», «персональными вопросами», многочисленными «указаниями на несоответствие марксистско-ленинской философии», «бескомпромиссной критикой», с помощью которой омертвевшая идеология защищала себя от живой философской мысли. Рискну предположить, что не эта мышинная возня была реальной, подлинной причиной ухода философа из жизни. Были какие-то иные, глубоко личные обстоятельства.

Близкие к философу люди писали о том, каким болезненным для Ильенкова было осознание им тупика общественного развития, в котором Советский Союз оказался после короткого периода свободы, после оттепели 1960-х годов, так много обещавшей и так быстро закончившейся. Осознавал философ и то, как далеко современному ему человечеству до описанного им коммунистического идеала. Любимый ученик Ильенкова Суворов писал в своих воспоминаниях об учителе, построенных как диалог с ним:

Боль за безумие тех, кто претендует на разумность, Вас терзала постоянно. Это было не официальной озабоченностью сановника, а настоящим личным горем⁴³.

Ильенков тяжело переживал все более очевидный для него крах коммунистического проекта. Многие знавшие его вспоминали, например, что он рыдал, узнав о войне Китая и Вьетнама, вроде бы дружественных и вроде бы социалистических государств.

Ильенков строил свою философию (и свою жизнь) в твердом убеждении, что родовая сущность человека реализует себя в общественном развитии, в стремлении людей к прогрессу. Он вслед за Марксом всей своей жизнью, всей работой доказывает мысль о том, что гуманизм — это научно подтвержденная сущность человека, его родовая характеристика, не заложенная, однако, в его

43. Суворов А. В. Указ. соч.

анатомии и физиологии, но таящаяся в ансамбле общественных отношений, которые, по сути, есть отношения человека к человеку. Иными словами, Ильенков был убежден, что коммунизм, общество свободного труда и творчество — это естественное состояние человека и его неминуемое будущее, приближаемое всем ходом истории. *Философ Ильенков был убежден в этом, а человек Ильенков устал ждать.*

«Терпение — сила слабых, нетерпение — слабость сильных», — писал Иммануил Кант. Вот и выдающийся советский мыслитель был сломлен «слабостью сильных» — нетерпением, повлекшим за собой смертельное разочарование. Ильенков и жил, и умер, как и положено философу, в борьбе с собой, в согласии со своими убеждениями.

Закончить статью о выдающемся философе современности хочется словами, которые Суворов произнес на похоронах своего друга и учителя: «До свидания! До свидания в творчестве».

Библиография

- Иллеш Е. Э. «Дело Ильенкова» и «Дело Зиновьева» // Зиновьев.инфо. 10.10.2017. URL: <http://zinoviev.info/wps/archives/6287>.
- Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М.: РОССПЭН, 1997.
- Ильенков Э. В. Диалектика идеального // Искусство и коммунистический идеал: Избр. ст. по философии и эстетике / Вступ. ст. М. Лифшица. М.: Искусство, 1984. С. 8–77.
- Ильенков Э. В. К вопросу о понятии «деятельность» и его значении для педагогики // Он же. Школа должна учить мыслить. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2002. С. 78–84.
- Ильенков Э. В. Об идолах и идеалах. М.: Политиздат, 1968.
- Ильенков Э. В. Об эстетической природе фантазии // Искусство и коммунистический идеал: Избр. ст. по философии и эстетике / Вступ. ст. М. Лифшица. М.: Искусство, 1984. С. 224–277.
- Ильенков Э. В. Проблема идеала в философии // Искусство и коммунистический идеал: Избр. ст. по философии и эстетике / Вступ. ст. М. Лифшица. М.: Искусство, 1984. С. 107–184.
- Ильенков Э. В. Что же такое личность? // Caute. URL: <http://caute.ru/ilyenkov/texts/personab.html>.
- Ильенков Э. В., Коровиков В. И. Тезисы к вопросу о взаимосвязи философии и знаний о природе и обществе в процессе их исторического развития // Русофил. 27.12.2016. URL: <https://russophile.ru/2016/12/27/тезисы-к-вопросу-о-взаимосвязи-философ/>.
- Мареев С. Н. Встреча с философом Э. Ильенковым. 2-е изд., доп. М.: Эребус, 1997.
- Межуев В. М. Эвальд Ильенков и конец в России классической марксистской философии // Эвальд Васильевич Ильенков в воспоминаниях / Ред.-сост. Г. В. Лобастов. М.: РГГУ, 2004. С. 275–284.

- Меньшикова М. Соблюдайте правила логического мышления // Логос. 2019. Т. 29. № 3. С. 290–297.
- Нарский И. С. Дialeктическое противоречие и логика познания. М.: Наука, 1969.
- Новохатько А. Г. Об Э. В. Ильенкове // Ильенков Э. В. Дialeктика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении. М.: РОССПЭН, 1997. С. 3–10.
- Раскин И. А. Воспоминания о будущем // Сайт Владимира Кудрявцева. 03.04.2017. URL: <https://tovievich.ru/news/8587-ilya-raskin-vozpominaniya-o-buduschem.html>.
- Суворов А. В. Средоточие боли. Диалог с Э. В. Ильенковым // Caute. URL: <http://caute.ru/ilyenkov/biog/rem/03.html>.
- Russel B. A History of Western Philosophy and Its Connection With Political and Social Circumstances From the Earliest Times to the Present Day. N.Y.: Simon and Schuster, 1947. URL: <https://ntslibrary.com/PDF%20Books/History%20of%20Western%20Philosophy.pdf>.

Keywords: Evald Ilyenkov; materialist dialectics; ideal and the ideal; personality; ascent from the abstract to the concrete; Marxism.

The article reveals the ideas of the Soviet philosopher Evald Ilyenkov in the context of the characteristics of Soviet philosophy. The reason for the rejection of Ilyenkov's ideas by official Soviet Marxism was his non-orthodox understanding of Marxist philosophy as materialist dialectics, the main task of which he considered to be the discovery of the laws of knowledge. Ilyenkov was accused of "epistemology," "idealism," and "positivism," although it was him who consistently criticized the idealistic and positivist tendencies in Soviet philosophy. Evald Ilyenkov, being a convinced communist, nevertheless clearly saw the tragic dead end of Soviet history. This caused both his close attention to the problem of communism as a genuine and historically objective ideal of human development, and his personal tragedy of bitter, mortal disappointment.

The dialectical-materialistic concept of thinking is analyzed on the basis of the Ilyenkov's work *Dialectics of Abstract and Concrete in Scientific and Theoretical Thinking*. This work is a complex, theoretical reworking of Marxist dialectics, a personal and at the same time truly scientific understanding of it. This philosophy allowed Ilyenkov to formulate the most important provisions about the nature of personality. Ilyenkov was convinced that the key to understanding personality development was not in physiology, but in the content and characteristics of sensory-concrete activity. The article also outlines Ilyenkov's understanding of the category of "ideal" as the essence of an object or phenomenon.

DOI: 10.17323/0869-5377-2024-2-139-168

References

- Illesh E. E. "Delo Iľenkov" i "Delo Zinov'eva" [Ilyenkov's Case and Zinoviev's Case]. *Zinoviev.info*, October 10, 2017. Available at: <http://zinoviev.info/wps/archives/6287>.
- Ilyenkov E. V. Chto zhe takoe lichnost'? [What is Personality?]. *Caute*. Available at: <http://caute.ru/ilyenkov/texts/personab.html>.
- Ilyenkov E. V. *Dialektika abstraktnogo i konkretnogo v nauchno-teoreticheskom myshlenii* [The Dialectics of the Abstract and the Concrete in Scientific-Theoretical Thinking], Moscow, ROSSPEN, 1997.
- Ilyenkov E. V. *Dialektika ideal'nogo* [Dialectics of the Ideal]. *Iskusstvo i kommunisticheskii ideal: Izbr. st. po filosofii i estetike* [Art and the Communist Ideal: Selected Articles on Philosophy and Aesthetics] (introd. M. Lifshits), Moscow, Iskusstvo, 1984, pp. 8–77.
- Ilyenkov E. V. K voprosu o poniatii "deiatel'nost'" i ego znachenii dlia pedagogiki [A Contribution on the Question of the Concept of "Activity" and Its Significance for Pedagogy]. *Shkola dolzhna učit' myslit'* [Our Schools Must Teach How to Think], Moscow, MPSI, Voronezh, MODEK, 2002, pp. 78–84.
- Ilyenkov E. V. Ob esteticheskoi prirode fantazii [On the Aesthetic Nature of Fantasy]. *Iskusstvo i kommunisticheskii ideal: Izbr. st. po filosofii i estetike* [Art and the Communist Ideal: Selected Articles on Philosophy and Aesthetics] (introd. M. Lifshits), Moscow, Iskusstvo, 1984, pp. 224–277.
- Ilyenkov E. V. *Ob idolakh i idealakh* [On Idols and Ideals], Moscow, Politizdat, 1968.

- Ilyenkov E. V. Problema ideala v filosofii [The Problem of Ideal in Philosophy]. *Iskusstvo i kommunisticheskii ideal: Izbr. st. po filosofii i estetike* [Art and the Communist Ideal: Selected Articles on Philosophy and Aesthetics] (introd. M. Lifshits), Moscow, Iskusstvo, 1984, pp. 107–184.
- Ilyenkov E. V., Korovikov V. I. Tezisy k voprosu o vzaimosvyaзи filosofii i znaniю o prirode i obshchestve v protsesse ikh istoricheskogo razvitiia [Theses on the Question of the Interconnection of Philosophy and Knowledge of Nature and Society in the Process of their Historical Development]. *Russophile*, December 27, 2016. Available at: <https://russophile.ru/2016/12/27/тезисы-к-вопросу-о-взаимосвязи-философ/>.
- Mareev S. N. *Vstrecha s filosofom E. Ilyenkovym* [Meeting the Philosopher Ilyenkov], 2nd ed., Moscow, Erebus, 1997.
- Menshikova M. Sobliudajte pravila logicheskogo myshleniia [Follow the Rules of Logical Thinking]. *Logos* (Russia), 2019, vol. 29, no. 3, pp. 290–297.
- Mezhuev V. M. Ilyenkov i konets klassicheskoi marksistskoi filosofii v Rossii [Evald Ilyenkov and the end of Classical Marxist Philosophy in Russia]. *Evald Vasilyevich Ilyenkov v vospominaniakh* [Evald Vasilyevich Ilyenkov in Memoirs] (ed. G. V. Lobastov), Moscow, RSUH, 2004, pp. 275–284.
- Narsky I. S. *Dialekticheskoe protivorechie i logika poznaniia* [Dialectical Contradiction and the Logic of Cognition], Moscow, Nauka, 1969.
- Novokhatko A. G. Ob E. V. Ilyenkovе [On Evald Ilyenkov]. In: Ilyenkov E. V. *Dialektika abstraktnogo i konkretnogo v nauchno-teoreticheskom myshlenii* [The Dialectics of the Abstract and the Concrete in Scientific-Theoretical Thinking], Moscow, ROSSPEN, 1997, pp. 3–10.
- Raskin I. A. Vospominaniia o budushchem [Memories of the Future]. *Vladimir Kudryavtsev website*, April 3, 2017. Available at: <https://tovievich.ru/news/8587-ilya-raskin-vospominaniya-o-buduschem.html>.
- Russel B. *A History of Western Philosophy and Its Connection With Political and Social Circumstances From the Earliest Times to the Present Day*, New York, Simon and Schuster, 1947. Available at: <https://ntslibrary.com/PDF%20Books/History%20of%20Western%20Philosophy.pdf>.
- Suvorov A. V. Sredotochie boli. Dialog s E. V. Ilyenkovym [Focus of Pain. Dialogue With E. V. Ilyenkov]. *Caute*. Available at: <http://caute.ru/ilyenkov/biog/rem/o3.html>.

Идеальное в эпоху торжествующего мещанства Историко-культурный контекст и актуальность философии Эвальда Ильенкова К 100-летию юбилею философа

РУСТЕМ ВАХИТОВ

Уфимский университет науки и технологий (УУНиТ);

Уфимский государственный нефтяной технический университет (УГНТУ),
Россия, rust_r_vahitov@mail.ru.

Ключевые слова: Эвальд Ильенков; философия; марксизм; идеальное; Истина; классика; Михаил Лифшиц; советская цивилизация; оттепель; застой; софистика; мещанство.

Статья посвящена философии Эвальда Ильенкова, ее историко-культурному контексту и ее актуальности в наши дни. Ильенков известен своеобразным решением проблемы идеального в рамках марксизма. Концепция идеального — центр его философского учения, из нее он выводил свои педагогические, психологические, эстетические теории. В советские времена концепция идеального у Ильенкова вызвала дискуссию, в рамках которой против философа и его школы выступил Давид Дубровский, отстаивавший «субъективность идеального». На наш взгляд, этот спор отражал противостояние двух систем ценностей в советской цивилизации, одна из которых господствовала в эпоху оттепели, другая — в эпоху застоя.

Оттепель была амбивалентной: наряду с элементами либерального марксизма, из которого потом выросла перестройка, в ней присутствовала традиция, уходящая через Ленина к классической культуре. Застой означал победу мещанства, идеологии черного рынка, торгашества, цинизма, разочарования в идеалах под покровом лицемерного признания догматического официоза. Это коррелировало с позитивистским отрицанием универсальной Истины, утверждением релятивизма, «субъективности идеального». Длинная тень застоя в виде ценностного релятивизма и цинизма лежит и на современной постсоветской периферийно-капиталистической российской культуре, и потому ильенковская философия идеального не теряет актуальности.

Чем актуален юбилей Ильенкова?

В 2024 ГОДУ исполняется сто лет со дня рождения философа Эвальда Ильенкова (1924–1979). Этот юбилей уже отмечается в российском интеллектуальном сообществе — философами, психологами, педагогами, не говоря уже о представителях левых организаций, партий, движений и изданий. Причины очевидны: Ильенков, безусловно, выдающийся представитель советской марксистской традиции. Он явно выделялся на фоне массы современных ему официозных марксистов-догматиков: оригинальный мыслитель, умевший творчески подойти к марксизму и развить его. Даже сегодня, через полвека после смерти Ильенкова, его идеи продолжают влиять на умы. Существует его школа, защищаются диссертации и выходят работы о его творчестве, его труды переводят на иностранные языки, их читают и комментируют ученые из разных стран мира — от Японии до США.

Однако мы не должны видеть в юбилее Ильенкова только «школьное» и академическое мероприятие. Борис Кагарлицкий¹, несомненно, прав в том, что

...любой юбилей, любая годовщина — это повод поразмышлять о событии, достойном того, чтобы о нем думали и говорили даже и без такого повода².

Ильенков интересен, важен, актуален для нас всех, кто живет уже в другом столетии, в несколько иной стране и не обязательно придерживается марксизма, тем более в его советской версии. Ведь вопросы и вызовы его времени никуда не исчезли, хотя, конечно, теперь они формулируются на языке других теорий и концепций. Тем не менее в условиях другого политико-экономического режима, в рамках других идеологий мы во многом продолжаем доду-

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 24-18-00130.

1. Признан иностранным агентом, внесен Росфинмониторингом в перечень террористов и экстремистов.
2. Кагарлицкий Б. Ю. Загадка советского сфинкса // СССР: жизнь после смерти. М.: ИД ВШЭ, 2012. С. 9.

мывать те же мысли и заканчивать решать те проблемы, которые волновали поколение наших отцов и дедов, живших в позднем, застойном СССР.

Об этом — моя статья.

Ильенков — философ идеального

При упоминании Ильенкова сразу же вспоминают его концепцию идеального. Конечно, он создал не только теорию социального идеального, он предложил фундированную в материалистическом понимании истории концепцию мышления, а также до сих пор мало известную, почти не понятую концепцию личности, новый взгляд на обучение в школе, реабилитацию слепоглухих детей-инвалидов и многое другое. Но трудно спорить с тем, что идеальное — это тот центр, вокруг которого кружатся все остальные учения «планетной системы» философии Ильенкова.

Будучи еще аспирантом философского факультета МГУ, Ильенков вместе со своим другом Валентином Коровиковым стал разрабатывать альтернативное догматически-диалектовскому понимание философии, едва намеченное у Фридриха Энгельса. Суть его была в том, что философия — это не «наука о мире в целом», возвышающаяся над «частными науками» и обобщающая их достижения, а самостоятельная дисциплина с собственным предметом. Ильенков и Коровиков писали:

Философия и есть наука о научном мышлении, о его законах и формах, причем, конечно, материалистическая наука, рассматривающая формы и законы мышления как аналогии соответствующих объективных всеобщих форм развития объективной действительности³.

Эту точку зрения философ отстаивал всю жизнь. Однако при этом сразу возникает вопрос: «Что такое мышление?» Насаждаемый государством официозный догматический марксизм трактовал мышление в духе французского материализма XVIII века — как функцию головного мозга человека. «Мышление есть продукт материи, достигшей в своем развитии высокой степени

3. Ильенков Э.В., Коровиков В.И. Тезисы к вопросу о взаимосвязи философии и знаний о природе и обществе в процессе их исторического развития // Русофил. 27.12.2016. URL: <https://russophile.ru/2016/12/27/тезисы-к-вопросу-о-взаимосвязи-философ/>.

совершенства, а именно продукт мозга»⁴, — гласила философская глава «Краткого курса истории ВКП(б)», по которой изучали философию во всех вузах и ссузах Советского Союза. При всем антисталинизме прогрессивных, молодых философов-шестидесятников в трактовке мышления некоторые из них недалеко ушли от Сталина и его «верного последователя», советского «генерала от философии» Марка Митина. Так, Давид Дубровский — известный оппонент Ильенкова — придерживался «нейродинамической интерпретации психических явлений», куда он включал также и мышление. В своей книге «Психические явления и мозг» он искренне и эмоционально обижался за то, что ему приписывают вульгарно-материалистическую трактовку мышления, ведь он не утверждал-де, что мысль материальна, а просто указывал, что есть связь между идеальным понятием «дерево» в сознании и «материальным, нейродинамическим процессом в мозге человека», видящего перед собой материальное дерево⁵. Но при этом Дубровский оспаривал утверждение Ильенкова, что различие философских идей Аристотеля и Демокрита нельзя свести к анатомическим отличиям их «органов мышления». Он педантично доказывал, что мозг каждого человека индивидуален. Однако здесь и проявляется вульгарно-материалистическая тенденция концепции Дубровского. Коль скоро Аристотель учил о космическом уме, а не об атомах, потому что так был устроен его индивидуальный, материальный мозг, то, выходит, мышление все-таки сводится в конечном счете к процессам в мозге.

Ильенков иронично отвечает на эти рассуждения Дубровского:

Что нашему автору до того, что философия, как особая наука, разрабатывала и разработала категорию «идеального» именно в связи с проблемой истинности и что только в этой связи ее определения идеального и материального вообще имели и имеют смысл? Что ему до того, что эти определения философия разработала в качестве теоретического выражения совсем других фактов, нежели тех, которые персонально интересуют Дубровского как специалиста по «церебральным структурам» и «нейродинамическим процессам»?⁶

4. Сталин И. В. О диалектическом и историческом материализме // Соч.: В 18 т. Т. 14. М.: Писатель, 1997. С. 253–282.

5. Дубровский Д. И. Психические явления и мозг. М.: Наука, 1971. Гл. I. § 3.

6. Ильенков Э. В. Диалектика идеального // Он же. Собр. соч. Т. 5. М.: Канон+, 2021. С. 20.

Действительно, Ильенков достаточно хорошо знал классическую философскую традицию, чтобы понимать, что мышление не просто идеально (это понимали и Дубровский сотоварищи, хотя при этом они все равно то и дело сбивались на «материализм Бюхнера»), но и что это идеальное вполне объективно, представляя собой особый мир универсальных, всеобщих форм. Ведь еще Гегель писал в «Малой логике», что даже в таком простом утверждении, как «Этот лист зеленый», казалось бы, просто взятом из нашего чувственного опыта, уже присутствуют всеобщие, универсальные понятия — категории бытия и единичности (Гегель писал по-немецки и имел в виду, что между словами «лист» и «зеленый» стоит глагол *ist*, опускаемый при переводе на русский, что указывает и на бытийствование, и на единственное число)⁷. А ведь Ильенков в самой первой своей книге о диалектике в «Капитале» Маркса высмеивает эмпирика Локка, убежденного, что все понятия сводимы к опыту. Только животные воспринимают мир лишь своими двумя глазами, то есть опираясь на свой индивидуальный чувственный опыт, утверждает советский философ. Человек же наделен способностью видеть мир миллионами глаз других людей, чьи знания аккумулированы в культуре человечества. Каждый человек, таким образом, оперирует категориями, не сводимыми к его собственному, индивидуальному опыту, отражающими «миллионы раз повторенную и отраженную в сознании человеческую деятельность», как сказал об этом Ленин⁸.

Эти категории мышления, а также математические истины, нравственные императивы и т.п. и составляют мир идеального, мир духовной культуры, без приобщения к которому человек не мог бы мыслить в полноценном смысле этого слова, ибо тогда его «мышление» представляло бы из себя не оперирование понятиями, а мелькание субъективных чувственных образов, увязанных между собой лишь воспоминаниями. Именно так «мыслят» высшие животные — лисы, медведи, кошки, собаки. Лейбниц однажды в шутку, но совершенно правильно сказал, что животные — прирожденные эмпирики⁹. Отсюда следует, между про-

7. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1: Наука логики. М.: Мысль, 1974. С. 87.

8. Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М.: Издательство АН СССР, 1960. С. 18.

9. Лейбниц Г. В. Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии // Он же. Соч.: В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1983. С. 50.

чим, что если бы философы эмпирической школы постарались сами следовать канонам своей философии, то они не смогли бы написать ни одной философской книги, как не пишут их медведи и рыси. Это, строго говоря, касается и оппонентов Ильенкова. Ведь из индивидуального опыта нельзя вывести понятия «мышление», «сознание», «идеальное», «субъективное», которыми они оперировали в своих статьях и книгах — их нет в субъективном чувственном опыте, так как мы видим не «сознание», а голову человека, и не «идеальное», а кривые на экране прибора, фиксирующие работу мозга. Это всё всеобщие, универсальные, объективные формы знания, что и пытался донести до своих противников Ильенков. Увы, безрезультатно.

Итак, развивая мысль о философии как о науке о мышлении, Ильенков пришел к выводу, что идеалисты вовсе не заблуждались, постулируя особый мир идеального. Этот мир, безусловно, существует независимо от каждого из нас, хотя и не так, как существует стол или стена. Он и был открыт еще в древности философом-идеалистом Платоном. Ильенков писал:

... Платон... поставил перед человечеством реальную и очень нелегкую проблему — проблему «природы» этих своеобразных явлений, проблему мира «идей», идеального мира¹⁰.

И тысячелетиями эти явления изучали представители идеалистической, классической традиции в философии. Этот аспект, признает Ильенков, до Маркса «...развивался преимущественно, по выражению Ленина, „умным“ идеализмом, — линией Платона — Фихте — Гегеля...»¹¹

Материализм, по Ильенкову, состоит не в том, чтоб отрицать бытие идеального мира (человек, который так поступает, не только не решил проблему идеального, но даже не дорос до ее понимания), а в том, чтобы объяснить его существование, но не так, как это получалось у идеалистов и религиозных философов, а по-другому — «не прибегая к гипотезе Бога» и «первичности духа».

Ильенков пытался найти истоки идеального в труде, в общественно-исторической практике. Общеизвестно его определение идеального из ставшей уже классикой статьи «Диалектика идеального»:

10. Ильенков Э. В. Диалектика идеального. С. 22.

11. Он же. Идеальное // Философская энциклопедия / Под ред. Ф. В. Константинова. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1962. С. 219–227.

Вот это-то отношение представления (отношение репрезентации — отражение в диалектико-материалистическом смысле), отношение, в составе которого одна чувственно-воспринимаемая вещь, оставаясь самой собою, исполняет роль или функцию представителя совсем другой вещи, а еще точнее — всеобщей природы этой другой вещи, то есть чего-то «другого», чувственно-телесно вовсе на нее не похожего, и тем самым обретает новый план существования, — вот это-то отношение и обрело в гегелевской терминологической традиции титул «идеальности»¹².

Идеальное, по Ильенкову, возникает в процессе преобразования предметов «первой природы» во «вторую природу», или культуру, как схема деятельности, «форма вещи вне самой вещи», и переносится на предмет культуры, накладывая на него неизгладимый отпечаток. Мыслить значит уметь «считывать» этот отпечаток, восстанавливать и разворачивать в сознании эти всеобщие формы, почерпнутые в процессе манипулирования предметами культуры. Или, говоря проще, мыслить значит использовать предметы культуры — от ложки и пуговиц на одежде до слов и понятий философии — в соответствии с их предназначением.

Идеальное и классика

Таково понимание идеального у Ильенкова. Из него вырастают и все его педагогические, психологические, эстетические и этические концепции. Ведь идеальное — это пространство, в котором существуют идеалы, прежде всего — истина, добро, красота, без чего невозможны ни наука, ни искусство, ни нравственная деятельность. Ильенков пишет:

Творчество по идеалу, формирование вещества природы на основе идеала представляют собой специфически человеческую форму жизнедеятельности, отличающую ее от деятельности животных. В качестве всеобщей формы целеполагающей деятельности идеал выступает во всех областях общественной жизни — социальной, политической, нравственной, эстетической и т. д.¹³

Единство истины, добра и красоты отличает и подлинную науку, и подлинное искусство, примером которого Ильенков называет «Сикстинскую мадонну». Ее мыслитель противопоставля-

12. Он же. Диалектика идеального. С. 55.

13. Он же. Идеал // Философская энциклопедия. Т. 2. С. 195.

ет авангардистским произведениям, олицетворенным для советского философа абстракционизмом, кубизмом или поп-артом¹⁴. Это, по Ильенкову, — не подлинное искусство; не потому, что на них нет отпечатка таланта — напротив, философ восхищался талантом Пикассо, — а потому, что они не соответствуют самой сути искусства и творчества, хотя по-своему верно отображают уродливую реальность дегуманизирующегося общества капитализма. Подлинным, согласно советскому марксисту, является классическое искусство, конгруэнтное классической философии, «ориентированное на добро и красоту»¹⁵, которое, «в сущности, нравственно, несмотря на то... что оно изображает зло в самых крайних его проявлениях»¹⁶. И это классическое искусство предвосхищает, по Ильенкову, полное раскрытие фантазии у универсальной личности коммунистического будущего.

Разумеется, с трактовкой идеального у Ильенкова можно спорить. В рамках марксизма это сделал старший товарищ Ильенкова Михаил Лифшиц¹⁷. В некоторых поздних работах Алексея Лосева — последнего русского классического философа — можно встретить высказывания, которые я склонен трактовать как намеки на концепцию Ильенкова и своеобразную латентную дискуссию с ней уже с позиций христианского неоплатонизма¹⁸. Критика Лосева тем более интересна, что это взгляд на ильенковскую трактовку идеального сторонника той самой классической традиции, «линии Платона — Плотина — Гегеля», о близости к которой подлинного (а не урезанного, догматического) марксизма писали Ильенков и Лифшиц.

Прежде всего, Лосев признавал, что материалистическая теория объективного идеального возможна:

Одни мыслители рассуждают так. <...> вещи существуют, и их идеи тоже существуют... на первом плане выступают для нас вещи, то есть сама действительность, сама материя. <...> без материи, без действительности, без вещей совершенно не может существовать и никаких идей. <...> Очевидно, говорят нам,

14. Он же. Что там, в Зазеркалье? // Собр. соч. Т. 3. М.: Канон+, 2020. С. 249–273.

15. Там же. С. 256.

16. Там же.

17. Лифшиц М. А. Диалог с Эвальдом Ильенковым (Проблема идеального). М.: Прогресс-Традиция, 2003.

18. Вахитов Р. Р. Идеальное Ильенкова с точки зрения платонизма // Платоновские исследования. 2019. № 2. С. 298–299.

идеи есть отражение вещей, порождение вещей, результат соотношения вещей¹⁹.

Итак, по Лосеву, для представителей не вульгарного, а «умного материализма», признающего существование идеального, идеи суть «результат соотношения вещей». Полагаю, перед нами намек именно на концепцию идеального Маркса и Ильенкова. Ведь в согласии с ней идеальное возникает тогда, когда одну вещь начинают соотносить с другой, так, в знаменитом примере из «Капитала» сюртук обретает стоимость (идеальную по природе своей!), когда его соотносят с холстом, вовлекая в рыночный обмен.

Но при этом сам Лосев был убежден, что идеи существуют не только в рамках культуры, но и вне ее — в мире, бытийствующем до человека и без человека. Идеи суть принципы организации материи вещей. По Лосеву, такова не только позиция платоника, признающего подчинение всех природных вещей и процессов идеальному космическому уму, такова позиция любого глубокого, последовательного, диалектически мыслящего философа, идеалист он или материалист²⁰. Заметим, что здесь Лосев по-своему приходит к тому же утверждению, к которому пришел и Лифшиц в его книге об Ильенкове. Лосев писал:

... то основное, что открыто Платоном под именем идеи, не зависит от того, признаем ли мы небесные и занебесные идеи или не признаем, а сводим их только на роль реально-познавательных и позитивно человеческих принципов познания²¹.

Впрочем, Лосев не был согласен видеть в идеях только лишь «человеческие принципы познания». Философское открытие Платона носило гораздо более широкий и важный характер: «...идеи Платона — это есть в наивной форме данные законы природы и общества. Это есть принцип всего происходящего»²². И Лосев разъясняет мысль Платона, переводя ее на язык современной науки:

Идея вещи... есть закон вещи, закон ее существования, закон ее всевозможных становлений и изменений.... идея вещи есть ее правильно построенная общность... Платоновская идея вещи

19. Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А. Платон. Аристотель. М.: Молодая гвардия, 1993. С. 76–77.

20. Позиция христианского неоплатоника предполагает еще и существование идей в Божественном уме, о чем здесь говорить неуместно.

21. Там же. С. 83.

22. Там же. С. 86.

есть такое ее обобщение, что в ней как бы заложено все бесконечное множество отдельных и частичных проявлений вещи²³.

В самом деле, существует такой феномен, как гравитация. Вещи, которые, подчиняясь гравитации, стремятся к центру Земли, материальны, их можно увидеть и потрогать. Закон, в согласии с которым вещи приобретают ускорение падения, невещественен, нематериален, его нельзя увидеть и потрогать, его можно лишь понять. Он доступен уму, а не глазам и пальцам, он идеален. И в то же время он объективно существует независимо от того, думаем ли мы о нем и даже открыли ли мы его. Закон гравитации существовал и действовал задолго до того, как Ньютон описал его в своих «Началах».

Если бы закон гравитации существовал лишь в нашем сознании — индивидуальном ли, общественном ли, — то получалось бы, что никакому закону вещи в природе, в объективной действительности, вне наших сознаний не подчиняются. Получалось бы, что нам только кажется, что камни падают на землю с ускорением g , а как все происходит на самом деле, мы знать не можем. Если вне человеческого мира нет ничего идеального, то и познать мы там ничего не можем, ведь мышление познает лишь себе подобное, то есть идеальное, общее, рациональное. И тогда мы попадаем в гавань субъективного идеализма, куда ведет и всякий позитивизм, философия познаваемости лишь явлений, но не сущности.

В этом Лифшиц и упрекал Ильенкова, а именно в том, что признавая идеальное лишь в сознании, пусть и общественном, Ильенков делал уступку субъективному идеализму:

...если идеальное тождественно с сознанием (пусть это будет общественное сознание — все равно), то непонятно, чем это отличается от распространенного взгляда на идеальное, который не без основания отвергает Эвальд Ильенков²⁴.

Взгляд Лифшица — это взгляд классической философии, определенно схожий и со взглядом платонизма (что Лифшиц понимал!): идеальное существует не только в сознании, идеальное — во всем, хотя и не везде оно функционирует, как в мышлении человека.

23. Там же. С. 86–87.

24. Лифшиц М. А. Об идеальном и реальном // Вопросы философии. 1984. № 10. С. 120–145.

Мы еще вернемся к этим аргументам, а пока обратимся к тому, о чем мы хотели порассуждать в самом начале — к историко-культурному контексту и актуальности философии Ильенкова.

Историко-культурный контекст философии Ильенкова: шестидесятиничество

Почему мыслителя так волновали проблемы идеального, мышления, творчества и, главное, почему его размышления об этом приобрели такой резонанс? А ведь дискуссия об идеальном между Ильенковым и Дубровским — казалось бы, отвлеченно-философская — имела такой резонанс, что, по воспоминаниям современников, учащаяся молодежь того времени разделилась на «ильенковцев» и «дубровцев»²⁵.

Молодой Маркс — еще не «марксист», а левый гегельянец — определял философию как «духовную квинтэссенцию своего времени» и «живую душу культуры»²⁶. Он писал:

Философы не вырастают как грибы из земли, они — продукт своего времени, своего народа, самые тонкие, драгоценные и невидимые соки которого концентрируются в философских идеях²⁷.

Так и есть. Каждая эпоха в жизни общества выдвигает важные для нее вопросы, которые беспокоят, заставляют думать и страдать людей этого времени. Эти вопросы отражают внутреннее расколы, проблемы общества, и люди по-своему пытаются их осмыслить, не всегда при помощи философии (есть много других средств, от искусства до политической идеологии и практики) — но настоящая, живая, творческая философия обязательно предлагает свои варианты их трактовки и разрешения.

В полной мере это касается философии Ильенкова. Пришедший в науку в конце 1950-х годов Ильенков — дитя послесталинской эпохи, дитя оттепели с ее освобождением от сталинского догматизма, пробуждением творческих сил, желания заново понять Маркса и Ленина, понять общество «реального социализма», его перспективы, место в истории, достоинства и недостат-

25. История философии. Учебник для высших учебных заведений / Под ред. В. П. Кохановского, В. П. Яковлева. Р. н/Д.: Феникс, 2001.

26. Маркс К., Энгельс Ф. Передовица в № 179 *Kölnische Zeitung* // Соч. 2-е изд. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1955. С. 105.

27. Там же.

ки²⁸. В 1960-е годы в СССР была предпринята попытка возродить «ленинские ценности», ценности «подлинного», «недеформированного» социализма. Несмотря на различный идейный мусор (из некоторых марксистов-шестидесятников позднее закономерно выросли либералы-антисоветчики), в корне своем эта попытка была связана с продолжением классической линии в марксизме, которую описывал и отстаивал Лифшиц. Эту линию он связывал с фигурой Владимира Ленина. В наследии Ленина советский философ выдвигал на первый план борьбу лидера большевиков с релятивизмом и позитивизмом, нашедшую выражение в споре его с Александром Богдановым, а также его критику левого искусства, футуризма и Пролеткульта, апологию классики и художественного реализма. Полемизируя с позитивистом-эмпириокритиком Богдановым, Ленин, по Лифшицу, защищал существование абсолютной Истины в ее гносеологическом измерении, а в своей статье о творчестве Льва Толстого, где мы находим апологию классики и реализма, представил апологию Истины в ее эстетическом аспекте.

В итоге социализм, идеал которого стремились воплотить Ленин и русские большевики, Лифшиц воспринимал как развитие классической культуры, как возрождение «классической традиции в революционном процессе»²⁹. Под классической же традицией философ понимал культуру, созданную «великими консерваторами человечества», такими как Платон, Аристофан, Данте, Гёте, Бальзак, Пушкин. Лифшиц не был в этом одинок; о Ленине как наследнике греческой традиции говорил в доверительных беседах с Владимиром Бибихиным столь далекий от марксистского материализма философ, как Лосев³⁰.

Классика при этом предстает как отражение всеобщего, абсолютного и разумного в самом бытии, «истинная середина, *mesotes*... высшее в своем роде... идеал самого объективного мира... который вполне реален»³¹. Путь к ней лежит через борьбу за уни-

28. Об Ильенкове как шестидесятнике см.: Цветков А. Диалектик Ильенков // Он же. Марксизм как стиль. М.: АСТ, 2016; Майданский А. Д. «Не отомрет, с-собака!»: Ильенков о государстве // Свободная мысль. 2013. № 4. С. 171–182.

29. Арсланов В. Г., Лагурев А. С. Михаил Лифшиц. СПб.: Умозрение, 2021. С. 77.

30. «Ленин ведь тоже только так и думает, что красота и добро одно и то же. У него тоже греческое понимание» (Бибахин В. В. Алексей Федорович Лосев // Он же. Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. М.: Институт философии, теологии и истории Св. Фомы, 2006. С. 23).

31. Арсланов В. Г. К читателю этой книги // Лифшиц М. А. Что такое классика? М.: Искусство XXI век, 2004. С. 21.

версальные, общезначимые ценности. Лифшиц доказывал, что в Октябрьской революции и в ленинизме было нравственное начало («своя правда», о которой говорили даже ее противники, такие как эмигрантские «пореволюционники» 1920-х годов, вроде Николая Бердяева). И лучшее в советских 1960-х годах, в эпоху возрождения ленинизма — это попытка преодоления извращений социалистической морали, сталинистского конформизма и официозной лжи, попытка восстановления в правах истины и справедливости, как ее трактовал не только Маркс, но и вообще мировая классика. Однако было и такое, что Лифшиц в шестидесятничестве не принимал; это мы должны учитывать при оценке историко-культурного значения философии Ильенкова. Не случайно Ильенков расходился с некоторыми шестидесятниками, как показывает его критика неомарксизма и маоизма. Ильенков отвергал ту темную, абстрактно-позитивистскую сторону шестидесятничества, из которой потом вырос — как диалектический антипод! — перестроечный и постсоветский неолиберализм.

Эпоха застоя и нравственный релятивизм

Период возрождения ленинизма оказался недолгим. Увы, Ильенков разделил общую трагичную судьбу своего поколения: породившая его оттепель закончилась, не успев толком начаться. Всесоюзную известность Ильенкову принесла его статья «Идеальное», вышедшая в «Философской энциклопедии» в 1962 году. Он тогда находился в начале творческого пути, опубликовав лишь несколько статей и книгу о диалектике в «Капитале» Маркса. Однако до окончания оттепели оставалось всего два года. В 1964 году Хрущев будет лишен должности с формулировкой «за волюнтаризм», к власти придут Брежнев и его команда консерваторов-мягких неосталинистов. Начнется застой, на который придется почти вся творческая жизнь Ильенкова (он умер в 1979 году, не дожив шесть лет до перестройки). Все главные его работы будут созданы на фоне все более и более удушающей атмосферы идеологического и морального разложения страны, вырождения партии, превращения общественной жизни в лицемерный фарс. Все это причиняло настоящие страдания Ильенкову, и все это сыграло свою роль в его безвременном, трагичном уходе из жизни.

«Застой» выглядит не самым удачным названием для этого периода. Правильнее назвать его «эпоха победившего мещанства». 1970-е годы были антитезисом 1960-х. Если главным персонажем 1960-х годов был романтик, бунтарь, идеалист, мечтавший о по-

корении космоса и мировой революции, веривший в коммунизм и прогресс, наконец, в истину и справедливость, то основной, массовый персонаж 1970-х годов — уже совсем другой культурный типаж: мещанин, циник, прагматик. Он уже не верит в идеи коммунизма, в торжество идеала справедливости, хотя лицемерно повторяет партийные лозунги на собраниях. Вся его жизнь посвящена строительству карьеры, подсиживанию и интригам, продвижению вверх — к постам и привилегиям и одновременно — «доставанию дефицита», обустройству комфорта в своей отдельной квартире, статусному потреблению. Он и ему подобные воспроизводили особую теневую культуру (по выражению Виталия Куренного), которая при внешней лояльности практиковала «разные формы отчуждения общества от государства, лояльность каким-то другим ценностям и институтам»³².

Это, кстати, хорошо видно на примере массового кино того времени. На смену молодым увлеченным физикам из «Девяти дней одного года» в 1970-х годах пришли запутавшийся во лжи, слабовольный Бузыкин из «Осеннего марафона» (1979) (в основе сценария — пьеса Александра Володина с показательным названием «Горестная жизнь плута»), а то и малопривлекательные члены гаражно-строительного кооператива «Фауна» из известной комедии Рязанова. Любопытно, что это тоже ученые — правда, биологи, а не физики, как в фильме Ромма, — но какая пропасть между ними! Ученые-шестидесятники рискуют жизнью ради научной истины и интересов строящей коммунизм Родины, ученые из НИИ 1970-х годов самым омерзительным образом переругались друг с другом из-за гаражей для личных автомобилей.

Совсем не случайно на это время приходится и перелом в творчестве братьев Стругацких (которые, кстати, внимательно читали труды Ильенкова³³). Если их ранние повести — «Страна багровых туч», «Путь на Амальтею», «Стажеры», «Полдень. XXII век» — еще полны романтики коммунизма, то после «Трудно быть богом» (1964) начинается новый этап, где все чаще проскальзывают пессимизм, разочарование, очевидно, отражающие изменения в сознании советской интеллигенции и в жизни

32. Куренной В. А. О большевистской культурной революции и теневых формах отчуждения общества от государства // Журнал «Отинофф». 16.07.2021. URL: <https://onff.ru/vitalii-kuriennoi-o-bolshievistskoi-kulturnoi-rievoliutsii-iti-tienievkyh-formakh-otchuzhdeniia-obshchiestva-ot-ghosudarstva>.

33. См. об этом: Цветков А. Указ. соч.

советского общества. Символична в этом плане небольшая повесть «Хищные вещи века», написанная в том же 1964 году, в самом начале правления Брежнева. Она бичует, как полагалось тогда, буржуазное общество потребления, но читателям нетрудно было догадаться, что гнев авторов обращен и к советскому позднему социализму, погрязшему в вещизме, потребительстве, гедонизме.

Впрочем, было бы большим упрощением рисовать эпоху застоя как период простого ниспадения в аморализм. Современный исследователь советской морали Леонид Фишман верно замечает, что в любом здоровом «большом обществе» наличествует «моральная пирамида» из двух уровней. Высший — это этика принципов, требование придерживаться которых «далеко выходит за пределы повседневной жизни, является трансцендентным»³⁴. Это некие всеобщие, универсальные максимы, объясняющие, «как должен поступать человек по отношению к другому члену общества вне зависимости от того, связан ли он с ним какими-то семейными, дружескими, корпоративными или иными узами»³⁵. Низший, второй уровень пирамиды — этика добродетелей, «соответствия человека неким образцам поведения, функциональным для того или иного сообщества»³⁶. Таких этик множество, столько же, сколько малых сообществ в «большом обществе», поэтому такие «добродетели» относительно: для одного сообщества это добродетели, для другого — нет.

В советском обществе роль большой, универсальной морали играла своеобразная гражданская религия коммунизма, восходящая к парадигме Просвещения, да и в определенной степени, как мы выяснили — к классическим максимам справедливости, правды, добра³⁷. До тех пор пока жива была вера в ее ценности, советское общество оставалось более или менее прочным. В 1970-е годы высший уровень советской пирамиды морали отмирает. Формально он присутствует, но фактически мало кто всерьез верит в декларации советской «большой эти-

34. Фишман Л. Эпоха добродетелей. После советской морали. М.: НЛО, 2022. С. 33.

35. Там же. С. 33–34.

36. Там же. С. 34.

37. Интересно, что левой идеологии свойственно как раз утверждение универсальных ценностей, например универсальной справедливости, которая в идеале (допустим, в бесклассовом обществе) распространяется на всех. Для правых идеологий характерны релятивистские, партикуляристские «этики» (справедливость для «своей» расы, народа, сословия).

ки». Это не значит, что советские люди в массе своей стали тогда абсолютно аморальными. У них сохранилась этика малых сообществ, этика добродетелей, но она уже не была фундирована высшим, базовым этажом. Именно такая ситуация была характерна для советского общества эпохи застоя, в котором жил и творил Ильенков.

При этом нельзя забывать, что общество — это цельность, и в этом утверждении — непреходящая правда марксизма. Можно спорить о том, что первично — общественное бытие или сознание (настоящая диалектика позволяет говорить о взаимовлиянии и неразрывности того и другого, о чем много писал Лосев), но очевидно: то, что происходило в области общественной морали и идеологии, так или иначе было связано и с экономикой. А обратившись к ней, мы должны признать, что начиная с 1970-х годов СССР сохранял лишь внешние формы социализма. Внутри него уже возник и разросся теневой капиталистический уклад — подпольные цеха и черный рынок³⁸, близнец теневой культуры, о которой писал Куренной. Марксист бы сказал, что такова экономическая причина лицемерия советских граждан в сфере духовных надстроек, — и думаю, был бы во многом прав. Люди, которые покупают и продают дефицитные вещи из-под полы, вряд ли могут выглядеть искренними при прославлении ценностей социализма на официальных собраниях.

Лифшиц однажды заметил, что рынок и релятивизм теснейшим образом связаны, ведь рынок всё превращает в товар, а товар, как показал Маркс в «Капитале», обязательно предполагает относительную форму стоимости — эквивалент, позволяющий узнать стоимость данного товара. Иначе говоря, в мире, где все продается и покупается, вечных и абсолютных ценностей нет. Есть лишь ценности относительные, этика добродетелей (ведь рынок тоже не может существовать хотя бы без элементарных правил и договоренностей).

В этом причина не только цинизма и потребительства как жизненной философии большинства людей эпохи застоя, но и тех криптопозитивистских трактовок марксизма, с которыми вступил в борьбу Ильенков.

38. О советском черном рынке см.: Кордонский С. Г. Рынки власти. Административные рынки СССР и России. М.: ОГИ, 2006. URL: <https://www.hse.ru/data/550/136/1240/Административные%20рынки%20СССР%20и%20России.pdf>.

Историко-культурный смысл философского спора Ильенкова и Дубровского

Если вдуматься, суть позиции Дубровского в споре с Ильенковым — в том, что идеальное субъективно, а значит, субъективны, относительно и идеалы — истина, добро и красота. Отсюда прямо вытекают выводы софистики о том, что есть только мнения, а истины нет, то есть философский, этический и эстетический релятивизм. Спор между ильенковцами и дубровцами — казалось бы, сугубо философский спор! — был отражением противостояния социализма и растущего исподволь капитализма с его позитивистскими и индивидуалистическими тенденциями, противостояния коллективизма и индивидуализма, пробивавшегося сквозь оболочку социалистической культуры. Более того, он был еще и спором между классикой и софистикой в новых их обликах. И именно поэтому данный спор, вроде бы очень далекий от нужд социальной практики, имел такой широкий резонанс среди интеллигентной молодежи.

Конечно, я говорю только о внутренней логике идей. Я охотно соглашусь с тем, что сам Дубровский был бесконечно далек от таких «грехов», как этический и философский релятивизм. Более того, он прямо декларировал это в своей книге «Обман». Приведу пространную цитату оттуда:

Для оценки правды существует лишь масштаб общечеловеческих ценностей и смыслов, которые имеют, конечно, конкретно-исторический характер. Отсюда вытекает необходимость их интерпретации, допускающей расхождения. Одно дело — абстрактный идеал правды, другое — конкретное установление ее в каждом отдельном случае и к тому же в полном, неурезанном виде. Тут нередко возникают серьезные трудности. Однако они не должны вести к релятивизму и расшатывать веру в возможность установления подлинной правды в ее объективном содержании, не должны подавлять волю к правде — этот важнейший источник жизненной энергии социального существа и, без преувеличения, основу духовности человека³⁹.

Но человек — не логическая машина. Человек — существо сложное и способное себе противоречить, особенно если мысль не завершена и он не понимает, к чему ведет то или иное его утвер-

39. Дубровский Д. И. Обман. Философско-психологический анализ. 2-е изд., доп. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2010.

ждение. На мой взгляд, утверждение Дубровского о том, что идеальное субъективно и объективного идеального нет, логически вело к выводу о том, что существуют только мнения, но не истина, и то, что мы называем истиной, — результат явного или неявного соглашения. Отсюда и вытекает субъективизм этики добродетелей. Именно так и должен считать человек общества, в котором возобладали рыночные ценности, все продается и все покупается, высоко ценятся не те люди, у которых есть твердые идеалы и вера в абсолютные ценности, а те, кто умеет приспосабливаться, проталкивать, доставать, объединяясь для этого в малые сообщества. Таким было советское общество застоя, таково и пришедшее вслед за ним современное общество российского периферийного капитализма.

Ильенков это прекрасно понимал и потому писал:

Истина, добро и красота — это лишь три разных способа выражения одного и того же. Одно и то же, выраженное тремя разными способами. Пусть решение это ныне кажется слишком простым, прямолинейным и наивно абстрактным, но другого общего решения нет⁴⁰.

В этом смысле Ильенков — продолжатель дела Сократа и Платона, Аристотеля и Гегеля, Маркса и Ленина, тоже боровшихся с софистикой в самых разных ее обликах — от протагоровского до богдановского. Социализм как общество коллективистского типа создавал такие условия общественного бытия, такие формы взаимоотношений между людьми, такие институты культуры, которые способствовали лучшему пониманию объективности идеального, что открывает свой путь к классике как к *mes-otes* культуры, наиболее адекватному раскрытию бесконечного в конечном.

Однако коллективизм коллективизму рознь. Социалистический коллективизм — это идеология и мораль трудовой, «индустриальной общины» (Павел Кудюкин). Думаю, поэтому для человека социалистического общества идеальное и открывается в своем социальном аспекте, как форма общественного сознания. В то же время классическая культура, созданная великими консерваторами человечества, совсем не случайно возникла в антично-феодальном, аристократическом обществе. Лифшиц шокировал своих современников в 1930-е годы, заявляя, что

40. См.: Ильенков Э. В. Что там, в Зазеркалье? С. 249.

Пушкин стал великим классическим поэтом не вопреки, а благодаря тому, что он был аристократ. Но это вполне логично: аристократия — проявление идеи в ее платоновском понимании на социальном уровне, ведь идея есть не что иное, как общее, родовое, а аристократ тем и специфичен, что ощущает себя не обособленной личностью, а представителем рода. Итак, классическая философия (та самая линия Платона — Плотина — Гегеля, в которой Ильенков видел предшественницу философии Маркса и Ленина) наиболее органична именно для аристократического общества.

Напротив, человек из мира капитализма, где само общество понимается просто как результат договоренности индивидов, где фундаментален именно индивид, субъект, его субъективные интересы и ценности, и идеальное будет понимать как субъективное идеальное.

Актуальность идеального

В начале этой статьи я говорил о том, что новым поколениям приходится заканчивать решать то, что недорешили отцы и деды. Так и есть. Проблема релятивизма, вызванная разрушением верхнего уровня пирамиды морали и определившая духовную атмосферу застоя, не просто никуда не делась, она обострилась до крайности. Неолиберальная контрреволюция 1990-х годов не оставила камня на камне от идеологии СССР, которая выполняла функции универсальной морали. Попытка заменить ее религиозной универсальной моралью не удалась, поскольку подавляющее большинство лишь формально признает отдельные религиозные ритуалы, в обыденной жизни россияне в массе своей остаются практическими атеистами. Что же касается патриотического поворота последних лет, то ценности патриотизма и национализма лишены универсального характера, во всяком случае в том варианте, в котором они фактически неотличимы от коллективного эгоизма.

Лучшие представители философии позднесоветского периода, среди которых был Ильенков, отвечая на этот вызов времени, обосновывали примат универсальных ценностей, искали пути преодоления духовно-нравственного кризиса общества на путях обращения к классике. Думаю, мы должны учиться у них, осмыслять их уроки, пытаться идти в указанном ими направлении. Теперь это еще более насущно и жизненно важно для всего нашего общества, чем в годы, когда они жили и творили.

Библиография

- Арсланов В. Г. К читателю этой книги // Лифшиц М. А. Что такое классика? М.: Искусство XXI век, 2004.
- Арсланов В. Г., Лагурев А. С. Михаил Лифшиц. СПб.: Умозрение, 2021.
- Бибихин В. В. Алексей Федорович Лосев // Он же. Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. М.: Институт философии, теологии и истории Св. Фомы, 2006.
- Вахитов Р. Р. Идеальное Ильенкова с точки зрения платонизма // Платоновские исследования. 2019. № 2. С. 297–312.
- Вахитов Р. Р. Философия Платона — консервативное Просвещение // Русская Истина. Сайт консервативной политической мысли. 13.05.2023. URL: <https://politconservatism.ru/blogs/filosofiya-platona-konservativnoe-prosveshhenie>.
- Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1: Наука логики. М.: Мысль, 1974.
- Дубровский Д. И. Обман. Философско-психологический анализ. 2-е изд., доп. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2010.
- Дубровский Д. И. Психические явления и мозг. М.: Наука, 1971.
- Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М.: Издательство АН СССР, 1960.
- Ильенков Э. В. Диалектика идеального // Он же. Собр. соч. Т. 5. М.: Канон+, 2021.
- Ильенков Э. В. Идеал // Философская энциклопедия / Под ред. Ф. В. Константинова. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1962. С. 195–199.
- Ильенков Э. В. Идеальное // Философская энциклопедия / Под ред. Ф. В. Константинова. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1962. С. 219–227.
- Ильенков Э. В. Что там, в Зазеркалье? // Собр. соч. Т. 3. М.: Канон+, 2020. С. 249–273.
- Ильенков Э. В., Коровиков В. И. Тезисы к вопросу о взаимосвязи философии и знаний о природе и обществе в процессе их исторического развития // Русофил. 27.12.2016. URL: <https://russophile.ru/2016/12/27/тезисы-к-вопросу-о-взаимосвязи-филосо/>.
- История философии. Учебник для высших учебных заведений / Под ред. В. П. Кохановского, В. П. Яковлева. Р. н/Д.: Феникс, 2001.
- Кагарлицкий Б. Ю. Загадка советского сфинкса // СССР: жизнь после смерти. М.: ИД ВШЭ, 2012. С. 8–16.
- Кордонский С. Г. Рынки власти. Административные рынки СССР и России. М.: ОГИ, 2006. URL: <https://www.hse.ru/data/550/136/1240/Административные%20рынки%20СССР%20и%20России.pdf>.
- Куренной В. А. О большевистской культурной революции и теневых формах отчуждения общества от государства // Журнал «Отинофф». 16.07.2021. URL: <https://onff.ru/vitalii-kuriennoi-o-bolshievistskoi-kulturnoi-rievoliut-sii-i-tienievyykh-formakh-otchuzhdeniia-obshchestva-ot-ghosudarstva>.
- Лейбниц Г. В. Новые опыты о человеческом разумении автора системы предположенной гармонии // Он же. Соч.: В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1983. С. 47–545.
- Лифшиц М. А. Диалог с Эвальдом Ильенковым (Проблема идеального). М.: Прогресс-Традиция, 2003.
- Лифшиц М. А. Об идеальном и реальном // Вопросы философии. 1984. № 10. С. 120–145.

- Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А. Платон. Аристотель. М.: Молодая гвардия, 1993.
- Майданский А. Д. «Не отомрет, с-собака!»: Ильенков о государстве // Свободная мысль. 2013. № 4. С. 171–182.
- Маркс К., Энгельс Ф. Передовица в № 179 *Kölnische Zeitung* // Соч. 2-е изд. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1955. С. 93–113.
- Сталин И. В. О диалектическом и историческом материализме // Соч.: В 18 т. Т. 14. М.: Писатель, 1997. С. 253–282.
- Фишман Л. Эпоха добродетелей. После советской морали. М.: НЛЮ, 2022.
- Цветков А. Диалектик Ильенков // Он же. Марксизм как стиль. М.: АСТ, 2016.

IDEAL IN THE AGE OF TRIUMPHANT PHILISTINISM. HISTORICAL AND CULTURAL CONTEXT AND THE RELEVANCE OF THE EVALD ILYENKOV'S PHILOSOPHY

RUSTEM VAKHITOV. Ufa University of Science and Technology (UUST); Ufa State Petroleum Technical University (USPTU), Russia, rust_r_vahitov@mail.ru.

Keywords: Evald Ilyenkov; philosophy; Marxism; ideal; Truth; classics; Mikhail Lifshitz; Soviet civilization; “thaw”; “stagnation”; sophistry; philistinism.

The article is dedicated to the philosophy of Evald Ilyenkov, its historical and cultural context and its relevance today. Ilyenkov is known for his original solution to the problem of the ideal within the framework of Marxism. The concept of the ideal is the center of his philosophical teaching, from which he draws pedagogical, psychological, and aesthetic conclusions. In Soviet times, the concept of the ideal by Ilyenkov caused a discussion, in which David Dubrovsky opposed the philosopher and his school, defending the “subjectivity of the ideal.” In our opinion, this dispute reflected the opposition of two value systems in the Soviet civilization, one of which dominated in the era of the “thaw,” the other — in the “era of stagnation.”

The “thaw” was ambivalent, along with elements of liberal Marxism, from which “perestroika” later grew, there was a tradition in it that went through Lenin to classical culture. “Stagnation” marked the victory of philistinism, the ideology of the black market, huckstering, cynicism, disappointment in ideals under the cover of hypocritical recognition of dogmatic officialdom. This correlated with the positivist denial of the universal Truth, the assertion of relativism, “the subjectivity of the ideal.” The long shadow of “stagnation” in the form of value relativism and cynicism also lies on modern, post-Soviet, peripheral capitalist Russian culture, and therefore the Ilyenkov’s philosophy of the ideal does not lose its relevance.

DOI: 10.17323/0869-5377-2024-2-171-191

References

- Arslanov V. G. K chitateliu etoi knigi [To the Reader of This Book]. In: Lifshits M. A. *Chto takoe klassika?* [What Is Classics?], Moscow, Iskustvo XXI vek, 2004.
- Arslanov V. G., Lagurev A. S. *Mikhail Lifshits*, Saint Petersburg, Umozrenie, 2021.
- Bibikhin V. V. Aleksei Fedorovich Losev. *Aleksei Fedorovich Losev. Sergei Sergeevich Averintsev*, Moscow, St. Thomas Institute for Philosophy, Theology and History, 2006.
- Dubrovskiy D. I. *Obman. Filosofsko-psikhologicheskii analiz* [Deception. A Philosophical and Psychological Analysis], 2nd ed., Moscow, Kanon+ ROOI “Reabilitatsiia”, 2010.
- Dubrovskiy D. I. *Psikhicheskie iavleniia i mozg* [Psychic Phenomena and the Brain], Moscow, Nauka, 1971.
- Fishman L. *Epokha dobrodeteli. Posle sovetsoi morali* [The Age of Virtues: After Soviet Morality], Moscow, NLO, 2022.
- Hegel G. V. F. *Entsiklopediia filosofskikh nauk* [Encyklopädie der philosophischen Wissenschaften im Grundrisse], vol. 1, Nauka logiki [Wissenschaft der Logik], Moscow, Mysl', 1974.
- Ilyenkov E. V. *Chto tam, v Zazerkal'e?* [What's There, Through the Looking Glass?]. *Sobr. soch.* [Collected Works], vol. 3, Moscow, Kanon+, 2020, pp. 249–273.

- Ilyenkov E. V. *Dialektika abstraktnogo i konkretnogo v "Kapitale" Marksa* [Dialectics of the Abstract & the Concrete in Marx's "Capital"], Moscow, USSR Academy of Sciences, 1960.
- Ilyenkov E. V. *Dialektika ideal'nogo* [Dialectics of the Ideal]. *Sobr. soch.* [Collected Works], vol. 5, Moscow, Kanon+, 2021.
- Ilyenkov E. V. *Ideal. Filosofskaya entsiklopediya* [Philosophical Encyclopedia] (ed. F. V. Konstantinov), vol. 2, Moscow, Soviet encyclopedia, 1962, pp. 195–199.
- Ilyenkov E. V. *Ideal'noe* [The Ideal]. *Filosofskaya entsiklopediya* [Philosophical Encyclopedia] (ed. F. V. Konstantinov), vol. 2, Moscow, Soviet encyclopedia, 1962, pp. 219–227.
- Ilyenkov E. V., Korovikov V. I. *Tezisy k voprosu o vzaimosvyazi filosofii i znaniy o prirode i obshchestve v protsesse ikh istoricheskogo razvitiya* [Theses on the Question of the Interconnection of Philosophy and Knowledge of Nature and Society in the Process of their Historical Development]. *Russophile*, December 27, 2016. Available at: <https://russophile.ru/2016/12/27/тезисы-к-вопросу-о-взаимосвязи-философии-и-знаний-о-природе-и-обществе-в-процессе-их-исторического-развития>.
- Istoriya filosofii. Uchebnik dlya vysshih uchebnykh zavedeniy* [History of Philosophy. Textbook for Higher Education] (ed. V. P. Kokhanovskii, V. P. Iakovlev), Rostov-on-Don, Phoenix, 2001.
- Kagarlitsky B. Yu. *Zagadka sovetskogo sfinksa* [Mystery of the Soviet Sphinx]. *SSSR: zhizn' posle smerti* [USSR: Life After Death], Moscow, HSE Press, 2012, pp. 8–16.
- Kordonsky S. G. *Rynki vlasti. Administrativnye rynki SSSR i Rossii* [Power Markets: Administrative Markets of the USSR and Russia]. Moscow, OGI, 2006. Available at: <https://www.hse.ru/data/550/136/1240/Административные%20рынки%20СССР%20и%20России.pdf>.
- Kurennoy V. A. *O bol'shevistskoi kul'turnoi revoliutsii i tenevykh formakh otchuzhdeniya obshchestva ot gosudarstva* [On the Bolshevik Cultural Revolution and Shadow Forms of Alienation of Society from the State]. *Otinoff Journal*, July 16, 2021. Available at: <https://onff.ru/vitalii-kuriennoi-o-bolshhevistskoi-kulturnoi-revoliutsii-i-tienievnykh-formakh-otchuzhdeniya-obshchestva-ot-gosudarstva>.
- Leibniz G. W. *Novye opyty o chelovecheskom razumenii avtora sistemy predustanovlennoi garmonii* [Nouveaux essais sur l'entendement humain par l'auteur du système de l'harmonie préétablie]. *Soch.: V 4 t.* [Works: In 4 vols], vol. 2, Moscow, Mysl', 1983, pp. 47–545.
- Lifshits M. A. *Dialog s Eval'dom Il'enkovym (Problema ideal'nogo)* [Dialogue with Evald Ilyenkov (Problem of the Ideal)], Moscow, Progress-Traditsiya, 2003.
- Lifshits M. A. *Ob ideal'nom i real'nom* [On the Ideal and the Real]. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 1984, no. 10, pp. 120–145.
- Losev A. F., Takho-Godi A. A. *Platon. Aristotel'* [Plato. Aristotle], Moscow, Molodaia gvardiya, 1993.
- Maidansky A. D. "Ne otomret, s-sobaka!": Il'enkov o gosudarstve ["Not going to die, bastard!"] E. V. Ilyenkov About the State]. *Svobodnaya mysl'* [Free Thought], 2013, no. 4, pp. 171–182.
- Marx K., Engels F. *Peredovitsa v № 179 "Kölnische Zeitung"* [Der leitende Artikel in Nr. 179 der "Kölnischen Zeitung"]. *Soch.* [Works], 2nd ed., vol. 1, Moscow, Gospolitizdat, 1955, pp. 93–113.
- Stalin I. V. *O dialekticheskom i istoricheskom materializme* [Dialectical and Historical Materialism]. *Soch.: V 18 t.* [Works: In 18 vols], vol. 14, Moscow, Pisatel', 1997, pp. 253–282.

- Tsvetkov A. Dialektik Il'nikov [Dialectician Ilyenkov]. *Marksizm kak stil'* [Marxism as a Style], Moscow, AST, 2016.
- Vakhitov R. R. Filosofii Platona — konservativnoe Prosveshchenie [Plato's Philosophy — Conservative Enlightenment]. *Russkaia Istina. Sait konservativnoi politicheskoi mysli* [Russian Truth. Site of Conservative Political Thought], May 13, 2023. Available at: <https://politconservatism.ru/blogs/filosofiya-platona-konservativnoe-prosveshchenie>.
- Vakhitov R. R. Ideal'noe Il'nikova s tochki zreniia platonizma [The Ideal in Evald Ilyenkov from the Standpoint of Platonism]. *Platonovskie issledovaniia* [Platonic Investigations], 2019, no. 2, pp. 297–312.

По ту сторону утопии

Два взгляда на постиндустриальный труд

СТЕПАН МЕЖУЕВ

Центр практической философии «Стасис» Европейского университета в Санкт-Петербурге (ЕУСПб), Россия, stepan931@gmail.com.

Ключевые слова: марксизм; постопераизм; позднесоветская философия; философия культуры; постиндустриальный труд; Империя; «множество»; имматериальный труд; «всеобщий труд».

Этатизм и анархизм — бинарная оппозиция, которая разделяет марксистов на два, казалось бы, непримиримых лагеря. Однако уже с 1980-х годов и в советской философии, и в европейском марксизме активно набирала популярность идея диалога и коммуникации, которая призвала к компромиссу между оппонентами. А сегодня, когда деполитизирующая природа позднего капитализма тенденциозно сглаживает углы, навязывая радикальный центризм по Энтони Гидденсу, противоречия теряют принципиальное значение. В рамках этой гипотезы автор конструирует теоретический диалог между итальянским постопераизмом (Антонио Негри, Паоло Вирно, Франко Берарди, Маурицио Лаззарато и др.) и отечественными философиями культуры (Владимир Библер, Вадим Межуев, Наль Злобин, Моисей Каган, Арнольд Арнольдов и др.), которые обычно располагаются на противоположных полюсах политического спектра: постопераисты известны как анархисты, а философы культуры более консервативны и скорее ближе к социал-демократам.

Оба теоретических течения схожим образом анализируют новую реальность, где роль главного производителя занимает человек культуры (ученый/художник) или постиндустриальный работник. Новое общество, возникающее на руинах политических идей эпохи модерна, постопераисты маркируют термином «Империя». Автор статьи проводит параллель между новой Империей и поздним СССР, в котором работали философы культуры. В статье сопоставляется критический и апологетический взгляды на постфордистское производство, а также разбираются два предлагаемых проекта Просвещения. В то время как итальянские марксисты призывают искать горизонтальную солидарность в субкультурах, философы культуры встают на позицию власти, разрабатывая педагогические программы переквалификации пролетариата под творческий и научный труд. В статье делается попытка заложить базу для конвергенции двух течений, чтобы построить диалектическую теорию, которая сочетала бы в себе как элементы педагогики, так и программу горизонтальной солидарности.

Постиндустриальное общество как вызов марксизму

ПРОЛЕТАРИАТ во второй половине XX века начал постепенно пропадать с улиц крупных европейских городов, но его марксистская апология теряла актуальность гораздо стремительнее. Американский социолог Даниел Белл, основатель теории постиндустриального труда, в книге 1973 года «Грядущее постиндустриальное общество»¹ предсказывал, что приоритет в производстве будет отдан услугам и идеям, а борьба пролетариата станет архаизмом. Несмотря на то что советская официальная цензура оценивала теорию Белла как антимарксистскую, сам Белл называл себя постмарксистом², признавая, что использует в анализе марксистскую эпистемологию. Другие же социальные теории описывали новый вид экономической системы различными терминами: посткапиталистический (Ральф Дарендорф и Питер Друкер), индустриальный в фазе зрелости (Раймон Арон), продвинутый индустриальный (Герберт Маркузе), «техноструктурный» (Джон Гэлбрайт), посткапиталистический (Питер Друкер и Ральф Дарендорф), технотронный (Збигнев Бжезинский), информационный (Герберт Маклуэн, Ёнедзи Масуда), индивидуалистический (Фридрих фон Хайек), интеллектно-информационный (Александр Субетто), сверхиндустриальный (Элвин Тоффлер), общество риска (Ульрих Бек) и т. д. Перечисленные авторы солидарны в том, что научно-техническая революция XX века привела к кардинальным изменениям во всех сферах человеческой жизни, однако оценка этих изменений не однозначно оптимистичная.

Амбивалентность постиндустриального общества несет в себе как потенциал освобождения, так и угрозу возвращения к средневековью, отмечает Тоффлер³, американский футуролог. Прогресс ускоряется, а сама цель движения никому не ясна, что вызывает глубокий «шок будущего» и смятение у обывателей. Если левые не смогут убедительно переформулировать свою повестку

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999.

2. Там же. С. xci.

3. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М.: АСТ, 2003. С. 452.

под новые обстоятельства, то «лекарства» от смятения люди найдут в различных иррациональных антимодернистских направлениях, таких как, например, «новые правые» (Ален де Бенуа, Доминик Веннер), теологии и более примитивные консервативные теории. В этом контексте левым необходимо предложить концепцию альтермодерна (термин, используемый Негри), то есть концепцию, которая стоит на стороне прогресса, но предлагает альтернативное направление фаталистическому неолиберальному подходу.

В рамках разработки левого ответа на вызовы постиндустриального общества конца XX — начала XXI века работали два оригинальных постмарксистских направления. Одно из этих направлений представляют отечественные теории культуры (Библер, Межуев, Злобин, Каган, Арнольдов и др.), другое — итальянский постопераизм (Негри, Вирно, Лаззарато, Берарди и др.) Политическая полярность двух школ (советская школа склоняется к социал-демократии, а постопераизм проявляет симпатии к анархии) не только не мешает им схоже рассуждать на тему постиндустриального труда, но и делает их потенциальный диалектический синтез продуктивным, поскольку теории подсвечивают разные грани нового общества. Самые неожиданные союзы иногда могут иметь теоретическую перспективу.

Пересечения двух течений. Имматериальный и всеобщий труд

Теории постопераизма и советской философии культуры развивались параллельно, творчески осмысляя те социально-политические преобразования, через которые проходили их страны. Оба направления представляют собой довольно оригинальные интерпретации Маркса, которые совпадают в некоторых смысловых узлах.

Во-первых, они разочарованы в радикальном революционном действии и придерживаются постепенного эволюционного подхода. В постреволюционном проекте СССР интеллигенция стала скептически относиться к идее нового революционного скачка, что особенно проявилось при переходе от оптимизма оттепели к разочарованию застоя. В Италии же после поражения радикальных протестов 1968–1978 годов (*anni di piombo*) философы признали невозможность новой революции в Европе. В итальянской философии это выразилось в смене мейнстрима с радикального операизма (Марио Тронти, Серджио Болонья, Роджеро Панцье-

ри), авангардного теоретического движения 1968 года, на более компромиссный постопераизм.

Во-вторых, обе школы опираются на ранние работы Маркса. Если Эвальд Ильенков, лидер оттепельной философии, заявлял, что ренессанс ранних работ Маркса на Западе и акцент на экзистенциализме «представляет собой чистейшее недоразумение»⁴, то многие его последователи, в том числе философы культуры, начали предпочитать раннего гуманистического Маркса позднему. В ранних работах Маркс рассматривает экзистенциальную роль труда, гегельянское отчуждение и центральное для постопераистов и философов культуры понятие *general intellect*. *General intellect*⁵ — это совокупный объем существующих в обществе знаний, который, в частности, в XIX веке кристаллизовался в машинах и станках, ставших основным средством производства. Постопераисты отсылают к этому термину практически в каждой книге, единогласно заявляя, что именно *general intellect* станет полем великой битвы будущего. Словосочетание *general intellect* Маркс намеренно написал на английском в немецком тексте⁶, чтобы выделить его как самостоятельный термин, однако в советском издании, видимо, устраняя англицизмы, термин перевели как «всеобщий интеллект»⁷ и даже более затейливо как «всеобщие силы человеческой головы»⁸. Оригинальная локализация создала определенный герменевтический барьер, мешающий увидеть, что советские авторы высказываются по синонимичным темам.

В-третьих, оба направления предлагают альтернативу диалектическому описанию исторического развития. Постопераисты известны обращением к идеям антидиалектического французского постструктурализма (Феликса Гваттари, Жюль Делёза и Мишеля Фуко). Позднесоветские исследователи культуры либо разрабатывали идею диалога вместо диалектики (Библер, Каган), либо противопоставляли оригинальную интерпретацию неокантианства гегельянскому марксизму периода оттепели (Арнольдов, Межуев, Злобин). При этом оба направления не отрицают, что

4. Il'enkov E. V. Marx and the Western World // From the Marxist-Leninist Point of View / N. Lobkowicz (ed). L.: University of Notre Dame Press, 1967.

5. Virno P. "General Intellect" in Lessico Postfordista. Milano: Feltrinelli, 2001.

6. Marx K. Grundrisse der. Kritik der Politischen Ökonomie Politische Ökonomie: Geschichte und Kritik. Hamburg: Europäische Verlagsanstalt, 1967.

7. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1969. Т. 46. Ч. II. С. 111.

8. Там же. С. 110.

диалектический метод был полезен для вскрытия противоречий индустриального мира, но в новой экономике он теряет эвристическую способность.

Ответы предлагает уже не «диалектическая», но новая, так сказать, антагонистическая наука⁹.

В-четвертых, оба направления основываются на синтезе идей Спинозы и Маркса, но выделяют различные нарративы в философской системе голландского мыслителя. На итальянцев особенно повлияло делезианское прочтение Спинозы, поэтому они видят в нем протоанархиста с представлениями о положительных политических аффектах и творческой силе множества¹⁰. Советский марксизм, имея долгую историю спинозизма, идущую от Георгия Плеханова, Абрама Деборина и Льва Выготского¹¹, с другой стороны, акцентирует внимание на теории деятельности, единстве мышления и протяженности, а также концепции свободы как осознанной необходимости. Теоретики культуры в полной мере наследники такого прочтения Спинозы.

В-пятых, обе школы в теориях подчеркивают индивидуальность и уникальность каждого индивида вопреки классовому подходу ортодоксального марксизма. Постопераисты, повторюсь, заимствуют понятие «множество» (*multitude*) у Спинозы. «Множество» — это оригинальный концепт описания сообщества индивидуальностей, несводимых к единству классовому или национальному. В советской и постсоветской традиции же культ индивидуальности проявлялся через акцент на «всесторонне развитых личностях», тоже принципиально не сводимых в единую группу.

Общество в этом смысле — это связь не «абстрактных индивидов», неотличимых друг от друга (чем бы оно отличалось тогда от стада или стаи?), а свободных индивидуальностей, каждая из которых обладает своим неповторимым и уникальным лицом¹².

9. Negri A. Some Thoughts on the Use of Dialectics // African Yearbook of Rhetoric. 2012. Vol. 3. № 1. P. 5.
10. Idem. Deleuze/Spinoza. Un devenir-politique // Archives de Philosophie. 2021. Vol. 84. № 3. P. 51–63.
11. Мареев С. Спиноза в советской философии // Логос. 2007. № 2 (59). С. 187–200.
12. Межуев В. М. Социализм — пространство культуры (Еще раз о социалистической идее) // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 3. С. 82–92.

В-шестых, отечественное и постопераистское описание человеческого онтогенеза, процесса формирования личности, во многом сходится, не в малой степени потому, что обе школы опираются на теории Выготского и Михаила Бахтина. Благодаря популяризации Бахтина Юлией Кристевой¹³ в 1960–1970-х годах, а также возрождению интереса на Западе к культурно-исторической методологии Выготского¹⁴ философия итальянских марксистов подверглась влиянию советских классиков. В интервью Алексею Пензину Вирно заявляет:

Я многим обязан мыслям Льва Выготского о коллективе, о связи между коллективом и сингулярностью¹⁵.

В свою очередь американский исследователь постопераизма Мартин Гардинер в работе «Бахтин и *general intellect*» пишет:

Автономисты, прежде всего Лаззарато, но не только он, испытали прямое влияние центральных элементов бахтинской мысли¹⁶.

И Бахтин, и Выготский настаивали, что личность человека — это сингулярность культуры, а потому индивид и общество неразрывно связаны, и такую социальную теорию индивидуации разделяют как постопераисты¹⁷, так и советские философы¹⁸.

Наконец, главное сходство двух направлений — первостепенная роль интеллектуального труда и девальвация пролетариата. Раньше всеобщий интеллект (*general intellect*) опредмечивался в машинах и станках, теперь главное средство производства — сами образованные работники, чьи «родовые качества» стали интенсивнее эксплуатировать. В постопераизме сосуществуют разные способы описания новой формы труда. Известно, что Лаззарато и Негри называют его имматериальным тру-

13. Kristeva J. Bakhtine, le mot, le dialogue et le roman // Critique. 1967. Т. 23. № 239. Р. 438–465. Негри в книге «Множество», ссылаясь на Бахтина, опирается именно на интерпретацию Кристевой.

14. Худик В. А. Лев Семенович Выготский: вчера, сегодня, завтра // Коррекционно-педагогическое образование. 2015. № 2 (2). С. 98–104.

15. Penzin A. The Soviets of the Multitude: On Collectivity and Collective Work: An Interview With Paolo Virno // Mediations. 2010. Vol. 25. № 1. Р. 81–92.

16. Gardiner M. Bakhtin and the “General Intellect” // Educational Philosophy and Theory. 2017. Vol. 49. № 9. Р. 893–908.

17. Тунус Н. Н. Процесс и отношение: истоки автономистской теории индивидуации // Полития. 2021. № 1 (100). С. 44–59.

18. Ильенков. Э. Что же такое личность? // С чего начинается личность / Под ред. Р. И. Косолапова. М.: Наука, 1984. С. 319–358.

дом¹⁹, тогда как Вирно выделяет аспект виртуозности²⁰, а Берарди пишет о когнитивном труде и когнитариате²¹ и так далее. Различия в описаниях носят скорее косметический характер, поскольку рассуждают постопераисты о сущностно равнозначных явлениях. В свою очередь, философы культуры благодаря отечественному переводу словосочетания *general intellect* синтезируют термин «всеобщий труд». Всеобщий труд связывает отдельную личность и коллективное человечество, символически представленное культурой. Более того, термин «культура» в отечественной философии универсален и на практике синонимичен понятию «всеобщий интеллект»:

К сфере духовной культуры можно отнести знания, навыки и продукты деятельности, связанные с порождением, поддержанием и изменением образцов и механизмов, регулирующих отношения людей²².

Обе школы уверены, что интеллектуальный труд (всеобщий или нематериальный) — доминирующий вид деятельности в новом обществе, несмотря на то что примат постфордистского труда пока характерен не для всей мировой экономики, а только для ограниченной первым миром ее части.

Нематериальный труд оказался сегодня в положении, которое 150 лет назад занимал промышленный труд, когда на его долю приходилась лишь небольшая часть мирового производства, и он был сосредоточен в ограниченной части мира, но тем не менее довлел над всеми другими производственными формами²³.

Подводя итог краткому сопоставлению, вновь подчеркну, что и у итальянских, и у советских марксистов радикальный теоретический поворот произошел в 1970-е годы, а дальше их теории последовательно эволюционировали без кардинальных изменений.

19. Лаззарато М. Нематериальный труд // Художественный журнал. 2008. № 69. URL: <https://moscowartmagazine.com/issue/23/article/369>.
20. Вирно П. Грамматика множества. К анализу форм современной жизни. М.: Ad Marginem, 2013.
21. Берарди Ф. Душа за работой. От отчуждения к автономии. М.: Грюндрикс, 2019.
22. Арнольдов А. И. Теория культуры: историзм и вопросы методологии // Культура, человек и картина мира / Под ред. А. И. Арнольдова, В. А. Кругликова. М.: Наука, 1987. С. 14.
23. Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006. С. 141.

Однако серьезная разница в пафосе изложения теорий все же бросается в глаза. Если марксисты из Италии вскрывают перверсивность культуры позднего капитализма, то советские философы со свойственным первооткрывателям восхищением описывают общество постиндустриального производства как воплощение марксистской утопии о «свободном времени». Но именно взгляд как бы по разные стороны утопии делает их имажинативный диалог особенно увлекательным. Начнем с изложения тезисов отечественных мыслителей, заглядывавших за горизонт фордизма с определенной надеждой.

Общение и «отчуждение» как основы человеческой свободы. Отечественный взгляд на человека и культуру

Автор концепции диалогии культур, последователь Бахтина и ветеран Великой Отечественной войны Владимир Библер видел причиной трансформации мира не только развитие технологий, но и тот факт, что в прошлом веке лицом к лицу столкнулись европейцы и африканцы, коммунисты и фашисты, рабочие и художники, а человек реже жил в своем доме и трудился на рабочем месте, чем эмигрировал или погибал в окопах и концлагерях, поневоле соседствуя со случайными спутниками. Беспрерывная трансформация социальной жизни заставила европейцев разглядеть позицию *другого* и одновременно ощутить отчуждение от универсальных идеологий. По причине вынужденного столкновения не сводимых к единству культурных логик мышление европейцев переходило от логики научного обобщения к логике общения — от наукоучения к логике культуры — от диалектики к диалогике²⁴.

Обращаясь к «Экономико-философским рукописям 1844 года» и теории диалога Бахтина, Библер доказывает, что абсолютно любому человеческому труду по природе имманентно *общение*. Благодаря *общению* каждый акт деятельности представляет собой трансцендентный опыт преодоления личных границ для взгляда на себя со стороны другого, позволяющий человеку обрести свой заверченный образ. Библер, основываясь на этом, остроумно характеризует любую деятельность как «трансценденцию в личную

24. Библер В. С. От наукоучения — к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1990. С. 9.

имманентность»²⁵, поскольку за счет самоотчуждения и выхода за границы сознания мы постигаем собственную природу. Во всеобщем труде *отчуждение* и *общение* проявляются в наибольшей мере, поскольку в производстве культуры и науки материальный предмет — лишь средство для прямого общения между людьми. Распространение всеобщего труда в конце XX века сделало явным, что *общение* и *отчуждение* — это главные атрибуты человеческой деятельности в спинозовском смысле²⁶.

Эффект отчуждения, который стал одной из главных проблем постопераизма и западного неомарксизма в целом (Теодор Адорно, Андре Горц, Макс Хоркхаймер, Герберт Маркузе, Эрих Фромм и др.), Ильенков обещал обязательно преодолеть в коммунистическом обществе²⁷. Однако уже в отечественном культурологическом дискурсе отчуждение, напротив, описывалось как главное свойство любой деятельности и залог человеческой свободы²⁸.

Апология всеобщего труда выстроена на феномене отчуждения. Высшая цель человеческой экзистенции — это жизнь в истории человечества — сохранить себя в культуре и науке как отчужденную душу.

Культура есть моя жизнь, мой духовный мир, отделенный от меня, транслированный в произведение (!) и могущий существовать (больше того, ориентированный на то, чтобы существовать после моей физической смерти) в ином мире, в живой жизни людей последующих эпох и иных устремлений²⁹.

Благодаря отчужденному *произведению* (в широком смысле слова) человек вырывается из плена времени и обретает настоящую свободу, запечатлев себя в жизни людей прошлых и будущих поколений.

Подобную соотнесенность с вечностью мы и осознаем как свободу. Свобода нужна человеку для того, чтобы преодолеть временность, конечность своего земного бытия³⁰.

25. Там же. С. 68.

26. Он же. Самостояние человека. «Предметная деятельность» в концепции Маркса и самодетерминация индивида. Кемерово: Алеф, 1993.

27. Ильенков Э. В. Гегель и «отчуждение» / Философия и культура. М.: Политиздат. 1991. С. 141–152.

28. Библер В. С. О Марксе — всерьез (Размышления в конце XX века) // Полис. Политические исследования. 1996. № 1. С. 119–128.

29. Он же. От наукоучения — к логике культуры. С. 287.

30. Межуев В. М. Указ. соч. С. 85.

Взгляды представителей отечественного гуманистического марксизма в отношении культуры во многом сходятся, философы нагружают ее сильным аксиологическим значением, существование в культуре — это практически секулярная загробная жизнь. Именно поэтому, по мнению советских гуманистов, пролетариат как класс должен преобразоваться в творческих работников, а главный производственный конфликт — противопоставление «совместного» и всеобщего труда, то есть абстрактного труда, которым нужно заниматься *совместно* на фабрике, и труда, который связывает автора со всеобщей культурой.

Современная (XX век) научно-техническая (шире — производственная) революция заряжена потенцией превратить особую социальность, характерную для всеобщего творческого труда, социальность самодеятельности (деятельности, направленной на изменение самого субъекта деятельности), в решающее, цельное определение практики. Но силы «совместного труда» напряженно сопротивляются такому превращению. Тем самым научно-техническая революция превращает старинную, теневую антиномию «совместности» и «всеобщности» в коренной социальный конфликт века³¹.

Поскольку главная задача — это погружение человека в культуру, то социалистическая утопия интерпретируется не как перераспределение материальных ресурсов, а как обобществление знаний. Интеллектуальное и нравственное развитие людей ставится в приоритет перед другими ценностными парадигмами, именно поэтому кажется, что отечественная философия культуры — это деполитизированное направление. Дело в том, что культ образования и «всестороннего развития личности» — это адаптивный идеал, его можно пропагандировать практически в любой политической обстановке.

Как при советской власти:

Приобщение масс к культуре — необходимое условие эффективности как производственной, так и общественно-политической их деятельности, направленной на создание нового, коммунистического мира, необходимое условие сознательного (со знанием дела) осуществляемого социального творчества³².

Так и в рамках национальной политики:

31. Библер В. С. От наукоучения — к логике культуры. С. 160.

32. Злобин Н. С. Культура и общественный прогресс. М.: Наука, 1980. С. 4.

Цели этой политики — обеспечение широкого доступа всех слоев населения к знаниям и современным технологиям, массовое приобщение людей к необходимому сегодня уровню освоения духовных ценностей, стимулирование разнообразных форм включения в созидательную деятельность³³.

Наконец, философы видели в наднациональных институтах преимущество, поскольку в рамках этих институтов можно решать глобальные проблемы, вроде: экологии, мировой безопасности или атомной энергетики, а у образованного индивида есть возможность самостоятельно строить отношения с мировой культурой, не будучи ангажированным романтическим национализмом или какой-либо другой идеологией.

Ныне человечество вступило в такую фазу своей истории, которая делает для него жизненно необходимым превращение политических отношений из субъектно-объектных в межсубъектные, и значит — в диалогические³⁴.

Философы культуры в какой-то мере солидарны с либерализмом, однако поскольку утверждают необходимость качественного и обязательного образования для всех слоев населения, склоняются к социализму. «Социализм с человеческим лицом» они видели как продолжение европейского пути развития. В это же время в самой Европе работало направление постопераизма, ставшее свидетелем европейского перехода от индустриального труда и зафиксировавшее, во что превращается общество, когда культурный труд становится доминирующим.

«Коммунизм капитала»: постэквивалентная экономика, деполитизация и нигилизм

Постфордизм — это «коммунизм капитала»³⁵.

Негри и Вирно утверждают, что в конце XX века наступила эпоха «коммунизма капитала», которая представляет собой компромисс между двумя непримиримыми врагами: сам капитализм со-

33. Арнольдс А. И. Образование — энергия духовного мира человека // Гуманитарное пространство. 2012. № 1. С. 46.

34. Каган М. С. Глобализация культурных процессов: становление диалогического мышления // Глобализация: синергетический подход: сб. науч. тр. М.: РАГС, 2002. С. 382.

35. Вирно П. Указ. соч. С. 143.

здает условия для коммунистической утопии. Если переход к «социализму капитала», то есть к радикальному государственному контролю рыночной экономики (кейнсианство, фашизм), был ответом на Октябрьскую революцию в России, то переход к «коммунизму капитала» — это результат событий 1968 года в Европе³⁶. Задача протестов 1968 года в Италии с лозунгом «Отказ от труда» — это требование максимального сокращения необходимого труда рабочих или даже его автоматизации, чтобы, взломав двери фабрик, допустить людей до культуры и общественной жизни³⁷. Двери фабрик были взломаны, и европейские студенты попали в информационное общество, предлагающее, казалось бы, всеобщий труд для каждого, но все оказалось не так беззаботно. В книге «Маркс после Маркса» Негри, опираясь на ранние марксистские тексты, объясняет, как изменилась стратегия Капитала в постфордизме³⁸. На новом экономическом этапе за счет гиперсоциализации труда и его *имматериальной* составляющей ценообразование стало выстраиваться в первую очередь на манипуляции с меновой стоимостью, а абстрактный труд рабочего становился все менее ценным. Само экономическое разделение стало лишь одним из элементов биополитики — контроля над биологической жизнью граждан.

Больше нет никакой связи с (средним) временем (абстрактного) труда, больше нет никакой определяющей пропорциональности между необходимым трудом и избыточным трудом³⁹.

Главная характеристика постфордизма — добыча прибавочной стоимости за счет информационного сопровождения, управления желаниями и вниманием потребителей. Труд работников в области информационных технологий, дизайна, менеджмента, науки, преподавания, сервиса и проч. в равной степени сочетает и производственные, и политические функции, а цель такого труда — влияние на других (коллег, начальство, потребителей, конкурентов и т. д.), стимулирующее исполнителя к постоянному творческому развитию, аналитическому мышлению и эмпатии. При этом коммуникация и творчество в капитализме приобретает невероятную интенсивность и хаотичность.

36. Там же. С. 142.

37. Negri A., Bosteels B. An Italian Rupture: Production Against Development // *Diacritics*. 2009. Vol. 39. № 3. P. 21–27.

38. Negri A. *Marx Beyond Marx: Working Notes on the Grundrisse*. L.: Red Notes, 1988.

39. Там же. С. 37.

Человек, полностью погружаясь в постфордистское производство, вынужден беспрерывно отчуждаться от собственного экзистенциального «я», что уже привело к эпидемии ментальных болезней среди европейского населения. Если, например, Берарди⁴⁰ видит результатом перехода к интеллектуальному труду возрастание панических атак и депрессий, то Вирно указывает, что работник постиндустриальной экономики обречен на нигилизм. Нестабильная занятость (прекарность), стресс, чувство одиночества и творческий характер труда вырабатывают у человека привычку не иметь привычек. По сравнению с XX веком, когда нигилизм являлся скорее побочным эффектом процесса рационализации (как это было описано, например, Мартином Хайдеггером, Георгом Зиммелем и Эрнстом Юнгером), в постфордизме нигилизм становится центральным элементом производственного процесса — главной чертой, определяющей уровень профессионализма⁴¹. Каждый интеллектуальный работник вынужден вести себя в стиле реальной политики, ведь успех зависит от умения подстраиваться под желания заказчика и зрителя.

Тотальное овеществление языка и политизация коммерческой сферы подрывают сами основы демократии. В рамках новой экономики реклама превращается в парадигму мышления и политики⁴². Представитель постопераизма и бахтиновед Лаззарато, критикуя Джудит Батлер и Славоя Жижека, утверждает⁴³, что сегодня перформативные акты в политике (митинги, акции, голосование, «прямое действие») стали безопасны для постиндустриального контроля. Используя перформативные высказывания, граждане и представители власти избегают вовлеченного участия в политическом процессе, потому что научились приспосабливать речь и субъективность к устоявшимся лингвистическим и символическим конвенциям, в которые уже не очень верят. На фоне деполитизации граждан происходит деполитизация самих государств, которые превращаются в бессубъектные транснациональные бюрократические образования, чья единственная цель — контроль. Описывая проект контроля за биологической жизнью (биополи-

40. *Berardi F. After the Future* / G. Genosko, N. Thoburn (eds). Oakland, CA: AK Press, 2011.

41. *Вирно П.* Указ. соч. С. 106.

42. *Берарди Ф.* Указ. соч. С. 121.

43. *Lazzarato M. Signs and Machines: Capitalism and the Production of Subjectivity*. L.A.: Semiotext (e), 2014.

тики), Негри и Хардт переосмыслили концепт империи⁴⁴. Империя, как ее понимает постопераизм, безразлично относится к декларируемым лозунгам. Война, эпидемия, борьба за ценности или культ безопасности — это лишь предлоги для усиления контроля и ужесточения иерархии, а иногда и способы оправдать плановые методы в экономике, считают итальянские анархисты.

Парадоксальным образом появление Империи постопераисты (во всяком случае это точно можно сказать про Негри) считают положительной стороной прогресса — более предпочтительным политическим образованием, чем вражда национальных суверенитетов на прошлом этапе развития, когда проблемы оставались локальными.

Мы заявляем, что Империя лучше в том же смысле, в котором Маркс отстаивает превосходство капитализма над предшествовавшими ему формами общества и способами производства⁴⁵.

Переход в бинарную оппозицию «Империя — множество» неизбежен, поэтому теперь задача марксистов — дать новый политический проект «монстрам» (Негри заимствует теорию монструозности Делёза, маркируя монстрами и людей, и государство в новом мире), которые потеряли под ногами общий фундамент в виде традиционных идентичностей и политических координат.

В сущности, если взглянуть на нынешнее постмодернистское общество, отрешившись от тоски по рассыпавшимся общественным организмам эпохи модернити или народу, которого больше нет, то можно увидеть, что то, с чем мы сталкиваемся, есть своего рода общественное мясо. Это общая плоть, живая материя, не составляющая организма. Нам необходимо узнать, на что она способна⁴⁶.

Изнутри нового постутопического мира обе марксистские школы разрабатывали просвещенческие проекты, но с разных позиций: анархо-коммунистической и социалистической. Оба направления считали, что только через работу со всеобщим интеллектом и общению с другими людьми можно действительно помочь обществу преодолеть кризисы, которые за собой несет новое производство.

44. Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004.

45. Там же. С. 54.

46. Они же. Множество. С. 239.

Два взгляда на Просвещение в ХХI веке. Диалектика анархизма и социализма

Постфордистский капитализм кажется пародией на советскую романтическую мечту о человечестве художников и ученых, а политическая реальность в Европе и России трансформируется в общество, напоминающее 1970–1980-е годы в СССР. Во-первых, создаются транснациональные объединения, которые поглощают этнические идентичности и суверенитеты, а идеологию цинично используют только как инструмент контроля при деполитизации граждан. Во-вторых, наблюдается переход к экономике, основанной на коммуникации и науке — работе с *general intellect*. Увеличился процент ВВП, выпадающий на сферу 3–4-го производительных секторов экономики (услуги, знания), а крупные капиталистические корпорации срослись с государством и часто представляют одно целое⁴⁷. В-третьих, набрал популярность культ «всестороннего развития» и морального поведения (новая этика, *woke culture*, отечественная цензура и т. д.), контролирующий публичное поведение постфордистских работников. Наконец, усиливается атомизация общества — индивиды погружаются во «вне-находимость» по отношению к навязанным социальным связям, то есть люди в публичном пространстве все чаще прячутся за шаблонным поведением, не проявляя свое истинное лицо. Точно как в период застоя люди ритуально воспроизводили коммунистические лозунги, чтобы им не мешали жить своей жизнью в малом мире⁴⁸. В этой новой реальности и постопераисты, и советские философы культуры видят спасение уже не в политике, а в культуре и общении.

Стоит заметить, что отечественные авторы, в отличие от итальянских глобалистов, специально ограничивались европоцентричными рассуждениями. Логика культуры и общения — это следующая ступень развития специфического европейского общества.

Есть некое особое отличие «логики культуры» от всех предыдущих форм европейской логики⁴⁹.

47. Тоффлер Э. Указ. соч. С. 453.

48. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛО, 2014.

49. Библиер В. С. Еще один диалог Монологаиста с Диалогиком // Архэ. 1993. № 1. С. 9–70.

Постопераисты, как известно, наоборот, представляют постиндустриальную эру как мировую тенденцию, а европоцентричность считают архаизмом. Постопераистский социальный проект — это не стоп-кран капиталистической акселерации, а ее альтернативный трек. В основе оригинальной теории новой модернизации постопераистов лежат положительные политические аффекты. Так, например, политический проект Спинозы был построен на радости (*gaudium*), подразумевающей расширение возможностей граждан к действию и мышлению. Негри и Хардт придерживаются линии коммунистического спинозизма, выделяя «любовь» и «счастье»⁵⁰ — аффекты, которые побуждают нас к заботе об общем благе (*commonwealth*). Если любовь постопераисты описывают как само стремление к общему, то счастье (*happiness*) они понимают в республиканском смысле, как это было, например, у Д. Дидро, то есть как состояние, противоположное мгновенным удовольствиям и наслаждениям, — как длительное благополучное состояние, которое разделялось бы всеми гражданами. С целью достигнуть общества любви и счастья Негри и Хардт переосмысливают проект европейского Просвещения. Они кратко выражают суть этого переосмысления, трансформируя популяризированный Иммануилом Кантом девиз *sapere aude* («дерзай знать») в «знай, как дерзать», то есть «овладей инструментами сопротивления контролю». Авторы утверждают, что переносят кантианскую мысль с позиции власти на баррикады сопротивления.

Это также проект Просвещения, но основанный на альтернативной рациональности, в которой методология материализма и метаморфоз призывает к силам сопротивления, творчества и изобретения⁵¹.

Постопераистское Просвещение признает необходимость обобществления знаний и технологий, поскольку без овладения навыками постиндустриального труда (программирование, языки, культура и т. д.), без присвоения средств производства *general intellect* рабочий оказывается уязвимым перед биополитическим контролем со стороны корпораций. Работники, обладающие этими навыками, наоборот, могут свободно перемещаться, менять работу и создавать собственные субкультурные сообщества, что-

50. Negri A., Hardt M. *Commonwealth*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2011.

51. Там же. С. 21.

бы самостоятельно управлять своей судьбой. *Номадизм*, концепт, заимствованный у Делёза и Гваттари, для Негри является освободительной стратегией.

Скорее оставаясь внутри господствующей культуры, мы создаем не только субкультурную альтернативу, но и, что важнее, новые коллективные сети для выражения своих позиций⁵².

В горизонтальном общении малых групп когнитариат может найти как лекарство от нигилизма и тревоги, так и возможность для новой политической субъективации, то есть постопераисты предлагают создавать и развивать андеграундную культуру параллельно господствующему дискурсу, что, по их мнению, неизбежно отвяжет постиндустриальный труд от диспозитивов жесткой капиталистической конкуренции.

Проблема постопераистов в том, что они высказывают социальные программы тем, кто и так готов их слушать, посещать лекции, покупать их книги, а это уже достаточно просвещенные и обеспеченные люди, которые ощущают потерю субъектности и чувства времени в позднем капитализме. На данный момент, как бы ни хотели итальянцы представить все человечество с помощью понятия множества, «множеством» реально могут назвать себя привилегированные европейцы, которые пытаются осмыслить себя как носителей гегелевского «несчастливого сознания». Постопераисты апеллируют к психологическим проблемам, потому что это главный тренд скупающего среднего класса в развитых странах.

Философы культуры поспорили бы с этим подходом, поскольку для них главная проблема обществ постиндустриального труда — не в том, что всеобщий труд угнетает «родовые качества» личности, провоцируя депрессии, и даже не в том, что он осуществляется в форме наемного труда, а в том, что когнитивным трудом занимается еще недостаточный процент граждан. Если изначально марксизм в СССР стал теорией энтузиазма и модернизации, преобразующей аграрную страну в товарищество пролетариев, то теперь при смене производственной доминанты необходима и смена ведущего класса: вместо диктатуры пролетариата, грубо говоря, нужна диктатура когнитариата. Отечественные философы всегда были ближе к политическому руководству страны, чем итальянские анархисты, находящиеся в подполье. Они, в отличие

52. Хардт М., Негри А. Множество. С. 320.

от постопераистов, полагали, что государственная администрация прислушается к их рассуждениям о целях развития общества и возьмет на вооружение их педагогические программы⁵³. В связи с этим теоретики культуры все-таки склоняются к социализму, хоть и социально-демократического толка. Социалистический, внерыночный путь управления культурой позволит европейскому обществу оправдать лидерство, воспитывая «всесторонне развитых личностей» и избегая жестоких конфликтов и экологических кризисов, которые неизбежно возникнут при бесконтрольной капиталистической конкуренции,

Но что касается психологических проблем, то это новые, но необходимые вызовы на более высокой ступени развития личности, по мнению Библера. Человек, создавая авторский продукт, всегда наталкивается на свое абсолютное одиночество, ведь занимается всецело личным делом, но находит собственную же абсолютную коллективность в культуре, по этой причине общество всеобщего труда неизбежно будет испытывать оба аффекта: чувство отчуждения от социальной жизни и чувство культурно-исторической коллективности. Кроме того, к сожалению, просвещенческий проект оказывается не только *расколдовыванием мира* в понимании Макса Вебера, но и *раз-очарованием* в нем. Самому знанию присущ трагический момент обесценивания личных экзистенциальных оснований.

Культура — трагедия трагедий, когда одна в другую (как в китайской костяной головоломке) вточены многообразные шаровые поверхности драматического действия и катарсиса; когда реальное общение и взаиморазвитие отдельных персонажей осуществляется как общение и диалог различных трагедий⁵⁴.

Трагедийная природа знания и культуры часто побуждает людей оставаться в блаженном неведении, и только Спинозовская «осознанная необходимость» может вывести их к познанию. Воспитание же и призвано быть таким навязанным осознанием.

В финале статьи обрисую, в чем заключается возможность потенциального синтеза двух направлений. Постопераисты отказываются принимать, что борьба за обобществление знания несет

53. Библер совместно с педагогом Сергеем Кургановым успел разработать «Школу диалогии культур» и даже реализовать несколько идей на практике. См. об этом: Библер В. С. Школа «диалога культур» // Советская педагогика. 1988. № 11. С. 29–34.

54. Он же. От наукоучения — к логике культуры. С. 286.

в себе и авторитарный пафос. Более того, они не выделяют репродукцию «множества» в качестве актуальной проблемы, воспитание детей их не интересует, и это слепое пятно постопераистской теории критиковали как итальянские феминистки во главе с Сильвией Федеричи⁵⁵, так и другие современные анархисты, самый известный из которых — Дэвид Грэбер⁵⁶. Задача воспитания будет вставать снова и снова — новые поколения будут приходить и заново обретать мышление, что точно подмечала Ханна Арендт⁵⁷, без воспитания современное общество будет только радикальнее поляризоваться. В свою очередь, советские авторы, наоборот, обесценивают или не замечают те проблемы, к которым ведет общество постиндустриального труда, они стремятся воспитать граждан, но после не дают им никакой программы действий, кроме установки на творчество, постопераисты же верно замечают, что заброшенный в неолиберальный капитализм одинокий творческий работник встретит на своем пути больше проблем, чем сможет решить самостоятельно.

По мнению автора, синтез педагогических интенций советских теоретиков культуры и программы постопераистов по созданию субкультур достаточно органичен. Если сформулировать этот синтез в форме девиза, то современный постмарксистский политический проект должен быть диалектическим: предлагать дидактику в раннем возрасте, а свободное формирование сообществ — в зрелом, только таким образом мы можем серьезно рассуждать о всеобщем совершеннолетию по Канту. Этатизм необходим на стадии детства, но становится ненужной репрессивной надстройкой в зрелости, что особенно ощущалось в период застоя. Но если рассматривать проблему постиндустриального труда и неизбежного возвращения политического устройства времен застоя одновременно с позиций социализма и анархизма, то можно попытаться разработать диалектическую, или, если угодно, гибридную марксистскую теорию, которая позволила бы решать проблему освобождения труда как используя потенциал власти, так и опираясь на деятельность просвещенных малых групп.

55. *Federici S. Revolution at Point Zero: Housework, Reproduction, and Feminist Struggle.* Oakland, CA: PM Press, 2012.

56. *Graeber D. "The Sadness of Post-Workerism", Revolutions in Reverse: Essays on Politics, Violence, Art, and the Imagination.* N.Y.: Autonomedia, 2012.

57. *Арендт Х. Истоки тоталитаризма.* М.: ЦентрКом, 1996. С. 652.

Библиография

- Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996.
- Арнольд А. И. Образование — энергия духовного мира человека // Гуманитарное пространство. 2012. № 1. С. 24–51.
- Арнольд А. И. Теория культуры: историзм и вопросы методологии // Культура, человек и картина мира / Под ред. А. И. Арнольдова, В. А. Кругликова. М.: Наука, 1987.
- Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999.
- Берарди Ф. Душа за работой. От отчуждения к автономии. М.: Грюндриссе, 2019.
- Библер В. С. Еще один диалог Монолога с Диалогиком // Архэ. 1993. № 1. С. 9–70.
- Библер В. С. О Марксе — всерьез (Размышления в конце XX века) // Полис. Политические исследования. 1996. № 1. С. 119–128.
- Библер В. С. От наукоучения — к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1990.
- Библер В. С. Самостоянье человека. «Предметная деятельность» в концепции Маркса и самодетерминация индивида. Кемерово: Алеф, 1993.
- Библер В. С. Школа «диалога культур» // Советская педагогика. 1988. № 11. С. 29–34.
- Вирно П. Грамматика множества. К анализу форм современной жизни. М.: Ad Marginem, 2013.
- Злобин Н. С. Культура и общественный прогресс. М.: Наука, 1980.
- Ильенков Э. В. Гегель и «отчуждение» / Философия и культура. М.: Политиздат. 1991.
- Ильенков Э. Что же такое личность? // С чего начинается личность / Под ред. Р. И. Косолапова. М.: Наука, 1984. С. 319–358.
- Каган М. С. Глобализация культурных процессов: становление диалогического мышления // Глобализация: синергетический подход: сб. науч. тр. М.: РАГС, 2002.
- Лаззарато М. Нематериальный труд // Художественный журнал. 2008. № 69. URL: <https://moscowartmagazine.com/issue/23/article/369>.
- Мареев С. Спиноза в советской философии // Логос. 2007. № 2 (59). С. 187–200.
- Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1969. Т. 46. Ч. II.
- Межуев В. М. Социализм — пространство культуры (Еще раз о социалистической идее) // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 3. С. 82–92.
- Тинус Н. Н. Процесс и отношение: истоки автономистской теории индивидуации // Полития. 2021. № 1 (100). С. 44–59.
- Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М.: АСТ, 2003.
- Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004.
- Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006.
- Худик В. А. Лев Семенович Выготский: вчера, сегодня, завтра // Коррекционно-педагогическое образование. 2015. № 2 (2). С. 98–104.
- Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛО, 2014.
- Berardi F. After the Future / G. Genosko, N. Thoburn (eds). Oakland, CA: AK Press, 2011.

- Federici S. *Revolution at Point Zero: Housework, Reproduction, and Feminist Struggle*. Oakland, CA: PM Press, 2012.
- Gardiner M. Bakhtin and the "General Intellect" // *Educational Philosophy and Theory*. 2017. Vol. 49. № 9. P. 893–908.
- Graeber D. "The Sadness of Post-Workerism", *Revolutions in Reverse: Essays on Politics, Violence, Art, and the Imagination*. N.Y.: Autonomedia, 2012.
- Il'enkov E. *Marx and the Western World // From the Marxist-Leninist Point of View* / N. Lobkowicz (ed). L.: University of Notre Dame Press, 1967.
- Kristeva J. Bakhtine, le mot, le dialogue et le roman // *Critique*. 1967. T. 23. № 239. P. 438–465.
- Lazzarato M. *Signs and Machines: Capitalism and the Production of Subjectivity*. L.A.: Semiotext (e), 2014.
- Marx K. *Grundrisse der. Kritik der Politischen Ökonomie Politische Ökonomie: Geschichte und Kritik*. Hamburg: Europäische Verlagsanstalt, 1967.
- Negri A. Deleuze/Spinoza. Un devenir-politique // *Archives de Philosophie*. 2021. Vol. 84. № 3. P. 51–63.
- Negri A. *Marx Beyond Marx: Working Notes on the Grundrisse*. L.: Red Notes, 1988.
- Negri A. Some Thoughts on the Use of Dialectics // *African Yearbook of Rhetoric*. 2012. Vol. 3. № 1. P. 2–11.
- Negri A., Bosteels B. An Italian Rupture: Production Against Development // *Diacritics*. 2009. Vol. 39. № 3. P. 21–27.
- Negri A., Hardt M. *Commonwealth*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2011.
- Penzin A. The Soviets of the Multitude: On Collectivity and Collective Work: An Interview With Paolo Virno // *Mediations*. 2010. Vol. 25. № 1. P. 81–92.
- Virno P. "General Intellect" in *Lessico Postfordista*. Milano: Feltrinelli, 2001.

BEYOND THE UTOPIA. TWO VIEWPOINTS ON POST-INDUSTRIAL LABOR

STEPAN MEZHUYEV. Stasis Center for Practical Philosophy, European University at St. Petersburg (EUSPb), Russia, stepan931@gmail.com.

Keywords: Marxism; post-Operatism; late Soviet philosophy; philosophy of culture; post-industrial labor; Empire; “multitude”; immaterial labor; “universal labor”.

Statism and anarchism are a binary opposition that divides Marxists into two irreconcilable camps. This opposition was felt especially irresistible during the Iron Curtain. But already in the 1980s, both in Soviet philosophy and in European Marxism, the idea of dialogue and communication was actively gaining popularity, which called for compromise between opponents. And today, when the depoliticizing nature of late capitalism tendentially smooth out “rough edges,” imposing radical centrism according to Anthony Gidden contradictions completely lose their fundamental importance. Within the framework of this hypothesis, the author constructs a theoretical dialogue between Italian post-Operatism (Antonio Negri, Paolo Virno, Franco Berardi, Maurizio Lazzarato, etc.) and domestic cultural philosophies (Vladimir Bibler, Vadim Mezhuyev, Nal Zlobin, Moses Kagan, Arnold Arnoldov, etc.), which are usually located at opposite poles of the political spectrum: post-operatives are known as anarchists, and cultural philosophers are more conservative and rather closer to the Social Democrats.

Both schools, referring to Karl Marx’s early works, analyze a new reality where the role of the main producer is occupied by a cultural person (scientist/artist) or a post-industrial worker. Both schools experience a certain affect of disappointment in radical political changes, and therefore see the main way to improve society no longer in political struggle, but in culture and communication. But while Italian Marxists urge to seek horizontal solidarity in subcultures, cultural philosophers take a position of power, developing pedagogical programs to make from proletariat the so-called cognitariat. The post-operatives label the new society emerging with the term “Empire.” The author of the article draws parallels between the new Empire and the late USSR, in which cultural philosophers worked. The article compares critical and apologetic views on post-Fordist production, as well as examines two proposed Enlightenment projects. The article attempts to demonstrate the theoretical similarities of the two directions and lays a certain foundation for their convergence with the aim of creating a dialectical theory that would combine both elements of pedagogy and a program of horizontal solidarity.

DOI: 10.17323/0869-5377-2024-2-195-215

References

- Arendt H. *Istoki totalitarizma* [The Origins of Totalitarianism], Moscow, Center-Com, 1996.
- Arnoldov A. Obrazovanie — energiya dukhovnogo mira cheloveka [Education Is the Energy of the Human Spiritual World]. *Gumanitarnoe prostranstvo* [Humanity Space], 2012, no. 1, pp. 24–51.
- Arnoldov A. Teoriya kul'tury: istorizm i voprosy metodologii [Culture Theory: Historicism and Methodological Issues]. *Kul'tura, chelovek i kartina mira* [Culture, the Human Being, and the Picture of the World], Moscow, Nauka, 1987.
- Bell D. *Griadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniia* [The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting], Moscow, Academia, 1999.

- Berardi F. *After the Future* (eds. G. Genosko, N. Thoburn), Oakland, CA, AK Press, 2011.
- Berardi F. *Dusha za rabotoi. Ot otchuzhdeniia k avtonomii* [L'Anima al lavoro. Alienazione, estraneità, autonomia], Moscow, Grundrisse, 2019.
- Bibler V. Eshche odin dialog Monologista s Dialogikom [Another Dialog Between the Monologist and the Dialogician]. *Arkhe* [Arche], 1993, no. 1, pp. 9–70.
- Bibler V. O Markse — vser'ez (Razmyshleniia v kontse XX veka) [On Marx — Seriously (Reflections at the End of the XX Century)]. *Polis. Political Studies*, 1996, no. 1, pp. 119–128.
- Bibler V. *Ot naukoucheniia — k logike kul'tury. Dva filosofskikh vvedeniia v dvadtsat' pervyi vek* [From Science Studies to the Logic of Culture. Two Philosophical Introductions to the Twenty-first Century], Moscow, Politizdat, 1990.
- Bibler V. *Samostoian'e cheloveka. "Predmetnaia deiatel'nost'" v kontseptsii Marksa i samodeterminatsiia individa* [The Self-determination of the Individual. "Object-oriented Activity" in Marx's Concept and Self-determination of an Individual], Kemerovo, Alef, 1993.
- Bibler V. Shkola "dialoga kul'tur" [The School of the "Dialog of Cultures"]. *Sovetskaiia pedagogika* [Soviet Pedagogy], 1988, no. 11, pp. 29–34.
- Federici S. *Revolution at Point Zero: Housework, Reproduction, and Feminist Struggle*, Oakland, CA, AK Press, 2012.
- Gardiner M. Bakhtin and the "General Intellect". *Educational Philosophy and Theory*, 2017, vol. 49, no. 9, pp. 893–908.
- Graeber D. "*The Sadness of Post-Workerism*", *Revolutions in Reverse: Essays on Politics, Violence, Art, and the Imagination*, N.Y., Autonomedia, 2012.
- Hardt M., Negri A. *Imperiia* [Empire], Moscow, Praxis, 2004.
- Hardt M., Negri A. *Mnozhestvo: voina i demokratiia v epokhu imperii* [Multitude: War and Democracy in the Age of Empire], Moscow, Kul'turnaia revoliutsiia [Cultural Revolution], 2006.
- Ilyenkov E. Marx and the Western World. *From the Marxist-Leninist Point of View* (ed. N. Lobkowicz), London, University of Notre Dame Press, 1967.
- Ilyenkov E. Chto zhe takoe lichnost'? [So, What Is a Personality?]. *S chego nachinaetsia lichnost'* [What Does the Personality Begin With], Moscow, Nauka, 1984, pp. 319–358.
- Ilyenkov E. Gegel' i "otchuzhdenie" [Hegel and "Alienation"]. *Filosofiiia i kul'tura* [Philosophy and Culture], Moscow, Politizdat, 1991.
- Kagan M. Globalizatsiia kul'turnykh protsessov: stanovlenie dialogicheskogo myshleniia [Globalization of Cultural Processes: The Formation of Dialogic Thinking]. *Globalizatsiia: sinergeticheskii podkhod* [Globalization: A Synergetic Approach], Moscow, RAPA, 2002.
- Khudik V. Lev Semenovich Vygotsky: vchera, segodnia, zavtra [Lev Semenovich Vygotsky: yesterday, today, tomorrow]. *Pedagogic Correction Education Journal*, 2015, no. 2 (2), pp. 98–104.
- Kristeva J. Bakhtine, le mot, le dialogue et le roman. *Critique*, 1967, vol. 23, no. 239, pp. 438–465.
- Lazzarato M. Nematerial'nyi trud [Immaterial Labour]. *Khudozhestvennyi zhurnal* [Moscow Art Magazine], 2008, no. 69. Available at: <https://moscowartmagazine.com/issue/23/article/369>.
- Lazzarato M. *Signs and Machines: Capitalism and the Production of Subjectivity*, Los Angeles, Semiotext (e), 2014.

- Mareev S. Spinoza v sovetskoi filosofii [Spinoza in Soviet philosophy]. *Logos* (Russia), 2007, no. 2 (59), pp. 187–200.
- Marx K. Ekonomicheskie rukopisi 1857–1859 godov [Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie]. In: Marx K., Engels F. *Sochineniia* [Works], Moscow, Politizdat, 1969, vol. 46, pt. 2.
- Marx K. *Grundrisse der. Kritik der Politischen Ökonomie Politische Ökonomie: Geschichte und Kritik*, Hamburg, Europäische Verlagsanstalt, 1967.
- Mezhuev V. Sotsializm — prostranstvo kul'tury (Eshche raz o sotsialisticheskoi idee) [Socialism Is the Space of Culture (Once Again on the Socialist Idea)]. *Knowledge. Understanding. Skill*, 2006, no. 3, pp. 82–92.
- Negri A. Deleuze/Spinoza. Un devenir-politique. *Archives de Philosophie*, 2021, vol. 84, no. 3, pp. 51–63.
- Negri A. *Marx Beyond Marx: Working Notes on the Grundrisse*, London, Red Notes, 1988.
- Negri A. Some Thoughts on the Use of Dialectics. *African Yearbook of Rhetoric*, 2012, vol. 3, no. 1, pp. 2–11.
- Negri A., Bosteels B. An Italian Rupture: Production Against Development. *Diacritics*, 2009, vol. 39, no. 3, pp. 21–27.
- Negri A., Hardt M. *Commonwealth*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 2011.
- Penzin A. The Soviets of the Multitude: On Collectivity and Collective Work: An Interview With Paolo Virno. *Mediations*, 2010, vol. 25, no. 1, pp. 81–92.
- Tinus N. Protsess i otnoshenie: istoki avtonomistskoi teorii individuatsii [Process and Relation: Origins of the Autonomist Theory of Individuation]. *Politeia*, 2021, no. 1 (100), pp. 44–59.
- Toffler A. *Metamorfozy vlasti* [Powershift: Knowledge, Wealth, and Violence at the Edge of the 21st Century], Moscow, AST, 2003.
- Virno P. “General Intellect” in *Lessico Postfordista*, Milano, Feltrinelli, 2001.
- Virno P. *Grammatika mnozhestva. K analizu form sovremennoi zhizni* [Grammatica della moltitudine. Per una analisi delle forme di vita contemporanee], Moscow, Ad Marginem, 2013.
- Yurchak A. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'*. *Poslednee sovetskoe pokolenie* [Everything Was Forever, Until It Was No More: The Last Soviet Generation], Moscow, NLO, 2014.
- Zlobin N. *Kul'tura i obshchestvennyi progress* [Culture and Social Progress], Moscow, Nauka, 1980.

Время — вперед: необратимость события, аффект и нарративы будущего

Дина Шулятьева

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия,
dshulyatyeva@hse.ru.

Ключевые слова: нарративы будущего; разветвленное повествование; событие; аффект; контрфактуальность; альтернативные возможные миры; Пол Остер.

Современные литература и кино полны сложных повествовательных форм: они всячески пытаются озадачить читателя и зрителя и заодно — переопределить базовые нарративные категории. Так происходит и с разветвленным повествованием, нарративный мир которого состоит из нескольких альтернативных возможных миров. События в нем могут быть как обратимыми, так и необратимыми, но каждый раз в этих своих свойствах непредсказуемыми для читателя.

Необратимость события в такой повествовательной форме рассмотрена в статье на примере романа Пола Остера «4321» (2017). Она соседствует с обратимостью: и если обратимость позволяет в каждой новой сюжетной линии заново переписывать фабулу, то необратимость производит иной эффект. Пробле-

матизация необратимости события в разветвленном повествовании связана с аффективным воздействием на читателя: необратимые события неизбежно повторяются в каждой из представленных сюжетных линий и этим повторением интенсифицируют (чаще трагическое) переживание. Повторение необратимых событий создает и особый ритм в повествовании, моделирующий тот тип мимесиса, который отдельными исследователями (Вивиан Собчак) определяется как «телесный», менее опосредованный. Переживание, которое создается таким типом событий, вступает в противоречие с иным, сконструированным обратимыми событиями, а все вместе они производят эффект хаотического движения времени, разностороннего (и одновременного) воздействия на читателя.

СОВРЕМЕННЫЕ литературные повествования все активнее опосредуются другими медиа (кино и видеоиграми, прежде всего), испытывают заметное влияние цифровой среды, в которой обитают, вступают в диалог с относительно новыми формами литературы (интерактивной, например) — а значит, неизбежно меняются и сами. Эти изменения в современной повествовательности — вовсе не косметические; их загадочная сила обнаруживает себя и в том, как эти нарративы все активнее пытаются переосмыслить те повествовательные параметры, которые долгое время считаются устойчивыми и неизменными. Так, они усложняют привычную для читателя реконструкцию фабулы¹, создают множество возможных миров внутри повествовательного мира, экспериментируют с незавершаемостью истории, все больше и больше озадачивая читателя и зрителя. Проблематизируют они и событие, и нарративную логику, нередко сочетая ее с игровой² или с логикой «баз данных»³. Наконец, как утверждает, например, Кристоф Боде, они и вовсе пытаются переопределить понятие повествования⁴ — и именно этим заглядывают в будущее повествовательных форм.

Такие существенные изменения в повествовательности требуют и ее переопределения — и неудивительно поэтому, что такие нарративы получают и особое именование: исследователи (Кристоф Боде, Фелиситас Майферт-Менхард, Райнер Дитрих, Сабина Шенк) предлагают их называть «нарративы будущего»⁵, проти-

1. Richardson B. *A Poetics of Plot for the Twenty-First Century: Theorizing Unruly Narratives*. Columbus, OH: The Ohio State University Press, 2019.
2. Hermann M. *Hollywood Goes Computer Game: Narrative Remediation in the Time-Loop* // *Quests Groundhog Day and 12:01 // Unnatural Narratives — Unnatural Narratology* / J. Alber, R. Heinze (eds). B.: De Gruyter, 2011. P. 145–161.
3. Pethő A. *Film in the Post-Media Age*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2012.
4. Bode Ch, Dietrich R. *Future Narratives: Theory, Poetics, and Media-Historical Moment*. B.; Boston: De Gruyter, 2013.
5. Meifert-Menhard F. *Playing the Text, Performing the Future: Future Narratives in Print and Digiture* // *Narrating Futures* / Ch. Bode (ed.). Vol. 2. B.; Boston: De Gruyter, 2013; Schenk S. *Running and Clicking: Future Narratives in Film*. B.; Boston: De Gruyter, 2013.

вопоставляя их тем самым традиционному повествованию, за которым закрепляют понятие «нарратив прошлого».

Нарративы будущего — по Боде и Дитрих — порывают с устоявшимся определением повествования как рассказа о прошлом; теперь эти нарративы имеют дело с незавершенной событийностью, которая выстраивается в повествовании в процессе взаимодействия читателя с ней. Акцент при этом ставится и на специфической активности читателя: если история еще не завершена, то на нее еще можно повлиять, и эта иллюзия в таких нарративах, конечно, куда сильнее, чем в традиционных, предполагающих, что нарратор, делясь с читателем своей историей, уже знает, чем она закончится (о таком свойстве традиционного повествования пишет, например, Карло Гинзбург).

Так, нарративы будущего, в отличие от традиционных повествований, имеют дело с незавершенными событиями, но обладают и существенными ограничениями. Боде, Дитрих и Майферт-Менхард косвенно на них указывают, когда в качестве материала для своего исследования выбирают интерактивную литературу, куда меньшее внимание уделяя литературе неинтерактивной. И такой выбор понятен: если интерактивная литература (или видеоигры⁶) действительно позволяет читателю делать непосредственный выбор и тем самым конструировать нарратив, разворачивать его самостоятельно шаг за шагом, выбор — за выбором, то неинтерактивная литература такой «непосредственностью» не обладает. Но это не значит, что она не представляет в этом контексте особого интереса.

Даже наоборот: среди множества самых разнообразных современных повествовательных форм (пазлы⁷, сети⁸, временные петли, модульные⁹, мультиформенные, фрактальные¹⁰ и даже «буйные» нарративы¹¹) особое развитие получает разветвленное повествование, которое ловко адаптирует знаменитую борхесов-

6. Domsch S. Storyplaying: Agency and Narrative in Video Games. B.; Boston: De Gruyter, 2013.

7. Hollywood Puzzle Films / W. Buckland (ed.). N.Y., L.: Routledge, 2014.

8. Schober R. Spider Web, Labyrinth, Tighrope Walk: Networks in US American Literature and Culture. B.; Boston: De Gruyter, 2023.

9. Cameron A. Modular Narratives in Contemporary Cinema. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2008.

10. Duarte G. Fractal Narrative: About the Relationship Between Geometries and Technology and Its Impact on Narrative Spaces. Bielefeld: transcript, 2014.

11. Richardson B. Op. cit.

скую идею о расходящихся тропках к современной повествовательной ситуации.

Разветвленное повествование (*forking-path narrative*) можно определить как повествовательную форму, которая открывает читателю не одну жизнь героя, а сразу несколько, предлагая ему в действительности рассказ не о том, что с героем произошло, а о том, что только могло бы произойти, предлагая читателю вместо свершившегося — россыпь вариаций, описывающих и создающих только возможные, но не актуализованные миры.

Такой тип повествования находит свое воплощение в литературе (в романе Пола Остера «4321» (2017), Джейн Эрпенбек «Хвали день к вечеру» (2013), Кейт Аткинсон «Жизнь после жизни» (2013) и др.) и в кино («Курить/не курить» (1993) Алена Рене, «Беги, Лола, беги» (1998) Тома Тыквера и др.) и только начинает подробно изучаться исследователями — и самим этим фактом, кажется, тоже может быть отнесен к нарративам *будущего*. Разветвленное повествование по-своему обсуждают и исследователи возможных миров, и исследователи контрфактуальных повествований, и представители неестественной нарратологии¹². Последние подчеркивают: такой (новый) тип литературного повествования не только по-своему абсорбирует переживание современности, но и вынуждает саму нарратологию (предлагающую язык описания разным нарративам) меняться. В чем же повествовательная особость этих нарративов?

Такой тип повествования любопытен тем, что вынуждает читателя возвращаться к событиям, которые уже однажды произошли: раз читателю предложено следить за несколькими вариантами жизни героя (представленными последовательно или попеременно), то не избежать ему и возвращения к одним и тем же событиям — некоторые из которых в каждой новой жизни претерпевают, конечно, изменения. Такая работа с повествовательным событием по-своему удивительна: если принимать во внимание определение события, которое мыслит необратимость и неповторимость его ключевыми характеристиками.

Возвращение читателя к прежде уже произошедшему в повествовании выдвигает на первый план его основной конструктивный принцип: повторения и вариаций. Такое возвращение предполагает и то, что некоторые из уже произошедших событий могут быть обратимыми: если в одной вариации герой уже умер, в другой — он

12. *Idem*. Toward a Poetics of Multiversion Narratives // *Fabula*. 19.11.2023. URL: <https://www.fabula.org/colloques/document11181.php>.

еще жив; если в одном варианте судьбы он расстается с возлюбленной, в другой — продолжает с ней свои отношения. Получается, что в подобном типе повествования даже трагические (смерть) и неизменяемые события еще можно отмотать назад и переиграть. Такая обратимость событий сама по себе примечательна, но любопытно и то, что в разветвленном повествовании она соседствует с необратимостью: так, продвигаясь от одной вариации к другой, одни события еще могут быть отменены или исправлены, но другие — все равно остаются неизменными, необратимыми.

Такое соседство обратимых событий с необратимыми в разветвленной форме усложняет читательское взаимодействие с ними: читателю трудно предсказать, на какие из событий правило обратимости распространяется, а на какие — нет. Как подобное устройство разветвленного повествования позволяет проблематизировать читательский опыт? И какие эффекты производит такое функционирование событийности в повествовании?

Мы рассмотрим эту повествовательную особенность разветвленного нарратива на примере романа «4321», который включает в себя четыре основные сюжетные линии, каждая из которых — новая вариация жизни героя. При этом четыре варианта жизни показаны не континуально (сначала — один, затем — второй и пр.), а дискретно: читатель знакомится сначала с четырьмя вариантами детства, затем — школьной юности, потом — университетских лет, и так семь раз подряд.

Необратимость как свойство такого повествования распространяется, как правило, на все события, которые можно назвать фактуальными и которые отсылают читателя к реальному историческому, культурному, социальному контексту рассказанной в романе истории. Наряду с вымышленными событиями и героями в повествовании присутствуют и те, которые обладают референциальностью, и вот на них как раз обратимость распространяется гораздо реже.

Роман изобилует маркерами исторического контекста: они, конечно, нацелены на создание эффекта правдоподобия и достоверности, необходимы для погружения читателя в то прошлое, в котором живет и взрослеет герой. Но обилие таких маркеров, создавая фактуальный фон описанных событий, вступает в противоречие с вымышленными событиями как раз с точки зрения обратимости/необратимости: если все, что происходит с героями, может быть по-своему переиграно и обращено вспять, то реальные исторические события, к которым апеллирует роман, необратимы. Такая конструкция производит разнонаправленное и противоречи-

вое переживание, требующее от читателя совмещения ощущения чудесной безопасности (обратимость) и невозвратности, неотвратимости (необратимость). К тому же таким образом в разветвленном повествовании удастся совместить сразу два эффекта — реалистичного, достоверного, правдоподобного переживания и переживания игры, условности, отказа от вериг правдоподобия. Первое (реалистическое) переживание оказывается даже гипертрофировано за счет функционирования разветвленной формы: оно не только репрезентировано как необратимое, оно — за счет повествования — повторяется для читателя снова и снова, когда он переходит от одной повествовательной линии к другой. И в одной, и в другой, и в третьей юности героя с исторической точки зрения происходит одно и то же — начинается и длится война во Вьетнаме, убивают Джона Кеннеди, происходят расовые волнения... В реальности каждое событие — уникально, то есть происходит лишь единожды, тогда как разветвленная повествовательная форма, не прибегая к контрфактуальности в узком смысле этого понятия, предлагает читателю пережить вместе с героем эти события сразу несколько раз, только усиливая тем самым не только эффект неотвратимости и неизбежности, но и трагизм связанного с ним переживания.

Так, исторические события, упоминаемые в романе, не «ветвятся», но повторяются: и за счет повторения в каждой из вновь возникающих линий тоже теряют статус уникального, единственный раз произошедшего события. Такое повторение не может оставить взаимодействие читателя с событием неизменным и трансформирует это взаимодействие с точки зрения его аффективного измерения. Сёрен Кьеркегор в эссе «Повторение» подчеркивает: «событие, в точности воспроизводящееся несколько раз, не может быть равно одно другому, оно меняется», — говорит он и приводит пример. Забавная история, рассказанная единожды, вызывает у слушателей смех; если тут же повторить ее еще раз, смех она не вызовет. Повторение одного и того же события изменит не его семантику, но его воздействие — аффект, порожденный этим событием. С опорой на эссе Кьеркегора размышляет и Жиль Делёз, говоря о «повторении и различии», и таким различием в данном случае и становится аффективное воздействие повторяющегося события. Повторение как нарративный прием и форма опробования во множестве литературных и киноповествований¹³, но здесь

13. Допустим, в новелле Роберта Кувера «Лифт» (1967), в фильме Джима Джармуша «Кофе и сигареты» (2003) или в фильме Киры Муратовой «Вечное возвращение» (2012).

этот прием используется точно, локализуя себя в связке с необратимостью. Но как производится это аффективное воздействие? Одно и то же событие, отсылающее нас к произошедшему в реальности, повторяется вновь и вновь: оно не меняется от линии к линии так же, как не меняется (с фактуальной точки зрения) в его соотношении с реальностью. Содержание этого события читателю известно, и потому с каждым новым повторением он все меньшее внимание уделяет самому факту произошедшего, но все большее — тому, как оно переживается, то есть повторение (уже известного) переключает его внимание на различие. Причем значимым оказывается и аффективная оркестровка события в романе (то, как героем переживаются эти события, то, как с аффективной точки зрения они представлены нарратором), и собственное читательское переживание. С каждым новым повторением значение события как будто бы стирается, зато усиливается переживание. Повторение не информирует, но напоминает, заставляет читателя вновь переживать то, что уже было пережито (герой уже был убит, и вот его, уже мертвого, убивают снова). Повторение удваивает (или умножает) и тем самым усиливает воздействие, подобно тому, как, например, в театре маска удваивает эмоцию актера и таким образом вовлекает зрителя в миметическое сопереживание, заражая его силой воздействия, произведенного удвоением.

Но каким образом это происходит в романе Остера? Воздействие необратимых в разветвленном повествовании событий интенсифицируется сразу несколькими способами. Историческое событие, представленное в романе, повторяет то же, произошедшее в реальности, и в пространстве вымысла остается таким же необратимым, каким является в реальности: происходит удвоение эффекта необратимости. Затем это событие (не меняясь с точки зрения значения) повторяется вновь: оно опять необратимо и вновь напоминает читателю об этом. При этом необратимость исторического события вступает в конфликт с обратимостью событий вымышленных: на таком контрасте эффект необратимости только подчеркивается, подсвечивается, потому усиливается. И в еще одной вариации жизни героя происходит то же самое: необратимое событие настойчиво присутствует, навязчиво напоминая читателю о том, что изменено быть не может, что произошло окончательно и бесповоротно. Навязчивое присутствие этих необратимых событий создается и тем, как в романе они повторяются внутри каждой из линий: недостаточно оказывается того, что они случились и что о них в романе уже рассказано, в пределах по-

вестовательного мира они вновь возвращаются к герою и к читателю упоминанием в газетах, по телевизору и в разговорах, неотступно следуя за ним. Неудивительно в этом контексте, что умножение одного и того же события безо всякого его изменения производится и за счет репрезентации переживания этого события самими героями. Мы вновь наблюдаем как будто бы театральное удвоение, когда в коммуникации между героями само событие повторяется, а его переживание (эмоции, оценка) — разнятся.

Так происходит, например, с линией Кеннеди в романе. Вот перед нами первая жизнь героя, вот он подросток, для которого Кеннеди — самый настоящий герой, объект восхищения и поклонения. В тексте ему уделяется много внимания, причем внимания аффективного: портреты Кеннеди наполняют комнату героя, события собственной жизни он сравнивает с его жизнью, пристально следит за предвыборной гонкой, истово переживая все, что происходит в политической жизни страны. Эти события ни в коем случае нельзя назвать фоном, нельзя их свести к эффекту только достоверности, наоборот, они — источник внушительного переживания для героя, в котором аффективное, возможно, существенно преобладает над информативным (фактуальным). Так герой следит и за инаугурацией нового президента, и в этой же сцене появляется Роберт Фрост с упоминанием того стихотворения, которое содержит ключевую для разветвленной повествовательной формы метафору: «В желтом лесу разошлись два пути». К тому же он ритмично (одному слову — одно предложение) пересказывает речь самого Кеннеди, тем самым ритмически (и метонимически, и телесно) приближая эту речь к читателю, да и его собственная жизнь, кажется, уже неотделима от того, кого он многожды называет человеком будущего.

В этом отношении все, что происходит с Кеннеди, становится не только событием для повествователя (и потому включается в сюжет), но и особым событием для героя — в том значении этого понятия, которое ему давал Брайан Массуми, подчеркивая, что событие — это прежде всего придание эмоциональной интенсивности тому, что в норме не замечается¹⁴. Разумеется, такая обильная репрезентация опыта героя, подчеркнуто аффективная, лишь подготовка к тому событию, которое изменить уже будет нельзя — убийству Кеннеди. И читателем это событие (уже) переживается тем более сильно, ведь оно подготовлено предшествующей репрезентацией опыта героя — и потому не может пройти

14. *Massumi B. The Autonomy of Affect // Cultural Critique. 1995. № 31. P. 83–109.*

незамеченным. На уровне репрезентации мы видим, как события фактуальные представлены не «фактично», но аффективно — и именно это делает их запоминающимися для читателя, именно это позволяет создавать последовательную интенсификацию переживания.

Подобное происходит и с другими историческими событиями в романе: с речью Мартина Лютера Кинга, когда семья героя и их соседи соберутся около телевизионного экрана, когда сотни людей выйдут на площадь; инаугурацией нового президента Линдона Джонсона, пришедшего на смену Кеннеди; правлением президента Ричарда Никсона и др.

Событие сохраняется, упорствует в собственной неизменяемости, а переживание действует подобно заражению, охватывая как по цепочке сразу нескольких персонажей, демонстрируя таким образом вирусное распространение переживания, связанного с повторением (в коммуникации) одного и того же события, как будто бы приглашая читателя к миметическому проживанию того же самого эффекта. Потому, наверное, для репрезентации этих повторяющихся в тексте исторических событий Остер нередко прибегает к изображению митингов, стихийных акций, протестов — своеобразного коллективного мимесиса, характеризующегося не только вирусным заражением, но и выражением единого аффективного порыва.

Переживание этих событий героями в каждой из линий меняется, но все время присутствует: герои переживают случившееся в первый раз, тогда как читатель — с очевидной оглядкой на то, что уже было прежде и рассказано, и показано, и пережито. Добавление нового переживания — взамен добавления события, которое не добавляется, а повторяется, — накладывается на прежде пережитое и не отменяет его, а только усиливает. Так, можно сказать, что за счет повторения необратимых событий в разветвленной повествовательной форме мы имеем дело с аффективной амплификацией — последовательно наращиваемым воздействием, предполагающим силовой, энергетический, эмоциональный эффект, но не информирующий.

Подобная нарративная работа с неизменяемыми событиями тем более интенсифицирует читательское переживание, ведь среди упоминаемых событий повторяются в основном трагические: убийство Кеннеди, Кинга и пр. В этом смысле постоянное неизменяемое присутствие таких событий становится для читателя чем-то вроде *temento mori*, выразительным сигналом о всякого рода конечности: человека, события, текста, его самого.

Так формируется разнородное воздействие на читателя и его же разнородное переживание: необратимость самих событий идет рука об руку с варьированием их переживания как героями, так и читателем.

Эта разнородность переживания усиливается и за счет того, как в романе используются датировки: упоминаемые исторические события имплицитно указывают читателю на годы, в которые происходят события, но помимо этого роман наполнен темпоральными маркерами, датами, некоторые из которых даже специально (графически) выделены курсивом. Такая работа со временем в повествовании производит эффект тикающих часов: читатель то и дело сталкивается с упоминанием конкретного числа, месяца, года, в которых все и происходит. Кажется, что время никогда не выходит из-под контроля повествователя, оно всегда здесь, зафиксировано, отслежено и предъявлено читателю. Такие датировки производят необычный эффект: с одной стороны, они цементируют хронологию событий, не дают ни героям, ни читателю потеряться во времени; с другой стороны, они поддерживают генеалогический эффект, созданный еще семейным древом в самом начале романа (роман начинается с подробного многостраничного описания нескольких поколений семьи главного героя). Кажется — благодаря такому приему — что все развивается последовательно и одновременно неотвратно: тикающие часы задают свой собственный ритм в повествовании, напоминая при этом календарь, с которого срывают листки (один год, второй, следующий за ним...). Если личное время героя в каждой из линий может идти вспять (то ему 6, то ему 5 — узнаем мы из романа), то даты из календаря не лгут и никогда не сворачивают с намеченного пути, идут вперед. И вновь дело, кажется, не только в эффекте достоверности, производимом таким «календарем»: даты явно создают для читателя временную опору (он знает, когда что происходит, ему легче ориентироваться в событийности), но и отдельное темпоральное измерение его переживания. Это измерение — четкое, ясное, последовательное, необратимое — контрастирует с его собственным (личным) темпоральным переживанием, создаваемым при взаимодействии с повествованием. Подобно герою, личное время которого не синхронизировано с датами, прописанными в романе, читатель тоже оказывается в зоне темпоральной рассинхронизации. Он то продвигается по времени вперед, то оборачивается вспять, то сам (уже в воображении) соотносит происходящее с тем, что уже произошло, при этом находясь в ощущении, что все описанное разворачива-

ется перед ним здесь и сейчас; при всем этом он еще соотносит себя с героем, время которого тоже уклоняется от линейного развития и тоже по-своему наполняется призраками прошлого, которые тянут его назад. Темпоральный опыт героя и опыт читателя не совпадают с тем, что размечается при помощи выверенных в романе дат, и потому они становятся не только опорой для него при движении по повествованию, но и сигнализируют о том, как его собственное переживание времени отличается от привычного, ритмичного, линейного хода.

Использование дат в романе (например, в главе 6.1), кроме того, производит эффект дневника: они выделены курсивом, с них начинается каждая часть отдельной главы, они следуют друг за другом строго хронологически, что-то, разумеется, из внимания выпуска. Дневниковый эффект, производимый такими датами, тоже вступает в противоречие со временем повествования: дневник как жанр является парадиегетическим, так как предполагает отсутствие разрыва между событием фабульным и событием репрезентации, а значит, предполагает, что зазор между ними или не существует, или является крайне незначительным¹⁵. Дневниковый эффект потому должен усиливать у читателя ощущение происходящего здесь и сейчас, а также должен уравнивать его с повествователем с точки зрения объема знания о произошедшем. Повествование (в строгом смысле), в отличие от парадиегетических жанров, предполагает совмещение двух временных пластов и существенный разрыв между ними, то есть одновременно всегда указывает читателю на то, что события в рассказываемой истории уже завершены и повествователь знает о том, чем все закончилось, в отличие от читателя. Ощущение иммедиации, создаваемое имитацией дневниковых записей (которые таковыми не являются, этот эффект производят только датировки), тут же сталкивается с совершенно противоположным ощущением — ощущением временного зазора и медиации, опосредования, которое создается репрезентацией событий. Если даты имитируют дневник, то события, которые в это время описываются, представлены в диегетическом режиме, то есть предполагают временной зазор между репрезентацией событий и фабулой. Так читатель вновь оказывается в ситуации разнородного переживания, которое требует от него соотнесения собственного временного опыта с тем, ко-

15. Зенкин С. Н. Теория литературы: проблемы и результаты. М.: НЛО, 2018. С. 153.

торое дополнительно формируется при помощи «дневниковой» линии.

Необратимость, которая создается в повествовании за счет жестко выстроенной датированной хронологии, поддерживается и утрированной четкостью, которую обретают отдельные элементы повествования. Так, в романе нередко события представлены списком, по пунктам, в отрефлексированном, предельно рационализированном режиме: они тоже, как и датировки, маркированы графически: 1), 2), 3), 4) и пр. Такая репрезентация событий подчеркивает их почти неестественную (сконструированную) упорядоченность, но кроме этого — сигнализирует о линейном (в этих эпизодах) развитии событий и их временной прогрессивности. Такие списки выбиваются из общей нарративной конструкции романа, в котором время, кажется, может двигаться в самых разных направлениях, причем делать это мало предсказуемым, неожиданным образом. Появление таких репрезентативных структур контрастирует с тем ощущением беспорядочного, непокорного времени, которое создается на событийном уровне; такие перечисления, кажется, пытаются предъявить читателю порядок, но в действительности создают конфликт — с субъективно (и сложно) переживаемым временем, бегущим всякой упорядоченности и линейности. Такие конструкции — так же, как это было и с датировками, — наделяются ритмической функцией, отсчитывающей последовательно «один, два, три, четыре...», сигнализирующей о неотвратимости временной прогрессии, но вновь создающей конфликт — отсылающей читателя к названию романа, в котором те же числа этой прогрессии бегут («4321»), разворачиваясь в обратном направлении.

Разнородное переживание создается и за счет столкновения линейности чтения и нелинейности представленных событий. Конвенциональное чтение по своей сути необратимо — читатель может двигаться по тексту в любом направлении, может возвращаться к нему после завершения первичного чтения, но в самом общем и привычном виде последовательно движется от начала романа к его концу. В этом смысле движение читателя по роману тоже содержит в себе эффект необратимости, а продвижение по тексту вперед — неотвратимость конца повествования. В романе это движение подчеркивается названием глав: 1.1, 1.2, 1.3, 1.4, затем — 2.1, 2.2, 2.3, 2.4 и пр. Такие названия, по сути, содержат только одну семантику — указание на временную прогрессию, причем на прогрессию именно читательскую — в том, как он сам движется по тексту. Перечитывание (возможное) романа создаст эффект

повторения, о котором шла речь прежде, но уже на уровне восприятия, а не на уровне репрезентации событий: иными словами, даже когда читатель вернется к уже завершенному повествованию, оно для него не останется прежним, все время будет настроено на производство различий (например, на заполнение лакун, упущенных прежде; на подсвечивание тех зон текста, которые прежде оставались для читателя слепыми, и пр.). Такое сочтание — линейное движение по тексту и приближение к его концу и, с другой стороны, события, которые на уровне репрезентации могут быть обращены вспять, тоже способствует созданию разнородного воздействия и разнородного переживания, построенного на конфликте двух механизмов разветвленной формы: необратимости и обратимости.

Столкновение необратимости одних событий и обратимости других на уровне репрезентации производит еще один эффект: исторические события, являющиеся в романе необратимыми, все время напоминают читателю о реальности, подчеркивают тот зазор между его реальной и воображаемой жизнью, который, в общем, присутствует всегда, но не всегда им четко осознается в моменте чтения. Разветвленная повествовательная форма в этом отношении играет с читателем в любопытную игру: предлагая ему целый спектр возможностей переиграть жизнь героя, она настойчиво напоминает ему об ограниченности такой возможности в реальности и о его собственной ограниченности, тем самым в целом отбивает в повествовании ритм необратимости, сталкивает фактуальное с контрфактуальным, увеличивая амплитуду колебания читательского переживания, но и сама по себе оказывается струной, натянутой между нарративами прошлого и нарративами будущего.

Библиография

- Зенкин С. Н. Теория литературы: проблемы и результаты. М.: НЛЮ, 2018.
- Bode Ch, Dietrich R. Future Narratives: Theory, Poetics, and Media-Historical Moment. B.; Boston: De Gruyter, 2013.
- Cameron A. Modular Narratives in Contemporary Cinema. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2008.
- Domsch S. Storyplaying: Agency and Narrative in Video Games. B.; Boston: De Gruyter, 2013.
- Duarte G. Fractal Narrative: About the Relationship Between Geometries and Technology and Its Impact on Narrative Spaces. Bielefeld: transcript, 2014.
- Hermann M. Hollywood Goes Computer Game: Narrative Remediation in the Time-Loop Quests Groundhog Day and 12:01// Unnatural Narratives — Unnatural Narratology / J. Alber, R. Heinze (eds). B.: De Gruyter, 2011. P. 145–161.

- Hollywood Puzzle Films / W. Buckland (ed.). N.Y., L.: Routledge, 2014.
- Massumi B. The Autonomy of Affect // *Cultural Critique*. 1995. № 31. P. 83–109.
- Meifert-Menhard F. Playing the Text, Performing the Future: Future Narratives in Print and Digiture // *Narrating Futures* / Ch. Bode (ed.). Vol. 2. B.; Boston: De Gruyter, 2013.
- Pethő A. Film in the Post-Media Age. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2012.
- Richardson B. A Poetics of Plot for the Twenty-First Century: Theorizing Unruly Narratives. Columbus, OH: The Ohio State University Press, 2019.
- Richardson B. Toward a Poetics of Multiversion Narratives // *Fabula*. 19.11.2023. URL: <https://www.fabula.org/colloques/document11181.php>.
- Schenk S. Running and Clicking: Future Narratives in Film. B.; Boston: De Gruyter, 2013.
- Schober R. Spider Web, Labyrinth, Tightrope Walk: Networks in US American Literature and Culture. B.; Boston: De Gruyter, 2023.

TIME, FORWARD: IRREVERSIBLE EVENTS, AFFECT, AND FUTURE NARRATIVES

DINA SHULYATYEVA. National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russia, dshulyatyeva@hse.ru.

Keywords: future narratives; forking-path narrative; event; affect; counterfactuality; alternative possible worlds; Paul Auster.

Contemporary fiction and film are full of complex narrative forms. They attempt to make readers' and viewers' experience more perplexed, while also challenging and redefining the basic elements of narrative. The forking-path narrative also highlights the complexity of contemporary narrative forms: it presents a storyworld which encompasses multiple possible alternative worlds. Events within it can be either reversible or irreversible, and each time they remain unpredictable to the reader.

The author examines the irreversibility of events in forking-path narratives on the example of the Paul Auster's novel *4321*. While reversibility of events emphasizes that the fabula can be changed in each storyline and, as a result, it becomes multiversion, irreversibility of events instead has a different effect. Irreversible events operate in forking-path narratives on the principle of repetition: they invariably recur in each storyline, and this recurrence enhances (more frequently a tragic) experience. The recurrence of irreversible events also creates a specific rhythm within the narrative. Such rhythmic patterns emerge at the narrative level and have a major role in shaping the reader's experience, requiring bodily response, i.e. potentially resulting in bodily feelings. It constructs a mimesis which can be understood as "carnal" (in terms of Vivian Sobchack), with less mediation between storyworld and reader reality. The experience generated by irreversible events conflicts with another, shaped by reversible events, and together they generate the effect of a chaotic temporal movement, typical for narratives that can be regarded as "unruly" and "extreme," with a versatile (and simultaneous) impact on the reader.

DOI: 10.17323/0869-5377-2024-2-219-232

References

- Bode Ch, Dietrich R. *Future Narratives: Theory, Poetics, and Media-Historical Moment*, Berlin, Boston, De Gruyter, 2013.
- Cameron A. *Modular Narratives in Contemporary Cinema*, New-York, Palgrave Macmillan, 2008.
- Domsch S. *Storyplaying: Agency and Narrative in Video Games*, Berlin, Boston, De Gruyter, 2013.
- Duarte G. *Fractal Narrative: About the Relationship Between Geometries and Technology and Its Impact on Narrative Spaces*, Bielefeld, transcript, 2014.
- Hermann M. Hollywood Goes Computer Game: Narrative Remediation in the Time-Loop Quests Groundhog Day and 12:01. *Unnatural Narratives — Unnatural Narratology* (eds. J. Alber, R. Heinze), Berlin, De Gruyter, 2011, pp. 145–161.
- Hollywood Puzzle Films* (ed. W. Buckland), New-York, London, Routledge, 2014.
- Massumi B. The Autonomy of Affect. *Cultural Critique*, 1995, no. 31, pp. 83–109.
- Meifert-Menhard F. Playing the Text, Performing the Future: Future Narratives in Print and Digiture. *Narrating Futures* (ed. Ch. Bode), vol. 2, Berlin, Boston, De Gruyter, 2013.
- Pethő A. *Film in the Post-Media Age*, Newcastle upon Tyne, Cambridge Scholars Publishing, 2012.

- Richardson B. *A Poetics of Plot for the Twenty-First Century: Theorizing Unruly Narratives*, Columbus, OH, The Ohio State University Press, 2019.
- Richardson B. Toward a Poetics of Multiversion Narratives. *Fabula*, November 11, 2023. Available at: <https://www.fabula.org/colloques/document11181.php>.
- Schenk S. *Running and Clicking: Future Narratives in Film*, Berlin, Boston, De Gruyter, 2013.
- Schober R. *Spider Web, Labyrinth, Tightrope Walk: Networks in US American Literature and Culture*, Berlin, Boston, De Gruyter, 2023.
- Zenkin S. *Teoriia literatury: problemy i rezul'taty* [Theory of Literature: Issues and Findings], Moscow, NLO.

Пушкин, семья, деньги

Андрей Белых

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Россия, abelykh@inbox.ru.

Ключевые слова: Александр Пушкин; родственники Пушкина; финансовые отношения.

Александр Пушкин писал, что «дух словесности» частично «зависит от состояния писателей». Это относилось и к самому Пушкину — его жизнь в большой степени зависела от материальных условий, от семейного положения и финансовых отношений с родственниками. В статье исследуется эта недостаточно изученная сторона его жизни. В юности значительную материальную помощь Пушкину оказывали родители. Перед женитьбой отец предоставил ему 200 крестьянских душ, под залог которых Пушкин получил кредит в 40 тыс. руб. Из этих денег 11 тыс. руб. он дал в долг Наталье Ивановне Гончаровой, его будущей теще, на приданое дочери, Натальи Николаевны. После свадьбы финансовая поддержка дочери со стороны семьи Гончаровых была минимальной. Долг Пушкину возвращен не был. Постоянным источником финансовых неприятностей в семье Пушкиных был брат Лев. Отношения

с сестрой Ольгой были достаточно теплыми, но ее муж, Николай Павлович, донимал Пушкина денежными требованиями.

Пушкин пытался решать финансовые проблемы семьи, взявшись за управление имением родителей в Болдино, но значимых результатов не добился. Сестры Гончаровой, Екатерина и Александра, с 1834 года жили в семье Пушкина, получали деньги от брата и частично компенсировали расходы на проживание. Жорж Дантес, женившийся на Екатерине в январе 1837 года, получил приданое в 10 тыс. руб. Доходы Пушкина состояли из жалованья как чиновника, крестьянского оброка и заработков от литературной и издательской деятельности. В статье показано, что его расходы на жизнь и семью составили около 429 тыс. руб., львиная доля которых пришлась на период семейной жизни. Последние годы Пушкин постоянно находился под финансовым стрессом.

Всё и все меня обманывают — на кого же, кажется, надеяться, если не на близких и родных.

*Александр Пушкин*¹

Введение

АЛЕКСАНДР Пушкин писал: «Дух нашей словесности отчасти зависит от состояния писателей» (XIII. 219). Это, конечно, относится и к творчеству самого поэта, которое во многом зависело от его материального положения.

Но если «дух словесности» зависит от материального положения, то он, конечно, в большой степени зависит от семейного положения и финансовых отношений с родственниками. Эта сторона жизни Пушкина пока изучена недостаточно. Наше исследование призвано восполнить этот пробел. Мы рассмотрим отношения Пушкина с родственниками: отцом, матерью, братом и сестрой, мужем сестры, а также женой и членами ее семьи.

Начнем с описания первой финансовой операции Пушкина. В 1811 году, когда мальчику было 12 лет, его дядя, Василий Пушкин, должен был отвезти племянника из Москвы в Санкт-Петербург для поступления в Императорский Царскосельский лицей. Перед отъездом тетя, Анна Пушкина, и двоюродная бабушка, Варвара Чичерина, подарили Пушкину 100 рублей. Позднее, в августе 1825 года, Пушкин в письме Вяземскому рассказал, что «по благорасположению своему ко мне» дядя взял у него эти деньги взаймы. В письме содержалась шутливая просьба:

Статья подготовлена в рамках гранта, представленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение о предоставлении гранта № 075-15-2022-326).

1. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., 1837–1937: В 16 т. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1937–1959. Т. XIII. С. 67. В дальнейшем при цитировании этого издания указываются только номер тома (римскими цифрами) и номер страницы (арабскими цифрами).

Так как оному прошло уже более 10 лет без всякого с моей стороны взыскания или предъявления, и как я потерял уже всё законное право на взыскание выше упомянутых 100 рублей (с процентами за 14 лет; что составляет более 200 рублей), то униженно молю его высокоблагородие, милостивого государя дядю моего заплатить мне сии 200 рублей по долгу христианскому — получить же оные деньги уполномочиваю князя Петра Андреевича Вяземского, известного литератора (XIII. 211).

Возвратил ли дядя долг — неизвестно. Во всей этой истории есть что-то символическое — впоследствии, даже когда у взрослого Пушкина появлялись деньги, они быстро уходили и в расходовании средств большую роль играли родственники.

Отец, Сергей Львович Пушкин

Традиционные представления об отце Пушкина рисуют не самую симпатичную картину — он довольно равнодушно относился к старшему сыну, был скуповат, не умел вести хозяйство, ни разу не навестил Пушкина в лицее. Знакомство с историей семьи Пушкиных наводит на мысль об определенной автобиографичности пушкинской трагедии «Скупой рыцарь», что не раз отмечалось пушкинистами. Изучение фактов существенно корректирует эти представления.

В первую очередь внесем ясность в вопрос о посещении лицея Сергеем Пушкиным. Каковы факты? 22 сентября 1811 года Александр I утвердил «Список кандидатам, удостоенным по экзамену принятия в число воспитанников Лицея»². Начались занятия. Конечно, первой навестила сына мать — это произошло 21 января 1812 года (ДБ 1. 164, 228). С 12 апреля по 4 октября 1814 года Надежда Пушкина приезжала в лицей 10 раз. Отец первый раз посетил лицей 11 октября 1814 года и затем приезжал 25 октября, 15 и 29 ноября (ДБ 1. 228–232, 236, 238, 240, 244). В 1815 году Сергей Пушкин был в лицее 15 раз, в 1816 году — 12 раз, в 1817 году — в январе, мае и июне. Последнее посещение — 10 июня (ДБ 1. 284), а 11 июня выпускники уже отправились по месту прохождения службы. Пушкин был зачислен в Коллегию иностранных дел.

2. Александр Сергеевич Пушкин: документы к биографии 1799–1829 / Вступ. ст., сост. В. П. Старк, прим. С. В. Березкиной, В. П. Старк. СПб.: Искусство-СПб, 2007. С. 155–156. Далее — ДБ 1.

В Петербурге Пушкин поселился у родителей, снимавших квартиру в доходном доме Клокачева (наб. реки Фонтанки, 185), и прожил с ними с июня 1817 по май 1820 года, вплоть до ссылки на юг. По отзывам современников, хозяйство велось довольно беспорядочно, денег всегда не хватало. В этом сомневаться не приходится. Чем в этот период был занят Пушкин? Служба не занимала у него много времени, скорее всего он появлялся в Коллегии всего несколько раз — во время дежурств. По авторитетному мнению Светланы Березкиной, какие-либо деловые документы, вышедшие из-под пера Пушкина в 1817–1820 годы, отсутствуют (ДБ 1. 301).

Пушкин вел достаточно рассеянный образ жизни. 4 сентября 1818 года Александр Тургенев писал Петру Вяземскому:

Пушкин по утрам рассказывает Жуковскому, где он всю ночь не спал; целый день делает визиты б...м, мне и княгине Голицыной, а ввечеру иногда играет в банк³.

Можно подумать, что это слишком резкая оценка, но вот что писал младший брат Пушкина, Лев, в чьей доброжелательности по отношению к брату сомневаться не приходится:

По выходе из Лицея Пушкин вполне воспользовался своей молодостью и независимостью. Его по очереди влекли к себе то большой свет, то шумные пиры, то закулисные тайны. Он жадно, бесшечно предавался всем наслаждениям⁴.

Брат дает более литературное описание жизни Пушкина, но по сути эти две оценки совпадают.

Но чтобы быть независимым, нужны деньги. Это четко сформулировал Федор Достоевский: «Деньги есть чеканенная свобода». В чине коллежского асессора Пушкин получал 700 руб. в год, то есть 58 руб. 33 коп. в месяц — меньше 2 руб. в день. На какие же средства он жил? Встречи с друзьями, обеды в ресторанах, посещение театров, общение с «милыми ветреными шлюхами» (VI. 315) — все это требовало денег, причем немалых. Обед в модном ресторане «Андрие» на Малой Морской улице стоил 6 руб.⁵

3. Остафьевский архив князей Вяземских. СПб.: Изд. гр. С. Д. Шереметева, 1899. С. 119.

4. Пушкин Л. С. Биографическое известие об А. С. Пушкине до 1826 года // Семейные предания Пушкиных. СПб.: Издательство «Пушкинского фонда», 2019. С. 28.

5. Яцевич А. Г. Пушкинский Петербург. СПб.: Петрополь, 1993. С. 240.

цены на билеты в театр были различными, но хорошие места стоили несколько рублей. О долгах Пушкина в этот период, если не считать карточных, ничего не известно. Скорее всего, традиционное представление о скупости отца Пушкина все же необходимо скорректировать. Какие-то деньги сыну он, очевидно, давал.

Ссылка Пушкина на юг в 1820 году была обставлена как командировка, ему выплатили деньги на прогоны, которых хватило с избытком. Но жалованье ему выплачивать перестали. Еще одним, часто упоминающимся свидетельством плохого отношения Сергея Пушкина к сыну, служит письмо Ивана Инзова от 28 апреля 1821 года, отправленное в Петербург графу Иоанну Каподистрии. В этом письме Инзов ходатайствовал о Пушкине:

В бытность его в столице он пользовался от казны 700 рублями на год; но теперь, не получая сего содержания и не имея пособий от родителя, при всем возможном от меня вспомоществовании терпит, однако ж, иногда некоторый недостаток в приличном одеянии.

Инзов просил выплачивать Пушкину то же жалованье, что и раньше (ДБ 1. 367). Ходатайство сыграло свою роль — жалованье Пушкину стали выплачивать в установленном ранее размере.

Однако и в этом случае ситуация была несколько сложнее. Пушкин выехал из Петербурга 9 мая 1820 года, а уже 19 мая его отец посетил Константина Булгакова, петербургского почт-директора, и попросил переслать сыну деньги через Инзова. В июне 1820 года Инзов уведомил Булгакова: «Доставленные от вас тысячу рублей для г. Пушкина я получил, которые отправляю к нему на Кавказские воды»⁶. Не исключено, что этот перевод был не единственным, но данных об этом нет.

На скупость отца Пушкин жаловался брату. 25 августа 1823 года он писал из Одессы:

Изъясни отцу моему, что я без его денег жить не могу. Жить пером мне невозможно при нынешней цензуре. <...> мне больно видеть равнодушие отца моего к моему состоянию хоть письма его очень любезны. Это напоминает мне П.<етер>Бург — когда, больной, в осеннюю грязь или в трескучие морозы я брал извозчика от Аничк.<ова> моста, он вечно бранился за 80 коп. (которых верно 6 ни ты, ни я не пожалели для слуги)».

6. Дневник Надежды Осиповны и Сергея Львовича Пушкиных в письмах к дочери Ольге Сергеевне Павлицевой, 1828–1835. СПб.: Издательство «Пушкинского фонда», 2015. С. 136.

Впрочем, завершается этот пассаж фразой: «Прощай, душа моя — у меня хандра — и это письмо не развеселило меня» (XIII. 67–68). Пушкин сам сознается, что его оценка отца вызвана хандрой. Имея дневной доход в 1 руб. 92 коп., можно не жалеть 80 коп. для слуги — но только в том случае, если родители в целом обеспечивают.

Известно, что Сергей Пушкин все же не был совсем равнодушен к делам сына. Он пытался защищать авторские права Пушкина. В 1824 году Евстафий Ольдекоп напечатал поэму Пушкина «Кавказский пленник» с параллельным переводом ее на немецкий язык. Это было сделано без согласия Пушкина и, конечно, без выплаты ему гонорара. По этому поводу Сергей Пушкин подал жалобу министру народного просвещения Александру Шишкову. Однако рассмотрение жалобы на заседании Петербургского цензурного комитета 7 июня 1824 году не дало никаких результатов.

Когда решался вопрос о высылке Пушкина из Одессы, в Министерстве иностранных дел была подготовлена «Справка о доходах А. С. Пушкина и его родителей». В справке говорилось:

...эта фамилия мало состоятельная и молодой Пушкин, ничего не получая от своих родителей, был вынужден жить на свое скромное жалование в 700 рублей в год и на доходы со своих сочинений (ДБ 1. 431).

Однако к этому документу нужно отнестись критически — во-первых, мы видели, что по крайней мере один значимый денежный перевод отец все же сделал. Во-вторых, в справке есть и другая неточность. Утверждалось, что у Сергея Пушкина «должна быть недвижимость в Псковской губернии». Речь шла о селе Михайловское, куда Пушкин и был сослан. На самом деле отцу Пушкина принадлежало имение в Нижегородской губернии, а имение Михайловское принадлежало матери Пушкина.

Если на юг Пушкин ехал как бы в командировку, то путешествие из Одессы в Михайловское было уже настоящей ссылкой. Пушкин прибыл в Михайловское 9 августа 1824 года. Он был уволен со службы и по распоряжению императора отдан под надзор местных властей. Для реального осуществления надзора псковский гражданский губернатор Борис фон Адеркас должен был найти «одного из благонадежных Дворян для наблюдения за поступками и поведением Пушкина», который «в таких случаях, когда замечены будут предосудительные его, Пушкина, поступки,

тотчас доносил» бы об этом генерал-губернатору Филиппу Пауллуччи (ДБ 1. 442). Однако среди местных дворян желающих наблюдать за Пушкиным не нашлось. Согласился лишь отец. Узнав об этом, Пушкин поссорился с ним и даже написал фон Адеркасу письмо с просьбой перевести его в крепость:

М<илостивый> г<осударь> Б<орис> А<нтонович>, Г<осударь> Император> Высочайше соизволил меня послать в поместье моих родителей, думая тем облегчить их горесть и участь сына. Неважные обвинения правительства сильно подействовали на сердце моего отца и раздражили мнительность, простительную старости и нежной любви его к прочим детям. Решился для его спокойствия и своего собственного просить Е<го> И<мператорское> В<еличество>, да соизволит меня перевести в одну из своих крепостей. Ожидаю сей последней милости от ходатайства Вашего Превосх<одительства> (ДБ 1. 462).

К счастью, слуга, относивший письмо, не застал Адеркаса дома и вернулся в Михайловское. Это произошло в конце октября 1824 года. Березкина прокомментировала этот эпизод так:

Разлад Пушкина с отцом длился до его приезда в Петербург в мае 1827 года. Они не встречались и не переписывались с момента отъезда Сергея Львовича с семейством из Михайловского в первых числах ноября 1824 года. До отъезда он успел отправить письмо... с отказом от данного ему поручения быть «попечителем» над сыном (ДБ 1. 463).

Хотя примирение Пушкина с отцом состоялось, отношения не стали по-настоящему близкими. Тем не менее когда Пушкин решил жениться, он обратился к родителям — не только для получения благословения, но и с просьбой о финансовой помощи. Сохранился черновик письма, написанного по-французски в начале апреля 1830 года:

Прошу вашего благословения, не как пустой формальности, но с внутренним убеждением, что это благословение необходимо для моего благополучия — и да будет вторая половина моего существования более для вас утешительна, чем моя печальная молодость. [Состояние г-жи Гончаровой сильно расстроено] и находится отчасти в зависимости от состояния ее свекра. Это является единственным препятствием моему счастью. У меня нет сил даже и помыслить от него отказаться. Мне гораздо лег-

че надеяться на то, что вы придете мне на помощь. Заклинаю вас, напишите мне, что вы можете сделать для... (XIV. 405).

Отметим, что в это время финансовое положение Сергея Пушкина было неблестящим. Он владел имением в Нижегородской губернии, в котором было более 1 200 крестьянских душ. Но большая часть их уже находилась в залоге в Санкт-Петербургском опекунском совете. К лету 1830 года задолженность Сергея Пушкина перед опекунским советом составляла около 146 тыс. руб. (XV. 139–140)⁷. Это была весьма значительная сумма. Несмотря на это, забыв конфликты с сыном, он откликнулся на его просьбу быстро и эффективно. В июне 1830 года он передал сыну часть крестьян из принадлежавшего ему села Кистеневка — 200 душ⁸. Акт передачи содержал ограничение: Пушкин имел право получать от крестьян доход, использовать их в качестве залога по банковскому кредиту, но не мог их продавать. Из-за административных проблем, связанных с наличием определенных финансовых требований к отцу, оформление затянулось, и Пушкин смог оформить крестьян на себя только в сентябре 1830 года.

В пушкиноведении по поводу этого дара отца господствует точка зрения, высказанная еще Борисом Модзалевским:

Именьице было небольшое и захудалое, и пользы Пушкину было от него мало (см. в письмах его от 1 и 2 мая и 3 июня 1835, 3 и 14 июня 1836 года), — тем более что перед свадьбой он заложил его тысяч за 40, — и впоследствии доходы шли главным образом на покрытие долга Опекунскому совету⁹.

Этого же мнения придерживался и известный пушкинист Павел Щеголев.

По моему мнению, такая оценка неверна. Прежде всего, единственное получение под залог имения крупной суммы денег — уже немалая польза. Но и общая экономическая выгода также была очевидна. Кредит в сумме 40 тыс. руб. был взят на 37 лет под 5% годовых. Возврат кредита был оформлен в форме аннуитета — это означает, что платеж все годы составлял одинаковую величину, включавшую проценты и частичное погашение основ-

7. Рассчитано по справке опекунского совета.

8. Отметим, что в повести Пушкина «Дубровский» принадлежавшая главному герою деревня носила то же название; наверняка это не было случайным.

9. Модзалевский Б. Л. Примечания // Пушкин А. С. Письма. Т. 2: 1826–1830. М.: Госиздат, 1928. С. 464.

ной суммы кредита. Ежегодный платеж по кредиту Пушкина был равен 2 400 руб. Сумма годового оброка крестьян Кистеневки составляла в начале 1830-х годов около 3 600 руб. Свободный годовой доход равнялся 1 200 руб.¹⁰ Подробнее об использовании Пушкиным этого займа речь пойдет ниже, в разделе о взаимоотношениях с тещей.

Отец помог сыну в ситуации, когда без его поддержки Пушкин не смог бы жениться. Но и Пушкин в тот момент, когда родители нуждались в нем, постарался им помочь и решить их финансовые проблемы. Эту ситуацию он описал в письме Нащокину в конце марта 1834 года:

Обстоятельства мои затруднились еще вот по какому случаю: на днях отец мой посылает за мною. Прихожу — нахожу его в слезах, мать в постел^ее — весь дом в ужасном беспокойстве. *Что такое? Имение описывают.* — *Надо скорее заплатить долг.* — *Уж долг заплачен.* Вот и письмо управлятеля. — *О чем же горе?* — *Жить нечем до октября.* — *Поезжайте в деревню.* — *Не с чем,* — Что делать? Надобно взять имение в руки, а отцу назначить содержание. Новые долги, новые хлопоты. А надобно: я желал бы и успокоить старость отца, и устроить дела брата Льва (XV. 117–118).

Пушкин принял управление имением в апреле 1834 года. Первые его шаги были правильными — он попытался узнать, в каком состоянии находится имение. 13 апреля он дает указание управляющему Осипу Пеньковскому:

...чтобы отныне относились вы прямо ко мне по всем делам, касающимся Болдина. Немедленно пришлите мне счет денег, доставленных Вами батюшке со времени вступления Вашего во управление... приступить Вам также и к подворной описи Болдина (XV. 126).

Затем он просит Сергея Соболевского выяснить в опекунском совете положение дел по займам своего отца. Соболевский получил справку, в которой говорилось, что общая сумма займов составляла 190 750 руб., из них неоплаченных — 176 906 руб. 95 коп., ежегодный платеж — 11 826 руб. 50 коп., просроченный платеж — 11 045 руб. 95 коп. (XV. 140).

10. См.: Белых А. А. А. С. Пушкин: доходы и долги // Пушкин и финансы: сб. ст. / Сост., науч. ред. А. А. Белых. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2021. С. 58–61.

Ситуация, конечно, тяжелая, но Соболевский был оптимистичен. Он обнаружил, что всего в имении было не 950 душ, как полагал Пушкин, а 1 037. Из них 763 души были заложены отцом с надбавочными, 200 душ заложены Пушкиным без надбавочных, 74 — свободны. Имелось в виду, что по ранее заложенным крестьянам, по которым было уже получено 200 руб. за душу, можно было оформить дополнительный кредит — надбавку — в размере 50 руб. за одну душу. Но если отец эту надбавку уже оформил и потратил, то у Пушкина возможность такого дополнительного дохода еще оставалась.

Соболевский полагал, что Пушкин мог получить

... на свои 200 надбавочных 10 000 руб., на 74 всего по 250 — 18 500. Сверх этих 28 500 рублей есть надежда, что души по новой ревизии прибавились и что их можно будет заложить (XV. 139).

Хотя недоимку надо было срочно заплатить, по мнению Соболевского, у Пушкина оставалось «с первого раза 17 000 рублей на платеж 10 или 12 тысяч за Льва и отца, и на прокорм отца *за год вперед*, не считая оставшихся доходов». Поэтому Соболевский писал Пушкину: «Есть же тебе из чего печалиться, а Натальи Николаевне дуться?!!» (XV. 140). Однако для получения надбавки нужна была определенная обеспеченность крестьян земель. Как впоследствии выяснилось, у пушкинских крестьян этот норматив не выполнялся, и получить дополнительный кредит у Пушкина не получилось.

Пушкин начал вести учет доходов и расходов — «Щеты по части управления Болдина и Кистенева 1834». Он совершенно справедливо полагал, что имение отца можно сохранить, только экономя расходы — вопрос о существенном увеличении доходов не стоял. К сожалению, размер денежных трат семьи Пушкиных существенно превышал доходы от имения.

Но что, собственно, Пушкин мог предпринимать, находясь в Санкт-Петербурге или в Москве? Какие менеджерские решения могли повлиять на ситуацию? В первую очередь он захотел заменить управляющего Пеньковского и поставить на его место немецкого агронома Карла Рейхмана. Тот приехал в Болдино 30 мая 1834 года, но вскоре, ознакомившись с положением дел, отказался от должности и уже 9 июня уехал. Управляющим остался Пеньковский.

Пушкин достаточно быстро понял, насколько сложной была задача, которую он пытался решить. Прошло всего два месяца,

как Пушкин взялся за управление, а уже 8 июня 1834 года он писал жене:

Денег тебе еще не посылаю. Принужден был снарядить в дорогу своих стариков. Теребят меня без милосердия. Вероятно, послушаюсь тебя и скоро откажусь от управления имения. Пускай они его коверкают как знают; на их век станет, а мы Сашке и Машке постараемся оставить кусок хлеба (XV. 156).

Очевидно, Наталья Пушкина с самого начала была против и пыталась отговорить мужа. Но он все же пытается оправдать свое решение. Через три дня, 11 июня, Пушкин снова пишет жене:

Сегодня едут мои в деревню, и я их иду проводить. <...> Уж как меня теребили; вспомнил я тебя, мой ангел. А делать нечего. Если не возьмется за имение, то оно пропадет же даром, Ольга Серг.<еевна> и Л.<ев> Серг.<еевич> останутся на подножном корму, а придется взять их мне же на руки, тогда-то наплачусь и наплачусь, а им и горя мало. Меня же будут цыганить. Ох, семья, семья! (XV. 158).

Следующим шагом Пушкина было оформление залога отцовских крестьян в опекуновском совете. 19 июля 1834 года он смог получить деньги. Во всех записях Пушкина фигурирует, как и в письме Соболевского, цифра 74 — количество душ, передаваемых в залог. Однако, как заметил пушкинист Игорь Сидоров, поскольку сумма кредита составила 15 200 руб., а за душу давали 200 руб., на самом деле Пушкин заложил 76 душ¹¹. Правда, из-за вычета комиссии опекуновского совета и уплаты просроченной задолженности Сергея Львовича на руки Пушкин получил только 13 242 руб.

Осенью 1834 года Пушкин поехал в Болдино — это было его третье посещение. Если в 1830 и 1833 годах он написал в Болдино многие из своих лучших произведений, сейчас ему было не до литературы — надо было разбираться с хозяйством¹². Он принял болдинских крестьян, пришедших с жалобой на управляющего Михаила Калашникова. Пушкин не мог не знать о том, что тот дурно управлял Кистеневским имением, что суммы оброка постепенно сокращались, однако уволить его было не так легко. Дело в том, что, когда Пушкин жил в Михайловском, с дочерью Калаш-

11. Хроника жизни и творчества А. С. Пушкина: В 3 т. М.: ИМЛИ РАН, 2000–2010. Т. 2. С. 421.

12. В этот раз он написал только «Сказку о золотом петушке».

никова Ольгой у Пушкина был роман. После того как она забеременела, он отправил ее вместе с отцом в Болдино. Там она родила ребенка, который вскоре умер. Все же в этот приезд Пушкин смекает Калашникова и

...порукает И. М. Пеньковскому, имевшему доверенность от С. Л. Пушкина, вести на месте все хозяйственные и административные дела по управлению Болдиным и Кистеневкой¹³.

Кроме того, Пушкин распорядился уволить кистеневского старосту Петра Петрова и назначил на его место Семена Фролова.

Когда Пушкин покинул Болдино — точно неизвестно, но поскольку в Москву он приехал утром 4 октября, отъезд мог состояться 30 сентября или 1 октября¹⁴. Учитывая, что в Болдино он прибыл 13 сентября, его третье посещение было самым коротким, всего 17–18 дней.

Полученная от залога отцовских крестьян сумма была не очень большой, однако Пушкин преисполнился оптимизма — об этом свидетельствуют две попытки приобретения новых имений, принятые во время и вскоре после поездки в Болдино.

После смерти в 1830 году Василия Пушкина его болдинское имение находилось в опеке. Пушкин хотел его выкупить и во время посещения Болдина в сентябре вел об этом переговоры. В письме жене Пушкин с некоторой самоиронией сообщал: «Приехав в Москву, кончу дело в два дня; и приеду в П.<етер>Б.<ург> молодым и обладателем села Болдина» (XV. 192). Сделка не состоялась, и впоследствии имение было выставлено на продажу. В объявлении о торге, размещенном в «Московских ведомостях» 26 декабря 1834 года, говорилось, что имение оценено в 189,5 тыс. руб.¹⁵ Что, собственно, мог купить Пушкин, имея на руках всего 13 242 руб.? Кроме того, имение было обременено долгами, и даже если бы Пушкин попробовал произвести раздел земли и крестьян с целью купить часть имения, на его долю пришлось бы пропорциональная доля долгов. В итоге на торгах имение Василия Пушкина было куплено за 200 тыс. руб. Пушкин хотел приобрести еще одно имение. Он знал, что имение покойного Афанасия Гончарова,

...состоящее Калужской губернии Медынского уезда в деревнях Никулене-Абрасцове и Сычевицыной, около 80 душ, продает-

13. Хроника жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 2. С. 452.

14. Там же. С. 460–461.

15. Там же. С. 511.

ся за неплатеж долга Калужскому приказу общественного призрения (ДБ 2. 464).

В октябре 1834 года Пушкин выдал доверенность на покупку этого имения. Однако «покупка Пушкиным имения не состоялась: оно было снято с торгов как составная часть майората Полотняный Завод, разделам не подлежавшего» (Там же).

После получения кредита в 1831 году никаких платежей по своему долгу Пушкин не производил, поэтому в конце октября 1834 года Пеньковский сообщил об угрозе описи Кистеневки. 10 ноября Пушкин ответил, что долг (речь шла о 7 200 руб.) оплатит сам, «а из доходов Болдина не должно тратить ни копейки» (XV. 200–201). Оплату Пушкин не произвел, но дал Пеньковскому поручение добиться отсрочки на четыре месяца. После трех лет просрочки и при полном отсутствии платежей добиваться еще четырех месяцев отсрочки — эта задача была невыполнимой. Пеньковскому, конечно, отказали, и он, понимая, что Кистеневку вот-вот отнимут, без разрешения Пушкина произвел требуемый платеж 7 200 руб. При этом Пеньковский частично использовал пушкинские деньги, а 4 920 руб. взял из болдинских доходов отца писателя. Об этом он написал Пушкину 9 апреля 1835 года. Пушкин не давал распоряжения использовать деньги отца для спасения Кистеневки, но молчаливо согласился с действиями Пеньковского. Комментируя эту ситуацию, Березкина справедливо заключает:

Деньги за Кистенево, взятые из доходов Сергея Львовича, не были возмещены сыном, и это, по сути дела, было вознаграждение за управление нижегородскими имениями¹⁶.

В 1835 году Пушкин не предпринимал никаких действий по управлению отцовским имением, во всяком случае, документов об этом не сохранилось. Но его, безусловно, тяготила ответственность и требования, которые предъявлял муж его сестры Ольги, Николай Павлищев (об этом см. ниже). В апреле 1835 года Пушкин принял решение, к которому психологически был готов еще летом прошлого года, — он отказался от управления Болдиным. Об этом Пушкин сообщил Пеньковскому в письме от 1 мая 1835 года:

16. Александр Сергеевич Пушкин: документы к биографии, 1830–1837 / Сост. С. В. Березкиной, В. П. Старка, подг. текста С. В. Березкиной и др., прим. С. В. Березкиной. СПб.: Пушкинский Дом, 2010. С. 466. Далее — ДБ 2.

Все ваши распоряжения и предположения одобряю в полной мере. В июне думаю быть у Вас. Дела мои в П.<етер>Б.<урге> приняли было худой оборот, но надеюсь их поправить. По условию с батюшкой, доходы с Кистенева отныне определены исключительно на брата Льва Сергеевича и на сестру Ольгу Сергеевну. Следственно все доходы с моей части отправлять, куда потребует сестра или муж ее Ник.<олай> Ив.<анович> Павлищев; а доходы с другой половины (кроме процентов, следующих в ломбард) отправлять ко Л.<ьву> С.<ергеевичу>, куда он прикажет. Болдино останется для батюшки. На днях буду писать вам обстоятельнее (XVI. 22–23).

Более обстоятельного письма Пеньковскому Пушкин, насколько нам известно, не написал, да и о чем было писать — распоряжение было совершенно ясным и четким. Пеньковский в письме от 9 апреля 1935 года предложил Пушкину перевести болдинских крестьян с оброка на барщину. В таком случае, по его расчетам, доход составил бы 30 тыс. руб. Но вряд ли пушкинская общая формулировка об «одобрении предположений» Пеньковского позволила бы тому произвести такие существенные изменения¹⁷. Во всяком случае, Пушкин в Болдино больше не приезжал и экономическими проблемами имения отца не занимался. Щеголев дал следующую оценку менеджменту Пушкина:

Результаты управления: Пушкин провел операцию залога кистеневских душ и заткнул дыры в болдинском хозяйстве, погасил скопившиеся недоимки и освободил имение от угрозы описи и взятия в опеку. Но некоторый материальный успех не уравновешивается моральным уроном.хлопоты отравили существование самому Пушкину и не прибавили фавору у родственников. <...> Одна простодушная Ольга Сергеевна вступилась перед мужем в защиту брата: «Он очень порядочный и дела понимает, хотя и не деловой»¹⁸.

Щеголев считал, что Пушкину удалось достичь определенного материального успеха, но согласиться с такой оценкой сложно. В процессе осуществления залога участие Пушкина было не очень значительным. Недоимки были погашены управляющим Пеньковским, а утверждение Щеголева об освобождении имения от угрозы описи просто неверно. В мае 1835 года Пушкин отказался от управления, а уже в июне Пеньковский писал ему:

17. И в дальнейшем, уже после смерти Пушкина, перевод на барщину не состоялся.

18. Щеголев П. Е. Пушкин и мужики // Пушкин и финансы. С. 365.

... в сельце Кистеневе в части Сергея Львовича производится опись, по распоряжению С.<анкт->П.<етербургского> Опекунского Сов.<ета>. Я никакого средства не нахожу, дабы отвратить оную; указ Опекунского Совета я к Вам переслал 9-го апреля; в оном прописывается, *хотя последовала надлежащая уплата, между тем описать имение и отдать в прежнее распоряжение заимщика, числя, однако ж оное по-прежнему в залоге и под запрещением до полной уплаты всего долга Опекунскому Совету* (XVI. 31).

Пеньковский просил дать ему возможность самому совершать платежи в опекунский совет, что, конечно, существенно упростило бы ситуацию, однако Пушкин таких полномочий ему не предоставил. Причина понятна: если он отказался от управления имением, давать полномочия по распоряжению денежными средствами он уже не мог. Да и желания заниматься болдинскими делами у него не было.

В дальнейшем финансовые отношения Пушкина с родителями сводились только к тому, что периодически он помогал им деньгами. Разовые выплаты были невелики, но в итоге могли получаться относительно приличные суммы.

Мать, Надежда Осиповна Пушкина

Когда речь идет о денежных отношениях Пушкина с родителями, то, естественно для того времени, подразумевается отец. Но не стоит забывать, что Надежда Пушкина сама была помещицей, владела Михайловским и в этом качестве вела самостоятельные финансовые операции. С нее взимались законодательно установленные пошлыны, она оплачивала земские повинности. В документах сохранилась даже квитанция следующего содержания:

С вотчины помещицы Надежды Пушкиной следующий на построение в городе Пскове дворянского дома деньги за восемьдесят девять душ, всего восемь рублей девяносто копеек, принята 20 Генваря 1828 года (ДБ 1. 715).

После смерти Пушкиной 29 марта 1836 года возникли реальные проблемы, связанные с наследством. Наследниками были дети и муж. Последнему причиталась $\frac{1}{7}$, дочери Ольге — $\frac{1}{14}$, остальное должно было быть разделено между сыновьями — Александром и Львом. Проблема заключалась в том, что физическое вы-

деление долей имущества было сложным и экономически нецелесообразным. Речь могла идти о делении доходов или о выкупе наследниками долей друг у друга.

Брат, Лев Сергеевич Пушкин

Лев был младшим братом Пушкина и, по мнению исследователей, любимым сыном в семье. Братья были в чем-то похожи — Лев учился в Благородном пансионе Императорского лицея, также пытался заниматься литературой, влюблялся в тех же женщин, посещал собрания декабристов, даже пришел на Сенатскую площадь в день восстания¹⁹. Лев был еще более страстным игроком, чем его старший брат.

Поначалу Пушкин надеялся, что Лев сможет помогать ему в решении финансовых вопросов. Когда Пушкин находился в южной ссылке, он поручил брату подготовить к изданию первый сборник стихов. Однако

Левушка не оправдал доверие брата. Именно тогда он впервые проявил в полной мере всю свою беспечность и безалаберность, легкомысленность, нежелание ощущать разницу между своими и чужими деньгами²⁰.

Он с удовольствием посещал различные компании, где читал стихи Пушкина, но издательской деятельностью не занимался. Ситуацию ярко характеризует письмо Пушкина из Михайловского от 28 июля 1825 года:

Ты знал, что деньги мне будут нужны, я на тебя полагался, как на брата — между тем год прошел, а у меня ни полушки. Если б я имел дело с одними книгопродавцами, то имел бы тысяч 15. Ты взял от Плетнева для выкупа моей рукописи 2 000 р., заплатил 500, доплатил ли остальные 500? и осталось ли что-нибудь от остальной тысячи? Я отослал тебе мои рукописи в марте — они еще не собраны, не цензурованы. Ты читаешь их своим приятелям до тех пор, что они наизусть передают их моск.<овской> публики. Благодарю. <...> Словом мне нужны деньги или удавиться. Ты знал это, ты обещал мне капитал прежде году — а я на тебя полагался. Упрекать тебя не стану — а благодарить ей богу не за что (ХП. 194).

19. Лев Сергеевич Пушкин в кругу современников. СПб.: Издательство «Пушкинского фонда», 2005. С. 10–11.

20. Там же. С. 7.

Собственно, это письмо и было серьезным упреком, но, как показали будущие события, изменить поведение Льва никому не удалось. Ведение издательских дел Пушкин передал Петру Плетневу, который оказался отличным комиссионером и организатором.

В дальнейшем модель поведения Льва не менялась: он воевал, служил, уходил в отставку, но при этом всегда тратил намного больше, чем зарабатывал, играл в карты и проигрывал. Пушкин по мере сил пытался оплачивать его долги. Приведем один из таких эпизодов. К Пушкину в письме от 26 апреля (8 мая) 1834 года обратился Николай Павлицев, муж сестры Ольги, который, как и Лев, служил в это время в Варшаве. У Льва было немало долгов, но перед отъездом он устроил роскошный ужин для сослуживцев. Павлицев просил Пушкина погасить долги Льва (XV. 132) — эта просьба была выполнена.

Приехав в Петербург, Лев поселился в дорогой гостинице — в доме Энгельгардта, заняв номер, который стоил 200 руб. за неделю. 15 июля 1834 года Пушкин писал жене в Полотняный завод:

У меня большие хлопоты по части Болдина. Через год я на всё это плюну — и <за>ймусь своими делами. Лев С.<ергеевич> очень себя ду<рно> ведет. Ни копейки денег не имеет, а в <дом>ино проигрывает у Дюме по 14 бутылок <ша>мпанского. Я ему нич<его> не говорю, потому что слава богу мужи<ку> 30 лет; но мне его жаль и досадно (XV. 181).

Летом 1834 года Лев собирался в Грузию, чтобы снова поступить на службу. 31 июля 1834 года Пушкин выдал брату 950 руб. на проезд в Тбилиси²¹, но тот надолго задержался в Харькове. Характерно, что он не только спокойно получал деньги от отца и брата, но был недоволен тем, что получал мало. В конце 1835 года в письме своему другу Юзефовичу Лев просил его переговорить с Пушкиным:

Я ему писал, не знаю почему, что в Харькове был остановлен между прочим болезнью, солгал, грешный; <...> растолкуй ему однако ж, что деньгами, которых он мне выслал на дорогу и суммою, которую я занял у тебя, мне невозможно было проехавши три тысячи верст, жить еще почти целый год. Он совершенно отец мой: считал уплату моих долгов, им сделанную, как сумму,

21. Пушкин и финансы. С. 358.

мне выданную. За уплату ему спасибо, а я все-таки умираю с голоду. Теперь скажу тебе, что я влюбился²².

По-видимому, Лев считал, что родные должны были оплачивать его долги и выдавать ему деньги на жизнь. Финансовое положение семьи его не беспокоило. Впрочем, «умирание от голода» не мешало Льву заводить романы.

Пушкин пытался объяснить Льву, сколько денег ему было передано, в письме от 23 апреля 1835 года:

С тех пор, как я имел слабость взять в свои руки дела отца, я не получил и 500 р. дохода; что же до займа в 13 000, то он уже истрачен. Вот счет, который тебя касается:

Энгельгардту	1 330
в ресторанцию	260
Дюме	220 (за вино)
Павлищеву	837
Портному	390
Плещееву	1 500
Сверх того, ты получил:	
ассигнациями	280
(в августе 1834 года) золотом	950

5 767

Твое заемное письмо (10 000) было выкуплено. Следовательно, не считая квартиры, стола и портного, которые тебе ничего не стоили, ты получил 1 230 р.

Так как матери было очень худо, я всё еще веду дела, несмотря на сильнейшее отвращение. Рассчитываю сдать их при первом удобном случае. Постараюсь тогда, чтобы ты получил свою долю земли и крестьян. Надо надеяться, что тогда ты займешься собственными делами и потеряешь свою беспечность и ту легкость, с которой ты позволял себе жить изо дня в день. [С этого времени обращай к родителям] (XVI 19–20; рус. пер. — 368–369).

Это письмо говорит само за себя. Оно не повлияло на Льва — в конце 1835 года он проиграл в карты 36 тыс. руб. Известие об этом стало тяжелым ударом для матери и, несомненно, ускорило ее конец.

22. Л. С. Пушкин в кругу современников. С. 156.

Сестра, Ольга Сергеевна Павлищева

Со старшей сестрой Ольгой у Пушкина всегда были хорошие отношения. Финансовые проблемы возникли только в 1835 году. Пушкин отказался от доходов от Кистеневки, поделив их пополам между Ольгой и Львом с тем условием, что они будут совершать необходимые платежи в опекунский совет. С платежами, впрочем, периодически происходила путаница. Управляющий Пеньковский посылал деньги Сергею Пушкину, а тот средства, предназначенные для Ольги, порой отдавал Льву.

27 января 1828 года Ольга вышла замуж за Павлищева, не получив согласия родителей. Впрочем, примирение состоялось достаточно быстро. Павлищев был чиновником, получал жалованье, но постоянно говорил родителям Ольги и Пушкину о нехватке денег и своих долгах. Он просил и даже требовал, чтобы Ольге выплачивалась обещанная отцом определенная сумма денег.

Вряд ли чета Павлищевых действительно так нуждалась, как это описывается в их письмах. Конечно, отец не обеспечивал Ольгу, но почему он или брат должны были содержать двух взрослых людей? Павлищев учился в Благородном пансионе при Царскосельском лицее (вместе со Львом Пушкиным), стал чиновником Департамента народного просвещения, затем управляющим канцелярией генерал-интенданта Царства Польского. Почему успешный чиновник постоянно жалуется на бедность — непонятно. Есть еще одна неясность. 14 октября 1824 года умерла Анна, сестра Сергея Пушкина, тетка Пушкина. Дяде Василию досталось в наследство 200 душ крепостных, Ольге — 15 тыс. руб. (ДБ 1. 461). Что стало с этими деньгами — неизвестно.

Требования Павлищева четко сформулированы в письме к Пушкину от 25 апреля (7 мая) 1835 года из Варшавы. По-видимому, Павлищев узнал, что Пушкин решил взяться за управление Болдыным и стал настаивать на выделении доли Ольги:

...дела мои, становясь час-от-часу хуже, не дают отсрочки и заставляют меня теперь быть яснее, и, если можно, короче прежнего.

Я должен здесь в Варшаве слишком пять тысяч рублей. Деньги эти я не промотал, не проиграл, а прожил день за днем на необходимое, сперва на обзаведение дома, потом на содержание его, — на хлеб насущный; — от прихотей мы с женою далеки;

<...> Я терплю нужду и решительно не могу перебиться жалованьем, которое за отчислением законной (по здешним польским законам четвертой) части на уплату долга, и такой же части на квартиру, убавилось целой половиной. Вы не можете дать и не дадите нам ничего с имения: четырехлетние обещания служат тому доказательством. И так, *отделите* нас, сделайте благое дело. С моей стороны благодарность; с вашей — спокойствие, освобождение от докучных моих притязаний: шансы, кажется, равные. Я уверен, что предложение это вы одобрите (XVI. 20–21).

Пушкин был не в праве принять решение о разделе Болдина — это зависело от отца. Фактически Павлищев просил выделить долю имения, которую Ольга получила бы только после смерти отца. Поэтому совершенно непонятно, зачем Сергею Пушкину давать такое распоряжение при жизни и терять доходы.

После смерти матери Пушкина встал вопрос о ее наследстве. Сын Ольги, Лев Павлищев, писал:

[Надежда Пушкина] предназначала это имение моей матери, но так как бабка скончалась, не оставив завещания, то после ее смерти и последовал раздел по закону: Александр Сергеевич, выплатив сестре соответственную часть, удержал имение за собой²³.

Это утверждение частично спорно, а частично ошибочно. То, что имение предназначалось Ольге, — спорно. Данных, подтверждающих это, нет. Кроме того, смерть Надежды Пушкиной не была внезапной, она долго болела. Если бы она хотела выразить свои намерения, у нее были все возможности это сделать — формально в виде завещания, либо неформально, сказав об этом мужу. И, конечно, Пушкин не выплатил сестре ее долю и не стал собственником Михайловского.

История Михайловского после смерти Надежды Осиповны, попытки Павлищева принять участие в разделе, последующий выкуп имения опекуном советом над детьми Пушкина — интересный экономический кейс, требующий отдельного, более подробного рассмотрения²⁴.

23. Павлищев Л. Н. Из семейной хроники. Воспоминания об А. С. Пушкине // Семейные предания Пушкиных. С. 52.

24. Подробнее см.: Белых А. А. Сколько стоило пушкинское имение Михайловское? // Крестьяноведение. 2024. № 2.

Теща, Наталья Ивановна Гончарова

Прежде чем перейти к финансовым отношениям Пушкина с женой, надо рассмотреть предысторию их женитьбы. Как известно, к 30 годам Пушкин стал задумываться о семейной жизни. Он несколько раз сватался, но получил отказы. В итоге он женился на Наталье Гончаровой. Однако при этом пришлось решать непростые финансовые вопросы.

Каково было финансовое положение семьи Гончаровых? Глава семьи, Афанасий Гончаров, дед Натальи, был богат, но растратил состояние и оставил долгов на 1,5 млн. руб. Но Наталью Ивановну, мать Натальи Николаевны, все же нельзя было считать бедной — после выхода замуж за Николая Гончарова она получала от свекра 40 тыс. руб. в год. У нее было собственное имение — Ярополец, в котором было около 1 700 крестьян мужского пола. Тем не менее с приданым будущей жены Пушкина вышла целая история. Поначалу предполагалось, что 300 душ даст Гончаровой дед и еще 200 — мать. 500 душ — вполне солидное приданое. Но оказалось, что имения Гончарова обременены залогом, и прямая передача крестьян Наталье, минуя ее отца, юридически невозможна. Сам Николай Гончаров был душевно больным и недееспособным и поэтому соответствующие распоряжения сделать не мог.

Мать отказалась выделять часть своего имения Гончаровой, мотивируя это тем, что Пушкин мог продать полученную собственность кому-то, кто станет неприятным для нее соседом. Пушкин понимал, что это был надуманный предлог. Позднее он писал своему шурину, Дмитрию Гончарову, что такой ситуации

...легко можно было бы избежать, достаточно было бы включить оговорку в дарственную, по которой Наташа не имела бы права продать землю²⁵.

В качестве приданого Пушкин получил огромную медную статую Екатерины II, так называемую медную бабушку. Он надеялся выручить за нее деньги, но продать ее так и не удалось. Еще один «подарок» — бриллианты, которые, правда, Пушкину надо было сначала выкупить из ломбарда. Мать Гончаровой оттягивала свадьбу, мотивируя это отсутствием денег. В конце концов Пуш-

25. Ободовская И. М., Дементьев М. А. Вокруг Пушкина: Неизвестные письма Н. Н. Пушкиной и ее сестер Е. Н. и А. Н. Гончаровых. М.: Советская Россия, 1975. С. 111–112.

кину пришлось дать будущей теще в долг — на приданое. 16 февраля 1831 года он писал Плетневу:

...заложил я моих 200 душ, взял 38 000 — и вот им распределение: 11 000 теще, которая непременно хотела, чтоб дочь ее была с приданым — пиши пропало. 10 000 Нащокину, для выручки его из плохих обстоятельств: деньги верные. Остается 17 000 на обзаведение и житие годичное (XIV. 152).

По имеющимся документам сумма кредита — 40 тыс. руб., что было вполне логичным. По закону за заложенную крестьянскую душу из деревень, расположенных в губерниях первого разряда, в том числе Нижегородской, полагалось выдавать 200 руб. кредита. При залоге 200 крестьян по 200 руб. за душу сумма кредита должна была составлять 40 тыс. руб. Но Пушкин пишет о 38 тыс. руб. — это объясняется особыми правилами выдачи кредитов²⁶.

Нащокину в итоге потребовалось не 10 тыс., а около 7 тыс. руб., и он эти деньги быстро вернул. Теща так ничего и не вернула Пушкину. Хотя заплатить должна была именно она, а не дед Гончаровой. В октябре 1831 года Пушкин писал Нащокину о нем:

Дедушка свинья; он выдает свою третью наложницу за муж с 10 000 приданого, а не может заплатить мне моих 12 000 — и ничего своей внучке не дает (XIV. 237).

О том, что финансовое положение тещи было не таким плохим, как она пыталась показать, говорит тот факт, что 23 мая 1835 года в Московском опекуном совете ей был выдан кредит на 37 лет на сумму 70 400 руб. под залог 352 душ, свободных от предыдущих залогов (из 1744)²⁷. Конечно, у нее могли быть какие-то неотложные расходы, но трудно представить, чтобы она не могла вернуть Пушкину хотя бы часть долга.

После свадьбы и рождения детей отношения Пушкина с тещей улучшились, однако финансово она так и не стала помогать молодой семье. Правда, по случаю рождения внука Саши она прислала Пушкину 1 тыс. руб.

26. Подробнее см.: *Белых А. А. Мог ли Пушкин вернуть долги? // Экономическая политика. 2019. Т. 14. № 3. С. 176–191.*

27. *Хроника жизни и творчества Пушкина. Т. 3. Кн. 1. С. 138.*

Жена, Наталья Николаевна Гончарова

Анализ расходов Пушкина, связанных с семейной жизнью, уместно начать с продолжения цитирования его письма Нащокину:

Остается 17 000 на обзаведение и житие годичное. Теперь понимаешь ли, что значит приданое и отчего я сердился? Взять жену без состояния — я в состоянии — но входить в долги для ее тряпок — я не в состоянии (XIV. 152).

По поводу трат на семью Пушкин оказался большим оптимистом. Он не собирался входить в долги из-за тряпок жены — но пришлось. И на жизнь, как оказалось, денег потребовалось гораздо больше.

Прежде всего, женившись, Пушкин уже не мог жить в гостиничных номерах. Надо было снимать жилье, что требовало немалых денег. В Петербурге Пушкины переменили несколько квартир²⁸. Поначалу, в 1831 году, за квартиру в доме Брискорн на Галерной улице²⁹ Пушкин платил 2,5 тыс. руб. в год. Затем издержки возросли. 1 декабря 1832 года Пушкин подписывает контракт на наем квартиры в доме Петра Жадимировского (Большая Морская улица, 26). Плата — 3 300 руб. в год (ДБ 2. 257).

В сентябре 1833 года Гончарова без согласования с Пушкиным сняла квартиру в доме Александра Оливио на Пантелеймоновской улице, 5 за 4 800 руб. в год (ДБ 2. 323). Мужу оставалось только ворчать:

Если дом удобен, то нечего делать, бери его — но уж, по крайней мере, усиди в нем. Меня очень беспокоят твои обстоятельства, денег у тебя слишком мало. Того и гляди сделаешь новые долги, не распотясь со старыми (XV. 80).

Наталья Пушкина оказалась в сложной ситуации — муж был в отъезде, надо было авансом вносить третью часть оплаты — 1 600 руб. Она обратилась к брату Дмитрию с просьбой прислать ей денег, и это письмо (от 1 сентября 1833 года) очень характерно для переписки сестер Гончаровых с братом:

По поводу денег у меня к тебе просьба... я сейчас в таком затруднительном положении и не могу обратиться к мужу, местопре-

28. Подробнее см.: Яцевич А. Г. Указ. соч.

29. Сейчас это дом 53, в котором располагается гостиница «Счастливый Пушкин».

бывания которого не знаю, потому что он путешествует по России ... вот почему я беру на себя смелость умолять тебя помочь мне в том стесненном положении, в каком я нахожусь, прислав по крайней мере несколько сот рублей, если, конечно, это тебя не обременит, в противном случае откажи мне наотрез и не сердись, что я обратилась к тебе с этой просьбой. Будь уверен, дорогой друг, что только необходимость вынуждает меня прибегать к твоему великодушию, так как иначе я никогда бы не решилась беспокоить тебя в то время, когда ты чуть ли не собираешься застрелиться.

Мой муж оставил мне достаточно денег, но я была вынуждена все их отдать хозяину квартиры, которую только что сняла; я не ожидала, что придется дать задаток 1 600 рублей, вот почему я теперь без копейки в кармане. Ради Бога, ответь мне поскорее³⁰.

Судя по последующей переписке, брат разрешил ей занять 500 руб. и, по-видимому, обещал этот долг погасить³¹.

Следующее жилье (с августа 1834 до лета 1836 года) — дом Баташева на Дворцовой набережной, 32. Сначала Пушкин занимал квартиру в бельэтаже (число комнат неизвестно). Арендная плата была большой — 6 тыс. руб. в год (ДБ 2. 445), но Пушкиным требовалась большая площадь, поскольку к ним переехали сестры Натальи — Екатерина и Александра. Все они жили вместе до самой кончины Пушкина. По-видимому, через год владелец увеличил ставку аренды, поэтому с 1 мая 1836 года Пушкины переехали на третий этаж того же дома. В этой квартире было 20 комнат, и стоила она 4 тыс. руб. в год (ДБ 2. 538).

Вероятно, жить на третьем этаже с четырьмя маленькими детьми было неудобно, и 1 сентября 1836 года Пушкин переехал на новую, последнюю в своей жизни квартиру, в дом княгини Александры Волконской (набережная реки Мойки, 12). Эта квартира была меньше — одиннадцать комнат. Но зато это был первый этаж, и арендная плата была 4 300 руб. в год (ДБ 2. 707).

Не так просто оценить остальные расходы Пушкина. В декабре 1833 года состоялось пожалование Пушкина в камер-юнкеры. Для светской жизни Пушкиным нужны были карета и кучер. Кучеру платили 300 руб. в месяц, или 3 600 руб. в год. Заметим, что в это время жалованье самого Пушкина составляло 5 тыс. руб. в год.

30. Ободовская И. М., Дементьев М. А. Наталья Николаевна Пушкина: по эпистолярным материалам. М.: Советская Россия, 1987. С. 96.

31. Там же. С. 97.

Гончарова считалась первой красавицей Петербурга, постоянно ездила на балы, а красивым женщинам нужны дорогие туалеты. Ее дочь от второго брака, Александра Арапова, в своих мемуарах доказывала, что расходы на наряды не влияли на семейный бюджет:

Некоторые из друзей Пушкина, посвященные в его денежные затруднения, ставили в упрек Наталии Николаевне ее увлечение светской жизнью и изысканность нарядов. Первое она не отрицала... но всегда упорно отвергала обвинение в личных тратах. Все ее выездные туалеты, все, что у нее было роскошного и ценного, оказывалось подарками Екатерины Ивановны³².

Действительно, Екатерина Загряжская, тетка Пушкиной, делала подарки и Наталье, и остальным сестрам. Но утверждение Араповой, что все ценное и роскошное у Натальи оказывалось подарками тетки, конечно, не соответствовало действительности. Трудно сказать, принадлежала ли такая версия самой Пушкиной или дочь решила приукрасить портрет матери.

Версия о подарках — красивая, но ведь сохранились документы, прежде всего о покупках в модном магазине «Сихлер» (*Sichler*), расположенном на Большой Морской улице, 31. Так, Пушкин 2 сентября 1833 года писал жене: «Тебя теребят за долги, Параша, повар, извозчик, аптекарь, *Mde Sichler etc.*, у тебя нехватает денег» (XV. 76). В конце декабря 1834 года долг перед «Сихлер» составлял 1 тыс. руб.³³, в первой половине 1835 года — 3 тыс. руб.³⁴ В 1836 году при подсчете долгов Пушкин записывает: «Сихл. — 3 500» и, что интересно, «тетке — 3 000»³⁵. И наряды покупались в долг, и у тетки, Загряжской, занимать приходилось. Последний счет от «Сихлер» оплатила опека уже после смерти Пушкина. Разумеется, это было не единственное место, где Гончарова приобретала наряды.

В 1936 году финансы Пушкина были в кризисном состоянии. Базовый рецепт выхода из кризиса прост — сокращение расходов и увеличение доходов. Как известно, Пушкин мечтал уехать в деревню. Это позволило бы сократить расходы на жизнь. Можно было бы спокойно писать и публиковать свои произведения. Со-

32. Арапова А. П. Наталья Николаевна Пушкина-Ланская // Гончарова и Дантес. Семейные тайны. М.: Родина, 2021. С. 33–34.

33. Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л.: Асадемия, 1935. С. 346.

34. Там же. С. 348.

35. Там же. С. 353.

ответственно, выросли бы доходы. Этот простой и понятный план осуществить не удалось. Принято считать, что это было связано с нежеланием жены прекратить светскую жизнь. Но для отъезда в деревню надо было уйти в отставку, и в этом случае Пушкину было бы запрещено работать в архивах. По нашему мнению, именно это было самым важным фактором.

Гончарова, конечно, понимала, что положение семьи тяжелое, и пыталась что-то предпринять. Еще в 1835 году она обратилась за помощью к матери, но безуспешно. Сестра Екатерина писала об этом брату 1 ноября 1835 года:

Таша очень сердита на мать, у которой она просила содержание 200 рублей в месяц, а мать ей отказала под предлогом плохого состояния ее финансов³⁶.

Последняя надежда — брат. В июле 1836 года Наталья Пушкина пишет Дмитрию Гончарову:

Ты знаешь, что пока я могла обойтись без помощи из дома, я это делала, но сейчас мое положение таково, что я считаю даже своим долгом помочь моему мужу в том затруднительном положении, в котором он находится; несправедливо, чтобы вся тяжесть содержания моей большой семьи падала на него одного, вот почему я вынуждена, дорогой брат, прибегнуть к твоей доброте и великодушному сердцу, чтобы умолять тебя назначить мне с помощью матери содержание, равное тому, какое получают сестры [4,5 тыс. руб. в год. — А. Б.]. <...> Я тебе откровенно признаюсь, что мы в таком бедственном положении, что бывают дни, когда я не знаю, как вести дом, голова у меня идет кругом. Мне очень не хочется беспокоить мужа всеми своими мелкими хозяйственными хлопотами, и без того я вижу, как он печален, подавлен, не может спать по ночам и, следовательно, в таком настроении не в состоянии работать, чтобы обеспечить нам средства к существованию: для того, чтобы он мог сочинять, голова его должна быть свободна. И стало быть, ты легко поймешь, дорогой Дмитрий, что я обратилась к тебе, чтобы ты мне помог в моей крайней нужде. Мой муж дал мне столько доказательств своей деликатности и бескорыстия, что будет совершенно справедливо, если я со своей стороны постараюсь облегчить его положение³⁷.

Но финансовое положение Пушкина была настолько тяжелым, что Гончаров не смог бы помочь, даже если бы захотел это сделать.

36. Ободовская И. М., Дементьев М. А. Вокруг Пушкина. С. 295.

37. Там же. С. 175–176.

Свояченицы, Екатерина и Александра Гончаровы

Екатерина и Александра Гончаровы приехали в Санкт-Петербург вместе с братом Дмитрием 29 сентября 1834 года и разместились «на Дворцовой набережной у Прачечного мосту в доме Баташева»³⁸. С этого времени сестры жили в семье Пушкина. Считается, что расходы Пушкин делил с ними пополам³⁹. В этом вопросе нет полной ясности — идет ли речь только об аренде жилья или о расходах в целом.

Откуда сестры Гончаровы могли брать деньги? По договоренности с братом они должны были получать от него по 4,5 тыс. руб. в год каждая⁴⁰. Деньги им поступали нерегулярно, но это было связано с тем, что Дмитрий решал сложную задачу — поправить дела семьи Гончаровых. Сестры постоянно жаловались брату на его, как они считали, неаккуратность. Вот образец совместно-го письма Екатерины и Александры:

Мы получили деньги у Носова⁴¹ и как нельзя больше тебе за них благодарны, так как мы были в отчаянном положении. Но только скажи, дорогой Дмитрий, до каких пор так будет продолжаться, ведь ты знаешь, не правда ли, что ведь это всего по 500 каждой из нас. Я могу заверить тебя, что мы экономим как только можем и стараемся расходовать как можно меньше, так как мы очень опечалены тем, что крайние затруднения в делах все еще продолжаются, но надеемся, однако, что с Божьей помощью и твоими героическими усилиями наступит день, когда ты будешь вознагражден за все твои труды⁴².

При этом в письмах сестер описываются балы, прогулки верховом и т. д. Конечно, они пытаются демонстрировать умеренность — в одном из писем говорится, что они посещают не больше двух балов в неделю. Но их переписка с братом свидетельствует о том, что понятие бедности — все же очень относительное понятие.

Много или мало — 4,5 тыс. руб. в год? Полезно сравнить эту цифру с жалованьем высших чиновников Российской империи. В среднем министры получали 12 тыс. руб. в год. Эта ставка

38. Хроника жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 2. С. 459.

39. Яцевич А. Г. Указ. соч.

40. Хроника жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 2. С. 508.

41. Представитель Дмитрия Гончарова в Петербурге.

42. Ободовская И. М., Дементьев М. А. Вокруг Пушкина. С. 287.

была определена указом Императора Александра I от 19 ноября 1802 года⁴³, но сохранилась вплоть до второй половины XIX века. Конечно, министры получали дополнительные доходы — столовые деньги, аренды, денежные награды, порой в несколько раз превосходившие годовое жалованье, но все же это были министры большого государства. Если брать менее высокий уровень, картина получается совсем иная. Так, в 1845 году «санкт-петербургский и московский губернаторы получали 2 145 руб. жалованья и столько же столовых, или 4 290 руб.»⁴⁴ Таким образом, это меньше, чем предполагаемое содержание каждой из сестер Гончаровых.

В действительности Гончарову не удавалось выдавать сестрам их содержание полностью. В архиве Гончаровых хранится подготовленный им документ, в котором рассчитаны суммы выданных сестрам средств: «За годы 1832–1836 Н. Н. Пушкина получила 6 288 р. 9 к., А. Н. Гончарова — 15 662 р. 59½ к., Е. Н. Гончарова — 16 966 р. 32½ к.» В среднем это составляло 3 130 руб. — Александре и 3 390 руб. — Екатерине. Приведены также суммы, полученные женой Пушкина, с разбивкой по годам: «...в 1833 году — 775 р. 25 к.; в 1834 — 2 019 р. 25 к.; в 1835 — 2 282 р. 31 к.; в 1836 — 1 211 р. 28 к. в 1837 — 1 597 р. 27½ к.»⁴⁵ В год написания процитированного выше письма полученная ею сумма была минимальной — 1 211 руб. Понятно желание Наталии увеличить свое содержание до размеров выплат, получаемых сестрами, но дополнительные 2 тыс. руб. в месяц денежных проблем Пушкина не решили бы. Судя по переписке, Гончаров не смог выполнить просьбу сестры.

Отметим, что это письмо было написано Гончаровой в июле 1836 года, когда Пушкин с семьей жил на даче Флора Доливо-Добровольского на Каменном острове в Петербурге⁴⁶. Тяжелое финансовое положение Пушкина не помешало ему снять дачу на Каменном острове, модном месте, где летом жили петербургские аристократы.

43. Полн. собр. законов Российской империи. Собр. I. № 20520.

44. Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. С. 75.

45. Нечаева В. С. Из Гончаровского архива // Московский пушкинист. II. М.: Федерация, 1930. С. 114–115.

46. Дача не сохранилось, сейчас на этом месте — здание Морского рыбопромышленного колледжа. Современный адрес — Большая аллея, 22.

Шурин, Дмитрий Николаевич Гончаров

Роль Гончарова в семейной истории Пушкиных-Гончаровых до сих пор остается недооцененной. Он был чиновником Министерства иностранных дел, в 1835 году вышел в отставку. В составе русской миссии в Персии занимался разбором вещей убитого Александра Грибоедова. После смерти деда Афанасия Гончарова в 1832 году он принял опеку над имением Полотняный завод. Поскольку отец был душевнобольным, Дмитрий стал главой семейства. В апреле 1833 году Пушкин писал ему:

Я знаю, что в настоящее время вы не можете ничего сделать для нас, имея на руках сильно расстроенное состояние, долги и содержание целого семейства, но если бы Наталья Ивановна была так добра сделать что-либо для Наташи, как бы мало то ни было, это было бы для нас большой помощью. Вам известно, что, зная о ее постоянно стесненных обстоятельствах, я никогда не докучал ей просьбами, но необходимость и даже долг меня к тому вынуждают, — так как, конечно, не ради себя, а только ради Наташи и наших детей я думаю о будущем. Я не богат, а мои теперешние занятия мешают мне посвятить себя литературным трудам, которые давали мне средства к жизни. Если я умру, моя жена окажется на улице, а дети в нищете. Все это печально и приводит меня в уныние⁴⁷.

Каких-то явных результатов эта просьба не принесла. Но в дальнейшем у Пушкина и Гончарова завязались деловые отношения. Последний управлял бумажной фабрикой, а Пушкину для издательских дел требовалась бумага. Когда начались ее поставки, сказать сложно, но переговоры велись еще в 1835 году — в октябре Александра Гончарова писала брату:

Что касается денег за бумагу, то Пушкин просит передать, что он их еще не получил и что даже когда они у него будут, он ничего не может тебе уплатить вперед в настоящее время⁴⁸.

28 апреля 1836 года Наталья писала:

Теперь я поговорю с тобой о делах моего мужа. Так как он стал сейчас журналистом, ему нужна бумага, и вот как он тебе предлагает рассчитываться с ним, если только это тебя не затруднит.

47. Ободовская И. М., Дементьев М. А. Вокруг Пушкина. С. 111–112.

48. Там же. С. 293.

Не можешь ли ты поставлять ему бумаги на сумму 4,5 тыс. в год, это равно содержанию, которое ты даешь каждой из моих сестер⁴⁹; а за бумагу, что он возьмет сверх этой суммы, он тебе уплатит в конце года.

Он просит тебя также, если ты согласишься на такие условия (в том случае, однако, если это тебя не стеснит, так как он был бы крайне огорчен причинить тебе лишнее затруднение), вычесть за этот год сумму, которую он задолжал тебе за мою шаль⁵⁰.

В результате «бумага была отгружена Пушкину с гончаровских фабрик 28 августа 1836 г.»⁵¹ Очевидно, что эти поставки бумаги помогли Пушкину издавать журнал «Современник».

Деловые отношения между Пушкиным и Гончаровым не ограничивались поставками бумаги — Пушкин просил у шурина денег в долг. Так, письмо Дмитрию от сестры Александры, датированное исследователями 22–24 января 1837 года, содержит фразу: «Пушкин просит передать, что, если ты можешь достать для него денег, ты окажешь ему большую услугу»⁵². Но было уже поздно — скорее всего, письмо было получено уже после того, как дуэль Пушкина и Жоржа Дантеса состоялась.

Обсуждая финансовые отношения между Пушкиным и семьей Гончаровых, следует сказать несколько слов о свадьбе Екатерины и Дантеса.

Атмосферу в квартире накануне свадьбы передает письмо Пушкина брату, написанное в конце декабря 1836 года: «Шитье приданого сильно занимает и забавляет мою жену и ее сестру, но приводит меня в бешенство» (XVI. 405). Свадьба состоялась 10 января 1837 года. Финансовые условия, которые смог выговорить Дантес, не могут не удивлять. Гончаров «дал Дантесу устное обещание выплачивать ежегодно сестре по 5 тыс. руб. ассигнациями, причем 10 тыс. руб. были выданы немедленно на приданое невесте»⁵³. Несомненно, Пушкин знал об этих условиях. Можно представить чувства Пушкина, который не только не получил приданого, но в 1831 году был вынужден сам дать будущей теще анало-

49. На самом деле выплаты сестрам были меньше (см. выше). Трудно сказать, знала ли об этом Гончарова.

50. Там же. С. 173–174.

51. Там же. С. 361.

52. Там же. С. 330.

53. *Нечаева В. Д.* Дантес (по материалам Гончаровского архива) // *Московский пушкинист*. № 1. 1837–1927. М.: Никитинские субботники, 1927. С. 76.

гичную сумму (11 тыс. руб.) якобы в долг. Разумеется, эта ситуация стала дополнительным фактором, повлиявшим на психологическое состояние поэта.

Заключение

В начале лета 1835 года Гончарова писала брату: «Эти проклятые деньги, деньги, деньги и всегда деньги, без них никогда ничего нельзя достигнуть»⁵⁴. Действительно, деньги сыграли большую роль в судьбе всех членов семьи Пушкиных и Гончаровых.

В экономической жизни Пушкина можно выделить пять ипостасей: чиновник, литератор и книгоиздатель, карточный игрок, помещик, горожанин-семьянин. Как чиновник он заработал 30 350 руб., как литератор и издатель — 260 тыс. руб., его доходы как помещика составили 27 700 руб. Всего: 318 050 руб.⁵⁵

После смерти Пушкина осталось много долгов: казначейству — 43 333 руб., Московской сохранной казне — 39 584 руб., частным лицам — 97 596 руб. Всего: 180 513 руб.⁵⁶ Наличных денег в доме было всего 300 руб., следовательно, Пушкин потратил все, что заработал и что взял в долг.

Общая сумма расходов — около 498 тыс. руб. (318 тыс. + 180 тыс.). Пушкину не везло в картах, общий убыток от игры был равен 69 тыс. руб.⁵⁷ Таким образом, расходы на жизнь, на семью составили около 429 тыс. руб. Можно не сомневаться, что львиная доля этих расходов пришлась на период семейной жизни. Последние годы Пушкин постоянно находился под стрессом финансовых проблем. Вызывает удивление то, что ему в этих условиях удавалось создавать великие произведения.

Пушкин не был финансовым менеджером, он был гениальным писателем. Его статья о Вольтере заканчивается словами, которые в полной мере относятся и к нему самому:

Что из этого заключить? что гений имеет свои слабости, которые утешают посредственность, но печалят благородные сердца, напоминая им о несовершенстве человечества; что настоящее место писателя есть его ученый кабинет, и что наконец независимость и самоуважение одни могут нас возвысить над мелочами жизни и над бурями судьбы (XII. 81).

54. См.: Ободовская И. М., Дементьев М. А. Вокруг Пушкина. С. 167.

55. Белых А. А. А. С. Пушкин: доходы и долги. С. 78.

56. Там же. С. 79.

57. Там же.

Библиография

- Александр Сергеевич Пушкин: документы к биографии 1799–1829 / Вступ. ст., сост. В. П. Старк, прим. С. В. Березкиной, В. П. Старк. СПб.: Искусство-СПБ, 2007.
- Александр Сергеевич Пушкин: документы к биографии, 1830–1837 / Сост. С. В. Березкиной, В. П. Старка, подг. текста С. В. Березкиной, И. В. Васильевой и др., прим. С. В. Березкиной. СПб.: Пушкинский Дом, 2010.
- Арапова А. П. Наталья Николаевна Пушкина-Ланская // Гончарова и Дантес. Семейные тайны. М.: Родина, 2021. С. 5–113.
- Белых А. А. А. С. Пушкин: доходы и долги // Пушкин и финансы: сб. ст. / Сост., науч. ред. А. А. Белых. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2021. С. 16–80.
- Белых А. А. Мог ли Пушкин вернуть долги? // Экономическая политика. 2019. Т. 14. № 3. С. 176–191.
- Белых А. А. Сколько стоило пушкинское имение Михайловское? // Крестьяноведение. 2024. № 2.
- Дневник Надежды Осиповны и Сергея Львовича Пушкиных в письмах к дочери Ольге Сергеевне Павлищевой, 1828–1835. СПб.: Издательство «Пушкинского фонда», 2015.
- Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978.
- Лев Сергеевич Пушкин в кругу современников. СПб.: Издательство «Пушкинского фонда», 2005.
- Модзалевский Б. Л. Примечания // Пушкин А. С. Письма. Т. 2: 1826–1830. М.: Государственное издательство, 1928.
- Нечаева В. Д. Дантес (по материалам Гончаровского архива) // Московский пушкинист. № 1. 1837–1927. М.: Никитинские субботники, 1927. С. 68–96.
- Нечаева В. С. Из Гончаровского архива // Московский пушкинист. II. М.: Федерация, 1930. С. 106–115.
- Ободовская И. М., Дементьев М. А. Вокруг Пушкина: Неизвестные письма Н. Н. Пушкиной и ее сестер Е. Н. и А. Н. Гончаровых. М.: Советская Россия, 1975.
- Ободовская И. М., Дементьев М. А. Наталья Николаевна Пушкина: по эпистолярным материалам. М.: Советская Россия, 1987.
- Ободовская И. М., Дементьев М. А. После смерти Пушкина: неизвестные письма. М.: Советская Россия, 1980.
- Остафьевский архив князей Вяземских. СПб.: Изд. гр. С. Д. Шереметева, 1899.
- Павлищев Л. Н. Из семейной хроники. Воспоминания об А. С. Пушкине // Семейные предания Пушкиных. СПб.: Издательство «Пушкинского фонда», 2019. С. 35–374.
- Павлищева О. С. Дневник сестры Пушкина Ольги Сергеевны Павлищевой в письмах к мужу и отцу. СПб.: Издательство «Пушкинского фонда», 2015.
- Полн. собр. законов Российской империи. Собр. I. № 20520.
- Пушкин А. С. Письма. Т. 2: 1826–1830. М.: Госиздат, 1928.
- Пушкин А. С. Полн. собр. соч., 1837–1937: В 16 т. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1937–1959.
- Пушкин и финансы: сб. ст. / Сост., науч. ред. А. А. Белых. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2021.

- Пушкин Л. С. Биографическое известие об А. С. Пушкине до 1826 года // Семейные предания Пушкиных. СПб.: Издательство «Пушкинского фонда», 2019. С. 27–34.
- Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л.: Academia, 1935.
- Хроника жизни и творчества А. С. Пушкина: В 3 т. М.: ИМЛИ РАН, 2000–2010.
- Щеголев П. Е. Пушкин и мужики // Пушкин и финансы: сб. ст. / Сост., науч. ред. А. А. Белых. М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2021.
- Яцевич А. Г. Пушкинский Петербург. СПб.: Петрополь, 1993.

ANDREI BELYKH. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia, abelykh@inbox.ru.

Keywords: Alexander Pushkin; Pushkin's relatives; financial relationships.

Alexander Pushkin wrote that “spirit of literature” depends, at least in part, “on writers’ financial situation.” These words can justly be applied to Pushkin himself. His life largely depended on material conditions on his marital status and financial relations with his relatives. The article studies this side of his life, which until recently has not received due attention. As a young man, Pushkin enjoyed substantial support of his parents. Before Pushkin’s marriage, his father passed 200 peasants over to his son. Pushkin pledged these peasants obtaining 40,000 roubles as a loan. Of this money, he lent 11,000 roubles to Natalia Ivanovna Goncharova, his future mother-in-law, to provide her daughter, Natalia Nikolaevna, with dowry. Later, the Goncharovs granted to Natalia Nikolaevna only minimal financial support. Pushkin never saw his loan returned. A constant source of financial troubles in Pushkin’s family was his brother, Lev. Pushkin was on friendly terms with his sister, Olga, however, her husband, Nikolay Pavlishchev, constantly pestered him with financial demands.

Pushkin endeavored to settle his family’s money problems trying to manage his parents’ estate in Boldino, but without much success. Goncharova’s sisters, Ekaterina and Alexandra, since 1834 lived with Pushkin’s family. They received money from their brother and partially compensated living expenses. Georges Dantès, who married Ekaterina in January 1837, got 10,000 roubles as his marriage portion. Pushkin’s income consisted of his civil servant’s salary, peasant servage and his earnings from literary and publishing activity. The article demonstrates that Pushkin’s living expenses and family spending were approximately 429,000 roubles. Undoubtedly, lion’s share of this money was spent after Pushkin’s marriage. During his last years, Pushkin was constantly under the stress caused by money matters. Astonishing as it may seem, under such difficult conditions he managed to create great pieces of literature.

DOI: 10.17323/0869-5377-2024-2-235-267

References

- Aleksandr Sergeevich Pushkin: dokumenty k biografii 1799–1829* [Alexander Sergeevich Pushkin: Documents for the Biography 1799–1829], Saint-Petersburg, Iskustvo-SPB, 2007.
- Aleksandr Sergeevich Pushkin: dokumenty k biografii, 1830–1837* [Alexander Sergeevich Pushkin: Documents for the Biography, 1830–1837], Saint-Petersburg, Pushkinskij Dom, 2010.
- Arapova A. Natal’ia Nikolaevna Pushkina-Lanskaia. *Goncharova i Dantes. Semeinye tainy* [Goncharova and d’Anthès. Family Secrets], Moscow, Rodina, 2021, pp. 5–113.
- Belykh A. Mog li Pushkin vernut’ dolgi? [Could Pushkin Repay His Debts?]. *Ekonomicheskaya Politika*, 2019, vol. 14, no. 3, pp. 176–191.
- Belykh A. Pushkin: dokhody i dolgi [Pushkin: Income and Debt]. *Pushkin i finansy* [Pushkin and Finance] (ed. A. Belykh), Moscow, Delo Publishers of RANEPA, 2021, p. 16–80.
- Belykh A. *Skol’ko stoilo pushkinskoe imenie Mikhailovskoe?* [How Much Did Pushkin’s Mikhailovskoye Estate Cost?]. *Russian Peasant Studies*, 2024, no. 2.

- Dnevnik Nadezhdy Osipovny i Sergeia Lvovicha Pushkinykh v pis'makh k docheri Ol'ge Sergeevne Pavlishchevoi, 1828–1835* [The Diary of Nadezhda Osipovna and Sergei Lvovich Pushkin in Letters to His Daughter Olga Sergeevna Pavlishcheva, 1828–1835], Saint-Petersburg, Pushkinskiy fond, 2015.
- Khronika zhizni i tvorchestva A. S. Pushkina: V 3 tomakh* [Chronicle of the Life and Work of A. S. Pushkin: In 3 Vols], Moscow, IWL RAS, 2000–2010.
- Lev Sergeevich Pushkin v krugu sovremennikov* [Lev Sergeyevich Pushkin Among His Contemporaries], Pushkinskiy fond, 2005.
- Modzalevsky B. Primechaniia [Notes]. *Pushkin A. S. Pis'ma. Tom 2: 1826–1830* [Pushkin A. S. Letters. Vol. 2: 1826–1830], State Publishing House of the RSFSR, 1928.
- Nechaeva V. Dantes (po materialam Goncharovskogo arkhiva) [d'Anthès (On the Materials of the Goncharov Archive)]. *Moskovskii Pushkinist* [Moscow Pushkin Scholar], vol. 1, 1837–1927, Moscow, Nikitinskie Subbotniki, 1927, pp. 68–96.
- Nechaeva V. Iz Goncharovskogo arkhiva [From the Goncharov Archive]. *Moskovskii Pushkinist* [Moscow Pushkin Scholar], vol. II, Moscow, Federatsiia, 1930, pp. 106–115.
- Obodovskaya I., Dementiev M. *Natal'ia Nikolaevna Pushkina: po epistolarnym materialam* [Natalya Nikolayevna Pushkina: Based on Epistolary Materials], Moscow, Sovetskaia Rossiia, 1987.
- Obodovskaya I., Dementiev M. *Posle smerti Pushkina: neizvestnye pis'ma* [After Pushkin's Death: Unknown Letters], Moscow, Sovetskaia Rossiia, 1980.
- Obodovskaya I., Dementiev M. *Vokrug Pushkina: Neizvestnye pis'ma N. N. Pushkinoi i ee sester E. N. i A. N. Goncharovykh* [Unknown Letters of N. N. Pushkina and Her Sisters E. N. And A. N. Goncharov], Moscow, Sovetskaia Rossiia, 1975.
- Ostaf'evskii arkhiv kniazei Viazemskikh* [Ostafievsky Archive of the Vyazemsky princes], Saint-Petersburg, Editions of Count S. D. Sheremetev, 1899.
- Pavlishchev L. Iz semeinoi khroniki. Vospominaniia ob A. S. Pushkine [From the Family Chronicle. Memories of A. S. Pushkin]. *Semeinye predaniia Pushkinykh* [Family Legends of the Pushkins], Saint-Petersburg, Pushkinskiy fond, 2019, pp. 35–374.
- Pavlishcheva O. *Dnevnik sestry Pushkina Ol'gi Sergeevny Pavlishchevoi v pis'makh k muzhu i ottsu* [Diary of Pushkin's Sister Olga Sergeevna Pavlishcheva in Letters to Her Husband and Father], Saint-Petersburg, Pushkinskiy fond, 2015.
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie I* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection I], no. 20520.
- Pushkin A. *Pis'ma. Tom 2: 1826–1830* [Letters. Vol. 2: 1826–1830], State Publishing House of the RSFSR, 1928.
- Pushkin A. *Polnoe sobranie sochinenii, 1837–1937: V 16 tomakh* [Full Collection of Works, 1837–1937: In 16 vols], Moscow, Leningrad, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1937–1959.
- Pushkin i finansy: sbornik statei [Pushkin and Finance: A Collection of Articles] (ed. A. Belykh), Delo Publishers of RANEPa, 2021.
- Pushkin L. Biograficheskoe izvestie ob A. S. Pushkine do 1826 goda [Biographical Information about A. S. Pushkin before 1826]. *Semeinye predaniia Pushkinykh* [Family Legends of the Pushkins], Saint-Petersburg, Pushkinskiy fond, 2019, pp. 27–34.

- Rukoiu Pushkina. Nesobrannye i neopublikovannye teksty* [By Pushkin's Hand. Uncollected and Unpublished Texts], Moscow, Leningrad, Academia, 1935.
- Shchegolev P. Pushkin i muzhiki [Pushkin and Muzhiki]. *Pushkin i finansy* [Pushkin and Finance] (ed. A. Belykh), Moscow, Delo Publishers of RANEPa, 2021.
- Yatsevich A. *Pushkinskii Peterburg* [Pushkin's Petersburg], Saint-Petersburg, Petropol, 1993.
- Zaionchkovsky P. *Pravitel'stvennyi apparat samoderzhavnoi Rossii v XIX veke* [The Government Apparatus of Autocratic Russia in the 19th Century], Moscow, Mysl', 1978.

Третий Ренессанс или Новое Средневековье?

Русский Серебряный век о Возрождении

ОЛЕГ МАТВЕЙЧЕВ

Финансовый университет при Правительстве РФ,
Москва, matveyol@yandex.ru.

Ключевые слова: история философии; русская философия; история идей; античность; Возрождение; русский Ренессанс; Серебряный век.

Статья представляет собой историографический и теоретический обзор взглядов представителей русской религиозно-философской мысли конца XIX — начала XX веков на тему западноевропейского Возрождения. Анализируется история понятия «Ренессанс» со времен его введения в научный обиход Жюлем Мишле (1855) и Якобом Буркхардтом (1860). Русской интеллигенцией этот термин был воспринят в интерпретации Фридриха Ницше, противопоставившего индивидуализм и аристократизм Ренессанса эгалитаризму и мещанству современности. Ницшеанская концепция Возрождения Дмитрия Мережковского, искавшего разрешения великого противоречия язычества и христианства и ожидавшего Третьего Возрождения, противопоставляется построениям Акима Вольтинского, трактовавшего Ренессанс не как возрождение классической красоты и раскрепощение творческих сил индивидуума, но как движение антихристианское, демоническое, реставрация темных языческих начал. Рассматриваются своеобразные трактовки Возрождения и связанные

с ними концепции Третьего Ренессанса Фаддея Зелинского и Вячеслава Иванова.

Автор подчеркивает, что у энтузиастов Третьего Ренессанса понятие «Возрождение» трактуется расширительно — не только как реставрация античных идеалов, но и как обновление культуры вообще, путь к новому состоянию культуры и общества. Отсюда — идея о множественности «возрождений» в истории, связанная с представлением о цикличности исторического процесса. Отмечается, что в начале XX века в русской философии отношение к Возрождению переосмысливается, в нем находят корни всё углубляющегося кризиса современного общества. Ренессанс критикуется как явление, ответственное за обездушивание и атомизацию западной культуры. Наиболее последовательными критиками мировоззрения ренессансного типа были Николай Бердяев и Павел Флоренский, объявившие скорый конец мира Возрождения, построенного на принципах гуманизма и индивидуализма, и наступление эры Нового Средневековья.

В СЕРЕДИНЕ XIX века из толщи исторической литосферы подобно новому континенту поднялась целая эпоха. Прежде понятие «возрождение» время от времени уже использовалось для описания определенной ситуации в западной, прежде всего итальянской, культуре XIV–XVI веков («возрождение литературы» у Вольтера, «возрождение живописи» у Стендаля), но всегда с маленькой буквы, без претензий на широкое обобщение. В качестве же названия целого периода человеческой истории оно впервые появилось лишь в 1855 году в седьмом томе «Истории Франции» Жюль Мишле, так и озаглавленном — *Renaissance*. В предисловии к нему автор писал:

Любезное нашему слуху слово «Возрождение» напоминает друзьям красоты только о пришествии нового искусства и свободном взлете фантазии. Для эрудита — это возобновившееся изучение античности, для законоведа — это свет, который начинает брезжить среди удручающего хаоса наших старых обычаев¹.

Этим частным экспликациям Мишле противопоставляет свое понимание Ренессанса как эпохи, включающей решительно все аспекты человеческого опыта. Содержание ее французский историк описал своей знаменитой формулой «открытие мира, открытие человека».

Новоявленная эпоха по-хозяйски втиснулась в трехчленную схему, предложенную в начале XVIII века Кристофом Келлером (Целлариусом) и принятую всей последующей исторической наукой: Античность (до Константина Великого), Средние века (до падения Константинополя), Новое время (всё, что после). Место это, впрочем, было заготовлено еще Гегелем, за неимением подходящего термина охарактеризовавшего годы позднего Средневековья, на которые пришлось возрождение наук, расцвет изящных искусств и открытие Америки, почти поэтически,

1. Февр Л. Как Жюль Мишле открыл Возрождение // Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. С. 380.

назвав их «утреннюю зарю», возвещающей окончание «ужасной ночи Средних веков»².

Изобретение Мишле, ставшее, по заверению Люсьена Февра, консеквентом личной драмы историка (смерть жены, отдавание от Церкви), вошло в обиход легко и уверенно. Через пять лет после Мишле, в 1860 году, швейцарский историк Якоб Буркхардт выпустит книгу «Культура Возрождения в Италии», которая окончательно утвердит термин «Ренессанс» в исторической науке и станет отправной точкой для всех позднейших интерпретаций. В изображении Буркхардта Возрождение предстанет первой в истории эпохой, по-настоящему признавшей человеческое достоинство и превознесшей индивидуализм, истинным началом нового времени, порвавшим с «темным средневековьем». Ее отличительными чертами выступили секуляризм (и даже язычество), культ физической красоты, развитие естественных наук, тяга к новым открытиям, в том числе географическим, осознание своего места в истории, национальное строительство, демократизация общественной жизни. Этот исторический период характеризовало не только восстановление античных идеалов, но и возрождение в самом буквальном смысле — выздоровление от Черной смерти XIV века, взлет рождаемости и выход из экономической депрессии. Сегодня эти определения кажутся едва ли не тривиальными, но лишь потому, что стали классикой.

Образ Ренессанса как эпохи титанов и героев, эпохи сверхчеловека популяризировал Фридрих Ницше, вдохновлявшийся трудами Буркхардта всю свою творческую жизнь (мы помним, что своему старшему коллеге по Базельскому университету он отправил последнее в своей жизни письмо, где признался, что предпочел бы быть швейцарским профессором, чем Богом, но не посмел зайти так далеко в своем личном эгоизме³). По мнению Ницше, Возрождение унаследовало от античности культ индивидуальной воли, противопоставленной анемичности толпы. Личность эпохи Ренессанса действует без оглядок на моральные ограничения. Таков макиавеллиевский Государь, готовый пойти ради достижения великих целей на жестокость и вероломство. Таков Лоренцо Медичи — флорентийский Заратустра. Выпестованные Ренессансом индивидуализм и аристо-

2. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993. С. 419.

3. Ницше Ф. Письма. М.: Культурная революция, 2007. С. 365.

кратизм Ницше противопоставляет эгалитаризму современности, инстинктам среднего человека, ищущего мещанского благополучия.

В конце XIX — начале XX века Ренессанс стал предметом рефлексии русских интеллектуалов. Предчувствие новой эры, «ожидание нового солнца» заставляло многих из них ощущать себя деятелями Возрождения.

Дмитрий Мережковский представлял историю новой эры как чередование периодов упадка (*décadences*) и возрождения (*renaissances*) живого, светлого языческого начала, находящегося в бескомпромиссной борьбе с сумрачным христианством. Первую, «прометееву», попытку эллинского возрождения предпринял Юлиан Отступник, один из любимых героев поэта. Спустя тысячелетие его знамя подхватили итальянские гуманисты. Однако, утверждал Мережковский,

... в XV и XVI веках так же, как в V и VI — попытка возрождения не удалась, противоречие эллинизма и христианства не было разрушено, окончательно примиряющая гармония двух начал не была найдена. ... И вот теперь, на рубеже XX века, мы стоим перед тем же великим и неразрешенным противоречием Олимпа и Голгофы, язычества и христианства, опять и надеемся, и опять ждем нового *Rinascimento*, чей первый, смутный лепет называют Символизмом⁴.

Энтузиастическое ожидание Третьего Возрождения будет сопровождать всю жизнь писателя.

В построениях Мережковского явственно чувствовалось влияние Ницше — немецкий философ начал входить в моду в среде российской интеллигенции в самом начале 1890-х годов. Именно в это время молодой символист начал работу над романом «Юлиан Отступник», заглавный герой которого перед лицом наступающего христианства с его отвращением к чувственной красоте и плотской жизни пытается возродить в Византии культ богов-олимпийцев.

Открывавший трилогию «Христос и Антихрист» роман был окончен весной 1892 года, опубликовать его Мережковский соби-
рался у своего друга Акима Волынского в «Северном вестнике».

4. Мережковский Д. С. О символизме «Дафниса и Хлои» // Полн. собр. соч. М.: Типогр. Т-ва И. Д. Сытина, 1914. Т. XIX. С. 204. В последующих изданиях очерк публиковался с большими купюрами.

Однако случилось непредвиденное — противник нищезанятия Во-лынский подверг текст нещадным правкам, вымарав из него все неприятные ему фрагменты. Публиковать роман в таком виде Мережковский не посчитал возможным. Компромисс был достигнут лишь в 1895 году, в разгар интрижки Воынского с женой Мережковского Зинаидой Гиппиус — роман под журнальным заголовком «Отверженный» все же был напечатан в «Северном вестнике», хотя и в урезанном варианте.

В 1896 году Мережковские отправились в европейскую экспедицию по маршрутам Леонардо да Винчи, героя второго романа трилогии, в котором он должен был выступить, подобно Юлиану Отступнику, в роли сверхчеловека, объединяющего язычество и христианство. В качестве друга семьи их сопровождал Воынский, который всю поездку чувствовал себя как на гвоздях, тяготясь своим двусмысленным положением. Итальянские древности критик осматривал скорее равнодушно (по едкому замечанию Зинаиды Гиппиус, в то время он даже еще не умел «отличать статую от картины»⁵), а в середине путешествия он устроил Мережковским сцену и вернулся в Петербург. Дружба с четой символистов постепенно сошла на нет. Воынский расстался с Гиппиус, а вместо нового романа Мережковского «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи» опубликовал в своем журнале спешно подготовленную серию собственных очерков об итальянском гении. В 1900 году он выпустил их отдельным изданием.

Книга Воынского «Леонардо да Винчи» представляла собой цикл диалогов об искусстве итальянского Возрождения между лирическим героем автора и неким Старым Энтузиастом, эксцентричным эрудитом, знатоком и ценителем прекрасного. Еще один персонаж, Юноша, имел прототипом поэта Райнера Марию Рильке, с которым Воынский познакомился у Лу Андреас-Саломе, в доме которой он провел лето 1897 года. Сама Саломе была выписана в книге как некая молодая обворожительная особа, в которую угораздило влюбиться Юноше — любовью, «которая более похожа на ядовитую болезнь». В этой коварной женщине, по повадкам явно нищезанке «с болезненными ощущениями современ-

5. Гиппиус З. Н. «Интуристы» у фашистов // Собр. соч. М.: Дмитрий Сечин, 2012. Т. 13. У нас в Париже: Литературная и политическая публицистика 1928–1939 гг. Воспоминания. Портреты. С. 527–528.

ной эпохи», Старый Энтузиаст узнал демонические черты леонардовой Джоконды⁶.

Знаменитый портрет Волынский рассматривает как ключ к пониманию Возрождения. Моной Лизой он отнюдь не восхищается, напротив, видит в деталях ее облика, особенностях мимики знаки ее неискренности, склонности к эгоистическим тактильным удовольствиям, неспособности к состраданию. Сама знаменитая улыбка Джоконды интерпретируется критиком как знак ее душевного бессилия и внутренней смуты. В ней нет ни веселости, ни жизнерадостности.

Это неподвижная гримаса, неприятная, раздражающая, придающая всему лицу Джоконды, при его общей некрасивости, оттенок какого-то особенного уродства, невиданного в искусстве ни до, ни после Леонардо да Винчи⁷.

Известно, что улыбаться натурщицу Леонардо заставлял с помощью специально нанятых шутов и музыкантов — обыкновенное выражение ее лица его не устраивало. Но в таком случае это уже не портрет — это эксперимент над человеческой душой, а, вернее сказать, насилие над натурой. И в этом вся суть так называемого Ренессанса.

Главный тезис Волынского — ложность и безблагодатность искусства, не вдохновленного божественным началом; именно так он характеризует кудесничество Леонардо да Винчи, имеющее темную природу. Величайший художник итальянского Чинквеченто предстает у него в роли демона-искусителя, да и сам Ренессанс у него трактуется отнюдь не в принятом ключе как возрождение классической красоты и раскрепощение творческих сил индивидуума, но — как движение антихристианское, демоническое, реставрация темных языческих начал.

Можно заметить, что в этом аспекте книга Волынского полемизирует с декадентством Серебряного века (в первую очередь, с тем же Мережковским) с его культом Ренессанса, ожиданием Третьего Возрождения и энтузиазмом по поводу ницшеанского язычества. И интенции автора не прошли мимо внимания его современников. Поэт-символист Николай Минский, автор «Северно-

6. Волынский А. Л. Леонардо да Винчи. Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1909. С. 213–214.

7. Там же. С. 144.

го вестника», назвал труды Вольтерского о Леонардо «подземной миной, которая должна взорвать на воздух современный символизм»⁸. В целом книга об итальянском гении вызвала в среде российской интеллигенции скорее неприятие — напротив, за границей она была воспринята с восторгом.

Представление о христианстве как наследнике античности, являвшееся важным элементом концепции Третьего Возрождения, было для того времени необычным — немецкая протестантская наука, к примеру, была склонна выводить христианство из ветхозаветных пророчеств и усматривать в греческой философии источник и причину искажения первоначальной евангельской истины. Напротив, Сергей Трубецкой называл эллинскую философию христианством до христианства и видел ее значение в том, что она подготовила человечество к восприятию Христова Слова. Именно из нее христианство усвоило понятие Логоса для выражения своей религиозной идеи⁹.

По мнению Фаддея Зелинского, христианство правильно выводить даже не из философии греков, а из их религии, центральным догматом которой было представление о богочеловечности, — в отличие от чуждого христианству иудаизма, постулирующего неизмеримую пропасть между божеством и человеком: «античная религия — настоящий Ветхий Завет нашего христианства»¹⁰. В наибольшей степени идею богочеловечности выражал дионисизм — религия страсти, избытка, живой силы. Этот дионисизм (в ницшеанском понимании как начало в культуре, противоположное аполлоническому), по мнению профессора Зелинского, имманентно присущ славянству; он и станет основой для «славянского возрождения», как третьего в ряду великих ренессансов после романского — XIV-го и германского — XVIII-го веков¹¹.

Гимном грядущему возрождению стал символический этюд *Vince, sol!*¹² (1905), в своем роде оммаж Фридриху Ницше, напи-

8. Цит. по: Максимов Д. Е. Журналы раннего символизма // Евгеньев-Максимов В. Е., Максимов Д. Е. Из прошлого русской журналистики. Ст. и мат.-лы. Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1930. С. 124.

9. Трубецкой С. Н. Учение о Логосе в его истории // Соч. М.: Мысль, 1994. С. 44.

10. Зелинский Ф. Ф. Характер античной религии в сравнении с христианством // Он же. Из жизни идей. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1911. Т. 2. Древний мир и мы. С. 363.

11. Он же. Памяти И. Ф. Анненского // Он же. Из жизни идей. С. 377.

12. Солнце, победи! (лат.)

санный в духе «Заратустры». Лирический герой произведения водружает над славянской душой одну за другой скрижали новых ценностей — скрижали греческих богов — и уповает на победу солнца славянского возрождения над сгущающимися враждебными тучами (после революции 1905 года ожидание «грядущего хама» становится все острее и тревожнее). В поэтической форме Зелинский дает понять, что Дионис — бог исконно северный, славянский, лишь позднее ставший греческим: прежде ему служила «красавица юга, вожденная дочь голубых морей; но еще раньше служили ему — сыны нашей земли. Он — наше родное божество»¹³. Этого тезиса он будет придерживаться и в научных работах по истории античной религии¹⁴.

Если Зелинский рассматривал дионисизм, прежде всего, как культурный феномен, то Вячеслав Иванов воспринимал его как явление, прежде всего, религиозное. Он призывал к реставрации «эллинской религии страдающего бога» как *живого культа*, что позволит, по его мнению, преодолеть кризис поствозрожденческого индивидуализма и сплотить человечество в глубоком экстазе мистического единства.

Можно заметить, что уже у энтузиастов Третьего Ренессанса понятие «Возрождение» трактуется расширительно — не только как реставрация античных идеалов, но и как обновление культуры вообще, путь к новому состоянию культуры и общества. Отсюда — идея о множественности «возрождений» в истории, связанная с представлением о цикличности исторического процесса. Со временем в русской религиозно-философской мысли переосмыслиется и отношение к Возрождению как определенному типу мировоззрения и мироустройства, именно в нем находят корни все углубляющегося кризиса современного общества. Ренессанс все острее критикуется как явление, ответственное за обездушивание и атомизацию западной культуры. Из антиномической пары Средневековье/Возрождение все чаще предпочтение отдается первому элементу.

Николай Бердяев рассматривает эпоху Ренессанса в тесной взаимосвязи с христианством как ее мировоззренческой основы. Полемизируя с восходящей к Буркхардту исследователь-

13. Он же. Из жизни идей. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1907. Т. 3. Соперники христианства. С. 409.

14. Он же. История античных религий: В 3 т. СПб.: Квадриум; Алетей, 2014. С. 118–122.

ской традицией противопоставления Средневековья и Возрождения, он настаивает, что творческий расцвет XIV–XV веков не был бы возможен, не будь он внутренне подготовлен в Средние века:

...если бы человек не прошел аскетической школы воздержания от растраты сил, то он не вошел бы в новую историю полным творческой мощи и дерзновения, каким вошел он в эпоху Ренессанса. В этом существенная противоположность между Средневековьем и новой историей. Если европейский человек выходит ныне из новой истории истощенным и с растраченными силами, то он вышел из истории средневековой с силами накопленными, девственно непочатыми и дисциплинированными в школе аскетики¹⁵.

Бердяев описывает мировоззренческий диссонанс человека Возрождения в ситуации «бурного и страстного» столкновения духовного содержания христианской жизни, которое возросло на протяжении всех Средних веков, с античными идеалами:

...люди Возрождения были раздвоенными христианами, в них бурлили два столкнувшихся потока крови. Эти христиане-язычники раздирались между двумя разными мирами¹⁶.

Результатом становится вырождение живого творчества, пытавшегося достичь в эпоху Ренессанса наивысшего выражения, в мертвый и бездушный академизм.

Внутренняя противоречивость проекта Возрождения определила его дальнейшую судьбу.

Тайна Возрождения — в том, что оно не удалось, — говорит Бердяев. — Никогда еще не было послано в мир таких творческих сил, и никогда еще не была так обнаружена трагедия творчества, несоответствие между заданием и достижением. <...> Возрождение языческое невозможно в христианском мире, навеки невозможно¹⁷.

Мир, сотворенный Возрождением, построенный на принципах рационализма, гуманизма и индивидуализма, подошел к концу.

15. Бердяев Н. А. Смысл истории // Он же. Смысл истории. Новое средневековье. М.: Канон+, 2002. С. 124–125.

16. Он же. Смысл творчества // Он же. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. С. 442.

17. Там же. С. 445.

Наступает ночь Нового Средневековья, — утверждает Бердяев в 1922 году, через пять лет после большевистской революции. Метафору ночи он использует не в просветительском смысле («мрак средневековья»), он привносит в нее коннотации первозданности, глубины, обнаженной бездны бытия. Новая эпоха знаменуется отходом от ренессансной секуляризации, сделавшей религию частным делом, и возвращением к подлинной религиозности, к уни-версализму и коллективизму.

Именно Новому Средневековью, а не старой «новой историей» принадлежит и русский большевизм, явление по своей сути религиозное — в нем

...есть запредельность и потусторонность, есть жуткое касание чего-то последнего. <...> Россия никогда не выходила окончательно из средневековья, из сакральной эпохи. <...> Вот почему России в переходе от новой истории к новому средневековью будет принадлежать совсем особое место. Она скорее родит антихриста, чем гуманистическую демократию и нейтральную гуманистическую культуру¹⁸.

Предчувствуя нарастание сил зла в будущем, Бердяев, однако, делает попытку описать положительные черты грядущего общества. Государства и общества будут скреплены религией. Отомрет эгалитаризм, общества вернутся к иерархическим началам, вступит в права духовная аристократия — «личности с большим онтологическим весом, с большей одаренностью и годностью»¹⁹. Партии и парламенты, биржи и газеты перестанут управлять жизнью. Люди будут соединяться по сферам творчества и труда — возрастает значение коопераций, цехов, профессиональных союзов. В основу обществ будет положен принцип труда, который будет освящен религией. Потребности и досуг будут ограничены. В целом,

...жизнь станет более суровой и бедной, блеска новой истории более не будет. Наступают времена, которые потребуют огромного напряжения человеческого духа, огромного труда. Должно будет выработаться особого рода монашество в миру, особого типа монашеские ордена²⁰.

18. Он же. Новое средневековье // Он же. Смысл истории. Новое средневековье. С. 230–231.

19. Там же. С. 249.

20. Там же. С. 252.

Будет отброшена идея прогресса, которой было буквально одержимо Новое время — «необходимо остановить ускоряющееся движение времени, влекущее нас к небытию, получить вкус к вечности»²¹. Будет возрождена магия, вернется к своим магическим истокам и сама наука, «и скоро окончательно выявится магический характер техники»²².

Мысль о ритмическом чередовании культур средневекового и возрожденческого типов развивалась Павлом Флоренским, который сам называл себя средневековым человеком по складу мировоззрения. Первый тип культуры, по его мнению,

... характеризуется органичностью, объективностью, конкретностью, самособранностью, а второй — раздробленностью, субъективностью, отвлеченностью и поверхностью²³.

Богостремительному Средневековью Флоренский противопоставляет миростремительное Возрождение,

... а т. к. мир, в конце концов, не есть окончательная реальность, а м. б. фаза, лишь передвижная плоскость между бытием и небытием, между Богом и Дьяволом, между светом <и> тьмою крошечною, то направление в мир есть, в существе, направление ... к небытию, к тьме²⁴.

Средневековые онтологично («не кажется, а есть», «не плоскость, а глубина»), иерархично («все занимает свое место», «все многозначительно, все полносодержательно, полнозвучно. Отсюда — богослужение»)²⁵. Возрожденческой культуре присущи индивидуализм, интеллектуализм, сенсуализм, иллюзионизм, нигилизм, аналитичность, раздробленность, онтологическая пустота, обрекающая человека на пассивность:

... в этой пассивности образ мира, равно как и сам человек, распадается и рассыпается на взаимно исключающие точки-мгновения. Таково его действие по его сути²⁶.

21. Там же. С. 253.

22. Там же. С. 254.

23. Флоренский П. А. [Автореферат] // Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1994–2004. Т. 1. С. 39.

24. Он же. Культурно-историческое место и предпосылки христианского миропонимания // Соч. Т. 3 (2). У водоразделов мысли. С. 383.

25. Он же. Об онтологичности. К лекциям // Соч. Т. 3 (2). У водоразделов мысли. С. 368.

26. Он же. Итоги // Соч. Т. 3 (1). Образ и слово. С. 367.

Вслед за Волинским Павел Флоренский обращается к портрету Моны Лизы, содержащему знаки отпадения человека от божественного начала как сущности Ренессанса:

...Загадочная и соблазнительная улыбка всех лиц Леонардо да Винчи, выражающая скептицизм, отпадение от Бога и сам упор человеческого «знаю», есть на деле улыбка растерянности и потерянности: сами себя потеряли, и это особенно наглядно у «Джиоконды». В сущности, это — улыбка греха, соблазна и прелести, — улыбка блудная и растленная, *ничего* положительного не выражающая (в том-то и загадочность ее!), кроме какого-то внутреннего смущения, какой-то внутренней смуты духа, но — и нераскаянности²⁷.

Но, слава Богу, колесо истории совершило очередной оборот, и уже недалек час, когда человек «свергнет иго возрожденской цивилизации, даже со всеми выгодами, ею доставляемыми»²⁸. И тогда наступит эпоха новой цельной культуры — Новое Средневековье.

Даже краткий, почти конспективный обзор различных интерпретаций понятия Возрождения в русской религиозно-философской мысли конца XIX — начала XX веков демонстрирует, насколько сильно оно трансформировалось по сравнению с «классическим» концептом Мишле-Буркхардта. Причины этого лежали не только в области науки — на трактовку Ренессанса накладывала отпечаток сама эпоха — время масштабных и даже катастрофических изменений во всех сферах жизни. Русские мыслители непринужденно использовали понятие Возрождения в качестве базисной метафоры для своих философских построений, наделяя его новыми смыслами.

Переосмысление понятия «Ренессанс» происходило, впрочем, и в западной науке, подвергшей сомнению само его право на существование (как раз в то беспокойное время, в 1919 году, увидел свет знаменитый труд Йохана Хёйзинги «Осень Средневековья»). Ученые доказывали, что хрононим, устанавливающий лишь один семантический аспект (возрождение античности), недостаточен для описания типологически разных явлений в европейской истории XIV–XVI веков, да и корректно ли вообще говорить о Возрождении как единой эпохе с ее уникальным своеобразием, от-

27. Он же. Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи. М.: АСТ, 2003. С. 158.

28. Он же. Итоги. С. 369.

граниченностью и целостностью? Однако термин «Ренессанс» уже настолько хорошо прижился на древе гуманитарных наук, что сам по себе стал ярчайшим примером

...таких исторических концепций, без которых люди обходились веками и которые затем вдруг доказывают свою необходимость, начинают жить и делаются столь привычными, что, даже критикуя их, люди более не могут без них обойтись, отказаться от них, писать историю так, как будто этих концепций не существует²⁹.

История XIX–XX веков может быть рассказана как история понятия «Возрождение».

Библиография

- Бердяев Н. А. Новое средневековье // Он же. Смысл истории. Новое средневековье. М.: Канон+, 2002.
- Бердяев Н. А. Смысл истории // Он же. Смысл истории. Новое средневековье. М.: Канон+, 2002.
- Бердяев Н. А. Смысл творчества // Он же. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989.
- Волынский А. Л. Леонардо да Винчи. Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1909.
- Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993.
- Гиппиус З. Н. «Интуристы» у фашистов // Собр. соч. М.: Дмитрий Сечин, 2012. Т. 13. У нас в Париже: Литературная и политическая публицистика 1928–1939 гг. Воспоминания. Портреты.
- Зелинский Ф. Ф. Из жизни идей. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1907. Т. 3. Соперники христианства.
- Зелинский Ф. Ф. История античных религий: В 3 т. СПб.: Квадриум; Алетейя, 2014.
- Зелинский Ф. Ф. Памяти И. Ф. Анненского // Он же. Из жизни идей. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1911. Т. 2. Древний мир и мы.
- Зелинский Ф. Ф. Характер античной религии в сравнении с христианством // Он же. Из жизни идей. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1911. Т. 2. Древний мир и мы.
- Максимов Д. Е. Журналы раннего символизма // Евгеньев-Максимов В. Е., Максимов Д. Е. Из прошлого русской журналистики. Ст. и мат-лы. Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1930.
- Мережковский Д. С. О символизме «Дафниса и Хлои» // Полн. собр. соч. М.: Типогр. Т-ва И. Д. Сытина, 1914. Т. XIX.
- Ницше Ф. Письма. М.: Культурная революция, 2007.
- Трубецкой С. Н. Учение о Логосе в его истории // Соч. М.: Мысль, 1994.
- Февр Л. Как Жюль Мишле открыл Возрождение // Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991.
- Флоренский П. А. [Автореферат] // Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 1.

29. Февр Л. Указ. соч. С. 377.

- Флоренский П. А. Итоги // Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 2000. Т. 3 (1). Образ и слово.
- Флоренский П. А. Культурно-историческое место и предпосылки христианского миропонимания // Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 2000. Т. 3 (2). У водоразделов мысли.
- Флоренский П. А. Об онтологичности. К лекциям // Соч. : В 4 т. М.: Мысль, 2000. Т. 3 (2). У водоразделов мысли.
- Флоренский П. А. Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи. М.: АСТ, 2003.

THIRD RENAISSANCE OR THE NEW MIDDLE AGES? RUSSIAN SILVER AGE ON THE RENAISSANCE

OLEG MATVEYCHEV. Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, matveyol@yandex.ru.

Keywords: history of philosophy; Russian philosophy; history of ideas; antiquity; Renaissance; Russian Renaissance; Silver Age of Russian culture.

The article is a historiographical and theoretical review of the views of representatives of Russian religious and philosophical thought of the late 19 — early 20 centuries on the topic of the Western European Renaissance. The article analyzes the history of the concept of “Renaissance” since its introduction into scientific use by Jules Michelet (1855) and Jacob Burckhardt (1860). The Russian intelligentsia took this term in the interpretation of Friedrich Nietzsche, who contrasted the individualism and aristocracy of the Renaissance with the egalitarianism and philistinism of modernity. The Nietzschean concept of the Renaissance by Dmitry Merezhkovsky, who sought a solution to the great contradiction between paganism and Christianity and expected a Third Renaissance, is contrasted with the constructions of Akim Volynsky, who interpreted the Renaissance not as a revival of classical beauty and the emancipation of the creative forces of the individual, but as an anti-Christian, demonic movement, the restoration of dark pagan principles. The peculiar interpretations of the Renaissance and related concepts of the Third Renaissance by Thaddeus Zelinsky and Vyacheslav Ivanov are considered.

The author emphasizes that enthusiasts of the Third Renaissance interpret the concept of “Renaissance” broadly — not only as the restoration of ancient ideals, but also as the renewal of culture in general, the path to a new state of culture and society. Hence the idea of the multiplicity of “rebirths” in history, associated with the idea of the cyclical nature of the historical process. It is noted that at the beginning of the 20 century, the attitude to the Renaissance in Russian philosophy is being rethought, the roots of the deepening crisis of modern society are found in it. The Renaissance is criticized as a phenomenon responsible for the desiccation and atomization of Western culture. The most consistent critics of the worldview of the Renaissance type were Nikolai Berdyaev and Pavel Florensky, who announced the imminent end of the Renaissance world, built on the principles of humanism and individualism, and the advent of the New Middle Ages.

DOI: 10.17323/0869-5377-2024-2-271-284

References

- Berdyaev N. Novoe srednevekov'e [The New Middle Ages]. *Smysl istorii. Novoe srednevekov'e* [The Meaning of History. The New Middle Ages], Moscow, Kanon Plus, 2002.
- Berdyaev N. Smysl istorii [The Meaning of History]. *Smysl istorii. Novoe srednevekov'e* [The Meaning of History. The New Middle Ages], Moscow, Kanon Plus, 2002.
- Berdyaev N. Smysl tvorchestva [The Meaning of the Creative Act]. *Filosofia svobody. Smysl tvorchestva* [The Philosophy of Freedom. The Meaning of the Creative Act], Moscow, Pravda, 1989.
- Febvre L. Kak Zhiul' Mishle otkryl Vozrozhdenie [Comment Jules Michelet Inventa La Renaissance]. *Boi za istoriiu* [Combats pour l'histoire], Moscow, Nauka, 1991.

- Florensky P. Avtoreferat [Author's Abstract]. *Sochineniia: V 4 tomakh* [Works: In 4 Volumes], Moscow, Mysl', 1994, vol. 1.
- Florensky P. Itogi [Results]. *Sochineniia: V 4 tomakh* [Works: In 4 Volumes], Moscow, Mysl', 2000, vol. 3 (1), Obraz i slovo [Image and Word].
- Florensky P. Kul'turno-istoricheskoe mesto i predposylki khristianskogo miroponimaniia [Cultural and Historical Place and Prerequisites of the Christian Worldview]. *Sochineniia: V 4 tomakh* [Works: In 4 Volumes], Moscow, Mysl', 2000, vol. 3 (2), U vodorazdelov mysli [By the Watersheds of Thought].
- Florensky P. Ob ontologichnosti. K leksiiam [On Ontology. To Lectures]. *Sochineniia: V 4 tomakh* [Works: In 4 Volumes], Moscow, Mysl', 2000, vol. 3 (2), U vodorazdelov mysli [By the Watersheds of Thought].
- Florensky P. *Stolp i utverzhdienie Istiny. Opyt pravoslavnoi teoditsei* [The Pillar and Ground of the Truth: An Essay in Orthodox Theodicy in Twelve Letters], Moscow, AST, 2003.
- Gippius Z. "Inturisty" u fashistov ["Intourists" Among Fascists]. *Sobranie sochinenii* [Collected Works], Moscow, Dmitry Sechin, 2012, vol. 13 U nas v Parizhe: Literaturnaia i politicheskaiia publitsistika 1928–1939. Vospominaniia. Portrety [Here in Paris: Literary and political journalism 1928–1939. Memories. Portraits].
- Hegel G. W. F. *Lektsii po filosofii istorii* [Vorlesungen über die Philosophie der Weltgeschichte], Saint-Petersburg, Nauka, 1993.
- Maksimov D. Zhurnaly rannego simvolizma [Journals of Early Symbolism]. In: Evgeniev-Maksimov V., Maksimov D. *Iz proshlogo russkoi zhurnalistiki. Stat'i i materialy* [From the Past of Russian Journalism. Articles and Materials], Leningrad, Writers' Publishing House in Leningrad, 1930.
- Merezhkovsky D. O simvolizme "Dafnisa i Khloi" [On the Symbolism of "Daphnis and Chloe"]. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works], Moscow, Printing House of the I. D. Sytin Partnership, 1914, vol. XIX.
- Nietzsche F. *Pis'ma* [Letters], Moscow, Kul'turnaia revoliutsiia, 2007.
- Trubetskoy S. Uchenie o Logose v ego istorii [The Doctrine of the Logos in His History]. *Sochineniia* [Works], Mysl', 1994.
- Volynsky A. *Leonardo da Vinchi* [Leonardo da Vinci], Kiev, S. V. Kulzhenko Printing House, 1909.
- Zielinski F. *Istoriia antichnykh religii: V 3 tomakh* [The History of ancient religions: In 3 volumes], Saint-Petersburg, Quadrivium, Aletheia, 2014.
- Zielinski F. *Iz zhizni idei* [From the Life of Ideas], Saint-Petersburg, M. M. Stasyulevich Printing House, 1907, vol. 3 Soperniki khristianstva [Rivals of Christianity].
- Zielinski F. Kharakter antichnoi religii v sravnenii s khristianstvom [The Character of Ancient Religion in Comparison with Christianity]. *Iz zhizni idei* [From the Life of Ideas], Saint-Petersburg, M. M. Stasyulevich Printing House, 1911, vol. 2 Drevnii mir i my [The Ancient World and us].
- Zielinski F. Pamiati I. F. Annenskogo [In Memory of I. F. Annensky]. *Iz zhizni idei* [From the Life of Ideas], Saint-Petersburg, M. M. Stasyulevich Printing House, 1911, vol. 2 Drevnii mir i my [The Ancient World and us].

Синкретизм Ричарда Рорти: есть ли вообще «чистые» прагматисты

ОКСАНА ЦЕЛИЩЕВА

Институт философии и права СО РАН, Новосибирск,
Россия, oxanatse@gmail.com.

Ключевые слова: Игорь Джохадзе; Ричард Рорти;
прагматизм; аналитическая философия; синкретизм;
релятивизм; плюрализм.

В статье представлен ответ критическому обзору Игоря Джохадзе книги Оксаны Целищевой «Ричард Рорти: „маргинальный аналитический философ“». Главный упрек Джохадзе состоит в неверном, с его точки зрения, изображении фигуры Рорти, который, по версии Джохадзе, являет собой «философа-моноидеиста, на протяжении 35 лет своей жизни придерживавшегося одной, в сущности, неизменной позиции [прагматиста]». Автор отвергает этот приписываемый Рорти «моноидеизм», показывая, что, во-первых, Джохадзе игнорирует оценки собственной философии со стороны Рорти и, во-вторых, неправомерно ограничивает его философскую эволюцию — от лингвистического поворота к аналитической философии и ее критике и последующий разворот ко все более богатой палитре философской прозы с присущими ей релятивизмом, синкретизмом, экуменизмом и плюрализмом.

Автор подвергает сомнению уверенность Джохадзе в том, что «прагматизм» Рорти исключает упомянутую выше эволюцию взглядов философа, показывая, что сам праг-

матизм выступает зонтичным термином для довольно разнообразных философских приемов и взглядов. В статье опровергается поддерживаемый Джохадзе расхожий взгляд, что критика аналитической философии вылилась в окончательный отказ Рорти от ее методов и ценностей, и показано, что эволюция его философии привела к признанию ее паритета с признанной им «наставительной, революционной, герменевтической» философией. Именно об этом свидетельствует название книги Целищевой, цитирующее признание самого Рорти. В отличие от Джохадзе автор полагает важнейшей темой переписание Рорти самого себя, которое нашло отражение в эволюции его взглядов на суть философии, от «философии как разговора человечества» до «философии как культурной политики». Критические оценки в адрес других исследователей с целью ограничить рассмотрения творчества Рорти «более-менее точным и обоснованным» мнением одного исследователя (в данном случае, Джохадзе), мотивированы отнюдь не научными соображениями, на которые указываются в данной статье.

В 2023 ГОДУ в журнале «Логос» (Т. 33. № 2) была опубликована статья профессора Игоря Джохадзе «Релятивист, плюралист, синкретист... Необычный портрет одного философа»¹, посвященная разбору моей книги «Ричард Рорти: маргинальный аналитический философ»². Выбранный Джохадзе категоричный тон поучений наводит на мысль, что Джохадзе считает тематику философии Рорти своими владениями, проход через которые остальным исследователям воспрещен.

Статья Джохадзе плохо структурирована, содержит вперемешку собственно оспаривание моей интерпретации Рорти, а также и многочисленные замечания, поправки, уличения в неточности цитирования и пр. Часть замечаний можно вполне принять, поблагодарив Джохадзе, что я и делаю, другие замечания вызывают скорее удивление, и их обсуждения можно было бы избежать. Однако коренные наши расхождения по поводу видения философии Рорти и самой его фигуры Джохадзе тщательно обертывает мелкими деталями, которые должны продемонстрировать самое тесное его знакомство со всем, что относится к Рорти, и в то же время мое недостаточное знание этих вещей. Поэтому часть моего ответа посвящена этим «мелочам», а другая часть — собственно расхождениям по поводу того, кем был Рорти и чем была его философия. Что касается главных претензий Джохадзе к моей книге, то они диктуются категоричным вердиктом Джохадзе: Рорти был прагматистом (с грехами юности в роли аналитического философа) и больше никем! Наличие у Рорти других характеристик, которые и являются предметом моей книги, он попросту отрицает.

Перед рассмотрением упреков моей книге стоит обратить внимание на манеру замечаний Джохадзе, все из которых высказаны в беспрекословной позе мэтра, который призван уличить автора в недостаточном знании материала или пренебрежении к устоявшимся вещам. Начать с того, что этому тону постоянно сопут-

1. Джохадзе И. Д. Релятивист, плюралист, синкретист... Необычный портрет одного философа // Логос. 2023. Т. 33. № 2. С. 201–219.

2. Целищева О. И. Ричард Рорти: «маргинальный аналитический философ». М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2021.

ствуется не только претензия на лучшее знание философии Рорти, но и более близкое знакомство с обстоятельствами его личной жизни, его мыслями, его характером и т. д. Другими словами, Рорти для Джохадзе предстает этаким открытой книгой.

На самом деле, это очень самонадеянно со стороны Джохадзе. Рорти был очень сложным человеком, часто менявшим свои взгляды, при этом мотивы таких изменений часто оставались неизвестными: его знаменитое «пожатие плечами», означавшее, что больше говорить не о чем, часто ставило в тупик как его противников, так и сторонников. Траектория его взглядов на аналитическую философию, его роль в «аналитическом пересказе» постмодернистских мыслителей, его парадоксальное включение в свой нарратив несовместимых фигур — все это делает понимание Рорти весьма затруднительным делом. Так, Раймонд Гойс³, близкий друг Рорти по Принстону, отмечает, что он никогда не мог понять, что творится в голове у Рорти, и не мог найти объяснение многим его поступкам. Но не таков Джохадзе: его уверенность в понимании им Рорти подпитана представлением об обладании им эксклюзивными правами на это понимание. В результате Джохадзе делает из Рорти одномерную фигуру прагматиста, по поводу которого Ян Хакинг приводит следующее язвительное замечание:

Каждое поколение находит своего философа, и средняя Америка в восьмидесятые нашла своего собственного⁴.

На самом деле Рорти очень далек от той фигуры, которую рисует для себя Джохадзе. У Джохадзе трудно найти хоть какой-то намек на то, сколь ироничен был Рорти в отношении как себя самого, так и самой философии. Под постоянными заклинаниями Рорти в духе «мы, североатлантические философы...», «мы, прагматисты...» лежит гораздо более глубокий слой иронии и скепсиса, чем это может представить Джохадзе. Я не знаю, как Джохадзе смог бы понять и объяснить такой эпизод в творчестве эдакого строгого прагматиста (и никого больше). В одной из своих рецензий Рорти описывает, что в мучительных размышлениях о том, как начать статью, которая стала главой в его

3. Geuss R. Richard Rorty at Princeton University: Personal Recollection // *Arion: A Journal of Humanities and the Classics*. 2008. Vol. 15. № 3. P. 85–100.

4. Хакинг Я. Историческая онтология / Пер. с англ. В.В. Целищева. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2023. С. 77.

книге «Контингентность, ирония и солидарность»⁵, его взгляд случайно упал на лежащую на столе газету со стихотворением Филиппа Ларкина (следует заметить, что стихами Рорти, мягко говоря, не увлекался, что он сам отметил в своей предсмертной статье). И вот на таком «контингентном» происшествии, признает сам Рорти, делается важная концепция «контингентности Я (самости)». Я думаю, что Джохадзе, зная он об этом, выразил бы порицание Рорти за несерьезность, как философу–моноидеисту. Более тонкая ирония сквозит, например, в рецензии Рорти на книгу Джона Макдауэлла «Ум и мир», пытающегося, по мнению Рорти, «...соединить лучшее от Рассела с лучшим от Гегеля. Странные перипетии случаются в истории философии». «Странные перипетии...», — говорит Рорти, а Джохадзе непрерывно ищет железный прагматистский стержень в работах откровенного ирониста.

И именно свойственной ему одномерности в изображении одной из наиболее сложных фигур современной философии Джохадзе требует от всех остальных, посмеявшихся взглянуть на Рорти по-другому. С моей точки зрения, такое унылое видение фигуры и творчества Рорти является искажением важного эпизода в истории философии XX века. В этом смысле мою книгу можно рассматривать как способ избегания примитивизма, обусловленного дихотомией аналитик/прагматист. Моя цель состояла в том, чтобы представить нарратив, избегающий клише, согласно которому сначала Рорти был «аналитиком», а потом стал прагматистом, и есть Рубикон, где Рорти изменил своим приятелям — аналитическим философам и даже устроил им настоящий разгром книгой «Философия и зеркало природы». Создается впечатление, что такой взгляд пропагандируется людьми, которыми мало обращалось внимание на то, что Рорти писал после своей «главной» книги «Философия и зеркало природы»⁶.

И действительно, то, что Рорти писал позднее, весьма расходится с упомянутым выше клише. Похоже, именно это обстоятельство, отраженное в моей книге, вызывает у Джохадзе сильнейшее раздражение, коль скоро он разразился столь объемной статьей (что уже необычно для жанра обсуждения книг) и прибег к очень странным приемам, временами выходящим на рамки

5. Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность / Пер. с англ. И. В. Хестановой, Р. З. Хестанова. М.: Русское феноменологическое общество, 1996.

6. Он же. Философия и зеркало природы / Пер. с англ. В. В. Целищева. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1997.

научной полемики. Начнем с того, что в этих упреках Джохадзе временами противоречит сам себе. Вот одно из таких обвинений.

Это, к сожалению, не единственная фактическая неточность в книге Целищевой. Знакома читателя с эпизодами биографии своего героя, она сообщает, что в 1980-е годы Рорти стал «отшельником» в академическом мире»: отказавшись от преподавательской деятельности, он «не имел ни студентов, ни аспирантов» (27). Такого, разумеется, не могло быть в принципе. Чем занимался Рорти в Виргинском университете и Стэнфорде? Конечно, преподавал философию⁷.

Теперь сравним с другим пассажем все того же Джохадзе:

К философскому «ремеслу» — преподаванию философии будущим профессиональным философам — Рорти (с 1998 — профессор сравнительной литературы Стэнфордского университета) больше не возвращался, предпочитая этому занятию более приятное времяпрепровождение «в разъездах по живописным уголкам мира, с одной междисциплинарной конференции на другую»⁸.

Мотивом других упреков служит максима: не трогай моих друзей. Речь идет о его коллеге Михаиле Рыклине, которого, по мнению Джохадзе, я выбрала в качестве мальчика для битья, чего он не заслуживает, будучи одним из первых, кто брал интервью у Рорти, да и к тому же в прошлом сотрудником сектора аналитической антропологии Института философии РАН. Защите своего бывшего коллеги Джохадзе, видимо из корпоративной солидарности, посвящает чуть ли не десятую часть всей статьи (что странно, так как Рыклин никак не был причастен к спорам вокруг Рорти), впадая при этом в постоянные поучения вроде «прежде чем критиковать оппонента, нужно как минимум понять его мысль и дать возможность читателю или слушателю сделать то же самое». Но Джохадзе не было смысла обижаться на мое «непонимание» отечественного мыслителя Рыклина, потому что в своей книге я демонстрирую согласие с гораздо более авторитетным отечественным исследователем Ниной Юлиной, с которой Джохадзе в своем объемном труде «Современный американский прагматизм» (почему-то?) не вступает в дискуссию о Рорти. Более того,

7. Джохадзе И. Д. Указ. соч. С. 211.

8. Он же. Был ли Рорти аналитическим философом // История философии. 2018. Т. 23. № 1. С. 5–16.

в моей книге содержатся гораздо более важные солидарные ссылки на Юлину, чем в целой книге Джохадзе.

Есть вообще удивительные придирки (по-другому их не назовешь). Мое мнение о том, что последние годы жизни Рорти были омрачены его болезнью, Джохадзе торжественно опровергает, поскольку тот только за два года до смерти узнал о неоперабельной опухоли. Убийственный аргумент: как будто очень серьезная болезнь начинается с таких вердиктов. Джохадзе непрерывно представляет себя этаким хроникером жизни Рорти, вплоть до мельчайших подробностей, не понимая нелепости таких претензий. Например, ему следовало бы ознакомиться с некоторыми деталями неудачного визита Рорти в Иран в 2004 году и не строить из себя знатока жизни знаменитостей.

Ну и, конечно, есть масса его замечаний по переводу пассажей, терминов, имен и т. п. Удивительной особенностью некоторых русскоязычных читателей переводов философской литературы (коих не так уж и мало) является внимание не к содержанию переведенной книги или пассажа, а страсть к поиску ошибок (которые не меняют сути и легко поправимы); есть даже такие читатели, которые прежде всего ищут опечатки, игнорируя собственно текст. И уже, конечно, при этом демонстрируется лучшее знание языка, чем у переводчика. Так, Джохадзе имеет претензию к моим терминологическим решениям в переводе некоторых терминов Мартина Хайдеггера. Где Джохадзе обнаружил «уже известные» русские переводы терминологии Хайдеггера, можно только гадать, если вспомнить, например, тотальную критику и издевки в адрес бедного Бибикина по поводу его переводческих решений.

И уже совсем смешно выглядит, когда Джохадзе поучает французов, как им произносить имя французского философа *Bouveresse* (принятое в моей книге произношение Буврайс обязано консультации с французскими коллегами).

Довольно странным выглядит упрек в том, что я отрицаю интерес Хайдеггера к поэзии и беллетристике, хотя тут же повторяю классификацию Хайдеггера «философ-как-поэт». Но классификация Рорти «философ-как-ученый», «философ-как-социальный-реформатор» и «философ-как-поэт» ничего не говорит об увлечении философа тем, что есть за дескриптивной частью ярлыка. Представить себе Хайдеггера знатоком текущей беллетристики, каким был Рорти (а ведь это обсуждалось именно в контексте Рорти), было бы, мягко говоря, преувеличением. Увлечение Хайдеггера, как и Гадамера, гимном Гёльдерлина, подробно опи-

санное в моей книге, относится к германскому романтизму, который отнюдь не тождественен увлечению стихами.

Типичны поиски Джохадзе неувязок в моем тексте. Так, рассматривая Куна он говорит, что «статья Рорти в защиту Куна была опубликована в 1997 году — через год после смерти Куна»... и поэтому приведенная мною фраза Рорти, что «Кун был смущен моей защитой», не может быть обоснованной характеристикой их мнения друг о друге как релятивистах. В реальности они слишком хорошо знали друг друга (начиная с присутствия Рорти — практически единственного философа — на семинарах Куна в Принстоне). И уж коль скоро Джохадзе полагает, что Кун, увы, умер, не дождавшись обиды Рорти по поводу своего большего релятивизма, то что же делать с таким утверждением Рорти?

В своих интервью [Кун] приложил старания для того, чтобы дистанцироваться от «релятивизма» Рорти и сочинений различных других его поклонников, которые пытались вплести куновские доктрины в ткань философских направлений, которые Кун считал непривлекательными⁹.

И знаменитое заклинание Куна по поводу неверных, с его точки зрения, интерпретаций его взглядов относится в первую очередь и к Рорти: «Я не говорил этого, не говорил этого, не говорил этого!» Но и Рорти не молчал, когда удивлялся, «почему с точки зрения Куна я [Рорти] был бóльшим „релятивистом“, чем он, и где, с его точки зрения, „сошел с рельсов“»¹⁰.

Помимо частных вещей, всю статью Джохадзе пронизывает убеждение в том, что, на его взгляд, общепринятое деление творчества Рорти на два периода — аналитический и прагматистский — является «более-менее точным и обоснованным». Не больше и не меньше! Другие взгляды, видимо, считаются неточными и необоснованными по определению, и полутона не в счет. Отсюда главное недовольство Джохадзе моей книгой, что видно из самого названия его статьи, состоит в том, что прагматист Рорти, избавившийся от аналитического прошлого, не должен быть никем больше. Другими словами, в его творчестве в принципе неверно усматривать то разнообразие стилей письма и мышления, которое свойственно в реальности значительным мыслителям.

9. Rorty R. Thomas Kuhn, Rocks, and the Laws of Physics // *Philosophy and Social Hopes*. L.: Penguin Books, 1999. P. 188.

10. Ibid. P. 188.

Уже из названия статьи Джохадзе создается впечатление, что он буквально кричит: «Нет, нет, Рорти, ты не такой, ты на самом деле прагматист!» Встревоженный тем, что прагматист Рорти может быть одновременно релятивистом, плюралистом и даже синкретистом, Джохадзе никак не может принять для себя тот факт, что «прагматизм» является этаким зонтичным термином, под которым скрывается много идей и даже направлений. Отрицание этого факта просто удивительно, поскольку сам Рорти охотно признается в измене чопорному ярлыку «настоящего прагматиста», который к нему прилепил Джохадзе. Предполагая, что для Джохадзе самым обидным является «синкретизм Рорти», как быть с признанием самого Рорти, процитированным в моей книге?

Я без устали ищу новых героев, оставаясь в то же самое время разумно лояльным старым героям, и поэтому оказываюсь синкретистом... В далекие 1960-е, когда я был молодым истовым аналитическим философом, я слышал, как мой старший коллега Стюарт Хэмпшир, которым я восхищался, отвечал на вопросы о звездной международной конференции по какой-то широкой и претенциозной теме — конференции, с которой он только что вернулся и где подводил итоги на финальном заседании. «Ничего особенного, — объяснил Хэмпшир, — для такого бывалого синкретиста вроде меня». И в тот же момент я понял, что хочу стать синкретистом, когда вырасту¹¹.

Есть и более серьезные признания самого Рорти в своем синкретизме и даже экуменизме (что, впрочем, совсем не смущает Джохадзе). Вот оно:

Я подозреваю, что все философы XX века... Дью, Хайдеггер, Хабермас, Фуко, Хакинг, Лавур, Дэвидсон, Витгенштейн и Деррида — смотрятся как невольные участники в едином движении интеллектуальных историков... Исходя из этой предложенной мною синкретической, экуменистической перспективы нет необходимости... беспокоиться о выделении метода «квази-трансцендентальной философии» или «деконструкции», практикуемой Деррида, в большей степени, чем выделять метод «критической теории», как она присутствует у Хабермаса, «философии обыденного языка Витгенштейна или «генеалогии» Фуко¹².

11. *Idem*. Introduction // *Idem*. Truth and Progress: Philosophical Papers. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1998. Vol. 3. P. 10.

12. *Idem*. Derrida and the Philosophical Tradition // Truth and Progress. P. 337–338.

Кстати, для значительного числа читателей и критиков Рорти его наиболее странной особенностью является постоянное объединение (только что продемонстрированное в цитате выше) в одну компанию самых разных мыслителей, и уже, конечно, это особенность Рорти никак не относится к его «прагматизму», поскольку в таких компаниях достаточно всяких разных людей, которые по самым разным причинам симпатичны Рорти.

Что еще нужно для того, чтобы Джохадзе увидел в Рорти синкретиста, релятивиста, экумениста и т. д.? Если собственные признания Рорти не убеждают, что может? Мантра, непрерывно повторяемая Джохадзе, — «Рорти прагматист и никто больше» — выглядит странно в свете такого признания самого Джохадзе:

Рорти позиционировал себя как «постфилософского прагматиста», «неософиста», «метафизического квиетиста», «номиналиста», «дьюианца», «постмодернистского буржуазного либерала» и «сентиментального патриота»¹³.

Мало того, Джохадзе приводит в своей книге самоописания Рорти, который сам говорит о бессистемности своей философии (с. 192), считает себя плюралистом (с. 25), сторонником философии без метода (с. 69), эпистемологическим анархистом (с. 70, 76)¹⁴. Если Джохадзе при этом упорно держится за прагматизм Рорти и ничего более, то самая милосердная интерпретация такого упорного игнорирования собственных признаний «прагматиста» состоит в признании Джохадзе зонтичного характера термина «прагматизм», по крайней мере, в отношении к Рорти.

Не прощая мне плюралистического описания философии Рорти, Джохадзе не находит ничего странного в сходной ситуации с другим лелеемым им «прагматистом» Хилари Патнэмом, который сам признавался в своих духовных метаниях. В разговоре с Эрролом Моррисом Патнэм замечает:

... для меня это был мучительный период — я пытался быть лояльным маоистом, но становился все более противоречивым. Как вы знаете, у меня есть привычка пересматривать свои собственные идеи¹⁵.

13. Джохадзе И. Д. Был ли Рорти аналитическим философом.

14. Он же. Современный американский прагматизм. М.: «Канон+», 2023.

15. Моррис Э. Пепельница. М.: «Канон+», 2023. С. 75.

И можно, например, представить, что при обсуждении функционализма Патнэма, который оставил и этот взгляд, впору ждать жалобного крика Джохадзе: «Нет, нет, Патнэм, ты не функционалист, ты прагматист».

Ясно, что под зонтичный термин «прагматизм» попадает слишком много фигур. В этом отношении очень характерно язвительное замечание Джона Пассмора:

Исключительно распространенное явление — это склонность американских философов переходить в прагматизм по мере того, как они становятся старше¹⁶.

Коль скоро армия американских прагматистов пополняется со значительной скоростью, не может ли быть так, что Рорти, крайне чувствительный к такому дешевому пополнению ресурса прагматизма, мог и дистанцироваться от того, чтобы принадлежать к массовому движению? Именно это является одной из идей, представленных в моей книге. Именно так Рорти дистанцировался от многих постмодернистских коллег, хотя именно он много сделал для продвижения идей постмодернистской философии в США.

Но недовольство Джохадзе вызывают не столько концептуальные расхождения подобного рода, а само появление работ, где он чувствует себя даже не столько монополистом, сколько владельцем территории, проход через которую воспрещен всем посторонним. К последним он причислил меня, с массой поучений, снисходительных намеков на особую близость к Рорти и окончательных вердиктов по поводу тех, кто оказался нарушителем. Но случается, что не ко всем нарушителям Джохадзе так суров. Некоторым случайным «прохожим», никак не посвятившим свои научные поиски философии Рорти, оказывается очень даже благоприятный прием. Вот удивительная история. Внезапно в редакции одного из ведущих философских журналов появляется молодой человек с юга России и говорит, что принес перевод статьи американского философа Рорти, и у него даже есть разрешение на публикацию статьи от вдовы философа Мэри Рорти (которую, впрочем, молодой человек называет в частной переписке «Марией Рорти»). Можно представить затруднительное положение редакции, но тут, к счастью, появляется профессор Джохадзе, который все разруливает, устраняет погрешности, и перевод открывает (!) очередной

16. Пассмор Дж. Современные философы / Пер. с англ. Л. Б. Макеевой. М.: Идея-Пресс, 2002. С. 126.

выпуск журнала (в сноске к переводу указано следующее: «Переводчик и редакция выражают благодарность заведующему сектором современной западной философии РАН И. Д. Джохадзе за помощь в научном редактировании перевода»). Какова подлинная роль Джохадзе в этом в высшей степени странном эпизоде, трудно сказать, но похоже он предпочитает «разовых» посетителей своего владения, потому что «прохожий» ни до этого перевода, не после него не проявлял никакого интереса к философии Рорти.

Эта история имеет продолжение уже в самой статье Джохадзе. Дело в том, что переведенная гостем статья уже была опубликована Виталием Целищевым в сборнике его переводов с названием «Философский переписчик: переводы и размышления». Джохадзе радостно обыгрывает слово «переписчик», находя в нем нечто предосудительное, не догадываясь о том, что это калька с названия знаменитой книги Мартина Гарднера (что оговорено в сборнике). Джохадзе может сколь угодно сомневаться по поводу отношения Рорти к этой рукописи и происхождения ее перевода, но Целищев после встреч с Рорти привозил массу рукописей, как, впрочем, и изданных его работ. На полках в моей квартире стоят практически все прижизненные издания книг Рорти с дарственными автографами. Так что многие вещи в книге об обстоятельствах жизни и мотивах творчества Рорти, которые оспаривает Джохадзе, имеют гораздо более аутентичное происхождение, чем фантазии самого Джохадзе о моноидеисте Рорти. Идея фикс Джохадзе, что «философ-моноидеист на протяжении 35 лет своей жизни придерживался одной, в сущности, неизменной позиции...»¹⁷, заставляет Джохадзе противиться любой реконструкции Рорти, кроме его собственной.

Видимо, не будучи уверенным в том, что он преуспел в своем критическом походе против моей книги, Джохадзе ищет читателей, которые получают превратно впечатление о Рорти из моей книги как о негодном мыслителе с частой сменой своих философских установок. И он находит его! Им оказывается один из тех, кто делал отзывы на автореферат моей диссертации (не на книгу!). Вот цитата из его отзыва, приводимая Джохадзе:

Автор рисует яркую картину убогого поверхностного эклектизма американской философии. Творчество Рорти служит при этом наглядным и показательным примером. Хорош философ, который на протяжении жизни 7 раз менял свои взгляды! <...>

17. Джохадзе И. Д. Релятивист, плюралист, синкретист... С. 216.

В диссертации хорошо показано это отсутствие философского стержня, эти метания между самыми разными идеями и взглядами, вся нищета и убогость философии США, которая подпитывалась, в основном, идеями Карнапа, Поппера, Витгенштейна... Подлинный философ может менять проблематику, может переходить от одной области исследований к другой, но стержень его мировоззрения изменяется чрезвычайно редко. У Рорти, как показывает автор, такого стержня нет¹⁸.

Наверное, эта цитата должна была быть подтверждением того, что я преподнесла читателю образ Рорти, абсолютно несовместимый с «подлинным» Рорти, которого рисует Джохадзе. К сожалению, Джохадзе прибегает в данном случае к прямой фальсификации, поскольку главное замечание «отзовиста» напрямую противоречит целям Джохадзе. Действительно, в приведенной цитате на месте пропуска, обозначенного многоточием, стоит фраза: *«Вот этот результат диссертации показался мне наиболее ценным»*¹⁹. Как бы ни мотивировал отзовист этот свой вердикт, он признает обоснованным плюрализм взглядов Рорти, именно то, что Джохадзе считает главным недостатком моей книги. Но отнюдь не все, что содержится в таком отзыве, я надеюсь, Джохадзе хотел приписать мне в качестве следствий моего взгляда на Рорти. Даже в крайностях своей критики Джохадзе не стоило бы связывать вопрос о плюрализме взглядов Рорти с вердиктом отзовиста о прискорбном состоянии американской философии. В любом случае использованный Джохадзе способ цитирования с изъятием ключевой фразы считаю неблагоприятным приемом в полемике.

Вообще, возникает впечатление, что Джохадзе так тщательно оберегает свои владения, что уже на дальних подступах к ним отслеживает потенциальных нарушителей, старательно прочитав материалы защиты (состоявшейся в 2016 году), то есть задолго до появления моей книги. Следует заметить и то, что диссертация и книга имеют общим весьма малую часть (в отличие от пуб-

18. Там же. С. 217.

19. Никифоров А. Л. Отзыв на автореферат диссертации Целищевой О. И. «Эволюция критического осмысления Ричардом Рорти аналитической философии», представленной на соискание ученой степени кандидата наук по специальности 09.00.03 — история философии. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2016. URL: [http://ams.tsu.ru/TSU/QualificationDep/co-searchers.nsf/58CAC121CDA8C1F246257FCE00149EAA/\\$file/Целищева_О.И._Отзыв_А.Л.Никифорова_на_автореферат.pdf](http://ams.tsu.ru/TSU/QualificationDep/co-searchers.nsf/58CAC121CDA8C1F246257FCE00149EAA/$file/Целищева_О.И._Отзыв_А.Л.Никифорова_на_автореферат.pdf).

ликуемых книг самого Джохадзе). Но этого мало. Джохадзе прибегает к завуалированным личным выпадам. Посудите сами:

Столь удивительные открытия готовит история философии читателей, привыкшим пользоваться услугами иных толкователей текстов и «переписчиков» и принимающим все, что ни вздумает-ся им сказать или написать, за истину в последней инстанции²⁰.

Тут достается как доверчивым читателям, так и «толкователям» текстов (это уже вердикт по поводу моей книги), и «философскому переписчику», под которым имеется в виду Целищев. Последний, будучи знакомым с Рорти лично и будучи переводчиком его главного труда («Увы», — вздыхает по этому поводу Джохадзе, — только кто мешал сделать это самому Джохадзе как главному знатоку Рорти?), сам постоит за себя. Что касается инвективов в мою сторону, мне жаль, что жанр рецензии низведен им до брюзжания «главного рортиведа» (с выражениями типа «гнет свою линию автор книги») и банальных поучений («но прежде чем критиковать оппонента, нужно как минимум понять его мысль и дать возможность читателю или слушателю сделать то же самое») и т. д. Чувствуется, что в нем кипит возмущение, которого он просто не может сдерживать. На нынешнем жаргоне обитателей сети Джохадзе выступает в роли «хейтера», переходящего нормы дискуссии. Вообще, есть некоторая странность в публикации такого подробного анализа моих «ошибок» в книге, учитывая, что Джохадзе вообще не заметил эту самую книгу в своем обстоятельном труде «Современный американский прагматизм» (в библиографии к этому труду она даже не упомянута). Какой же смысл критику столь подробно обличать книгу, которая даже не удостоена внимания в его главном труде о Рорти?

Удивительным обстоятельством оказался жанр очерка Джохадзе: это не рецензия на книгу (обычные три–пять страниц), это не теоретическая статья с обсуждением проблем, поднятых и освещенных Рорти. Это скорее предупреждение всем тем, кто осмеливается вступать на эту запретную территорию, которую профессор Джохадзе считает своей. И это не единичный случай: например, в том же поучительном стиле им написана статья «Были ли Рорти аналитическим философом?»²¹, в которой значительное место уделено критике статьи Евгения Логинова «Прагматизм

20. Джохадзе И. Д. Релятивист, плюралист, синкретист... С. 217.

21. Он же. Был ли Рорти аналитическим философом.

и неопрагматизм: реконструкция учения Джона Дьюи у Ричарда Рорти»²². Больше того, некоторые пассажи обеих статей (против Логинова и против моей книги) Джохадзе тождественны, и похоже, что у него есть некоторого рода трафарет-предупреждение о том, что имеющие отличные от него взгляды на философию Рорти будут сурово наказаны. Все, что связано с Рорти, Джохадзе считает опять-таки своими частными владениями, проход через которые воспрещен.

Есть вполне обоснованные догадки о том, почему Рорти «приватизирован» им. В 2001 году Джохадзе издал маленькую книгу «Неопрагматизм Ричарда Рорти». Совсем недавно он опубликовал том «Современный американский прагматизм», где Рорти (помимо Патнэма и Брэндома) удостоился двух сотен страниц. Содержание обеих книг в отношении Рорти в значительной степени пересекается, фактически будучи текстами двух диссертаций Джохадзе. Видимо, посчитав после этого себя главным рортиведом, он пристрастно относится к тем авторам, которые находят в творчестве Рорти другие, кроме растиражированных представлений, мотивы и взгляды. Именно это обстоятельство, по-видимому, является фоном, или даже причиной, критики им моей книги.

Теперь следует сказать кое-что о стилях написания книг. Тщательный пересказ массы сказанных о Рорти вещей еще не делает диссертацию Джохадзе книгой. В этом смысле Джохадзе гораздо больше, чем кто-либо, является «переписчиком» того, что уже известно, без какой-либо отчетливой своей позиции. Например, все та же его книга «Современный американский прагматизм», точнее, часть ее, посвященная Рорти, является изданной в виде книги диссертацией (где даже есть нелепые для книги разделы «Выводы», свойственные именно диссертациям). Перегруженная огромным количеством ссылок, с отсутствием внятной структуры аргументации, книга является, по мне, просто нечитаемой. В ней нет авторского угла зрения, под которым можно рассматривать творчество крайне разнообразного мыслителя.

Именно авторский подход я старалась проявить при моем видении того, насколько интересным может быть мыслитель, принимавший разные личины. И я писала именно книгу, содержание которой по замыслу является «переописанием мыслителем самого

22. Логинов Е. В. Прагматизм и неопрагматизм: реконструкция учения Дж. Дьюи у Р. Рорти // Вопросы философии. 2016. № 2. С. 192–203.

себя», о котором говорил Рорти, в виде маргинального аналитического философа, релятивиста, синкретиста, экумениста, анархиста и т. д. Рорти был крайне противоречивой и сложной фигурой, чтобы можно было навешивать на него неснимаемый ярлык «прагматиста».

Удивительное упорство проявляет Джохадзе к фигурам с приклеенным к ним таким образом ярлыкам. Подумать только, своему новому герою-прагматисту Роберту Брэндому он посвящает подряд три (!) книги. Я думаю, что при такой прагматистской «Гаврилиаде» можно ожидать повторения одномерных оценок, что Джохадзе уже и продемонстрировал в случае Рорти.

P.S. Так почему же Рорти назвал себя «маргинальным аналитическим философом»? На этот, в общем-то, самый важный для Джохадзе вопрос в полемике с моей книгой он предпочел не отвечать.

Библиография

- Джохадзе И. Д. Был ли Рорти аналитическим философом // История философии. 2018. Т. 23. № 1. С. 5–16.
- Джохадзе И. Д. Релятивист, плюралист, синкретист... Необычный портрет одного философа // Логос. 2023. Т. 33. № 2. С. 201–219.
- Джохадзе И. Д. Современный американский прагматизм. М.: «Канон+», 2023.
- Логинов Е. В. Прагматизм и неопрагматизм: реконструкция учения Дж. Дьюи у Р. Рорти // Вопросы философии. 2016. № 2. С. 192–203.
- Моррис Э. Пепельница, или Человек, который отрицал реальность. М.: «Канон+», 2023.
- Никифоров А. Л. Отзыв на автореферат диссертации Целищевой О. И. «Эволюция критического осмысления Ричардом Рорти аналитической философии», представленной на соискание ученой степени кандидата наук по специальности 09.00.03 — история философии. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2016. URL: [http://ams.tsu.ru/TSU/QualificationDep/co-searchers.nsf/58CAC121CD A8C1F246257FCE00149EAA/\\$file/Целищева_О.И._Отзыв_А.Л.Никифорова_на_автореферат.pdf](http://ams.tsu.ru/TSU/QualificationDep/co-searchers.nsf/58CAC121CD A8C1F246257FCE00149EAA/$file/Целищева_О.И._Отзыв_А.Л.Никифорова_на_автореферат.pdf).
- Пассмор Дж. Современные философы / Пер. с англ. Л. Б. Макеевой. М.: Идея-Пресс, 2002.
- Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность / Пер. с англ. И. В. Хестановой, Р. З. Хестанова. М.: Русское феноменологическое общество, 1996.
- Рорти Р. Философия и зеркало природы / Пер. с англ. В. В. Целищева. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1997.
- Хакинг Я. Историческая онтология / Пер. с англ. В. В. Целищева. М.: «Канон+», 2023.
- Целищева О. И. Ричард Рорти: «маргинальный аналитический философ». М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2021.
- Geuss R. Richard Rorty at Princeton University: Personal Recollection // Arion: A Journal of Humanities and the Classics. 2008. Vol. 15. № 3. P. 85–100.

- Rorty R. Derrida and the Philosophical Tradition // Truth and Progress: Philosophical Papers. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1998. Vol. 3. P. 327–350.
- Rorty R. Introduction // Idem. Truth and Progress: Philosophical Papers. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1998. Vol. 3. P. 1–18.
- Rorty R. Thomas Kuhn, Rocks, and the Laws of Physics // Philosophy and Social Hopes. L.: Penguin Books, 1999.

RICHARD RORTY'S SYNCRETISM: ARE THERE ANY "PURE" PRAGMATISTS AT ALL

OKSANA TSELISHCHEVA. Institute of Philosophy and Law SB RAS, Novosibirsk, Russia, oxanatse@gmail.com.

Keywords: Igor Dzhokhadze; Richard Rorty; pragmatism; analytical philosophy; syncretism; relativism; ecumenism.

The article presents a response to Igor Dzhokhadze's critical review of Oksana Tselishcheva's book *Richard Rorty: A Marginal Analytical Philosopher*. The main reproach of Dzhokhadze lies in the incorrect, from his point of view, depiction of the figure of Rorty, who, according to Dzhokhadze, is "a monoideist philosopher who, for 35 years of his life, adhered to one essentially unchanged position [of a pragmatist]." The author rejects this "monoideism" attributed to Rorty, showing that, firstly, Dzhokhadze ignores Rorty's assessment of his own philosophy, and secondly, wrongfully restricts his philosophical evolution — from a linguistic turn to analytical philosophy and its criticism and the subsequent turn to an increasingly rich palette of philosophical prose with its inherent relativism syncretism, ecumenism and pluralism.

The author questions Dzhokhadze's confidence that Rorty's "pragmatism" excludes the above-mentioned evolution of the philosopher's views, showing that pragmatism itself acts as an umbrella term for a rather diverse philosophical techniques and views. The article refutes the popular view supported by Dzhokhadze that criticism of analytical philosophy resulted in Rorty's final rejection of its methods and values, and shows that the evolution of his philosophy led to the recognition of its parity with the "instructive, revolutionary, hermeneutic" philosophy recognized by him. This is evidenced by the title of Tselishcheva's book, quoting Rorty's own confession. Unlike Dzhokhadze, the author considers Rorty's re-description of himself to be the most important topic, which is reflected in the evolution of his views on the essence of philosophy, from "philosophy as the conversation of mankind" to "philosophy as cultural policy." Critical assessments of other researchers, in order to limit the consideration of Rorty's work to the "more or less accurate and well-founded" opinion of one researcher (in this case, Dzhokhadze), are not motivated by scientific considerations, which are indicated in this article.

DOI: 10.17323/0869-5377-2024-2-287-302

References

- Dzhokhadze I. Byl li Rorti analiticheskimi filosofami? [Has Richard Rorty Ever Been an Analytic Philosopher?]. *History of Philosophy*, 2018, vol. 23, no. 1, pp. 5–16.
- Dzhokhadze I. Relativist, pluralist, syncretist... Neobychnyi portret odnogo filosofa [Relativist, Pluralist, Syncretist... An Unusual Portrait of a Philosopher]. *Logos* (Russia), vol. 33, no. 2, pp. 201–219.
- Dzhokhadze I. *Sovremennyye amerikanskii pragmatizm* [Contemporary American Pragmatism], Moscow, Kanon Plus, 2023.
- Geuss R. Richard Rorty at Princeton University: Personal Recollection. *Arion: A Journal of Humanities and the Classics*, 2008, vol. 15, no. 3, pp. 85–100.
- Hacking I. *Istoricheskaya ontologiya* [Historical Ontology], Moscow, Kanon Plus, 2023.
- Loginov E. Pragmatizm i neopragmatizm: rekonstruktsiya ucheniya Dzh. D'ui u R. Rorti [Pragmatism and Neopragmatism: Reconstructing the Teachings of J. Dewey by R. Rorty]. *Voprosy Filosofii* [Problems of Philosophy], 2016, no. 2, pp. 192–203.

- Morris E. *Pepel'nitsa, ili Chelovek, kotoryi otritsal real'nost'* [The Ashtray: (Or the Man Who Denied Reality)], Moscow, Kanon Plus, 2023.
- Nikiforov A. *Otzyv na avtoreferat dissertatsii Tselishchevoi O. I. "Evoliutsiia kriticheskogo osmysleniia Richardom Rorti analiticheskoi filosofii", predstavlennoi na soiskanie uchenoi stepeni kandidata nauk po spetsial'nosti 09.00.03 — istoriia filosofii* [Review of the Abstract of the Dissertation by Tselishcheva O. I. "The Evolution of Richard Rorty's Critical Understanding of Analytical Philosophy" Submitted for the Degree of Candidate of Sciences in History of Philosophy (09.00.03)], Tomsk, National Research Tomsk State University, 2016. Available at: [http://ams.tsu.ru/TSU/QualificationDep/co-searchers.nsf/58CAC121CDA8C1F246257FCE00149EAA/\\$file/Целищева_О.И._Отзыв_А.Л.Никифорова_на_автореферат.pdf](http://ams.tsu.ru/TSU/QualificationDep/co-searchers.nsf/58CAC121CDA8C1F246257FCE00149EAA/$file/Целищева_О.И._Отзыв_А.Л.Никифорова_на_автореферат.pdf).
- Passmore J. *Sovremennye filosofy* [Recent Philosophers], Idea-Press, 2002.
- Rorty R. Derrida and the Philosophical Tradition. *Truth and Progress: Philosophical Papers*, Cambridge, UK, Cambridge University Press, 1998, vol. 3, pp. 327–350.
- Rorty R. *Filosofiia i zerkalo prirody* [Philosophy and the Mirror of Nature], Novosibirsk, Novosibirsk State University Press, 1997.
- Rorty R. Introduction. *Truth and Progress: Philosophical Papers*, Cambridge, UK, Cambridge University Press, 1998, vol. 3, pp. 1–18.
- Rorty R. *Sluchainost', ironiia i solidarnost'* [Contingency, Irony, and Solidarity], Moscow, Russian Phenomenological Society, 1997.
- Rorty R. Thomas Kuhn, Rocks, and the Laws of Physics. *Philosophy and Social Hopes*, London, Penguin Books, 1999.
- Tselishcheva O. *Richard Rorti: "marginal'nyi analiticheskii filosof"* [Richard Rorty: "Marginal Analytical Philosopher"], Moscow, Kanon Plus, ROOI "Reabilitatsiia", 2021.

Еще раз о философском синкретизме

Ответ Оксана Целищевой

ВСЕ-ТАКИ полезно иногда писать рецензии на работы коллег по цеху. Из ответов на критику можно узнать много интересного, пусть и не всегда приятного. Оксана Целищева открыла мне глаза на меня самого. Оказывается, «профессор Джоухадзе» претендует на роль «главного рортиведа» в России, пытается «монополизировать» эту область исследований (усматривая в каждом, кто осмеливается на нее посягнуть, опасного конкурента), а последняя его книга о прагматизме, лишенная какой-либо оригинальности, не тянет на серьезную монографию и является «нечитаемой» (скорее, видимо, *нечитабельной*). Кратко отвечу на эти и некоторые другие деликатно сформулированные коллегой замечания.

Во-первых, я не профессор, а всего лишь научный сотрудник без звания, и никаким «рортиведом», тем более главным, себя не считаю. Философия Ричарда Рорти для меня случайное увлечение (правда, затянувшееся на годы), которому я не придаю значения. Репутация знатока одного единственного философа никакому исследователю не покажется привлекательной.

Во-вторых, ни в книге 2023 года, ни в других более ранних моих работах нет даже намека на тезис (приписываемый мне Целищевой) о «чистоте» праматизма Рорти. Если в Америке конца XX века где-то и водились «истинные прагматисты», наш герой точно не принадлежал к их числу. Эпистемологический анархизм Рорти, его методофобия, утверждаю я в книге, *«отдаляют»* его от „аутентичного“ прагматизма Пирса, Джеймса и Дьюи»¹, а сфокусированность философа на лингвистической проблематике (лингвоцентризм) «очевидно расходится с интуициями как отцов-основателей прагматистской традиции, так и значительной части ее нынешних представителей»². Целищевой не нравится, что я «при-

1. Джоухадзе И. Д. Современный американский прагматизм. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2023. С. 70.

2. Там же. С. 192.

леплю» к Рорти «ярлык „настоящего прагматиста“». Почему она так решила? Разве я не пытаюсь везде показать, что его лингвистический прагматизм — скорее *не* «настоящий»?³

При всей декларируемой Рорти приверженности к прагматистской традиции он, по замечанию автора, «может быть одновременно релятивистом, плюралистом и даже синкретистом»; «„прагматизм“ является таким зонтичным термином, под которым скрывается много идей и даже направлений». Целищева, по-видимому, думает, что всего этого я не знаю. Чтобы развеять ее сомнения, приведу лишь одну цитату из нечитательной книги:

Американский прагматизм никогда не отличался строгим теоретическим или концептуальным единством. Ф. К. С. Шиллер не был далек от истины, когда заявил, что количество прагматизмов приблизительно совпадает с количеством прагматистов. <...> Смысл самого термина «прагматизм» (и определения «прагматический») «сегодня даже менее ясен, чем в конце XIX столетия», констатирует Р. А. Патнэм. Прагматистами называют себя реалисты и номиналисты, экзистенциальные и аналитические философы, рационалисты и «постмодернисты». <...> О современном прагматизме... точнее не скажешь, чем перефразируя Джеймса: *старое имя для новых* — и очень разных — способов рассуждения⁴.

Я не только не отрицаю, что Рорти как *прагматист* являлся также релятивистом и плюралистом, но прямо об этом пишу в работах, на которые Целищева ссылается в своем сардоническом комментарии. Эпистемологический анархизм, историцизм, культурный релятивизм, антирепрезентационизм, плюрализм и т. д. — суть разные грани, или аспекты, неопрагматизма Рорти. Но быть *одновременно* релятивистом, экуменистом, плюралистом, анархистом и синкретистом — не значит *переходить* от релятивизма к экуменизму, от экуменизма к плюрализму и т. д. Ведь Целищева не просто исследует философское творчество Рорти, но предлагает свою версию его интеллектуальной эволюции («от резкой кри-

3. Если уж на то пошло, «главным прагматистом нашего времени» Рорти называет Целищева, а не я (Целищева О. И. Ричард Рорти: «маргинальный аналитический философ». М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2021. С. 140).

4. Джохадзе И. Д. Указ. соч. С. 408–410. Подробнее об этом см.: Прагматизм и его история. Современные интерпретации / Отв. ред. И. Д. Джохадзе. М.: Академический проект, 2018.

тики до признания» аналитической философии, от прагматизма до синкретизма), и эта версия представляется мне крайне сомнительной. Достаточно сказать, что свои рассуждения об «анархизме/синкретизме» позднего Рорти (2004–2007) она иллюстрирует выдержками из его сочинений 1980–1990-х годов. Только очень самоуверенный и неразборчивый автор может позволить себе такие фокусы.

Целищева усматривает в моей критике (мотивированной, как она полагает, «отнюдь не научными соображениями») желание «ограничить рассмотрения творчества Рорти „более-менее точным и обоснованным“ мнением одного исследователя (в данном случае, Джохадзе)». Между тем, как сказано в рецензии на ее монографию, я склоняюсь, скорее, к мысли, что «*общепринятое* деление творчества Рорти на два периода — аналитический и прагматистский — является более-менее точным и обоснованным». Таким образом, признавая справедливым *communis opinio* западных и российских исследователей нового прагматизма, я *ограничиваю свое* рассмотрение творчества Рорти *мнением других* авторов, а не пытаюсь, наоборот, навязать свое «профессорское» суждение кому-то другому. В отличие от Целищевой и подобных ей сочинителей, ищущих «способы избегания примитивизма» и «одномерности», я не претендую на какой-то особый взгляд, стиль или метод. В умении соизмерять свои амбиции с возможностями нет ничего дурного. Это касается также и переводов. Чем «брюзжать» и цепляться к терминам, лучше бы взяли и перевели книгу Рорти сами, комментирует Целищева мое недовольство изданным в 1997 году в Новосибирске (и переизданным в 2023 году в Москве) русским текстом «Философии и зеркала природы»⁵. Нет, лучше никак не делать, чем делать плохо.

По мнению Целищевой, мною руководит не «внимание к содержанию переведенной книги или пассажа, а страсть к поиску ошибок (которые не меняют сути и легко поправимы)». В частности, я «имею претензию» к ее «терминологическим решениям» при переводе неологизмов и оборотов Хайдеггера. Коль скоро не существует, по мнению Целищевой, никаких устоявшихся переводов хайдеггеровской терминологии, каждый волен переводить как хочет. Здесь я вынужден возразить: заменить «сущее» в переводе *das Seiende* на «*бытия*» (слово «бытие» во множественном числе, в творительном падеже — «*бытиями*»), «бытие к смер-

5. Рорти Р. Философия и зеркало природы / Пер. с англ. В. В. Целищева. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1997.

ти» (*Sein zum Tode*) на «устремление к смерти», «онтоотеологию» (*Ontotheologie*) на «онтологическую теологию» — не значит предложить терминологическое решение. Это в лучшем случае неаккуратность. *Phenomenal world* — не «феноменологический мир», *a posteriori statements* — не «апериорные утверждения», *concepts such as “knowledge” or “morality or “mind”* — не «концепции типа знания, морали или ума» и т. д. «Смешно выглядит, когда Джохадзе поучает французов, как им произносить имя французского философа *Bouveresse*», — пишет Целищева и поясняет, что выбрала вариант «Буврайс» после консультаций с коллегами-франкофонами. Оказывается, все решает аутентичное произношение имен и фамилий, а мнение профессиональных редакторов, переводчиков и исследователей, говорящих и пишущих по-русски, не в счет. (Что-то подсказывает мне, что *Bouveresse* звучит по-французски иначе, но согласимся называть Бувреса Буврайсом.) Почему тогда Гегель у автора не становится Хегелем, Лейбниц — Лайбницем, Волин — Уолином? И как Целищева объяснит волшебное превращение Жака Буврайса на последних страницах книги в Жака Бувере⁶?

Казалось бы, аргументируя *contra* в ответ на критику, стремясь отстоять свое профессиональное реноме, автор должен с особой серьезностью и тщанием подходить к работе со словом — своим и чужим. Но Целищева и здесь демонстрирует поразительную небрежность. Вот как она цитирует, например, рассуждения Рорти о «постфилософии» Деррида и близких ему по духу мыслителей-номиналистов (да, *номинализм* — еще одна ипостась прагматизма *à la Rorty*):

Все философы 20 века... Дьюи, Хайдеггер, Хабермас, Фуко, Хакинг, Латур, Дэвидсон, Витгенштейн и Деррида⁷ — смотрятся как невольные участники в едином движении интеллектуальных историков...⁸

Все философы XX века (от Дьюи до Деррида) принадлежат, или кажутся принадлежащими, к «единому движению интеллектуальных историков»? Теперь сравните с оригиналом:

6. См.: Целищева О. И. Указ. соч. С. 326.

7. Опечатки в именах исправлены. — И. Д.

8. Rorty R. Derrida and the Philosophical Tradition // Idem. Truth and Progress. Philosophical Papers. Vol. 4 (корректно: Vol. 3. — И. Д.). Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 337–338.

All the twentieth-century philosophers I have mentioned — Dewey, Heidegger, Habermas, Foucault, Hacking, Latour, Davidson, Wittgenstein, and Derrida — will look like unconscious participants in a single movement to the intellectual historians of the end of the twenty-first century.

Излюбленный прием Рорти, — говорит Целищева, — сводить в одну «компанию» мыслителей, которых, на первый взгляд, мало что связывает друг с другом. Она убеждена:

Уж, конечно, эта особенность Рорти никак не относится к его «прагматизму», поскольку в таких компаниях достаточно всяких разных людей, которые по самым разным причинам симпатичны Рорти.

Позволю себе не согласиться. Эти люди (Дьюи, Хайдеггер, Хабермас и далее по списку) потому оказались в одной философской компании, что все они, да простит меня Целищева, *прагматисты* — явные или скрытые (как сказал бы К. Ранер, «анонимные»). Для них, поясняет Рорти в статье о Деррида, характерен своего рода «номиналистский, прагматистский»⁹ подход. Это те самые философы-«холисты»¹⁰ и «контекстуалисты»¹¹, о которых я упоминал в рецензии на книгу Целищевой¹², — мыслители, «рассказывающие истории» и придумывающие новые полезные «словари». Именно они (а не философы-аналитики, наследники Канта и Фреге¹³) — любимые авторы Рорти (*my favorite nominalists*¹⁴, *nominalistic pragmatists like me*¹⁵). «Для прагматиста, каким я являюсь, — здесь же отмечает Рорти, — нет ничего более важного, чем постановка вопросов типа «Что делать?» и поиск ответов на них¹⁶» (Дьюи, Хабермас, Латур и другие, в его понимании, занимались примерно этим). В третьем томе *Philosophical Papers*, откуда Целищева извлекла приведенную выше цитату, выражение «*мы, праг-*

9. Ibid. P. 339.

10. Ibid. P. 338.

11. Ibidem.

12. Дюжадзе И. Д. Релятивист, плюралист, синкретист... Необычный портрет одного философа // Логос. 2023. Т. 33. № 2. С. 208.

13. См.: Rorty R. Op. cit. P. 331. Ср.: Idem. Analytic and Conversational Philosophy // Idem. Philosophy as Cultural Politics. Philosophical Papers. Vol. 4. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 120–130, в особенности 123–124.

14. Idem. Derrida and the Philosophical Tradition. P. 340.

15. Ibid. P. 344.

16. Ibid. P. 329.

матисты» (употребляемое Рорти, между прочим, без всякой иронии или скепсиса) встречается 16 раз¹⁷.

Что еще нужно для того, чтобы Целищева увидела в Рорти прагматиста *по преимуществу*? Если собственные признания философа не убеждают, что может?

Целищева пишет:

В отличие от Джохадзе, я полагаю важнейшей темой переопределение Рорти самого себя, которое нашло отражение в эволюции его взглядов на суть философии, от «философии как разговора человечества» до «философии как культурной политики».

Джохадзе тут ни при чем. Говоря о философии как «голосе в разговоре человечества»¹⁸ (определение 1979 года) и философии как «культурной политике» (определение 2007 года), Рорти имел в виду, по сути, одно и то же (а именно такое понимание философии, которое он противопоставлял «трактовке ее как предмета, *Fach*»¹⁹). *Здесь* никакой эволюции не было.

Целищева обвиняет меня в некорректном цитировании отзыва на автореферат ее диссертации, автор которого рассуждает о «поверхностном эклектизме» философии в США, якобы подтверждаемом биографией Рорти с его хаотическими метаниями между разными интеллектуальными трендами и концепциями.

...Джохадзе прибегает в данном случае к прямой фальсификации, поскольку главное замечание «отзовиста» напрямую противоречит целям Джохадзе. Действительно, в приведенной цитате на месте пропуска, обозначенного многоточием, стоит фраза: «*Вот этот результат диссертации показался мне наиболее ценным*». Как бы ни мотивировал «отзовист» этот свой вердикт, он признает обоснованным плюрализм взглядов Рорти...

Целищева считает эту фразу «ключевой» в обсуждаемом отзыве, а мое избирательное цитирование — «неблаговидным приемом».

17. Рорти, конечно, ироник, но не настолько, чтобы всякий раз говоря *A* подразумевать *B*.

18. Чтобы не давать автору повода думать, что я опять «придираюсь», не буду здесь касаться вопроса о том, меняется ли смысл выражения «философия как голос в разговоре человечества» от удаления одного слова с предложением («голос в») и изменения падежа.

19. *Idem*. *Philosophy and the Mirror of Nature*. Princeton: Princeton University Press, 1979. P. 391. Подробнее см.: Романо К. Ричард Рорти и понятие *Fach* // 150 лет прагматизма. История и современность / Отв. ред. И. Д. Джохадзе. М.: Академический проект, 2019. С. 37–47.

Отчего же? Разве пропущенная фраза что-то меняет? Автор отзывает, само собой, хвалит диссертацию Целищевой, и как раз за то, что в ней показано (*для него* — убедительно), как Рорти «на протяжении жизни семь раз менял свои взгляды». Именно в этом он видит ценность работы, о которой судит по реферату. И именно такое представление о Рорти как философе «без стержня», вне всяких сомнений, сложится у читателей книги Целищевой, плохо знакомых с предметом исследования, — представление, которое я действительно считаю необоснованным и превратным. О какой же фальсификации речь?

В рецензии я указывал на фактические неточности в работе Целищевой. Например, там говорится, что в 1980–1990-е годы Рорти «не имел ни студентов, ни аспирантов». Я возразил, что такого не могло быть по определению. На это автор заметила, что я противоречу себе, и процитировала отрывок из статьи, опубликованной в 2018 году в журнале «История философии»:

К философскому «ремеслу» — преподаванию философии будущим профессиональным философам — Рорти (с 1998 года — профессор сравнительной литературы Стэнфордского университета) больше не возвращался, предпочитая этому занятию более приятное времяпрепровождение «в разъездах по живописным уголкам мира, с одной междисциплинарной конференции на другую»²⁰.

Разъясняя: здесь не сказано, что Рорти не имел студентов и аспирантов и не преподавал после Принстона. Разумеется, преподавал, но не *будущим профессиональным философам* — вот что важно. Именно эту возможность не быть «учителем философии для философов» он рассматривал как избавление от «ремесленничества», так тяготившего его в бытность профессором философского департамента. В 1982 году он покидает Принстонский университет и переходит на кафедру *гуманитаристики* Виргинского университета, а в 1998 году становится профессором *сравнительной литературы* Стэнфордского университета — и к философскому «ремеслу»²¹ больше не возвращается. В своей автобиографии он рассказывает об этом весьма подробно²².

20. Джохадзе И. Д. Был ли Рорти аналитическим философом // История философии. 2018. Т. 23. № 1. С. 12.

21. R. Rorty to G. Freund, March 22, 1982 // Gross N. Richard Rorty: The Making of an American Philosopher. Chicago: University of Chicago Press, 2008. P. 233.

22. См.: Rorty R. Intellectual Autobiography // The Philosophy of Richard Rorty / R. E. Auxier, L. E. Hahn (eds). Chicago; La Salle: Open Court, 2010. P. 3–24.

Кое в чем Целищева права: я не водил дружбу с Рорти и плохо ориентируюсь в обстоятельствах его личной жизни, не переписывался с ним в 1990–2000-е годы, не держал в руках его дневников (вел ли он их?), не листал истории болезни... Стыдно сказать, но в моей домашней библиотеке нет ни одного прижизненного издания Рорти с драгоценным автографом. Все сведения о философе и его биографии черпались мной из общедоступной литературы (как и в случае с Брэндомом и другими героями прагматистской «Гаврилиады»). Допускаю, что книга Целищевой является в этом отношении куда более «аутентичным» продуктом, чем все, что писалось о Рорти в России. Могу только порадоваться за автора, так глубоко погруженного в материал. К сожалению, не знаком я и с Михаилом Рыклиным (о котором Целищева невысокого мнения, ведь он «не причастен к спорам вокруг Рорти»). Какое имеет значение, что Рыклин когда-то работал в Институте философии РАН? Если я защищаю коллегу, то вовсе не из «корпоративной солидарности» и не потому, что его интервью с Ричардом Рорти печаталось в «Логосе». Все это не относится к сути дела, как и другие предположения обиженного на критику автора.

Целищева заключает:

Так почему же Ричард Рорти назвал себя «маргинальным аналитическим философом»? На этот, в общем-то самый важный для Джохадзе вопрос в полемике с моей книгой, он предпочел умолчать.

Молчать — значит не говорить, а в рецензии по вопросу, который ставит здесь автор и который она почему-то считает важным не только для себя, но и для меня, я высказался предельно ясно:

Называя себя философом «лишь маргинально „аналитическим“» (*the only marginally “analytical” kind*), Рорти, вопреки утверждению Целищевой, не делает никаких реверансов «в сторону естественных наук»²³ и сциентистского лобби американский философских департаментов, а напротив, подчеркивает свою *недостаточную*... научность и «аналитичность»²⁴.

Иными словами, он *дистанцируется* от мейнстримной аналитической философии с ее «картезианско-кантовской проблема-

23. Целищева О. И. Указ. соч. С. 187.

24. Джохадзе И. Д. Релятивист, плюралист, синкретист... С. 205.

тикой»²⁵ и ориентацией на науку²⁶, а не акцентирует собственную причастность к ней. Целищева преувеличивает значение этой фразы и ложно трактует ее.

Во-первых, она забывает, «сколь ироничен был Рорти в отношении себя самого», а здесь самоирония очевидна²⁷. Во-вторых, он высказывается скорее от имени Куна (глазами которого как бы пытается взглянуть на себя): «Кун восхищался учеными-физиками и сторонился философов вроде меня — лишь маргинально „аналитических“, с массой литературных пристрастий»²⁸ и интеллектуальных причуд. В-третьих, опущенные Целищевой в названии ее книги кавычки, которыми Рорти выделил слово «аналитический», прямо указывают на отношение философа к традиции, с которой ему не хотелось себя идентифицировать (закавычивая слово или определение, автор дает понять: оно не мое). В-четвертых, Рорти в этой статье 1999 года *вспоминает* о Куне и взаимоотношениях с ним в 1980–1990-е годы, когда, снискав репутацию «ренегата» и дисциплинарного «provokatora» благодаря своей первой книге, воспринятой профессиональной аудиторией как «манифест постаналитической философии»²⁹, он (Рорти) сделался маргиналом в академическом философском комьюнити (удивляться чему не приходится: всякому, кто считает, что «истина — пустое понятие», ясное дело, не место в приличном обществе).

Итак, реплика Рорти о маргинальных (*так сказать*, аналитических) философах — никакое не «чрезвычайно важное признание»³⁰, а всего лишь фигура речи, не заслуживающая того пристального внимания, какое ей уделяется в монографии Целищевой, риторический оборот, не прибавляющий ничего существенного к образу американского прагматиста.

Я не тешу себя надеждой, что мои разъяснения в какой-либо степени удовлетворят Целищеву. Кажется, она принадлежит к авторам, с которыми трудно вести содержательный диалог. От оце-

25. Rorty R. Intellectual Autobiography. P. 23.

26. См.: *Idem*. Analytic and Conversational Philosophy. P. 124.

27. Когда его спрашивали, практикует ли он аналитическую философию, Рорти отшучивался: «Только дважды в неделю, по вторникам и четвергам» (*Idem*. Intellectual Autobiography. P. 18).

28. Rorty R. Philosophy and Social Hope. Harmondsworth: Penguin Books, 1999. P. 187.

29. West C. Keeping Faith. N.Y.; L.: Routledge, 1993. P. 114.

30. Целищева О. Ричард Рорти: «маргинальный аналитический философ». С. 187.

нок ее манеры полемизировать я воздержусь. Если эта буря в стакане воды кого-то вообще интересует, пусть читатели сами рассудят, кто из нас больший «хейтер» и фантазер и кто заслуживает доверия как исследователь, занимающийся историей философии, а не ее профанацией.

Игорь Джохадзе

ЛОГОС_

ГДЕ КУПИТЬ

ОПТОВАЯ ТОРГОВЛЯ
И ОТПРАВКА ПОЧТОЙ

Издательский дом Высшей школы экономики,
Москва, ул. Вавилова, 7, (495) 772-95-90, доб. 15294, 15295,
15296, 15297, id@hse.ru

ИНТЕРНЕТ-
МАГАЗИНЫ

<http://www.labirint.ru/>
<http://www.ozon.ru/>

В ЭЛЕКТРОННОМ
ВИДЕ

<http://www.litres.ru/>
<https://www.eastview.com/>

МОСКВА

Фаланстер, Тверская ул., 17, (495) 749-57-21,
falanster@mail.ru

БукВышка, университетский книжный магазин ВШЭ,
ул. Мясницкая, 20, (495) 628-29-60, books@hse.ru

Циолковский, Пятницкий пер., 8, стр. 1, (495) 951-19-02,
primuzee@gmail.com

Пиотровский, ул. Малая Никитская 12 (495) 229-75-47,
piotrovskyskysk@gmail.com

Порядок слов в кинотеатре Иллюзион, Котельническая
наб., 1/15, (936) 242-45-41, poryadokslov@gmail.com

Порядок слов в Центре Гиляровского, Столешников пер., 9,
стр. 5, (936) 242-45-41, poryadokslov@gmail.com

Порядок слов в Театре на Бронной, ул. Малая Бронная, 4,
(936) 242-45-41, poryadokslov@gmail.com

У Кентавра в РГГУ, Миусская пл., 6, корп. 6, (495) 250-63-59,
kentavr@rggu.ru

Книжный в Клубе, Покровский бул., 6/20, стр. 1,
(916) 953-91-30, kvklube@gmail.com

Фламмеманн в Электротееатре Станиславский,
ул. Тверская, 23, sales@soyapress.com

Зотов.Вещь! в Центре Зотов, ул. Ходынская, 2, стр. 1,
(800) 350-86-20, shop@centrezotov.ru

Garage Bookshop, павильон Музея современного искусства
«Гараж», ул. Крымский Вал, 9, стр. 32 (Центральный парк
культуры и отдыха им. М. Горького), (495) 645-05-21

Киоски **Издательского дома «Дело»** в РАНХиГС,
пр-т Вернадского, 82, (499) 270-29-78, (495) 433-25-02
magazini@anx.ru

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ	Подписные издания, Литейный пр-т, 57, (812) 273-50-53, ivanovnovnov@gmail.com Все свободны, ул. Некрасова, 23, (911) 977-40-47, vsesvobodny@gmail.com Порядок слов, наб. р. Фонтанки, 15, (812) 310-50-36, poryadokslov@gmail.com Порядок слов на Ленфильме, Каменноостровский пр-т, 10, (921) 448-88-69, poryadokslov@gmail.com Garage Shop в Новой Голландии, наб. Адмиралтейского канала, 2А, (812) 207-12-71, nhshop@garagemca.org Дом университетской книги в СПбГУ, Университетская наб., 7-9-11, (812) 363-67-41, publishing@spbu.ru
НИЖНИЙ НОВГОРОД	кНижный Новгород, ул. Алексеевская, 2, (952) 762-63-69
ЕКАТЕРИНБУРГ	Пиотровский в Президентском центре Бориса Ельцина, ул. Бориса Ельцина, 3, (912) 485-79-35 Кофе, книги и другие измерения, Верхняя Пышма, Успенский проспект, 99, (912) 200-01-99, ssv@drugie-knigi.ru
ПЕРМЬ	Пиотровский, Независимый книжный магазин, ул. Ленина, 54, (342) 243-03-51, piotrovsky.book@gmail.com
КАЗАНЬ	Центр современной культуры «Смена», ул. Бурхана Шахиди, 7, (843) 249-50-23, smenaknigi@gmail.com
АРХАНГЕЛЬСК	Все свои, наб. Северной Двины, 93, корп. 1
ИРКУТСК	Переплет, ул. Марата, 11
ТЮМЕНЬ	Кофе, книги и другие измерения, ул. 8 Марта, 2, корп. 1, (3452) 61-38-77, nonfiction@drugie-knigi.ru
ВЛАДИВОСТОК	Игра слов, Партизанский пр., 44, (991) 069-35-52